Русская Старина
№ 11.
1885 г.

Центральная Рабочая
Библиотека-Читальня
Московскаго Совѣта
Профессіональныхъ Союзовъ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ шестнадцатый. НОЯБРЬ. 1885 годъ.

Книга на дом не выдается

СОДЕРЖАНІЕ.

I. **Тайная канцелярія въ царствованіе Петра I.** Очерки и разсказы по подлиннымъ дѣламъ. Гл. IX—X. Сообщ. Н. М. В. 221

II. **Густавъ IV и вел. княжна Александра Павловна** въ 1797 г. Матеріалы, касающіеся сватовства Густава IV. Сообщ. А. А. Чумиковъ 233

III. **Записки Александра Михайловича Тургенева,** 1772—1863 гг. Гл. XII—XVII. 247

IV. **Михаилъ Александровичъ Фонъ-Визинъ** въ воспоминаніяхъ М. Д. Францовой. 283

V. **Изъ исторіи желѣзно-дорожнаго дѣла въ Россіи.** Николаевская дорога въ 1842—1852 гг. Гл. IV—IX. Сообщ. А. И. Штукенбергъ 309

VI. **Кн. И. Ѳ. Паскевичъ:** его записка о польской смутѣ въ 1846 г. Сообщ. Ад. П. Берже. . . . 404

VII. **Гр. Ник. Ник. Муравьевъ-Амурскій.** Торговля на Кяхтѣ. Сообщ. Б. В. Струве 337

VIII. **Адмиралъ Н. Ѳ. Мѣтлинъ** †1884 г. Очеркъ. Сообщ. Н. Ридингеръ 359

IX. **По поводу Мееодіевскаго сборника.** Сообщ. Д. И. Иловайскій. 410

X. **В. А. Жуковскій:** его женитьба. 428

XI. **И. С. Тургеневъ:** четыре стихотворенія его, 1842—1844 гг. Сообщ. А. В. Смир—въ . . 420

XII. **Въ училищѣ Правовѣдѣнія,** 1847—1852 гг. Воспоминанія И. А. Тютчева. Гл. I—III. . . . 436

XIII. **Матеріалы и замѣтки:** А. П. Опочининъ (375). — Проектъ прот. Лятушевича (377).—Дѣло А. Ѳ. Лабзина (381). — Записка Александра I, 1824 г. (388).—Цесаревичъ Константинъ Павловичъ въ 1825 г. (388). — Прощеніе Кентара 1824 г. (392).—Письмо г. м. Головина, 1826 г. (394).—Полицейскій списокъ 93 лицъ, 1827 г. (396).—Объявленіе адмиралтейскаго музеума, 1829 г. (401).—Раевскій и кн. М. С. Воронцовъ въ 1828 г. (402).—Винф. Бухъ (432). — Поправка (431).

XIV. **Библіографическій листокъ.**

ПРИЛОЖЕНІЯ: I. Портретъ **Е. А. Жуковской,** жены поэта В. А. Жуковскаго, гравировалъ художн. И. И. Матюшинъ.—II. Снимокъ съ собственноручнаго письма и стихотворенія **М. Ю. Лермонтова.**

Открыта подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ изд. 1886 г.

Цѣна 9 руб. съ пересылкою.

Лица возобновившія подписку въ ноябрѣ *1885 г. на* «Русскую Старину» *изд.* 1886 *г. получатъ въ 1886 г. за* **одинъ** *руб.* **альбомъ портретовъ русскихъ дѣятелей,** *гравюры Паннемакера, Матюшина, Маттэ, Грачева и друг.*

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, д. № 78.

1885.

XI-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го ноября 1885 г.

Историко-статистическія свѣдѣнія о с.-петербургской епархіи. Изданіе спб. епархіальн. историко-статистич. комитета. Выпуски VIII, IX и X. Стр. 513 + 534 + 410 (+ 40 + 185). Спб. 1884–1885. Цѣна выпуску 2 р. сер.

X-мъ томомъ закончилось настоящее изданіе. Благодаря поднятому вопросу объ устройствѣ и приведеніи въ извѣстность архивныхъ матеріаловъ, не разъ поднимавшемуся и въ литературѣ, и на нашихъ археологическихъ съѣздахъ, а также начавшейся съ прошлаго царствованія усиленной разработкѣ этихъ матеріаловъ и большей доступности къ нимъ, въ послѣднія 20 лѣтъ въ разныхъ вѣдомствахъ и управленіяхъ шла болѣе или менѣе усиленная работа надъ описаніемъ и извлеченіемъ принадлежащихъ имъ архивовъ. Къ сожалѣнію, только нѣкоторыя изъ этихъ учрежденій ограничились однимъ, двумя томами подобныхъ описаній и изданій и затѣмъ совершенно замолкли. Но къ числу болѣе дѣятельныхъ вѣдомствъ принадлежало, между прочимъ, духовное, издавшее уже нѣсколько томовъ «Описанія синодальнаго архива» и «Собранія постановленій и распоряженій по духовному вѣдомству», извлеченныхъ въ значительной степени изъ архивовъ. Въ то же время началась и разработка мѣстныхъ консисторскихъ и церковныхъ архивовъ (петербургской, екатеринославской, астраханской, кам.-подольской и др. епархій). Къ числу болѣе выдающихся трудовъ этого рода принадлежитъ и названное нами выше изданіе. Какъ трудъ коллективный, онъ не отличается равномѣрностью, но по собраннымъ даннымъ, основаннымъ на архивахъ консисторіи и церковныхъ, на печатныхъ источникахъ, а также на массѣ весьма интересныхъ общеисторическихъ фактовъ (такъ какъ издатели въ связи съ церковною жизнію постоянно касаются и выдающихся общественныхъ явленій), онъ вполнѣ заслуживаетъ вниманія историка.

Что касается содержанія вышедшихъ томовъ, то въ нихъ излагаются: 1) исторія петербургской епархіи со времени перваго петербургскаго митрополита Гавріила (1770 года); 2) описаніе церквей, находящихся въ уѣздахъ: Петербургскомъ, Шлиссельбургскомъ, Царскосельскомъ, Новоладожскомъ, Лужскомъ, Петергофскомъ, Гдовскомъ, Ямбургскомъ; 3) дополнительныя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ петербургскихъ церквахъ. Въ заключеніе помѣщенъ очеркъ дѣятельности комитета, который хотя существовалъ издавна (1854 г.), но первый выпускъ настоящаго изданія появился только въ 1869 г., благодаря тогдашнему секретарю комитета, прот. Д. П. Флоринскому, издавшему первые шесть выпусковъ этого труда.

При послѣднемъ томѣ описанія приложены: карта петерб. епархіи и указатели: хромовыхъ праздниковъ и мѣстностей, къ которымъ относится описаніе; но можно весьма пожалѣть, что комитетъ не счелъ нужнымъ приложить указателя упоминаемыхъ въ немъ именъ, важнаго не для однѣхъ практическихъ, но и для историческихъ справокъ.

Разсказы изъ русской исторіи XVIII вѣка. Александра Барсукова. Спб. 1885. Стр. 284. Ц. 1 р.

Въ послѣднее время все чаще стали появляться сборники изслѣдованій и очерковъ, разсѣянныхъ въ разныхъ періодическихъ и ученыхъ изданіяхъ (по русской исторіи назовемъ: Д. И. Иловайскаго, С. М. Соловьева, И. Е. Забѣлина, М. И. Семевскаго, Карновича, Есипова и др.). Такой способъ изданія очерковъ и изслѣдованій, часто сдѣлавшихся уже библіографическою рѣдкостью, можно вполнѣ одобрить; они приносятъ двойную пользу: въ педагогическомъ отношеніи, облегчая возможность пользоваться ими для даннаго случая, и въ научномъ, напоминая о дѣятельности того или другаго изслѣдователя и внося въ нашу литературу иногда новыя данныя, вслѣдствіе переработки и дополненій прежняго матеріала. Во всякомъ случаѣ, въ нашей небогатой литературѣ изданіе подобныхъ сборниковъ вполнѣ желательно, а иногда представляетъ собою настоящій вкладъ. Къ числу подобныхъ пріятныхъ явленій можно отнести и вышедшіе надняхъ «Разсказы изъ русской исторіи» автора обширнаго изданія о родѣ Шереметевыхъ. Очерки эти составлены преимущественно по архивнымъ матеріаламъ и были первоначально

ЕЛИСАВЕТА АЛЕКСѢЕВНА ЖУКОВСКАЯ,

рожд. Рейтернъ,

СУПРУГА ПОЭТА В. А. ЖУКОВСКАГО.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

ТАЙНАЯ КАНЦЕЛЯРІЯ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ПЕТРА I.

Очерки и разсказы по подлиннымъ дѣламъ.

IX [1]).

2/8 12. 49 г.

Пузинъ, Муравлевскій и Бѣликовъ

1722—1723 гг.

Съ 1720 г. по 1722 г. содержался въ московской оружейной палатѣ посадскій человѣкъ города Болхова Степанъ Суворовъ, «который приличился по дѣлу воровской клейменой гербовой бумаги». Въ мартѣ 1722 г. Суворовъ отданъ былъ «ради св. Пасхи, на росписку», болховскому посадскому человѣку Ивану Пузину «съ товарищи въ статьѣ, что ему, Суворову, въ той оружейной палатѣ ставиться по вся дни». Суворовъ воспользовался этимъ случаемъ и изъ Москвы бѣжалъ. Такъ какъ вскорѣ послѣ этого Суворовъ потребованъ былъ отъ поручителей въ оружейную палату, то Пузинъ и началъ его разыскивать. Чрезъ нѣсколько времени онъ случайно узналъ отъ одного болховскаго жителя, что бѣглецъ спокойно проживаетъ на своей родинѣ, въ г. Болховѣ, у матери. Пузинъ отправился туда, и мать Суворова разсказала ему, что изъ Москвы привезъ къ ней ея сына посадскій человѣкъ города Карачева Андреянъ Муравлевскій, который пробылъ у нихъ недѣли съ двѣ; потомъ однажды Муравлевскій взялъ съ собою Суворова и оба куда-то ушли. Послѣ этого Суворовъ болѣе не при-

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1885 г., т. XLVII, августъ, стр. 185—208, сентябрь, стр. 347—364; т. XLVIII, октябрь, стр. 1—16.

ходилъ къ матери, онъ пропалъ безъ вѣсти. Выслушавъ все это, Пузинъ «пришелъ въ болховскую ратушу, для объявленія бурмистрамъ объ ономъ Муравлевскомъ, чтобъ его они, бурмистры, приказали поймать; и какъ онъ, Пузинъ, въ ту ратушу пришелъ, и онаго Муравлевскаго усмотрѣлъ въ той-же ратушѣ,—и онъ-де, Пузинъ, въ той ратушѣ его, Муравлевскаго, поймавъ, закричалъ, и привелъ его передъ бурмистровъ и объявилъ, что есть-де за нимъ, Муравлевскимъ, царственное важное дѣло, чтобъ его съ нимъ, Пузинымъ, сковать по ногу и отослать въ Москву, куда надлежитъ». Бурмистры такъ и сдѣлали, хотя и не тотчасъ-же: почти черезъ мѣсяцъ, когда Суворовъ за городомъ найденъ былъ убитымъ, Пузина съ Муравлевскимъ, скованными, отправили въ московскій магистратъ, который препроводилъ ихъ въ оружейную палату.

Между тѣмъ, отъ матери Суворова поступило въ эту палату прошеніе, въ которомъ она заявила, что подозрѣваетъ Муравлевскаго въ убійствѣ своего сына. Палата отослала Пузина въ мануфактуръ-коллегію, такъ какъ она завѣдывала въ это время гербовой бумагой, а слѣдовательно и преступленіями по поддѣлкѣ этой бумаги; Муравлевскій-же оставленъ былъ при палатѣ и содержался подъ карауломъ.

Пробывъ здѣсь нѣсколько мѣсяцевъ, Муравлевскій пожелалъ исповѣдаться, и спросилъ священника. Священникъ церкви похвалы Богородицы, что на потѣшномъ дворѣ, Гаврило Ѳедоровъ пришолъ къ Муравлевскому и исповѣдалъ его. Послѣ этой исповѣди Ѳедоровъ отправился въ прав. сенатъ и просилъ, чтобы его отослали въ тайную канцелярію. Здѣсь попъ Ѳедоровъ заявилъ, что колодникъ оружейной палаты Андреянъ Муравлевскій на исповѣди ему, между прочимъ, сказалъ: «отецъ, объяви-де ты въ прав. сенатѣ обо мнѣ, что есть за мною важное е. и. в. великое дѣло, за которое-де дѣло и ты, отецъ, будешь отъ е. и. в. награжденъ; а какое важное великое дѣло е. и. в., того онъ, Андреянъ, ему, попу, не объявилъ, понеже онъ попъ, его, Андреяна, о томъ не спрашивалъ».

Муравлевскаго вытребовали въ тайную канцелярію. На допросѣ онъ разсказалъ о томъ, какъ въ ратушѣ города Болхова Пузинъ «кричалъ и сказывалъ, что есть за нимъ, Андреяномъ, царственное важное дѣло»,—какъ ихъ обоихъ отправили въ московскій магистратъ и оружейную палату, въ которой просидѣлъ онъ, Муравлевскій, подъ карауломъ съ іюня мѣсяца по 6 число ноября, и тутъ объявилъ на исповѣди за собою «царственное важное дѣло. И за такимъ-де задержаніемъ онъ, Андреянъ, то царственное дѣло на исповѣди помянутому отцу своему духовному попу Гаврилу и показалъ, и приказалъ объявить въ правит. сенатѣ, чтобъ ему, Андреяну, отъ того ихъ

Центральная Рабочая Библиотека-Читальня Совета Профессиональных Союзов

задержанія напрасно не умереть; а что-де онъ означенному отцу своему духовному говорилъ, что за которое-де дѣло и ты, отецъ, будешь отъ его и. в. награжденъ, и тѣ слова онъ, Андреянъ, говорилъ ему, попу, въ такую силу, что ежели-де вышеписанный болховитинъ Иванъ Пузинъ будетъ сысканъ, и что какое дѣло покажетъ право, то-де можетъ быть, что за оное его, попово, объявленіе будетъ ему, попу, и награжденіе. Только-де онъ, Андреянъ, за собою и ни за кѣмъ его и. в. важнаго слова и дѣла не знаетъ».

Вслѣдствіе этого показанія тайная канцелярія сдѣлала запросъ магистрату и оружейной палатѣ, на какомъ основаніи они не отправили немедленно Пузина съ Муравлевскимъ въ тайную канцелярію или въ преображенскій приказъ; при этомъ предписывалось прислать Пузина въ канцелярію «въ самой скорости».

Въ своемъ отвѣтѣ магистратъ и палата прописали все то, что намъ уже извѣстно о Пузинѣ и Муравлевскомъ, въ заключеніи же говорится, что хотя Пузинъ и объявилъ за Муравлевскимъ «не малое е. и. в. дѣло»,—но это дѣло заключается «въ увозѣ съ Москвы и въ утайкѣ Суворова. И оный-де Пузинъ и Муравлевскій въ тайную канцелярію не отосланы того ради, что оный Пузинъ показалъ о поддѣлкѣ клеемъ гербовой бумаги».

Тайная канцелярія опредѣлила: «Карачевцу посадскому человѣку Андреяну Муравлезскому учинить наказанье, вмѣсто кнута, бить батоги нещадно, для того онъ, Муравлевскій, на исповѣди отцу своему духовному сказалъ, чтобъ онъ объявилъ о немъ въ правит. сенатѣ, что-де есть за нимъ важное его и. в. дѣло, за которое дѣло и онъ, отецъ, будетъ награжденъ отъ его и. в., а въ тайной канцеляріи онъ, Муравлевскій, разспросомъ показалъ, что за нимъ, Муравлевскимъ, его и. в. важнаго великаго дѣла нѣтъ, и ни за кѣмъ не вѣдаетъ; а царственное-де важное дѣло показалъ онъ для того, что есть за нимъ, Андреяномъ, царственное важное дѣло, и присланы-де они, Муравлевскій и Пузинъ, въ Москву въ магистратъ. А по справкѣ съ магистратомъ до нихъ, Муравлевскаго и Пузина, явилось дѣло о гербовой бумагѣ, чего ради и отосланы они въ оружейную палату; а онъ, Муравлевскій, то дѣло скрылъ, а показалъ на исповѣди отцу своему духовному лукавно, яко-бы есть за нимъ, Муравлевскимъ, важное его и. в. великое дѣло, за что будто и оный отецъ его духовный получитъ награжденіе; а означенное дѣло не великой важности, но партикулярное, т. е. розыскное о гербовой бумагѣ, и о таковыхъ дѣлахъ обыкновенно слѣдуется въ тѣхъ канцеляріяхъ, гдѣ такое дѣло въ вѣдомствѣ быть приличествуетъ. А онъ, Муравлевскій, на исповѣди скрытно и лукаво о немъ объявилъ, повидимому, не для важности того дѣла,

Журнальный фонд Московской обл. библиотеки

но какъ бы ему изъ задержанія свободу получить. Того ради оное наказанье ему и учинить, понеже о свободѣ своей долженъ былъ просить судей оружейной палаты, а буде-бы они, судьи, оное его прошеніе презрѣли, то надлежало ему подать доношеніе генералу-рекстмейстеру, а не такъ лукавно ему вымышлять, какъ выше сего показано, и по учиненіи того наказанья, отослать его въ оружейную палату къ слѣдованію о помянутомъ дѣлѣ попрежнему».

Теперь дошла очередь до Пузина. Надобно замѣтить, что еще въ то время, какъ Пузинъ съ Муравлевскимъ содержались въ ратушѣ города Болхова, «онъ, Пузинъ, говорилъ при свидѣтеляхъ, что болховскій посадскій человѣкъ Петръ Бѣликовъ, сидя въ Болховѣ въ ратушѣ, сказалъ, что-де есть за нимъ е. и. в. слово и дѣло». Тогда же бурмистры потребовали отъ Бѣликова объясненія, которое въ видѣ доношенія и было имъ представлено. А въ доношеніи этомъ написано: «по многія-де времена въ невѣдѣніи своемъ и въ безпамятствѣ упивается онъ виномъ, и помрачимъ бываетъ умомъ, и въ помраченіи ума за людьми ганивался съ ножемъ наголо, и въ домѣ двери и замки ломалъ, и многажды въ зимнее время, выгнавъ на морозъ изъ избы жену и дѣтей своихъ босыхъ, ночевалъ одинъ, и людей зубами кусывалъ,—и города-де Болхова обыватели о такомъ его изумленіи многіе вѣдаютъ; и присмотря-де его изумленнаго жена его и болховскіе посадскіе люди просили того города Оптина монастыря архимандрита Лаврентія съ братіею, чтобъ его, Бѣликова, пока возвратится въ совершенный умъ, держать подъ началомъ, и по той-де ихъ просьбѣ въ томъ монастырѣ держанъ онъ въ чепи и въ желѣзахъ двѣ недѣли; и когда-де онъ возвратился къ постоянному уму, и оный-де архимандритъ велѣлъ его освободить, и отпущенъ былъ въ домъ свой; а что-де онъ, Пузинъ, сказывалъ, будто онъ, Бѣликовъ, какъ-де держанъ былъ въ ратушѣ, сказывалъ за собою и. в. слово и дѣло, и за нимъ-де, Бѣликовымъ, е. и. в. слова и дѣла никакого нѣтъ и напередъ сего не бывало и ни за кѣмъ не вѣдаетъ».

О всѣхъ этихъ обстоятельствахъ чрезъ магистратъ было доведено до свѣдѣнія тайной канцеляріи, и послѣдняя опредѣлила: «послать въ Болховъ указъ, велѣть сыскать тамошними обывателями: суще-ли онъ, Бѣликовъ, въ такомъ безуміи бываетъ, и означенныя слова говорилъ онъ въ такомъ ли безуміи, или въ трезвомъ умѣ,—и тотъ сыскъ прислать въ тайную канцелярію».

Между тѣмъ въ канцеляріи Пузина стали допрашивать. Относительно Муравлевскаго Пузинъ показалъ, что за нимъ никакого другаго государева дѣла не знаетъ, кромѣ того, что онъ, Муравлевскій, сманилъ съ собою изъ Москвы Суворова, за котораго онъ, Пузинъ,

поручился передъ оружейною палатой, и при этомъ передалъ всѣ уже намъ извѣстныя обстоятельства этого событія. А о Бѣликовѣ говорилъ, что онъ «означенное его п. в. слово и дѣло за собою сказывалъ въ самомъ цѣломъ своемъ умѣ; понеже-де безумія за нимъ онъ, Пузинъ, никакого не знаетъ, и ни отъ кого не слыхалъ. И въ то-де время былъ онъ, Бѣликовъ, не пьянъ; а что-де онъ, Бѣликовъ, подалъ въ оной своей винѣ доношеніе, что будто онъ тѣ слова сказалъ въ пьянствѣ, и въ помраченіи ума своего, и то-де знатно дружа и наровя ему, Бѣликову, болховскіе бурмистры, а именно: Афанасій Бѣлоусовъ, Терентій Постѣевъ, которые ему, Бѣликову, свойственники, согласясь съ нимъ, Бѣликовымъ, то доношеніе велѣли ему, Бѣликову, подать, будто онъ безуменъ, чтобъ ему то къ винѣ не причлось».

Въ декабрѣ 1722 г. тайная канцелярія опредѣлила: «выписанному болховитину Ивану Пузину учинить наказанье, вмѣсто кнута, бить батоги нещадно, для того, что, будучи онъ въ Болховѣ въ ратушѣ, сказывалъ за карачевцомъ Андреяномъ Муравлевскимъ его п. в. царственное важное дѣло; а по слѣдствованію въ тайной канцеляріи то дѣло явилось не государственное, но партикулярное розыскное; того ради оное наказанье ему учинить, а по учиненьи того наказанья отослать его попрежнему, при промеморіи, въ главный магистратъ, понеже изъ магистрата въ тайную канцелярію показано, что до него, Пузина, касаются другія важныя дѣла».

Въ февралѣ 1723 г. присланъ былъ изъ Болхова о Бѣликовѣ «сыскъ, за руками духовнаго и мірскаго всякихъ чиновъ людей». Сыскъ этотъ подтвердилъ вышеприведенное признаніе Бѣликова, поданное ратушскимъ бурмистромъ. Такъ, напримѣръ, архимандритъ болховскаго Троицкаго Оптина монастыря Лаврентій съ никвизиторомъ и девятью монахами того монастыря засвидѣтельствовали, что «въ прошломъ-де 1722 году въ іюлѣ мѣсяцѣ означенный Бѣликовъ, по просьбѣ жены его и болховскаго посадскаго человѣка Сидора Боркова, за пьянство и за многое его безчинство въ томъ ихъ монастырѣ держался подъ началомъ въ хлѣбнѣ недѣли съ двѣ и больше, да и напередъ того, при прежнемъ архимандритѣ Сергіи, въ томъ ихъ монастырѣ державался онъ, и во время Божественной службы, какъ приваживали его, Бѣликова, въ церковь на цѣпи, и онъ-де, Бѣликовъ, крикивалъ на архимандрита неистовыя слова, и по ономъ-де его изумленіи, по просьбѣ жены его и посадскаго человѣка Боркова, служили надъ нимъ молебное пѣніе, и какъ-де отъ косненія ума позналъ онъ истину и, по приказу архимандрита, отпущенъ онъ, Бѣликовъ, попрежнему въ домъ свой; а послѣ-де того держанія въ домѣ своемъ или въ другихъ мѣстахъ онъ, Бѣликовъ, что чинилъ-ли, того они не

вѣдаютъ». Другіе показали, что Бѣликовъ «безпрестанно упивается виномъ и помрачнмъ бываетъ умомъ, и кричитъ необычно и бросается на людей, и кусаетъ зубами, и бранитъ скверными словами, а временно и съ ножемъ гоняется».

Бѣликовъ освобожденъ былъ отъ всякой отвѣтственности, потому что, «хотя бы онъ, Бѣликовъ, и сущее слово и дѣло за собою пьяный сказалъ, но для безумія его за истину онаго принять невозможно».

X.

Крестьянинъ Жогинъ и помѣщикъ Вешняковъ

1723 г.

Въ селѣ Сергіевскомъ, Московскаго уѣзда, принадлежащемъ стольнику Андрею Вешнякову, проживалъ крестьянинъ Григорій Жогинъ. Около 1710 г., по случаю набора, Жогинъ отданъ былъ своимъ помѣщикомъ въ рекруты и отправленъ въ Москву, въ Помѣстный приказъ. Отсюда онъ бѣжалъ и въ теченіи слишкомъ девятп лѣтъ скитался по разнымъ мѣстамъ Россіи: посѣтилъ Тверь, Нижній и Астрахань; нанимался въ работники «строить новоманерные струги», сказываясь «государевымъ человѣкомъ». «И потомъ,—разсказывалъ Жогинъ, какъ состоялся е. и. в. милосердый указъ, назадъ тому 3-й годъ, что велѣно бѣглымъ всѣмъ явиться, и онъ, Жогинъ, явился въ канцеляріи на потѣшномъ дворѣ; и изъ той де канцеляріи данъ ему отъ службы свободный указъ, по которому велѣно ему въ означенной помѣщика его, Вешнякова, вотчинѣ жить попрежнему; и онъ-де, Вешняковъ, велѣлъ ему жить съ меньшимъ его, Жогина, братомъ,—а изъ отцовскаго изъ пожитку надѣла никакого ему, Жогину, не далъ,—и онъ-де, Жогинъ, о томъ ему, Вешнякову, билъ челомъ многажды, и онъ-де за то его бивалъ, и штрафныя деньги, которыя онъ, Жогинъ, у него, Вешнякова, на платежъ штрафу занялъ, на немъ, Жогинѣ, доправилъ, а именно—взялъ денегъ два рубля, да телицу, да полторы четверти муки, и тѣмъ-де раззорилъ его въ конецъ». Кромѣ того помѣщикъ приказалъ Жогину поправить крышу на домѣ за 3 р.; а такъ какъ онъ не могъ выполнить этой работы за такую сумму и не имѣлъ денегъ, чтобы нанять другихъ людей, то и отправился въ Москву

на заработки. «И онъ, Вешняковъ, послѣ него жену его, Жогина, посадилъ на цѣпь и ноги сковалъ, и держалъ многое время, и морилъ голодною смертью». И послѣ-де того задумалъ онъ, Жогинъ, чтобъ объявить п. в. на него, Вешнякова, и на жену его, и на сына, е. в-ва слово».

Во время проживанія въ Москвѣ Жогинъ шелъ однажды мимо церкви Троицы, что на рву, «и у той-де церкви стоялъ невѣдомо какой человѣкъ, и тотъ-де человѣкъ просилъ у него, Жогина,— нѣтъ ли-де у тебя какого письма писать? И онъ-де, Жогинъ, ему сказалъ, что надобно-де мнѣ написать письмо; и тотъ-де человѣкъ съ словъ его сталъ ему то письмо писать,—а въ томъ-де письмѣ сказалъ ему онъ, Жогинъ, написать словъ не много, а именно въ томъ письмѣ написано было тако: въ прошломъ-де 1720 г., въ октябрѣ мѣсяцѣ, какъ онъ, Жогинъ, явился на потѣшномъ дворѣ, и съ того двора шелъ съ нимъ стряпчій Матвѣй Ивановъ на кружало подъ пушки пить, и какъ-де они были противъ столба, гдѣ посаженъ на колъ Глѣбовъ и прочихъ головы поставлены, сталъ ему оный стряпчій говорить: вотъ-де и нашъ господинъ (Вешняковъ) такъ-де такъ увертѣлся, я-де пострадалъ не мало—тому, да другому за него билъ челомъ, а честь мнѣ отъ него не больно велика; какъ-де почало царственное дѣло искаться и я-де почалъ боярынѣ (женѣ Вешнякова) говорить: какъ-де, Настасья Семеновна,—нѣтъ ли у васъ въ домѣ писемъ какихъ или платья, и боярыня-де про письма сказала: есть-де такія письма да въ Ростовѣ лежатъ въ сундукѣ; и онъ-де стряпчій молвилъ: какъ-де съ ними быть? и боярыня-де молвила: я-де и сама не знаю какъ быть, и онъ-де стряпчій молвилъ: развѣ-де въ Ростовъ мнѣ ѣхать? И поѣхалъ-де онъ, стряпчій, въ Ростовъ, и въ Ростовѣ сталъ на постояломъ дворѣ. Изъ двора-де помѣщика его, гдѣ онъ въ Ростовѣ стоялъ, сошелъ человѣкъ его, Ѳедоръ Лопата, и онъ-де, стряпчій, ему, Ѳедору, молвилъ: нѣтъ ли-де у боярина гостей? И онъ-де, Ѳедоръ, сказалъ, что есть гости, и онъ-де стряпчій молвилъ: чтобъ-де онъ, боринъ, гостей у себя ни часу не держалъ; и какъ-де гости съѣхали, и онъ-де, стряпчій, сталъ ему, боярину, говорить: нѣтъ ли-де у тебя какихъ писемъ? И боринъ-де сказалъ, что есть-де,—и мы-де съ нимъ, бояриномъ, придумали тѣ письма въ печи сжечь, и сожгли; а какія тѣ письма, того онъ, стряпчій, ему, Жогину, не сказывалъ. И послѣ сожженія тѣхъ писемъ онъ, стряпчій, ему, боярину, молвилъ: нѣтъ ли-де у архіерея какихъ писемъ? (а у котораго-де архіерея, того онъ, стряпчій, не молвилъ); и боринъ-де ему, стряпчему, молвилъ: развѣ-де вдвое моего есть, и боринъ-де въ Ростовѣ къ архіерею на подворье ѣздилъ,—и взяли его, архіерея, къ Москвѣ, а на третій-де день и боярина взяли

къ Москвѣ-жъ. А кромѣ-де тѣхъ словъ въ письмѣ ничего не было написано. И то-де письмо онъ, Жогинъ, хотѣлъ подать п. в., а не подалъ, что не получилъ времени, и въ 1722 г. усмотря его, Жогина, вышепомянутый Вешнякова стряпчій взялъ его и привелъ въ надворный судъ къ разспросу въ побѣгѣ отъ него, Вешнякова».

Здѣсь, содержась въ числѣ колодниковъ, Жогинъ «закричалъ, чтобъ его взять за караулъ: есть-де до него дѣло е. п. в.,—и тотъ крестьянинъ Жогинъ сказалъ, чтобъ взять письмо у колодника Огаркова, которое и взято, а въ немъ явствуетъ о царственномъ великомъ дѣлѣ, которое касается до Андрея Вешнякова, и до жены его, и до сына, и до людей». За всѣми этими лицами посланъ былъ изъ надворнаго суда «нотаріусъ съ солдаты». Когда они были представлены въ судъ, то ихъ, вмѣстѣ съ Жогинымъ, стряпчимъ Матвѣемъ Ивановымъ и колодникомъ Огарковымъ, препроводили въ тайную канцелярію.

Здѣсь прежде всѣхъ спрошенъ былъ Жогинъ. Разсказавъ все, что передано нами выше, Жогинъ продолжалъ, что въ 1721 г. крестьянинъ Вешнякова Дмитрій Боровиковъ передавалъ ему слѣдующее: «назадъ-де тому лѣтъ съ десять ѣздилъ онъ, Дмитрій, съ боярынею своею изъ Ростова въ Суздаль, въ монастырь, въ которомъ была бывшая царица; и изъ того-де монастыря взяли сундукъ съ платьемъ, а не знамо съ какимъ... Да въ прошломъ-де 1720 г. помѣщикъ его, Жогина, Андрей Вешняковъ, будучи въ Москвѣ въ домѣ своемъ, билъ сына своего Ивана палкою и шпиками, за то, что онъ, Иванъ, былъ съ нимъ, отцемъ, въ гостяхъ у дьяка Палехина и напился пьянъ, при которомъ бою онъ, Иванъ, кричалъ караулъ и государево слово и дѣло и говорилъ отцу своему: я-де тебѣ безъ государева вѣдома 50 ударовъ дамъ, и про то-де вѣдаютъ всѣ дому его, Вешнякова, люди—мужескъ и женскъ полъ; и онъ-де, Жогинъ, слышалъ о тѣхъ словахъ самъ, для того, что въ то время онъ, Иванъ, отъ бою его, отцова, выбѣжалъ на дворъ и кричалъ то слово и дѣло». Къ этому своему показанію Жогинъ прибавилъ, что, при возвращеніи Вешнякова съ сыномъ изъ гостей отъ Палехина, съ ними былъ слуга ихъ Борисъ Козелъ, и въ время, какъ «Иванъ, сидя въ коляскѣ, кричалъ государево слово и дѣло, и для того онъ, Козелъ, съ козловъ скочилъ, и потомъ уже опять сѣлъ, какъ онъ, Иванъ, кричать пересталъ; а въ домѣ-де онъ, Иванъ, кричалъ то дѣло и слово вторично».

Прежде, чѣмъ приступить къ допросу другихъ лицъ, опредѣлено было Жогина «въ пополненіе допросить: почему онъ вѣдаетъ, что Борисъ Козелъ съ козелъ скочилъ и опять сѣлъ» [1]).

---

[1]) Отвѣтилъ ли какъ нибудь на этотъ вопросъ Жогинъ—изъ дѣла не видно.

Стряпчій Вешнякова, Матвѣй Ивановъ Бартеневъ, показалъ, что, дѣйствительно, онъ говорилъ Жогину о томъ, какъ онъ, Бартеневъ, спрашивалъ въ Москвѣ свою помѣщицу, нѣтъ-ли у нея въ домѣ какихъ писемъ отъ Авраама Лопухина, на что Вешнякова отвѣчала отрицательно, прибавивъ, что такія письма есть у мужа въ Ростовѣ. Пріѣхавъ въ этотъ городъ, Бартеневъ предложилъ тотъ же вопросъ и помѣщику Вешнякову, который отвѣчалъ утвердительно.

«И въ то время—разсказывалъ стряпчій,—пошелъ онъ, помѣщикъ, къ бывшему архіерею Ростовскому и пришелъ въ домъ свой и сказывалъ ему, Бартеневу: архіерей-де тужитъ, что писемъ у него много, а какія письма—того онъ, помѣщикъ, ему не сказалъ; и отпустилъ его, стряпчаго, въ Москву. И какъ-де онъ пріѣхалъ на Ростовское озеро, и на дорогѣ-де наѣхалъ его, Бартенева, офицеръ съ солдаты и везъ съ собою бывшаго ростовскаго архіерея въ Москву, а послѣ-де того, спустя недѣлю, взяли въ Москву и помѣщика его и отвезли на генеральный дворъ». Наконецъ, Бартеневъ сознался и въ томъ, что онъ говорилъ Жогину объ избавленіи Вешнякова отъ смерти, «и то-де онъ говорилъ спроста, для того, что иныхъ виповныхъ, до которыхъ въ то время дѣла касались, казнили, а помѣщика-де его только били батожьемъ, а за какую вину, того онъ не вѣдаетъ, и мыслилъ-де онъ, что по тому дѣлу надъ нимъ, помѣщикомъ, милосердіе показано, а чтобы-де онъ, помѣщикъ, повиненъ былъ смерти, и такого-де дѣла за нимъ онъ не знаетъ».

Крестьянинъ Дмитрій Боровиковъ показалъ, что никогда, ни о чемъ не говорилъ съ Жогинымъ, въ Покровскій Суздальскій монастырь не ѣздилъ и какого-то сундука «съ платьемъ не бирывалъ».

Прочія лица, на которыхъ сослался въ своемъ показаніи Жогинъ, всѣ, большею частію дворовые люди Вешнякова, отозвались незнаніемъ о тѣхъ обстоятельствахъ, о которыхъ заявлялъ Жогинъ. Они подтвердили только тотъ фактъ, что помѣщикъ ихъ «за пьянство сына своего Ивана плетью, тростью и по щекамъ бивалъ, и за волосы дралъ, а чтобъ онъ, Иванъ, крпчалъ за собою государево слово, того они не вѣдаютъ».

Служащій при надворномъ судѣ Сергѣй Огарковъ разсказалъ, что, во время пребыванія подъ стражей въ этомъ судѣ, Жогинъ передалъ ему какое-то письмо, которое онъ, Огарковъ, хранилъ у себя около трехъ сутокъ и потомъ отдалъ его капралу, присланному за нимъ отъ судей.

Помѣщикъ Андрей Вешняковъ показалъ [1]), что въ 1718 г. пріі-

[1]) Упоминаемыя въ показаніи Вешнякова обстоятельства, касающіяся жены и сына его, подтвердились показаніями этихъ двухъ лицъ.

ѣзжалъ къ нему стрянчій Бартеневъ и спрашивалъ, нѣтъ ли у него какихъ писемъ отъ Авр. Лопухина, на что онъ, Вешняковъ, отвѣчалъ, «что бывали-де у него его, Авраамовы, письма о деревенскихъ нуждахъ, а не о важныхъ дѣлахъ». Одни изъ этихъ писемъ Вешняковъ отдавалъ своимъ прикащикамъ, а другія «подъячимъ, у которыхъ до деревень Лопухина дѣла касались», иныя же «просто въ домѣ его валялись, понеже къ храненію тѣхъ писемъ нужды ему никакой не было».

— «И того-де числа, какъ означенный его человѣкъ пріѣхалъ, — разсказывалъ далѣе Вешняковъ, — къ бывшему ростовскому епископу, растригѣ Демиду, онъ, Вешняковъ, ходилъ.... И какъ-де онъ у него, епископа, былъ и въ разговорахъ говорилъ ему, что пріѣхалъ-де къ нему, Андрею, съ Москвы человѣкъ его и говорилъ ему: нѣтъ-ли де у него, Авр. Лопухина, писемъ? И я-де ему сказалъ, что есть-де у меня письма о деревенскихъ нуждахъ; и онъ-де, епископъ, вздохнувъ, молвилъ: у меня-де есть Авр. Лопухина писемъ и много, да чтожъ-де дѣлать,—воля-де Божія. И потомъ-де онъ, Андрей, отъ него, епископа, пошелъ въ домъ свой, и пришедъ, по тѣмъ его епископовымъ словамъ говорилъ онъ означенному человѣку своему Бартеневу, что оный епископъ тужитъ, что у него писемъ много; и на другой день онаго человѣка онъ, Андрей, отпустилъ къ Москвѣ. А потомъ-де на третьей недѣлѣ великаго поста, во вторникъ и его, Андрея, взяли и привезли къ Москвѣ на съѣзжій дворъ, въ мѣщанскую слободу... А въ прошлыхъ-де 1706 и 1707 годахъ онъ, Андрей, вѣдалъ въ Суздалѣ монастырскія вотчины, и въ то-де время къ бывшей царицѣ монахинѣ Еленѣ ходилъ онъ временно, для отдачи ей денегъ, опредѣленныхъ по указу изъ монастырскаго приказа, — также и въ господскіе праздники, и въ тезоименитство п. в.; а ходилъ-де онъ не одинъ, но при другихъ персонахъ; также и жена его, Андреева, къ ней, бывшей царицѣ, ходила-жъ, — о чемъ-де онъ и прежде сего на генеральномъ дворѣ въ разспросѣ сказалъ имянно и ничего-де онъ въ томъ разспросѣ не утаплъ». Затѣмъ Вешняковъ передалъ, что бывшая царица была кумою сына его и по этому случаю подарила женѣ «тѣлогрѣю камчатую»; крещеніе совершалось при посредствѣ попа Антипы и повивальной бабки, въ кельѣ бывшей царицы, «а какъ-то крещеніе было и при томъ изъ другихъ персонъ кто былъ-ли или нѣтъ, того онъ, Вешняковъ, не знаетъ; тѣлогрѣю же или камкою она, бывшая царица, подарила жену какимъ образомъ, того онъ сказать не упомнитъ. А что де онъ, Вешняковъ, къ бывшей царицѣ монахинѣ ходилъ, и за то-де по слѣдованію на генеральномъ дворѣ въ 1718 г. учинено ему было наказанье—битъ батоги, и въ 1722 г. по

милосердому е. п. в. указу, каковъ состоялся для вѣчнаго мира съ короною шведскою о всѣхъ виновныхъ, означенная вина, по челобитью его, Андрееву, въ сенатѣ ему отпущена и въ подозрѣніи оставить его не вѣлено». Относительно же того обстоятельства, что Вешняковъ билъ своего сына Ивана за пьянство, и что послѣдній кричалъ въ это время государево слово, то онъ сознался, что, дѣйствительно, ѣхавши домой изъ гостей отъ дьяка Палехина, билъ своего сына по лицу до крови, «и онъ-де, Иванъ, говорилъ ему, Андрею, что-де ты изволишь по лицу меня бить; мнѣ-де завтра въ канцелярію ѣхать,— тамъ-де за мною государево дѣло, и мнѣ-де показаться будетъ съ разбитою рожею невозможно. И какъ-де въ домъ свой онъ, Андрей, пріѣхалъ, то еще его, Ивана, сталъ бить тростью по лицу, и за волосы драть; и онъ-де, Иванъ, говорилъ передъ нимъ невѣжливо тѣ-жъ вышеписанныя слова; и по утру-де, какъ онъ проспался, онъ, Андрей, за тѣ его, Ивановы, невѣжливыя слова и за пьянство билъ его въ хоромахъ плетьми.—А при тѣхъ-де всѣхъ побояхъ онъ, Иванъ, государева слова и дѣла не говаривалъ, и караулъ не кричалъ, и такихъ словъ: я-де тебѣ безъ государева вѣдома дамъ 50 ударовъ—не говаривалъ». Въ заключеніе своего объясненія Вешняковъ добавилъ, что Жогинъ взвелъ на него съ семействомъ напраслину, «хотя отбыть отъ него крестьянства, да и для того: по приговору въ надворномъ судѣ за два его побѣга и за кражу велѣно ему учинить наказанье, и учиня, отдать ему въ крестьянство; и онъ-де, Жогинъ, за тѣмъ уже приговоромъ, вышеписанное напрасное оклеветаніе на него, Андрея, на жену его и на сына показалъ, хотя отбыть какъ крестьянства, такъ и наказанія».

Дѣйствительно, вскорѣ послѣ допроса Жогинъ повинился, что онъ «вышеозначенное все на помѣщика своего, и на жену его, и на сына, и на стряпчева Бартенева, и на людей поклепалъ напрасно отъ болѣзни своей, понеже въ ту его бытность, какъ онъ сидѣлъ въ надворномъ судѣ, также-де и какъ взятъ въ тайную канцелярію, была на немъ жестокая горячка и что говорилъ—не помнитъ».

Канцелярія тайныхъ дѣлъ 13 іюня 1723 г. опредѣлила: «Андреева крестьянина Вешнякова Григорія Жогина, о которомъ изъ московскаго надворнаго суда въ допошеніи показано, что онъ, Жогинъ, противъ челобитья его, Вешнякова, виннлся въ двухъ побѣгахъ и въ кражѣ лошади, за что ему опредѣлено въ томъ судѣ учинить наказанье и отдать помѣщику въ крестьянство попрежнему, а не учинено затѣмъ, что онъ, Жогинъ, отбывая того наказанія, сказалъ за собою е. п. в. дѣло и показалъ на вышеписаннаго Андрея и на сына его Ивана Вешняковыхъ объявленныя въ присланныхъ выпискахъ при-

чины, а видимо, что затѣялъ напрасно изъ злости, и прежде сего о вышеписанномъ онъ не доносилъ, а сталъ доносить спустя многое время, а по слѣдованію того не явилось, и за тотъ его ложный извѣтъ учинить ему, Жогину, наказанье—бить кнутомъ въ Москвѣ нещадно и послать на каторгу на 5 лѣтъ, чтобъ впредь другимъ чинить такъ было не повадно». Всѣ же лица, оговоренныя Жогинымъ, были освобождены.

Въ то время, какъ Жогинъ выведенъ былъ на площадь для наказанія, онъ опять сказалъ за собою государево дѣло, вслѣдствіе чего вторично приведенъ былъ въ тайную канцелярію и «спрашиванъ: что онъ то государево дѣло знаетъ изъ трехъ ли пунктовъ?» Дѣло оказалось не столь важное. Изъ показаній Жогина и Вешнякова выяснилось, что въ 1701 г., по предписанію монастырскаго приказа, Вешняковъ былъ въ Устюгѣ Великомъ «для переписи монастырей и для сбору денегъ». Здѣсь купилъ онъ часовой старый станокъ, починилъ его, привезъ въ подмосковскую свою вотчину—Сергіевское, и поставилъ его съ часами на колокольню. Вотъ и все дѣло.

Жогину дано 50 ударовъ кнутомъ.

Н. М. В.

ГУСТАВЪ IV И ВЕЛИКАЯ КНЯЖНА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВНА

въ 1797 г.

Матеріалы, касающіеся сватовства короля Густава IV.

(Изъ шведскихъ источниковъ) [1]).

1) О позднѣйшихъ переговорахъ о бракосочетаніи короля Густава IV Адольфа съ великой княжной Александрой Павловной.

2) О томъ, что, по достиженіи совершеннолѣтія Густава Адольфа и его вступленіи въ управленіе, было сдѣлано по вышесказанному дѣлу,— мнѣнія, представленныя въ совѣтъ государственнымъ канцлеромъ Спарре и изложенныя въ нижеслѣдующихъ двухъ докладахъ.

1) Всеподданнѣйшій докладъ.

Въ январѣ 1797 г.

Мнѣ кажется, что искренность и прямодушіе объясненій, которыя соблаговолили дать императоръ и императрица касательно религіознаго вопроса, дѣлаютъ его болѣе вопросомъ совѣсти, какъ ихъ соб-

---

[1]) Въ „Русской Старинѣ“ изд. 1874 г., томъ IX, стр. 277—300; 473—510, были напечатаны весьма интересные матеріалы о сватовствѣ Густава IV за вел. княж. Александру Павловну, въ царствованіе Екатерины II. Извѣстно, что этотъ эпизодъ—своимъ неудачнымъ исходомъ—имѣлъ роковое вліяніе на самую жизнь великой государыни. При ея преемникѣ переписка по поводу того же сватовства возобновилась, и хотя вновь не привела къ желаемому результату, но она имѣетъ, неоспоримо, историческій интересъ и значеніе. За сообщеніе шведскихъ документовъ къ этой перепискѣ (въ переводѣ) приносимъ искреннюю признательность А. А. Чумикову. Ред.

ственной, такъ и молодой великой княжны, нежели покровомъ, подъ которымъ скрывается un orgueil de courtone [1]).

Откровенный характеръ императора, при той теплой дружбѣ, которую онъ повидимому питаетъ къ вашему королевскому величеству, полагаю, требуетъ равной откровенности также съ нашей стороны.

Если возможно успокоить его совѣсть и вполнѣ убѣдить и удовлетворить его, то, кажется, болѣе ничего не должно было бы останавливать окончательное рѣшеніе какъ его самого, такъ и его супруги— не медлить ни минуты долѣе для скрѣпленія союза между двумя сердцами, союза, въ которомъ главную роль играетъ взаимное счастіе и который будетъ содѣйствовать возникновенію и укрѣпленію на продолжительнѣйшее время благоденствія двухъ націй.

Такъ какъ религіозный вопросъ, повидимому, единственное препятствіе, за которое зацѣпляется это важное обстоятельство, то, чтобы уговориться съ августѣйшими родителями, слѣдуетъ дѣйствовать такими мѣрами, которыя соотвѣтствовали бы ихъ личному характеру, отличительною чертою котораго служитъ въ одинаковой степени нѣжность, искреннее, честное желаніе и добросовѣстность. Имѣя это въ виду, казалось бы, можно было изслѣдовать правовую сторону вопроса при свѣтѣ одного здраваго смысла и что рѣшеніе, полученное этимъ путемъ, будетъ несомнѣнно самое вѣрное, ибо соединитъ въ себѣ какъ истинные интересы государей и ихъ народовъ, такъ и будетъ соотвѣтствовать началамъ государственнаго права.

Отъ императора, какъ отъ государя просвѣщеннаго и уважающаго законъ, не можетъ ускользнуть обстоятельство—какъ важно сохранить чувство любви и преданности подданныхъ къ ихъ законному правительству. Но народная любовь исчезаетъ, по мѣрѣ того какъ закрадывается подозрѣніе, что члены королевскаго дома не принадлежатъ къ одной и той же религіи. Простой шведскій народъ, издавна отличающійся своей любовью къ королю, навѣрное не помирится съ мыслью видѣть въ своей землѣ королеву, которую, при всемъ къ ней уваженіи, можно заподозрѣть въ томъ, что она въ дѣлѣ вѣры придерживается не одинакого съ нимъ образа мыслей. Народъ непремѣнно потребуетъ, чтобы, водворившись въ его странѣ, она отреклась отъ убѣжденій, которыя не согласны съ его собственными, и онъ навѣрно забудетъ принять во вниманіе, что королева его, проведя свою юность въ странѣ, гдѣ господствуютъ иныя убѣжденія, основательность кото-

---

[1]) Высокомѣріе державы. Шведскій текстъ отличается устарѣвшими оборотами рѣчи и изобилуетъ французскими фразами, часто не переводимыми.
А. Ч.

рыхъ она въ томъ возрастѣ, когда покидала свое отечество, не въ состояніи была обсудить и испытать на опытѣ.

Народная любовь и уваженіе къ ея персонѣ должны такимъ образомъ истлѣть и, наконецъ, погаснуть, по мѣрѣ того какъ увеличатся опасеніе и подозрѣніе, что она современемъ можетъ повліять на убѣжденія любящаго ее супруга и легко совратить его. Наиболѣе многочисленный низшій классъ народа, наименѣе образованный, какъ повсюду, руководствуется предразсудками, отъ которыхъ освободиться сразу не дозволяетъ ему его невѣжество. Когда возникаетъ въ умахъ броженіе, то является множество недобрыхъ и злонамѣренныхъ людей, которые находятъ удовольствіе раздувать огонь и пользуются случаемъ сбивать съ толку другихъ. Слѣпую толпу, конечно, можно извинить, но исторія полна примѣрами подобнаго народнаго сумасбродства. Положимъ, что молодая великая княжна, достаточно разсудительная и осторожная, найдетъ средство держаться середины, но простой народъ истолкуетъ эти средства въ дурную сторону и даже запятнаетъ ихъ непавистнымъ словомъ и насмѣшкой надъ святыней. Этотъ компромиссъ въ дѣлахъ вѣры можетъ раздражить толпу еще гораздо болѣе, чѣмъ допущеніе открытаго и свободнаго отправленія ея (в. к.) собственнаго богослуженія. Супруга царя Петра, императрица Екатерина, вступившая послѣ него на престолъ, рождена и воспитана была въ лютеранской вѣрѣ. Большая часть принцессъ, которыя вступили послѣ нея въ русское императорское семейство, были также лютеранки; всѣ онѣ клялись исповѣдывать лютеранскую вѣру, и не смотря на то, для сохраненія мира и покоя въ государствѣ и исполненія своихъ новыхъ обязанностей, пожертвовали своимъ обязательствомъ. Спокойствіе ихъ совѣсти ни мало этимъ не нарушалось. Въ этомъ отношеніи всегда въ императорскомъ домѣ царствовали миръ, любовь и безмятежность и то-же самое можно вполнѣ примѣнить также къ шведскому королевскому дому. Недавно въ бозѣ почившая императрица (Екатерина II), равно какъ и блаженной памяти родитель вашего величества Густавъ III признали въ своихъ государствахъ свободу вѣроисповѣданія или такъ называемую свободу совѣсти (tolérance) [1]).

Итакъ, первый наитруднѣйшій шагъ уже сдѣланъ. Не должны ли ихъ августѣйшіе преемники и сыновья идти далѣе и превзойти ихъ въ дѣлѣ воспитанія народа, тѣмъ паче, что они начали свое царствованіе въ тотъ вѣкъ, когда просвѣщенному и возвышенному уму пред-

[1]) При существованіи этой свободы совѣсти шведы требовали однако-жь, чтобы будущая королева отреклась отъ вѣры своихъ отцевъ! А. Ч.

ставляется возможность идти рука объ руку съ истинной вѣрой и страхомъ Божіимъ. Не впервые сѣверу просвѣщать міръ, на сѣверѣ сіяетъ полярная звѣзда и къ сѣверному же полюсу обращена стрѣлка компаса.

Если-бы теперь оба правительства заявили другъ другу, что хотя религіозный вопросъ нѣкоторое время и представлялъ затрудненіе для желаннаго брачнаго союза, долженствующаго соединить обѣ вѣтви Гольштинскаго дома, но что при ближайшемъ изслѣдованіи этихъ затрудненій обѣими сторонами признано, что вся рознь въ христіанскихъ религіяхъ происходитъ отъ человѣческихъ страстей и невѣжества, въ самомъ же главномъ эти религіи между собою совершенно согласны, затѣмъ, что на всѣ вѣроученія, вмѣстѣ взятыя, слѣдуетъ смотрѣть какъ на одну и ту-же христіанскую вѣру, господствующую въ цѣлой Европѣ,—и потому оба государя и согласились между собой, наконецъ, что на будущее время, при заключеніи брачныхъ союзовъ между шведской и русской вѣтвями Гольштинскаго дома, принцессы обязаны принимать религію той страны, куда онѣ выдаются замужъ, и что на это не слѣдуетъ смотрѣть какъ на перемѣну вѣроисповѣданія, то вслѣдствіе такого соглашенія принцессы могли бы служить орудіемъ для сближенія обоихъ народовъ, такъ какъ устраненіе соперничества между религіями способствуетъ къ укрѣпленію мира и спокойствія, какъ въ собственномъ государствѣ, такъ и остальныхъ частяхъ свѣта. Слѣдовало бы всѣмъ просвѣщеннымъ и знающимъ людямъ всѣхъ странъ усвоить себѣ таковые принципы и цѣли, и чтобы въ то же время всѣ народы ихъ провозгласили и держались. И это такъ было бы, если бы только нашлись государи, которые дали возможность распространиться этимъ принципамъ. Такими государями могли бы быть король Швеціи и Павелъ, первый этого имени изъ державшихъ россійскій скипетръ. Оба государя могли бы смѣло сказать: если наши предшественники имѣли власть разъединять народъ, исповѣдующій различную вѣру, то тѣмъ болѣе имѣемъ мы право соединить народъ вновь узами единомыслія.

Ежели русскій государь предъявлялъ свои требованія, руководимый до сихъ поръ только убѣжденіемъ своей совѣсти и, основываясь на принципахъ, позволилъ представить замѣчанія на нѣкоторыя статьи основныхъ законовъ Швеціи, которые были сообщены для свѣдѣнія его въ Бозѣ почившей матери, то эти замѣчанія не трудно опровергнуть немногими словами, но, кажется, еще болѣе необходимо исправить тѣ заблужденія совѣсти, которыя обнаружилъ онъ и его супруга въ разговорахъ съ генераломъ Клингспоромъ [1]), разговорахъ проник-

[1]) Шведскій посланникъ при русскомъ дворѣ. А. Ч.

путыхъ тономъ добросовѣстности (ton consciencieux). Въ такомъ же тонѣ осмѣлюсь всеподданнѣйше предложить дать имъ отвѣтъ. Чтобы совершенно убѣдить ихъ и сдѣлать все, что возможно для успокоенія ихъ совѣсти, встревоженной представленіемъ опасности отъ перемѣны религіи, о клятвопреступленіи и т. п., необходимо, не смотря на наше нежеланіе, войти въ нѣкоторыя подробности.

Если съ русской стороны искренность относительно приведенныхъ религіозныхъ препятствій была нелицемѣрна, то вашему королевскому величеству надлежитъ отвѣчать подобною же искренностію и тогда въ результатѣ окажется пріобрѣтенное и усвоенное убѣжденіе въ ея основательности; въ противномъ же случаѣ въ состояніи раздраженія вопросъ будетъ безотлагательно рѣшенъ. Если же, противъ всякаго ожиданія, ссылка августѣйшихъ родителей на partie religieuse приведена лишь съ цѣлью лучше скрыть la partie politique (политическую сторону вопроса), въ которой можетъ быть скрывается или заключается поползновеніе на пріобрѣтеніе préeminence de couronne (преимущество державы), чего всегда напрасно будутъ добиваться, если желаютъ выставить это преимущество, такъ могутъ въ проектированной декларации найти лучшее средство оградить l'honneur des deux couronnes какъ съ одной, такъ и съ другой стороны, даже въ такомъ случаѣ, если бы изъ этой декларации пожелали выпустить приведенные мотивы, которые могутъ обнаружить религіозное разномысліе въ такое время, когда еще не вездѣ у народа исчезли религіозные предразсудки, почему въ упомянутую декларацію и вошли одни лишь обязательства относительно совершенной взаимности, въ случаѣ какая-либо шведская принцесса сдѣлается членомъ, войдетъ въ императорское русское семейство или русская въ королевское шведское семейство.

24812

2) Pro-memoria.

(3 мая 1797).

Когда дѣло объ августѣйшемъ бракѣ, къ сожалѣнію, получило такую огласку въ обоихъ государствахъ и всѣмъ сдѣлалось извѣстно заявленіе государей, по которому бракъ можетъ не иначе состояться какъ подъ тѣмъ условіемъ, чтобы великая княжна, по настоянію одной стороны, удержала греческое вѣроисповѣданіе, а другой,—еще съ большимъ правомъ, чтобы она приняла и исповѣдывала лютеранскій законъ, то, не смотря на то, что оба августѣйшіе монарха были проникнуты желаніемъ, чтобы бракъ состоялся ради благополучія своихъ народовъ, а также для радости и обоюдной пользы соб-

отвѣта относительно предложеннаго свиданія, однако же въ разговорѣ съ генераломъ Клингспоромъ объявилъ, что не можетъ на него согласиться, потому что, по его мнѣнію, это свиданіе не приведетъ ни къ какому результату,—заявленіе, которое, скорѣе всего должно полагать, онъ проронилъ при его извѣстной вспыльчивости и нетерпѣніи, полагая, что питаемое имъ желаніе не можетъ быть осуществлено и окончательно рѣшено передъ его отъѣздомъ въ Москву. При всемъ томъ какъ императрица, такъ и графъ Безбородко, а равно и то лице, которое пользуется большимъ кредитомъ у императора и въ своихъ дѣйствіяхъ руководствуется его мыслями, дали генералу Клингспору явственно понять, что и по его отбытіи въ Швецію ему ничего не препятствуетъ поддерживать переписку и сношенія съ послѣднимъ лицемъ, хотя и не въ качествѣ оффиціальнаго, но только частнаго лица.

Изъ этого можно усмотрѣть, что въ Россіи еще заботятся не выпускать изъ рукъ нить (le fil de négociation) переговоровъ, которыми столь интересуются оба двора и государства, и какой бы слабой ни казалась эта нить, она, полагаю, можетъ легко и безъ большаго труда быть скоро укрѣплена (удвоена), если только позаботиться, чтобы она внезапно и совершенно не порвалась, чего, какъ ваше королевское величество, безъ сомнѣнія, сами изволите усмотрѣть, въ виду множества вѣскихъ обстоятельствъ отнюдь не слѣдуетъ допускать.

Можетъ статься, при настоящемъ положеніи дѣла, въ тайнѣ желали, чтобы генералъ Клингспоръ лучше возвратился ко двору вашего в — ва, чѣмъ чтобы онъ не участвовалъ въ поѣздкѣ въ Москву. Но будучи приближенъ къ персонѣ вашего величества и наглядно изучивъ Россію, онъ, посредствомъ устныхъ сообщеній о всѣхъ обстоятельствахъ дѣла, могъ принести пользу и не имѣя своего прежняго дипломатическаго характера. Конечно, не безъ цѣли дано ему было позволеніе писать; этимъ, по всему вѣроятію, желали оставить за собой желанный выходъ (porte de sortie), горя нетерпѣніемъ, наконецъ, устранить всѣ затрудненія и упорство, которыя, къ сожалѣнію, испытали въ желанномъ дѣлѣ,—если только встрѣтятъ со стороны вашего величества соотвѣтствующее благорасположеніе. Нѣкоторыя выраженія послѣдняго письма императрицы всегда возбуждали во мнѣ мысль, что они употреблены лишь съ тою цѣлію, чтобы посредствомъ нѣкоторыхъ termes compassés comme il faut (сдержанныхъ, какъ слѣдуетъ уравновѣшенныхъ выраженій) спасти дѣло и имѣть возможность согласить обоюдныя претензіи, отстоять ихъ, не затрогивая ихъ щекотливыхъ сторонъ.

Повидимому, русскій дворъ, дѣйствуя въ духѣ соглашенія и съ

отвѣта относительно предложеннаго свиданія, однако же въ разговорѣ съ генераломъ Клингспоромъ объявилъ, что не можетъ на него согласиться, потому что, по его мнѣнію, это свиданіе не приведетъ ни къ какому результату,—заявленіе, которое, скорѣе всего должно полагать, онъ произнесъ при его извѣстной вспыльчивости и нетерпѣніи, полагая, что питаемое имъ желаніе не можетъ быть осуществлено и окончательно рѣшено передъ его отъѣздомъ въ Москву. При всемъ томъ какъ императрица, такъ и графъ Безбородко, а равно и то лице, которое пользуется большимъ кредитомъ у императора и въ своихъ дѣйствіяхъ руководствуется его мыслями, дали генералу Клингспору явственно понять, что и по его отбытіи въ Швецію ему ничего не препятствуетъ поддерживать переписку и сношенія съ послѣднимъ лицемъ, хотя и не въ качествѣ оффиціальнаго, но только частнаго лица.

Изъ этого можно усмотрѣть, что въ Россіи еще заботятся не выпускать изъ рукъ нить (le fil de négociation) переговоровъ, которыми столь интересуются оба двора и государства, и какой бы слабой ни казалась эта нить, она, полагаю, можетъ легко и безъ большаго труда быть скоро укрѣплена (удвоена), если только позаботиться, чтобы она внезапно и совершенно не порвалась, чего, какъ ваше королевское величество, безъ сомнѣнія, сами изволите усмотрѣть, въ виду множества вѣскихъ обстоятельствъ отнюдь не слѣдуетъ допускать.

Можетъ статься, при настоящемъ положеніи дѣла, въ тайнѣ желали, чтобы генералъ Клингспоръ лучше возвратился ко двору вашего в — ва, чѣмъ чтобы онъ не участвовалъ въ поѣздкѣ въ Москву. Но будучи приближенъ къ персонѣ вашего величества и наглядно изучивъ Россію, онъ, посредствомъ устныхъ сообщеній о всѣхъ обстоятельствахъ дѣла, могъ принести пользу и не имѣя своего прежняго дипломатическаго характера. Конечно, не безъ цѣли дано ему было позволеніе писать; этимъ, по всему вѣроятію, желали оставить за собой желанный выходъ (porte de sortie), горя нетерпѣніемъ, наконецъ, устранить всѣ затрудненія и упорство, которыя, къ сожалѣнію, испытали въ желанномъ дѣлѣ,—если только встрѣтятъ со стороны вашего величества соотвѣтствующее благорасположеніе. Нѣкоторыя выраженія послѣдняго письма императрицы всегда возбуждали во мнѣ мысль, что они употреблены лишь съ тою цѣлію, чтобы посредствомъ нѣкоторыхъ termes compassés comme il faut (сдержанныхъ, какъ слѣдуетъ уравновѣшенныхъ выраженій) спасти дѣло и имѣть возможность согласить обоюдныя претензіи, отстоять ихъ, не затрогивая ихъ щекотливыхъ сторонъ.

Повидимому, русскій дворъ, дѣйствуя въ духѣ соглашенія и съ

цѣлью найти средній путь (mezzo termino), уже сдѣлалъ первый шагъ въ письмѣ императрицы (Екатерины II), въ которомъ хотя и не положительно, но въ ясныхъ словахъ было выражено: «великая княжна, пожалуй, можетъ сдѣлаться лютеранкой», хотя она сама и ея супругъ въ виду того, что вся Россія знала о той важности (éclat), какую покойная императрица (Елизавета Петровна) придавала этому вопросу, не могли сохранить своей религіи. Но такъ какъ нынѣшняя императрица, мать великой княжны, вмѣстѣ съ своимъ супругомъ вполнѣ согласны относительно содержанія этого письма, то смыслъ (le sens) онаго, какъ скоро онъ окажется яснымъ, долженъ удовлетворять болѣе, чѣмъ самыя выраженія. Вотъ на основаніи этого смысла и надлежало бы позаботиться какъ объ удовлетвореніи національныхъ требованій, такъ и о томъ, чтобъ монархи обѣихъ націй, пришедъ къ соглашенію, остались другъ другомъ довольны.

Ежели императрица писала, что ея дочь могла бы исполнять всѣ тѣ лютеранскіе религіозные обряды, которые не подвергаютъ сомнѣнію (doute ou louche) ея собственное вѣроисповѣданіе, то казалось бы, что это обѣщаніе содержитъ въ себѣ молчаливое согласіе (tacite aveu) на то, чтобы великая княжна, подобно лютеранкѣ, могла исполнять всѣ тѣ обряды, обычаи и церемоніи лютеранскаго вѣроисповѣданія, которые также находятся въ употребленіи въ ея собственномъ вѣроисповѣданіи; во всемъ же остальномъ поступать по своему желанію и предоставляется ей имѣть свою небольшую подвижную капеллу (portativa kapell) [1]), которая можетъ помѣщаться въ ея внутреннихъ покояхъ. Первая часть этого предложенія согласна съ условіемъ, поставленнымъ вашимъ величествомъ, съ условіемъ, отъ котораго нельзя отступить, а съ удержаніемъ его уничтожается, какъ нѣчто призрачное (illusoire), вся остальная часть предложенія, содержащая обѣщаніе вашего величества [2]). Ибо если за упомянутымъ предложеніемъ должно естественно послѣдовать, въ такихъ же выраженіяхъ, какъ сдѣланная императрицей уступка, соотвѣтственное обѣщаніе вашего величества, то, кажется, можно быть увѣреннымъ, что русскій дворъ удовлетворится этимъ проектомъ и приметъ его.

Ибо въ общемъ его содержаніи нашелъ императоръ именно то, чего онъ долженъ былъ искать, т. е. убѣжденіе, что въ словѣ капелла

---

[1]) Трудно рѣшить, что разумѣется подъ шведскимъ словомъ kapell—домовая ли церковь или только молельня.

[2]) Изъ этого можно заключить, что при первоначальныхъ переговорахъ о бракѣ король былъ согласенъ, чтобы великая княжна имѣла свою домашнюю церковь. А. Ч.

заключается именно то, чего онъ такъ горячо желалъ и что касательно ненарушимости вѣры своего народа онъ выказалъ заботу не менѣе своей покойной матери. Содержаніемъ этого предложенія, сдѣланнаго вашимъ величествомъ, оградили ваше величество какъ свою совѣсть, такъ и законъ, а равно и то, что предписывается религіей и честью, между тѣмъ какъ при иномъ содержаніи могло возникнуть съ одной стороны желаніе предписать то, что съ другой не могло быть съ полнымъ правомъ отвергнуто.

Но самыя выраженія предложенія должны прежде всего быть кратки и общи; указавъ на принципы, слѣдуетъ строго избѣгать всякихъ подробностей и не касаться частностей, которыми обѣимъ сторонамъ легко можно было бы увлечься и снова зацѣпить другъ друга. Можетъ статься все это именно и входило въ планы русскаго двора, какъ желанный выходъ (issue), какъ лучшее средство отдѣлаться отъ всего.

Мнѣ остается, съ всемилостивѣйшаго позволенія, подробнѣе объяснить весь ходъ дѣла и постараться доказать, что ваше величество, принявъ вышеприведенныя концессіи (уступки) августѣйшихъ родителей, ясно выраженныя въ собственномъ письмѣ императрицы, въ такомъ смыслѣ (sens), какъ я имѣлъ честь всеподданнѣйше предложить, и которому ихъ императорскія величества по справедливости не могли бы противорѣчить, достигли бы съ своей стороны всего того, что вашимъ величествомъ имѣлось въ виду: дѣйствовать сообразно предписаніямъ законовъ и религіи.

Чему лютеранинъ прежде всего обязанъ слѣдовать и что должны мы исполнять въ продолженіе всей нашей жизни соотвѣтственно съ нашей религіей? Мы слушаемъ божественное слово, мы поемъ Богу хвалу, мы ходимъ къ св. причастію съ крѣпкой вѣрой, что, ради нашего спасенія, мы вкушаемъ истинное тѣло и кровь Его Сына, мы гласно въ церкви исповѣдуемъ наши грѣхи, хотя, для успокоенія совѣсти, допускается, смотря по желанію, также тайная и одиночная исповѣдь.

Въ этомъ состоятъ всѣ наши внѣшнія обязанности и главнѣйшіе обряды; но точно также поступаютъ послѣдователи греческаго закона по отношенію ко всѣмъ поименованнымъ тремъ частямъ. И такъ какъ съ той стороны именно желаютъ, чтобы великая княжна исполняла обряды, принятые и исполняемые какъ въ томъ, такъ и въ другомъ законѣ, то значитъ, что она будетъ наблюдать то же, что и мы, вѣровать съ нами въ одно и то-же, однимъ словомъ превратится въ лютеранку. Но какъ согласовать съ нашимъ вѣроученіемъ допущеніе въ ея внутреннихъ покояхъ хотя только подвижной частной капеллы,

дозволеніемъ ей молиться въ ней отдѣльно отъ всѣхъ, что не совсѣмъ согласно съ нашимъ ученіемъ о спасеніи души? Какъ примирить съ нашей вѣрой подобную уступку? На это, по моему мнѣнію, можно дать такой отвѣтъ: хотя слово «капелла» и непріятно звучитъ въ нашихъ ушахъ и можетъ возбудить подозрѣніе, но, взвѣсивъ то, что великой княжнѣ останется совершать въ такъ называемой капеллѣ, мы легко можемъ убѣдиться, что de facto всѣ уступки и обѣщанія относительно сего, какъ мы уже сказали, не что иное, какъ одна иллюзія.

Всѣ ея дѣйствія въ этой капеллѣ ограничатся тѣмъ, что она можетъ въ ней молиться какому-либо святому. Иныхъ религіозныхъ актовъ сверхъ тѣхъ, въ которыхъ участвовала она сообща съ лютеранами и согласно ихъ обрядамъ, она въ ней совершать не можетъ. Къ этому почитанію (vénération) (святыхъ), а не поклоненію (adoration), которое отрицается всѣми здравомыслящими,—дѣйствію въ нѣкоторомъ смыслѣ похожему на простое почитаніе памяти всякаго великаго и знаменитаго человѣка, отличившагося великими добродѣтелями и примѣрною жизнью,—отнесутся, можетъ быть, съ большимъ сарказмомъ (sarcasme), чѣмъ оно заслуживаетъ. Затѣмъ, если и предположить, что вел. княжна не пожелаетъ измѣнить своему обычаю (что невѣроятно), то и это можно ей дозволить въ виду дарованной намъ свободы, дозволяющей руководствоваться собственною совѣстью, тѣмъ, во что кто вѣритъ и чѣмъ живетъ относительно тѣхъ религіозныхъ пунктовъ, которые необходимы для спасенія души и прямо не указаны и не предписаны церковью: право совѣсти, которое основано на естественномъ законѣ и столь глубоко въ человѣкѣ, что никто изъ насъ не въ состояніи сбросить съ себя.

Изъ вышеизложеннаго явствуетъ, что въ практикѣ между существенными обрядами обѣихъ церквей, какъ лютеранской, такъ и греческой, можно сказать, нѣтъ никакого различія; но тѣмъ болѣе обнаруживается оно въ ученіи о божественномъ исхожденіи третьяго лица отъ одного Отца, а не такъ какъ у насъ отъ Отца и Сына. Но вѣдь исхожденіе Св. Духа, какъ исповѣдуемъ Его мы, не было никогда принято всею христіанскою церковью. Этотъ догматъ былъ признанъ таковымъ лишь нѣкоторыми отдѣльными западными церквами. Фактъ этотъ есть историческая истина и сдѣлался извѣстнымъ не ранѣе IX-го столѣтія.

Что касается прочихъ догматовъ, то греки, также какъ и мы, вѣруютъ въ Троицу, а ученіе объ исхожденіи Св. Духа есть не болѣе, какъ умозрительный догматъ и онъ никоимъ образомъ не можетъ вліять на образъ жизни и исполненіе обязанностей истиннаго христіанина.

Какимъ-бы отвлеченнымъ (абстрактнымъ) ни казался религіозный предметъ совѣту, онъ имѣетъ такую большую и дѣйствительную важность, что я не могу его обойти при настоящемъ обсужденіи вопроса. Обдумывая его, меня взяло сомнѣніе и потому я прибѣгнулъ къ совѣту болѣе меня свѣдущихъ и ученыхъ лицъ изъ высшаго духовенства вашего в — ва. Наши мнѣнія сошлись и я имѣю честь доложить о результатѣ нашихъ совѣщаній.

Какъ-бы то ни было, но имѣя въ виду заключительныя положенія и примѣняясь къ настоящей цѣли совѣта, мнѣ сдается, что то, что мы часто называемъ различіемъ въ религіяхъ, составляетъ не что иное, какъ различіе въ обрядахъ и что вел. княжна ipso facto сдѣлается лютеранкой, какъ скоро вашимъ в—вомъ будетъ сдѣлано и русскимъ дворомъ принято предложеніе въ упомянутыхъ выраженіяхъ, что, по моему мнѣнію, не подлежитъ никакому сомнѣнію; но въ ту-же самую минуту, когда будутъ исполнены требованія шведскаго закона, будутъ также устранены и всѣ препятствія. Должно прежде всего согласиться относительно точнаго смысла предложеній, а не словъ, которыя, сравнительно со смысломъ, суть не что иное, какъ только одни пустые звуки.

Но если проектированное представленіе императору должно быть сдѣлано, то спрашивается—какимъ путемъ и съ помощію какихъ средствъ? Не слѣдуетъ-ли на представленныя объясненія смотрѣть какъ на первый шагъ, сдѣланный вашимъ в — вомъ къ возобновленію негоціацій, и не должно-ли это показаться противнымъ достоинству вашего в — ства; тѣмъ болѣе, что со стороны императора уже было однажды объявлено, что онъ считаетъ это дѣло совершенно законченнымъ, и потому слѣдовало ожидать почина къ желанному скорому сближенію съ русской стороны?

Но по моему мнѣнію этотъ починъ на половину, или близко къ тому, уже сдѣланъ посредникомъ, генераломъ Клингспоромъ, уполномоченнымъ писать и доставлять свѣдѣнія. Генералу Клингспору было обѣщано, что если его извѣстія дадутъ какой-либо къ тому поводъ, то уже не трудно будетъ опять навести императора на это дѣло. Личность, которая увѣряла въ томъ, пользуется большимъ вліяніемъ при русскомъ дворѣ и извѣстна своею осторожностію и знаніемъ дѣла и если-бы она не была увѣрена въ силѣ своего вліянія и успѣха своего ходатайства, то навѣрно не пошла-бы такъ далеко въ своихъ дѣйствіяхъ и словахъ, какъ она это сдѣлала. Мнѣ видится въ этихъ словахъ ясное доказательство того, какъ съ той стороны всегда сильно желали окончанія этого дѣла. Съ тѣми господами, которые тамъ правительствуютъ, не должно терять надежды; только нужно дать имъ время осилить первое свое движеніе и дать охладѣть ихъ жару.

Основываясь на этихъ данныхъ и характерѣ дѣйствительныхъ предложеній относительно возобновленія дѣла, я всеподданнѣйше осмѣлился-бы предложить, не теряя времени, ибо каждая минута дорога и дабы не могли возникнуть новыя затрудненія и предложенное могло быть съ пренебреженіемъ отвергнуто, поручить ген. Клингспору сдѣлать то, о чемъ его просили. Все то, что онъ получитъ на письмѣ, навѣрное дойдетъ до вашего в — ства, все-же то, что онъ самъ не напишетъ, будетъ имѣть только частный характеръ и, не компрометтируя персону вашего в — ства, могло-бы совершенно удовлетворить нѣкоторыхъ лицъ другой стороны.

Напримѣръ, генералъ могъ-бы засвидѣтельствовать, что онъ по своемъ возвращеніи сюда нашелъ, что нѣжныя чувства, питаемыя вашимъ в — вомъ къ вел. княжнѣ, ни въ чемъ не измѣнились и что ваше в — ство попрежнему продолжаете желать приближенія того часа, когда осуществится имѣющійся въ виду сердечный союзъ. Далѣе—о томъ трогательномъ интересѣ, съ которымъ ваше в — ство отнеслись къ извѣстіямъ, переданнымъ лично генераломъ, какъ объ особѣ вел. княжны, такъ и ея августѣйшихъ родителей и о прочихъ членахъ царской семьи; затѣмъ, о желаніи вашего в — ства, въ видахъ взаимнаго удовлетворенія, въ случаѣ состоится предположенное лѣтомъ свиданіе, объясниться съ императоромъ и т. д. Также о вышеупомянутыхъ средствахъ къ соглашенію, которыя ваше в—ство имѣло намѣреніе предложить и которыя могли-бы удовлетворить желанія обѣихъ сторонъ, ибо ваше в—ство не намѣревались отказываться отъ представленія объясненій, которыя могли послужить къ разумѣнію вашихъ мыслей относительно свободы совѣсти, которая по справедливости должна быть предоставлена вел. княжнѣ; наконецъ, что въ настоящее время ваше в—ство согласны, если представится къ тому поводъ, осуществить принятое намѣреніе и посѣтить лѣтомъ свою Финляндію, что на основаніи приличій, соблюдаемыхъ между царствующими особами, приблизившимися къ обоюднымъ границамъ своихъ государствъ, даетъ превосходный случай, такъ или иначе, свидѣться другъ съ другомъ и приблизиться къ тѣмъ цѣлямъ, къ которымъ они стремятся. Отвѣтъ на письмо генерала, примѣрно съ подобнымъ содержаніемъ, могъ бы достаточно обнаружить тѣ намѣренія, которыя еще можетъ имѣть императорскій дворъ, а генералу возможно было-бы изложить свои донесенія въ торжествующихъ (victorieux) выраженіяхъ, такъ чтобы исчезли всѣ несчастныя недоразумѣнія и сомнѣнія, которыя, вслѣдствіе нашептыванія враговъ, могли въ чемъ-либо измѣнить сердечныя чувства вашего в — ства къ вел. княжнѣ. Уничтоженіе этихъ недоразумѣній сказаннымъ способомъ, во всякомъ случаѣ, дѣло не маловажное. Короче,

нужно обождать отвѣта на подобное письмо; оно, можетъ, раскроетъ многое и дастъ возможность принять дальнѣйшія необходимыя мѣры.

Всемилостивѣйшій государь! доселѣ я позволилъ себѣ касаться только религіозной и гражданской (civila) стороны вопроса, мнѣ остается разсмотрѣть его политическую сторону. Всемилостивѣйше возложенная на меня вашимъ в—вомъ должность обязываетъ меня изложить это дѣло передъ вашимъ в—вомъ какъ повелѣваетъ мнѣ моя совѣсть и, какъ-бы передъ Богомъ, честно и съ полною откровенностію.

Ежели союзъ, скрѣпленный бракомъ съ вел. княжной, счастливо состоится, то мнѣ представляется, что счастіе и благоденствіе государства будетъ на долгое время обезпечено; въ противномъ случаѣ мнѣ видится лишь крайняя опасность и, можетъ быть, паденіе его въ недальнемъ будущемъ уже опредѣлено. Ужасныя слова! но вашему в—ству не можетъ не быть извѣстнымъ—въ какое нынѣ тревожное состояніе и бѣдственное положеніе приведено государство. Мы окружены съ одной стороны сосѣдомъ, могущественнымъ на морѣ и на сушѣ, который можетъ считать себя вправѣ мстить за оскорбленіе (injure), нанесенное его собственной особѣ; съ другихъ сторонъ—сосѣдями, враждебно расположенными къ намъ и ревнивыми, дышащими вѣроломствомъ и помышляющими о завоеваніяхъ. И все это въ такое время, когда бо́льшая часть европейскихъ кабинетовъ, слѣдуя модѣ, питаетъ проекты округленія (projets d'arrondissement), руководствуется одной лишь корыстью и пренебрегаетъ идеями и принципами политическаго равновѣсія (balance politique).

Наконецъ, у государства нѣтъ ни одного союзника, на котораго можно было-бы опереться;—эпоха, равную которой едва-ли можно встрѣтить во всей шведской исторіи. Ваше в — ство приближаетесь къ явному разрыву (brouillerie) съ одной изъ южныхъ европейскихъ державъ, которая въ скоромъ времени не будетъ признавать никакого права и, управляясь слѣпымъ высокомѣріемъ и бѣшенствомъ, грозить уничтожить нашу торговлю [1]). Естественный соперникъ этого государства, Англія, повидимому, смотритъ на это съ удовольствіемъ (чтобы не сказать, что она содѣйствуетъ Франціи въ этомъ отношеніи); пораженная слѣпотой временныхъ коньектуръ, она дѣйствуетъ противъ собственныхъ здравыхъ и очевидныхъ интересовъ, состоящихъ въ томъ, чтобы поддержать насъ противъ могущества Россіи. Словомъ, нѣтъ кабинета, который позаботился-бы о насъ, или былъ къ намъ расположенъ; заботятся только о томъ, чтобъ ихъ не трогали, тѣмъ паче, что они въ настоящее время не въ состояніи что-либо изъ-за насъ предпринять.

---

[1]) Рѣчь, очевидно, идетъ о революціонной Франціи. А. Ч.

При всемъ этомъ наши средства государственной обороны находятся въ самомъ плачевномъ состояніи: флотъ раззоренъ, финансы обременены долгами и вся система нашего возрожденія построена, по крайней мѣрѣ, на 20—30-лѣтнее продолженіе ничѣмъ ненарушаемаго мира.

Но что всего хуже, ко всему этому присоединяется еще не вполнѣ надежный народный духъ (esprit national), далекій отъ единодушія и необходимаго патріотическаго энтузіазма (enthousiasme patriotique), который одинъ только можетъ сдѣлать народъ непобѣдимымъ, особенно въ настоящую минуту, когда онъ видитъ раскрытую пасть вооруженнаго и возмущеннаго сосѣда и когда можно отъ него ожидать рѣшенія нанесть намъ внезапный ударъ (coup de mains), наконецъ, когда все зависитъ отъ минутнаго каприза тѣхъ господъ, въ чьихъ рукахъ находится кормило того государства. Какая безотрадная картина всего этого развертывается передъ нами! Но въ этой картинѣ изображено далеко не все. Потеря собственнаго вашего величества покоя, лишеніе законно и страстно желаемаго счастія,—желанія отдохнуть подъ вечеръ мыслью и вознаградить себя за дневныя утомленія трудомъ и безпокойствомъ,—всѣ эти огорченія могутъ повліять на драгоцѣнную жизнь вашего величества и сократить ее. А когда она преждевременно погаснетъ, мы, покинутые вѣрноподданные вашего величества, должны будемъ воскликнуть: теперь все, все для насъ кончено! Итакъ, съ одной стороны вотъ какая опасность; какой же выходъ и избавленіе отъ оной представляется съ другой стороны?

Все зависитъ отъ одного слова. Разъ, бракъ съ великой княжной и союзъ съ ея дворомъ будетъ рѣшенъ—и всѣ тучи тотчасъ же разсѣятся. Счастіе вашего величества, уже давно подготовленное, выразится на исполненныхъ радости и надежды лицахъ вашихъ подданныхъ; государство возвратится въ состояніе его стародавняго процвѣтанія и въ короткое время вновь обрѣтетъ свое прежнее значеніе; тогда какъ съ другой стороны всякое лишнее разсужденіе, уваженіе и соображеніе (considération, égard, ménagement) отодвинутъ насъ назадъ, по крайней мѣрѣ сравнительно съ другими государствами, сравнительно съ тѣмъ, чѣмъ намъ слѣдуетъ быть подъ скипетромъ такого государя, который, подобно вашему величеству, вооруженъ столь великими и отличными достоинствами.

Перев. и сообщ. А. А. Чумиковъ.

ЗАПИСКИ АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВИЧА ТУРГЕНЕВА

1772—1863.

XII [1]).

Вмѣстѣ съ приказомъ, отданнымъ при паролѣ во Владимірѣ объ исключеніи 32 штабъ и оберъ-офицеровъ изъ службы, курьеръ привезъ высочайшій указъ правительствующему сенату о перемѣщеніи сенатора Лопухина присутствовать въ санктпетербургскихъ сената департаментахъ. Какъ сигнальная пушка въ крѣпостяхъ утромъ поднимаетъ на ноги сосланныхъ преступниковъ въ крѣпостныя работы, такъ всемилостивѣйшій высочайшій указъ сенату о перемѣщеніи сенатора Лопухина привелъ въ движеніе кареты и лица; всѣ скакали на Тверскую улицу, гдѣ жилъ Петръ Васильевичъ Лопухинъ, изъявить его превосходительству искреннѣйшее желаніе ему благополучнаго пути и вожделѣннаго здравія; поздравлять Лопухина съ перемѣщеніемъ нельзя, перемѣщеніе не есть ни повышеніе, ни производство; указано сидѣть въ томъ же сенатѣ, да на другомъ мѣстѣ. Кстати будетъ здѣсь сказано, не были съ визитомъ у Лопухина боярин генералъ-аншефъ Петръ Дмитріевичъ Еропкинъ; у супруги Лопухина, Екатерины Николаевны, не была супруга фельдмаршала, графиня Дарія Петровна Салтыкова, рожденная графиня Чернышева. Прочія всѣ спѣшили на Тверскую, даже и оберъ-камергеръ, кн. Александръ Михайловичъ Голицынъ. Примѣръ аристократическаго тона и

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1885 г., т. XLVII, сентябрь, стр. 365—390; т. XLVIII, октябрь, стр. 55—82.

меланхоликъ Остерманъ сенаторъ, который часто сидящему подлѣ него чесалъ за ухомъ вмѣсто своего уха, и стонъ кн. Иванъ Ивановичъ генералъ-лейтенантъ Прозоровскій также пріѣзжалъ ударить челомъ будущему вскорѣ князю свѣтлѣйшему.

Къ супругѣ Лопухина возили со всѣхъ сторонъ чудотворныя иконы, Иверскую, Всѣхъ скорбящихъ, Утоленія печали, Взысканія погибшихъ, да прости, Господи! всѣхъ и не сочтешь; служили напутственные молебны, святили воду, окропляли Анну Петровну и заставляли ее ложиться на полъ и черезъ нее переносили святыя иконы, и вмѣстѣ съ этою благоговѣйною набожностію Екатерины Николаевны, она усерднѣйше служила богинѣ любви, по пословицѣ — у нея былъ мужъ наружи, да пять въ сундукѣ [1]). постоянно при востребованіи всегда готовый къ услугамъ ея превосходительства былъ Ѳедоръ Петровичъ Уваровъ, подполковникъ Екатеринославскаго кираспрскаго полка.

Его высокоблагородіе за личную и усердную службу получалъ pour ses menus plaisirs 100 руб. ассигн. въ мѣсяцъ; сенаторша нанимала ему экипажъ, карету съ 4 лошадей за 35 руб. ассигн. въ мѣсяцъ. Подумаешь, какъ было тогда все дешево; благословенныя были времена! Нынѣ маменьки берутъ для подготовленія дѣтей, не знаю къ чему, студентовъ, преимущественно происходящихъ изъ духовнаго званія, потому что у семинаристовъ латынь тверда и они латынь глубоко вперяютъ. Да такой дока латинистъ не вѣсть что стоитъ маменькѣ, а тогда, о благословенныя времена, подполковникъ стоилъ, и со всѣми экстраординарными расходами, тысячи двѣ руб. ассигн., что это—misère! да вишь подполковникъ, отъ него ни кутьей, ни халтурой не воняетъ!

Духовенство пропѣло напутственныя молитвы, архіерей, архимандриты и духовный отецъ благословили, оставалось сѣсть въ карету и покатить во градъ св. Петра, но вдругъ возникло препятствіе: Екатерина Николаевна съ мѣста не хотѣла двинуться безъ Ф. П. Уварова! Ей толковали, ее вразумляли, что это невозможно, Уваровъ состоитъ на службѣ, уволить его въ отпускъ прежде никто не смѣетъ и въ такомъ случаѣ, если-бы свѣтъ разрушался. Нѣтъ! баба кричала: „я хочу, мнѣ обѣщано, сказано, что все будетъ по моему, чего захочу“. Прежде мачиха убѣждала падчерицу согласиться, теперь пошло навыворотъ, падче-

[1]) Неразобрано слово.

рица не убѣждала мачиху, а просто сказала ей: „я хочу, чтобы вы сей-же часъ ѣхали со мною, не поѣдете—я ѣду одна, но подумайте, что тогда будетъ съ вами, когда я одна пріѣду“, и приказала оберъ-полицеймейстеру, генералъ-маіору П. Н. Кавелину:

—„Павелъ Никитичъ, прикажите, чтобы подали мой экипажъ!“

Кавелинъ, съ поклономъ чуть не до пола, доложилъ будущей свѣтлѣйшей княжнѣ: „все готово, ваше превосходительство“.

Екатерина Николаевна, увидѣвъ, что падчерица не шутитъ, бросилась въ ея объятія.

—„Нѣтъ, милая Анета, я съ тобой не разстанусь, ѣдемъ“, и вся компанія и господинъ полицеймейстеръ, и нащокинскій дуракъ Иванушка присѣли кто на что попало; потомъ минуты черезъ двѣ три встали и молились святой иконѣ и поѣхали.

Маршрутъ путешествія Анны Петровны въ градъ св. Петра былъ такъ соображенъ, что прибытіе Павла Петровича послѣдовало черезъ день послѣ пріѣзда Лопухиной. На третій день прибытія, высочайшимъ приказомъ при паролѣ, Екатеринославскаго кирасирскаго полка подполковникъ Уваровъ произведенъ въ полковники и переведенъ лейбъ-гвардіи въ конный полкъ.

Екатерина Николаевна Лопухина прислала Ф. П. Уварову тысячу руб. ассигн. на подъемъ, и его высокоблагородіе, конечно, въ первый разъ въ жизни покатилъ въ Питеръ въ коляскѣ; до этого участь его была ѣздить на перекладной телѣгѣ или на козлахъ подлѣ кучера, когда онъ состоялъ откомандированнымъ изъ Владимірскаго драгунскаго полка на безсмѣнные ординарцы къ генералу графу Валеріану Зубову. Боже мой, подумаешь—какъ на свѣтѣ все превратно! Федоръ Петровичъ Уваровъ, ѣзжавшій подлѣ кучера на козлахъ экипажа, въ которомъ сидѣли генералъ его, графъ Валеріанъ Зубовъ, съ прелестною супругою своею Маріею Федоровною, которую онъ взялъ у мужа ея Протопотоцкаго, которая будетъ по смерти Зубова супругою неотесаннаго болвана Уварова! нѣтъ, сего не довольно, все имѣніе Протопотоцкаго послѣ его смерти, вопреки законовъ русскихъ, статутовъ литовскихъ и укладовъ польскихъ, отдано Маріи Федоровнѣ, бывшей Протопотоцкаго женѣ, а она духовнымъ завѣщаніемъ передала огромное достояніе Протопотоцкаго послѣднему своему супругу болвану Уварову! Не напрасно изстари чтождествуетъ (sic) поговорка, что если счастье и въ кобыльей головѣ угнѣздится, такъ и кобыльей головѣ станутъ всѣ поклоняться.

Федоръ Петровичъ подтвердилъ или олицетворилъ эту поговорку; онъ былъ совершенная невѣжда и весьма небогатаго разсудка человѣкъ—ему ввѣряли команду войскомъ; онъ не умѣлъ ѣздить на конѣ и всегда держался за ремень, прикрѣпленный къ передней лукѣ сѣдла—его считали знатокомъ кавалерійскаго дѣла; онъ вѣчно въ разговорахъ дичь поролъ—два императора, Павелъ и Александръ, дичь Уварова благосклонно слушали. Денисъ Давыдовъ остро и справедливо сказалъ про Уварова, что онъ „умничаетъ глупо, а дурачится умно!“.

Чрезъ непродолжительное время по прибытіи сенатора и дочери ея, Анны Петровны—Петръ Васильевичъ Лопухинъ былъ возведенъ въ потомственное княжество россійской имперіи, съ титуломъ свѣтлости.

Пришелъ, какъ говорятъ, новый годъ; въ это время, бывало, государи жаловали служащихъ чинами, орденами, что и государь императоръ Павелъ соизволилъ сдѣлать. Федоръ Петровичъ Уваровъ не былъ въ числѣ пожалованныхъ орденами; онъ незадолго предъ новымъ годомъ пожалованъ въ генералъ-адъютанты и симъ назначеніемъ обошелъ болѣе 200 полковниковъ старше его по службѣ; но избалованный болванъ слѣпымъ счастіемъ явился къ Екатеринѣ Николаевнѣ въ пылу неудовольствія и требовалъ, чтобы она убѣдила падчерицу ходатайствовать о пожалованіи ему ордена св. Анны 1-го класса, какъ были прочіе награждены. Екатерина Николаевна была бы готова выполнить желанія Уварова, да, къ несчастію ея, она въ это время была съ Анною Петровною въ размолвкѣ и хотѣла бы просить ее, да не смѣла; падчерица знала уже, что она можетъ сдѣлать, и мачиха боялась падчерицы, которую недавно за уши драла. Уваровъ, выслушавъ отказъ Лопухиной, пришелъ въ бѣшенство, наговорилъ ей по драгунски привѣтствій, каковыхъ она отъ роду не слыхала, и уѣхалъ. Прошелъ день, прошелъ другой, прошелъ и третій, Уваровъ не ѣдетъ! Когда страсть овладѣетъ женщиной въ исходѣ лѣтъ, опредѣленныхъ женщинѣ быть женщиной, т. е. въ 40 и подъ 40 лѣтъ, тогда въ женщинахъ дѣлается ражь и онѣ приходятъ въ бѣшенство, забываютъ всякое приличіе, стыдъ, оглашеніе и стремятся единственно къ наслажденію физическому!

Дочь заслуженнаго генералъ-аншефа князя Мещерскаго, генералъ-губернатора казанскаго, сожгла городъ Казань; княжна,

къ несчастію ея, имѣла связь съ лакеемъ, крѣпостнымъ слугою ея родителя; несчастный случай обнаружилъ ее свиданіе съ лакеемъ и такъ явно обнаружилъ, что на другой день объ этомъ свѣдалъ бы весь городъ; она любовнику своему даетъ денегъ и приказываетъ улучившихъ ихъ свиданіе угостить хорошенько въ кабакѣ, чтобы молчали. Любовникъ лакей приказаніе княжны готовъ былъ исполнить,—какой лакей вина не любитъ,—взялъ деньги и, пригласивъ молодцовъ, отправился въ кабакъ; княжна, чтобы покрыть навсегда неизвѣстностію свой проступокъ, заперла снаружи дверь кабака и сама зажгла съ четырехъ сторонъ кабакъ; въ это время былъ сильный вѣтеръ и городъ Казань представлялъ утромъ на другой день пространное пепелище.

Княгиня свѣтлѣйшая Лопухина возвышеннѣе, благороднѣе чувствовала княжны Мещерской; Екатерина Николаевна не хотѣла ни сжечь, ни убить Уварова; быть можетъ, и потому не хотѣла, что не имѣла средствъ; она рѣшилась изъ мщенія или мучимая желаніемъ—отъ тоски отравить себя. Чтобы произвесть сіе блажное намѣреніе въ исполненіе, ея свѣтлость изволила поѣхать въ каретѣ кататься по городу и на возвратномъ пути къ себѣ въ домъ приказала остановиться у аптеки близь Полицейскаго моста. На мѣстѣ, гдѣ нынѣ (1848 г.) виднѣ огромный, но уродливый домъ купца Котомина, стоялъ небольшой домикъ, выкрашенный зеленой краскою, надъ дверями входа была пригвожена огромнаго размѣра вывѣска со львами, единорогами, неграми и надпись—аптека; тогда двуглаваго орла надъ аптеками не выставляли. Не помню имени аптекаря, но кудряваго аланже парика и огромнаго кошелька для волосъ, который въ насмѣшку называли челобитна, никогда не забуду. Г. аптекарь, разумѣется, былъ нѣмецъ, вальяжнаго сложенія, и славился познаніемъ въ приготовленіи лекарствъ; всѣ знатные вельможи и богатые люди брали лекарства у вальяжнаго аптекаря и онъ въ бархатномъ черномъ кафтанѣ французскаго покроя, золотаго глазета камзолѣ, черныхъ бархатныхъ съ золотыми шглифами (?) въ башмакахъ съ красными каблуками, съ огромными изъ стразовъ у башмаковъ пряжками и бѣлыхъ шелковыхъ чулкахъ, представлялъ собою какое-то среднее созданіе между вельможи и ярмарочнаго гаера!

Княгиня приказала слугѣ вызвать аптекаря; вальяжный кухмистеръ латинской кухни выбѣжалъ и, держа въ рукахъ шелко-

вую, трехъугольную, миніатюрную шляпку, шаркалъ ногами по снѣгу, кланялся и говорилъ: „вашъ свѣтлость, какой угодно лекарствъ, всяка готовъ“.

Княгиня объявила ему, что ей надобно мышьяку. Вальяжный нѣмецъ вздрогнулъ, выпучилъ большіе сѣрые глаза и не зналъ, что отвѣчать ея свѣтлости. Мышьякъ—ядъ, а всѣ ядовитыя вещества строго воспрещено отпускать безъ рецепта докторскаго. Княгиня, замѣтивъ смущеніе вальяжнаго аптекаря, сказала ему: „у меня въ кабинетѣ завелись мыши“. Аптекарь, кланяясь княгинѣ, отвѣчалъ: „исвольте, ваша свѣтлость, сейшасъ будетъ готовъ“, и минутъ черезъ 10 подалъ княгинѣ въ золотой бумажкѣ завернутый мышьякъ, съ надписью: „для мышь ея свѣтлости“.

Свѣтлѣйшая княгиня, возвратясь домой, изволила въ образной комнатѣ (у русскихъ боярынь возлѣ будуара, гдѣ онѣ наслаждаются сладострастіемъ, какъ землеродныя, всегда примкнута комнатка, уставленная образами, въ которой онѣ каются и возносятся горѣ духомъ) долго молиться Богу, потомъ изволила раздѣться, приказала горничной служанкѣ принести карафинъ воды, рюмку и сказала, чтобы ее не безпокоили, что она хочетъ заснуть. Горничная вышла, затворила дверь въ почивальню, а княгиня высыпала порошокъ въ рюмку, налила воды и видно, что свѣтлѣйшей княгинѣ все еще хотѣлось жить, хотя она и рѣшилась умереть, какъ умирали въ древнія времена знаменитые въ Греціи философы; но княгиня спѣшила, порошокъ не размѣшала, вода была холодная; эти обстоятельства споспѣшествовали спасенію жизни княгини, когда дошло дѣло до врачебныхъ пособій.

Ядъ довольно сильно подѣйствовалъ, княгиня начала кричать, просить помощи; пришелъ князь, возвратившійся изъ правительствующаго сената, созвали табунъ медиковъ; князь довелъ до высочайшаго свѣдѣнія о приключившейся болѣзни ея свѣтлости. Присланъ лейбъ-медикъ (не упомню имени врача, находившагося при особѣ его величества); повелѣно лейбъ-медику спѣшить на помощь страдавшей княгинѣ; сказано врачу: „исцѣли княгиню, не исцѣлишь — велю тебя повѣсить!“ Повелѣніе краткое, но неизрѣченно сильное. Врачу казалось, что веревка уже саднитъ ему шею. Врачи не могли постигнуть болѣзни, симптомы являли отравленіе, да кому могло придти на мысль, что ея свѣтлость изволила заблагоразсудить прекратить

жизнь свою, пропустивъ въ утробу свою мышьякъ! Низкая, подлая идея умереть одинаковымъ образомъ съ погребной крысой! Но Екатерина Николаевна была во всѣхъ отношеніяхъ необразованная баба и всесовершенная невѣжда; она боялась Бога, боялась и сатаны! Ставила свѣчки предъ чудотворными иконами, клала земные поклоны и искала глазами въ церкви пригожихъ и плечистыхъ молодцовъ. Кричала, просила помощи, а не сознавалась въ томъ, что хлебнула мышьяку. Съ каждымъ вздохомъ княгини отъ жгучей боли, лейбъ-медикъ чувствовалъ лихорадочную дрожь во всемъ составѣ тѣла; дорога къ висѣлицѣ ежеминутно для него сокращалась и онъ, какъ искусный врачъ, подобно искусному мореходцу во время бури, умѣющему опредѣлить минуту кораблекрушенія, разсчитывалъ—сколько осталось часовъ княгинѣ и ему; но вдругъ все взяло другой оборотъ: въ сонмѣ врачей, одинъ изъ медиковъ увидѣлъ въ углу комнаты на столикѣ стаканъ, въ которомъ было еще немного воды, а на днѣ сосуда бѣлый отсадъ. Счастливый медикъ взялъ стаканъ, посмотрѣлъ его попристальнѣе, взялъ пальцемъ изъ стакана немного отсада и, посмаковавъ на языкѣ, закричалъ собратіи своей: „гг., вотъ отрава“, показывая на стаканъ. Всѣ эскулапы начали смаковать языкомъ отсадъ въ стаканѣ и всѣ вкупѣ повторили: „отрава, отрава, мышьякъ!“ Мгновенно обратились къ врачебнымъ средствамъ противоядія; чело лейбъ-медика освѣжилось, какъ листокъ травки отъ первой упадшей на него капли росы; листокъ отъ капли еще не напитанъ, но уже нѣсколько увлаженъ, предрасположенъ къ воспріятію жизнетворнаго вещества. Отуманенный разсудокъ лейбъ-медика обѣщаніемъ висѣлицы освѣжился надеждою исцѣлить страдавшую княгиню и онъ, воспрянувъ отъ унынія, началъ распоряжаться методой врачеванія, а до открытія причины болѣзни лейбъ-медикъ сидѣлъ какъ темная ночь, въ углу, не вмѣшиваясь въ поданіе помощи; онъ былъ a priori и a posteriori увѣренъ, что быть, какъ бычку, на веревочкѣ!

Княгинѣ скоро подали облегченіе въ недугѣ и чрезъ три, четыре часа медики купно обрадовали дворъ и городъ, что ея свѣтлость находится внѣ опасности и въ непродолжительномъ времени здравіе свѣтлѣйшей княгини будетъ совершенно возстановлено. Но съ открытіемъ мышьяка въ стаканѣ возникла суматоха въ домѣ свѣтлѣйшаго князя.

Повелѣно отыскать виновнаго, если бы онъ и подъ землею спрятался. Не отыщутъ,—всѣмъ обѣщанъ кнутъ и доживать вѣкъ въ Сибири! Нынѣ (1848 г.) страна сія притягиваетъ къ себѣ золотоносными розсыпями, а тогда Сибирь отталкивала и ужасала всѣхъ холодомъ и дикостью дремучихъ непроходимыхъ лѣсовъ, въ которыхъ не ступила нога человѣка, если не отъ сотворенія міра, то уже вѣрно отъ времени стока водъ послѣ потопа. Полиція у насъ, православныхъ, всегда начинаетъ свои дѣйствія кулакомъ по рылу и палкой по спинѣ [1]),—это есть вступленіе, первое привѣтствіе къ допросу, а засимъ слѣдуютъ плети разныхъ наименованій: кошки, съ загнутыми проволочными нахвостниками, придуманныя въ Бозѣ почившимъ герцогомъ курляндскимъ Бирономъ, плети генералъ-полиціймейстера Татищева, въ царствованіе Елисаветы, подлинники Шварца и архаровки; этими архаровками сѣкали на выпускъ; про нихъ говаривали, что архаровки только ерошатъ спину, а памяти не оставляютъ. Въ продолженіе 4-хъ лѣтъ, начиная съ 6-го ноября 1796 года, архаровки висѣли спокойно на крючкѣ, ихъ въ дѣйствіе не употребляли. Полиція принялась за лакеевъ, кучеровъ, которые возили княгиню кататься, и скоро подробно узнали все, что княгиня изволила творить въ это время; разговоръ съ аптекаремъ, золотая бумажка, въ которой былъ запечатанъ порошекъ мышьяка, все свидѣтельствовало о томъ, что княгиня злое снадобье получила отъ нѣмца, вальяжнаго аптекаря. Соколомъ полетѣлъ г. оберъ-полиціймейстеръ въ аптеку и едва переступилъ порогъ, бухнулъ вальяжнаго по скулѣ такъ ловко къ мѣсту, что огромный алонже парикъ аптекаря вышибенною ударомъ пудрою наполнилъ комнату, какъ вихрь наполняетъ пространство поднятымъ пескомъ съ земли.

Милліоны искръ сыпались еще предъ глазами нѣмца, какъ сильная длань шуйцы оберъ-полиціймейстера обласкала лѣвую скулу аптекаря такъ, что кудрявый парикъ вальяжнаго фармацевта принялъ элептическое наклоненіе къ западу; послѣ третьяго одолженія, повтореннаго кулакомъ г. оберъ-полиціймейстера съ правой стороны, произнесъ оберъ-полиціймейстеръ вопросъ аптекарю:

---

[1]) Писано въ 1843 году.

— „Ты, ракалія, отравилъ свѣтлѣйшую княгиню Лопухину?“

Это предварительное дѣйствіе предъ допросомъ на полицейскомъ ученомъ языкѣ именуется ошеломить съ перваго раза. Вальяжный аптекарь, приведенный рукодѣліемъ г. оберъ-полиціймейстера въ изступленіе отъ одолженій, оказанныхъ скуламъ, кровь стремилась въ центръ черепа, отъ испуга организмъ тѣла его пришелъ въ безпорядокъ и выпуклое пузо фармацевта, обтянутое камзоломъ золотаго глазета, сильно колеблемое скорымъ дыханіемъ, представляло мерцаніе угасающаго пламени. Ошеломленный аптекарь вспомнилъ тотчасъ о мышьякѣ, отпущенномъ княгинѣ, отвѣчалъ оберъ-полиціймейстеру:

— „Косбодинъ оберъ-полиціймейстеръ, не пей меня то смерть, пей меня то полофинъ смерть, пуду сказалъ правда какъ пыло“.

— Ну, говори, ракалія! произнесъ оберъ-полиціймейстеръ повелительнымъ голосомъ фармацевту.

Вальяжный разсказалъ допрощику все подробно о томъ, какъ княгиня подъѣхала къ его аптекѣ, приказала его вызвать и потребовала порошокъ мышьяку для отравы мышей, что онъ не смѣлъ не отпустить мышьяку столь высокой особѣ, какъ свѣтлѣйшая княгиня, страшась недовѣріемъ прогнѣвать ея свѣтлость. Тутъ спохватился г. оберъ-полиціймейстеръ и уразумѣлъ, что онъ ошеломилъ вальяжнаго фармацевта безъ наималѣйшаго къ тому повода.

Въ 1797 и послѣдующихъ трехъ годахъ мудрое узаконеніе мудрой законодательницы Сѣвера: „безъ суда никто да не накажется“, оставалось, по приказному выраженію, за силою, т. е. недѣйствительнымъ, равно какъ дарованная дворянству грамота, въ которой сказано: „отнынѣ да не накажется никогда на тѣлѣ дворянинъ русскій“, также была оставлена за силою; NN изволилъ юнкера конной гвардіи, князя Мустафина, бить въ два фухтеля (палаша) и если-бы благородный полковникъ Артемій Ивановъ Раевскій не воспрепятствовалъ, прибѣжавъ на мѣсто наказанія, NN, по врожденному человѣколюбію, отправилъ-бы Мустафина къ праотцамъ на лоно Авраамля! Мустафина сбили уже фухтелями съ ногъ....

Оберъ-полиціймейстеръ, чтобы не дать удалому своему подвигу огласки, приказалъ вальяжнаго нѣмца взять подъ стражу въ частный домъ, къ аптекѣ поставить караулъ съ приказаніемъ никого

изъ гезелей (помощники) изъ аптеки не выпускать, изволилъ поскакать къ свѣтлѣйшему князю доложить объ открытіи, какимъ образомъ ядъ внесенъ въ домъ его свѣтлости и что онъ приказалъ аптекаря взять подъ стражу въ частный домъ. Князь зналъ уже подробно о всемъ событіи до розыска г. дѣятельнаго оберъ-полиціймейстера, приказалъ ту же минуту фармацевта освободить. Княжна Анна Петровна была увѣдомлена о причинѣ, побудившей мачиху покуситься на себяубійство, и когда Павелъ Петровичъ, получивъ отъ лейбъ-медика рапортъ о совершенной безопасности жизни свѣтлѣйшей княгини, соизволилъ поспѣшить передать лично радостную вѣсть княжнѣ, Анна Петровна пересказала о причинѣ происшествія....

Федоръ Петровичъ Уваровъ получилъ орденъ св. Анны 1-го класса.

Судьбы неисповѣдимы! какое сцѣпленіе обстоятельствъ: чтобы на рамена Федора Петровича былъ возложенъ орденъ св. Анны, неужели было необходимо для сего событія біеніе по скуламъ и треволненіе утробы вальяжнаго фармацевта?

XIII.

Во все время моего адъютантства при фельдмаршалѣ, разумѣется, въ теченіи времени по 12-е число марта 1801 года, я, смѣю сказать, ежедневно былъ соглядатаемъ бѣдствія, страданія, несчастія; не проходило дня, въ который фельдъегеря не провозили-бы кого-либо въ ссылку въ Сибирь, въ заточеніе въ крѣпость, въ каторжную, въ крѣпостную работу, въ безъизвѣстные. О безъизвѣстныхъ потребно объясненіе: безъизвѣстнаго везли въ закрытой кибиткѣ, зашитой рогожами, какъ тюки товарные обшиваютъ, отправляя на ярмарку; чрезъ маленькій прорѣзъ въ рогожѣ въ подвижной тюрьмѣ заключенному подавали фунтъ хлѣба и давали пить разъ или два въ сутки; утоленіе жажды несчастнаго зависѣло отъ милосердія и состраданія господина фельдъегеря, его сопровождавшаго; въ срединѣ кибитки было небольшое отверстіе для необходимой естественной надобности. Сопровождавшій фельдъегерь не зналъ кого везетъ, не видалъ арестанта; ему сдавали его зашитаго уже въ кибиткѣ. Подъ смертною казнію

фельдъегерю запрещалось говорить съ заключеннымъ, равно какъ отвѣчать на всѣ его вопросы. Коменданту крѣпости, въ которой было назначено содержать арестанта, предписывали содержать его въ секретномъ номерѣ; инструкціею комендантамъ крѣпостей, единожды навсегда къ исполненію данной, было запрещено спрашивать таковыхъ арестантовъ кто они, было запрещено отвѣчать на ихъ вопросы; ихъ заключали въ мрачный номеръ каземата, въ который свѣтъ проходилъ чрезъ маленькое, вершка 3 въ квадратѣ, окошко сверху. При водвореніи въ сію могилу, на живого мертвеца надѣвали длинную рубашку; пищу и питье для продленія его мученій подавали въ прорѣзанное отверстіе въ двери; пища состояла изъ 2 фунтовъ хлѣба, горшечка щей и кружки съ водою; по употребленіи пищи, горшекъ, въ которомъ были щи, служилъ заключенному ватерклосомъ. По наполненіи его, равно какъ и опорожненную кружку, въ которой была вода, арестанту знаками было показано ставить на полку, придѣланную къ отверстію; языка для арестанта въ мірѣ не было, всѣ люди для него были нѣмы. Если арестантъ оставлялъ принесенную пищу и воду на полкѣ, тогда раздаватель пищи рапортовалъ коменданту. Комендантъ приходилъ освидѣтельствовать арестанта, узнать—живъ-ли онъ? но также не смѣлъ съ нимъ разговаривать или выслушивать его прошенія. Однако-же о приключившейся болѣзни заключенному, равно и о прекращеніи его жизни, рапортовали по командѣ, означая несчастнаго цифрой номера, въ которомъ содержался. C'est pire que les oubliettes de Venise! въ убліетахъ отверзался подъ ногами полъ (trappe), несчастный проваливался и колеса, съ ножами устроенные, будучи силою воды безпрестанно движимы, рѣзали тѣло человѣка въ мельчайшіе куски, какъ вермишель, и вода быстротою теченія все уносила.

Въ 1823 году я имѣлъ честь быть губернаторомъ одной въ Сибири губерніи и ко мнѣ поступали еще отношенія о ссылкѣ заключенныхъ подъ названіемъ неизвѣстныхъ! Горестно вспомнить, что форма предписаній о заключаемыхъ въ номера осталась безъ малѣйшей перемѣны. Вотъ что обнаружилось въ 1824 году, когда императоръ Александръ I прибылъ въ Оренбургъ. Его величество изволилъ всегда осматривать самъ больницы, рабочіе дома, гдѣ были устроены и тюремныя помѣщенія. Осматривая тюрьмы въ крѣпости, его величество изволилъ обратиться

съ вопросомъ къ военному генералъ-губернатору въ Оренбургѣ и начальнику отдѣльнаго корпуса, генералу отъ инфантеріи Эссену:

— „Ну, все ли я у тебя видѣлъ?“

— Вотъ одинъ номеръ неизвѣстнаго арестанта не изволили еще видѣть.

— „Что такое неизвѣстный, для меня нѣтъ неизвѣстнаго“, возразилъ государь и вмѣстѣ спросилъ Эссена—когда арестантъ присланъ и откуда.

Какъ генералъ Эссенъ никогда ничего не зналъ, начальникъ штаба корпуса доложилъ его величеству: арестантъ присланъ въ крѣпость при предписаніи бывшаго военнаго министра графа Аракчеева содержать его въ номерѣ неизвѣстныхъ; кто онъ таковъ—въ предписаніи не сказано, содержится 9 лѣтъ. Императоръ съ замѣтнымъ сожалѣніемъ изволилъ повелѣть сію минуту отворить номеръ.

— „Я хочу видѣть арестанта“.

Въ ту же секунду заскрипѣли ржавые ключъ въ замкѣ и петли двери на крючьяхъ и чрезъ 9 лѣтъ могила живаго мертвеца въ первый разъ отверзлась! Слеза блеснула въ глазахъ государя. Государь увидѣлъ въ узникѣ человѣка высокаго, стройнаго роста, лѣтъ за сорокъ отъ роду; онъ былъ истомленъ долгимъ отчужденіемъ отъ міра; мертвенная блѣдность господствовала на челѣ несчастнаго, но не разрушила, не исказила еще прекрасное расположеніе лица его; длинная черная борода простиралась до пояса. Александръ спросилъ узника:

— „Знаешь ли ты, кто я?“

— Знаю, отвѣчалъ узникъ, вы нашъ государь императоръ Александръ Павловичъ.

— „Зналъ ли ты о моемъ пріѣздѣ въ Оренбургъ?“

— Не зналъ. Совершилось уже девять лѣтъ, что я въ этой могилѣ и никого, кромѣ мышей, меня посѣщавшихъ, не видалъ

— „Кто ты таковъ?“

— Былъ я, отвѣчалъ узникъ, полковникъ службы вашего величества, командовалъ однимъ изъ ста резервныхъ баталіоновъ, командированныхъ на работы въ Новгородскія военныя поселенія. Баталіонъ мой находился въ селѣ Грузинѣ для рытья канавъ, чтобы осушить низменныя мѣста и изъ болотъ сдѣлать сѣнокосы,

вырывать пни для очищенія полей подъ пашни, собирать каменья что̀ я теперь—не знаю!

— „Кто тебя послалъ сюда?“

— Также не знаю, по высочайшему ли повелѣнію вашего величества или такъ было угодно военному министру графу Аракчееву. Подъ судомъ я никогда не былъ, служилъ во все время войны противъ французовъ, былъ награжденъ орденами 4-хъ степеней св. Равноап. Владиміра съ бантомъ, св. Георгія Побѣдоносца и св. Анны 2-го класса.

— „Да разскажи мнѣ какъ это случилось, что происходило, когда тебя сюда отправляли?“

— Меня, отвѣчалъ арестантъ, потребовали рано утромъ къ графу; это было въ Грузинѣ, его сіятельство приказалъ меня арестовать, сняли съ меня мундиръ, отобрали ордена, надѣли солдатскую шинель; тройка курьерскихъ ожидала уже меня у крыльца; меня вывели, посадили на телѣгу, фельдъегерь сѣлъ послѣ меня и сказалъ ямщику: „валяй“, лошади понеслись со всѣхъ ногъ и чрезъ 5 сутокъ фельдъегерь сдалъ меня здѣсь коменданту, а комендантъ отвелъ меня въ этотъ номеръ, заперли эти двери, которыя чрезъ 9 лѣтъ, по высочайшему вашего величества повелѣнію, сейчасъ въ первый разъ отворились!

Узникъ замолчалъ. Государь повелѣлъ помѣстить полковника въ комнатахъ крѣпостныхъ строеній, дать ему по чину прислугу и 5 руб. асс. въ сутки столовыхъ денегъ. Еще повелѣлъ Эссену, со словъ арестанта, составить подробную записку и подать ее, того же вечера, его величеству.

Два разсказа были въ обществѣ о полковникѣ: подлые поклонники Аракчеева,—этотъ извергъ имѣлъ ихъ сотни, — разглашали, что полковникъ сосланъ за ослушаніе приказанію начальства,—преступленіе важное въ военной службѣ, за него регламентомъ опредѣлена смерть; но прежде должно судить военнымъ судомъ преступника,—полковникъ не былъ отданъ подъ судъ! Люди благородно мыслящіе разсказывали, что Аракчеевъ приревновалъ его къ наложницѣ своей, Настасьѣ. Послѣдняя молва достовѣрнѣе первой.

XIV.

Была-жила дама Пукалочиха, супруга Ивана Антоновича Пукалова—подрезной, какъ говорятъ, бестія! Иванъ Антоновичъ, царство ему небесное, не гной его косточки—воздошся въ подъячизмѣ, насытился премудрости въ семинаріи, въ уваженіе превосходной способности крючкодѣйствовать скоро достигъ чиновности и избранъ членами святѣйшаго синода быть оберъ-секретаремъ святѣйшаго синода; въ сей должности, по существующему порядку формы, утвержденъ подписнымъ высочайшимъ указомъ. Антоновичу везло со всѣхъ сторонъ, да онъ былъ не промахъ парень, зналъ — фортуна — женщина, любитъ перемѣну, оборотится ко мнѣ спиною и я останусь просто оберъ-секретарь синода; конечно, сытный пріютъ, жирныхъ обѣдовъ не переѣшь, шампанскимъ хоть обливайся, да все я останусь въ орбитѣ строкулистовъ, а я по милости Божіей и всемилостивѣйшаго государя коллежскій совѣтникъ, по точной силѣ слова закона есмь лучшій дворянинъ; мнѣ по всѣмъ правамъ слѣдуетъ быть бояриномъ, а боярину слѣдуетъ имѣть крестьянъ; безпомѣстный дворянинъ хуже бобыля, бобыль можетъ наняться въ работники, а дворянину это воспрещено закономъ; дворянину уѣздное казначейство плаката не выдаетъ! Правда, мнѣ подарили просители семьи три, четыре крѣпостныхъ, да это плюѣ (плюѣ на подъяческомъ арго значитъ—бездѣлица, малость). Такъ разсуждалъ Иванъ Антоновичъ и ухватилъ хитрый свой умъ въ зубы; во что бы то ни стало, говорилъ онъ себѣ, а буду помѣщикомъ! Благотворно вѣющее на него счастіе подслушало Антоновича и какъ попутный вѣтръ, надувая паруса корабля, приноситъ благополучно въ гавань, такъ счастіе толкнуло ему въ лапы богатую добычу. Вдовствующая, богатая по мужу, дама прибѣгла искать милостиваго покровительства г. оберъ-секретаря Пукалова; вотъ въ чемъ дѣло состояло. Дама, по несходству нравовъ съ возлюбленнымъ супругомъ, не могла жить даже подъ одною кровлею и они жили въ разныхъ домахъ, но въ одномъ городѣ; дама никакого достоянія не имѣла, у супруга было тысячи двѣ крѣпостныхъ христіанскихъ душъ. Онъ изъ великодушія или по тому

уваженію, что супруга носитъ его имя, давалъ ежегодно 12,000 руб. ей на содержаніе и они видали другъ друга въ публичныхъ собраніяхъ; кто не зналъ, что супруги живутъ розно, прозакладывалъ бы свою голову, что они живутъ какъ голубь съ голубкою. Увы! добрый, снисходительный супругъ умираетъ,—событіе обыкновенное, продолжающееся безостановочно семь тысячъ лѣтъ, да вотъ что было въ этомъ обыкновенномъ или естественномъ случаѣ необыкновеннаго, неестественнаго,—что по кончинѣ супруга у дамы оказалась прижитая имъ съ супругою дочь, какъ то утверждала дама супруга. Возникло со стороны законныхъ наслѣдниковъ къ имѣнію умершаго опроверженіе, процессъ; наслѣдники доказывали, что супруги послѣ бракосочетанія, которому совершилось уже 15 лѣтъ, не прожили 7 мѣсяцевъ вмѣстѣ съ супругомъ, а дѣвицѣ, называемой дочерью покойнаго, 13 годовъ отъ рожденія, и что по симъ яснымъ и никакому опроверженію неподверженнымъ доказательствамъ дѣвицу не слѣдуетъ признать дочерью въ Бозѣ почившаго супруга, что они узаконеннаго права на выдѣлъ вдовѣ изъ имѣнія седьмой недвижимаго и четырнадцатой движимаго частей не прекословятъ, а требуютъ предоставить по закону имѣніе имъ, какъ прямымъ и единственнымъ по поколѣннородословной росписи наслѣдникамъ. Началось совѣщаніе у вдовы съ оберъ-секретаремъ и по зрѣломъ соображеніи Иванъ Антоновичъ боярынѣ сказалъ:

—„Извольте, сударыня, я возьмусь обладить дѣло, да только съ условіемъ“.

Обрадованная отзывомъ оберъ-секретаря вдова вскрикнула: батюшка, Иванъ Антоновичъ, готова сколько изволишь назначить, отецъ!

—„Нѣтъ, сударыня! возразилъ оберъ-секретарь, не этимъ пахнетъ“!

—Да что-же, отецъ, тебѣ угодно, скажи Бога ради, не томи души!

—„Выдайте за меня вашу дочь!“

Вдовствующая челобитчица пришла отъ предложенія въ смущеніе, не знала, что̀ и какъ ему на это отвѣчать, наконецъ, сказала: да моя дочь еще ребенокъ, ей недавно минуло 13 лѣтъ.

—„Ну, сударыня, возразилъ оберъ-секретарь, какъ говоритъ пословица: „либо рыбку съѣсть или на гвоздь сѣсть!“ Какъ вамъ

угодно, безъ этого я не берусь обработать ваше дѣло. Рѣшайтесь скорѣе, пока и для меня есть возможность спустить дѣло ваше какъ по маслу. По стеченіи обстоятельствъ, для васъ совершенно чуждыхъ, и вамъ нѣтъ никакой надобности знать оныхъ, скажу вамъ, что теперь у меня всѣ три бороды въ горсти и я какъ хочу, такъ и поворочу, но вмѣстѣ съ этимъ скажу вамъ, продолжалъ Пукаловъ, что эта счастливая эпоха не долговременна: еще два, три засѣданія полнаго присутствія въ синодѣ и бороды выскользнутъ у меня изъ горсти, какъ щеглята изъ западни; подумайте, сударыня, быть можетъ въ другой разъ и не будетъ возможности, надо ковать желѣзо пока оно горячо!"

Вдовствующая дама со вздохомъ спросила Ивана Антоновича: да что-жъ со мною будетъ, при чемъ я останусь?

Оберъ-секретарь, со всею важностью сана своего, отвѣчалъ просительницѣ:

—„Увѣряю васъ честію и всѣмъ, что свято на землѣ (какъ будто онъ зналъ, что̀ такое есть честь и что̀ свято на землѣ!), увѣряю васъ, сударыня, продолжалъ онъ, ваше положеніе ни въ чемъ на волосъ не измѣнится; дочь ваша, конечно, еще молода, мы ее побережемъ до совершеннолѣтія и до того времени я всегда готовъ къ услугамъ вашимъ, когда вамъ будетъ угодно!"

Соображеніе женщинъ быстро, какъ полетъ стрепета; вдова къ 45 приложила 4, итого вышелъ плюсъ 49 годовъ,—лѣта, въ которыя магнетизмъ женщины находится въ отрицательномъ состояніи, не привлекаетъ, а отталкиваетъ,—склонила немного голову, закрыла до половины глаза и, протянувъ руку Ивану Антоновичу, сказала: „согласна". Чрезъ семь дней Иванъ Антоновичъ былъ соединенъ законнымъ бракомъ съ дочерью вдовствующей дамы; въ то время не существовало рѣшительно положительнаго узаконенія о годности дѣвицъ къ сочетанію бракомъ; да если что и тождествовало о семъ въ номоканонахъ, да оберъ-секретаря святѣйшаго синода съ куклою обвѣнчали-бы!

Вскорѣ по бракосочетаніи рѣшили процессъ вдовствующей дамы съ наслѣдниками мужа о наслѣдствѣ и признаніи дочери ея законною. Въ рѣшеніи сказано: „по видимости хотя казалось, что супруги N. N. жили въ разныхъ домахъ, но они жили въ одномъ городѣ; что ихъ видали въ общественныхъ собраніяхъ, во взаимно пріязненныхъ отношеніяхъ и деликатномъ обращеніи;

что въ метрикѣ церкви, въ приходѣ которой состоитъ домъ, гдѣ жительствовала супруга покойнаго, рожденная ею дочь записана законнорожденною;—то, основываясь на сихъ ясныхъ доказательствахъ, святѣйшій синодъ не находитъ достаточныхъ причинъ къ непризнанію дочери ея законною.

Разительное сходство умозаключенія синода съ умозаключеніемъ индійцевъ.

Въ 1819 году въ Астрахани я былъ на пированіи у богатѣйшаго милліонера индійца Мугундаса Терендасовича, которое онъ далъ, можно сказать, всѣмъ жителямъ города, по случаю полученнаго радостнѣйшаго увѣдомленія отъ молодой его супруги, съ которою Мугундасъ Терендасовичъ не видался уже семь годовъ; супруга извѣщала милаго ей Мугундаса, что она, такого-то числа, видѣла его во снѣ, что они пошли въ прекрасный садъ на берегу Ганга и тамъ, въ восторгѣ и упоеніи сладостнѣйшихъ чувствъ, онъ, Мугундасъ, милый ея супругъ, нѣжно поцѣловалъ ее, и что слѣдствіемъ сего супружескаго поцѣлуя было разрѣшеніе ея отъ бремени сыномъ, котораго въ честь ему назвали Мугундасомъ!

Вотъ Иванъ Антоновичъ зажилъ паномъ (завелъ) щегольской экипажъ, началъ давать лакомые обѣды и представлять аристократа, временемъ созданнаго, могъ жить честно и въ довольствѣ. Премудро Соломонъ сказалъ: „не насытится око зрѣніемъ, а умъ богатствомъ“. Антоновичъ хотѣлъ больше стяжать богатства; фортуна всегда его баловала, онъ пожелалъ—и средство къ обогащенію на дворъ.

Два брата, богатые милліонщики, заводчики Баташевы жили въ добромъ согласіи; у каждаго достоянія было на многіе милліоны; умерли; одинъ оставилъ двухъ или трехъ сыновей, другой, женившійся подъ старость, оставилъ одного сына въ дѣтствѣ еще; наслѣдники перваго начали опровергать законное рожденіе малолѣтняго, утверждая, что ихъ дядя, отецъ малолѣтняго, никогда не былъ женатъ и поэтому все имѣніе послѣ дяди принадлежитъ, по праву наслѣдства, имъ, какъ ближайшимъ и единственнымъ его наслѣдникамъ. Въ старинѣ нашей говаривали: „помути, Боже, народъ, покорми насъ, воевода“. Нынѣ (1848 г.) и нѣтъ этой поговорки, а народу не лучше,—его мутятъ со всѣхъ сторонъ.

Процессъ Баташевыхъ—продолженіе процесса вдовствующей

дамы, его тещи; въ первомъ надобно было признать незаконную дочь законной, во второмъ — или Баташевскомъ—законнаго назвать незаконнымъ. Бакшишъ, какъ говорятъ азіятцы (подарокъ), посуленъ огромный, а дѣло на подъяческомъ арго щекотливо до такой степени—иглы подточить нельзя, даже запутать снова невозможно; что-же Иванъ Антоновичъ придумалъ? Онъ вытребовалъ въ синодъ изъ всѣхъ мѣстъ, въ которыхъ дѣло по инстанціямъ проходило, всѣ производства и, отправляясь въ Москву по случаю коронаціи Александра I,—не умѣю сказать ради какой по службѣ надобности,—взялъ купно съ прочими канцелярскими бумагами и дѣло Баташева и, отъѣхавъ отъ Петербурга верстъ 400, подъ предлогомъ усталости, остановился ночлеговать, гдѣ сжегъ повозку, нагруженную дѣлами, и домъ крестьянина, для отвода подозрѣнія.

Но на сей разъ фортуна Пукалову обратилась спиною и онъ былъ отставленъ отъ службы навсегда.

Въ бездѣйствіи и неизвѣстности Пукаловъ оставался до возстанія Аракчеева изъ опалы; когда подъ Аустерлицомъ французы отняли у насъ почти всю артиллерію, тогда Аракчеевъ былъ назначенъ военнымъ министромъ и Иванъ Антоновичъ принятъ въ службу и въ непродолжительное время видѣли Пукалова уже дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ! Онъ былъ философъ — не знаю какой секты или, лучше сказать, секты, собственно имъ придуманной; онъ умъ и совѣсть считалъ товаромъ и продавалъ ихъ тому, кто больше даетъ денегъ; тѣло супруги также отпускалъ напрокатъ, да графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ абонировалъ тѣло г-жи Пукаловой на безсрочное время. Иванъ Антоновичъ, наконецъ, уклонился отъ службы по собственному желанію, но какъ абонементъ тѣла супруги его продолжался, то онъ былъ у графа домашнимъ человѣкомъ, другомъ дома и занимался промышленностью – доставленіемъ желающимъ табуретокъ (табуретками Пукаловъ называлъ орденскія звѣзды) и миндалій (миндалями онъ называлъ медали) à prix fixe.

Табуретка стоила 10,000 руб., миндаль—5,000 руб.

Анекдотъ: графъ Ѳедоръ Васильевичъ Растопчинъ и графъ Аракчеевъ были приглашены къ императору кушать. За обѣдомъ Аракчеевъ началъ разговоръ о томъ, что у насъ пере-

велись вельможи, нѣтъ временщиковъ, что въ залахъ знатныхъ не толпятся. Растопчинъ, посмотрѣвъ на Змѣя Горынича,—такъ всѣ звали Аракчеева,—сказалъ:

— „Да, въ залахъ не толкутся, а есть дома, предъ которыми проѣзду нѣтъ. Третьяго дня вечеромъ везли меня по Фонтанкѣ отъ Симеоновскаго моста, вдругъ карета моя остановилась; я думалъ, что изломалось что либо у кареты, опустилъ стекло и спросилъ: для чего остановились? человѣкъ отвѣчаетъ: „каретами вся улица застановлена, а напротивъ, въ оставленномъ проѣздѣ, обозъ съ камнемъ идетъ, своротить некуда“. У кого-же такой большой съѣздъ? спросилъ я. Стоявшіе кучера отвѣчали мнѣ: „у Пукалочихи, баринъ“. Признаюсь, никогда не слыхалъ я о знатной боярынѣ Пукалочихѣ“.

Аракчеевъ закусилъ губу и оливковый цвѣтъ лица превратился въ багрово-желтый. . . . . .

XIV.

Ужасно вспомнить! четыре года ожидать ежеминутно бѣдствія, быть во всегдашнемъ треволненіи духа, не быть увѣреннымъ—правильны-ли, точны-ли даннымъ повелѣніямъ дѣйствія въ исполненіи, ибо все зависѣло отъ каприза, прихоти, какъ видимъ избалованнаго ребенка, который царапаетъ лицо кормилицѣ за то, что подаренная ему кукла не отвѣчаетъ на его лепетанье. Такой бытъ хуже каторги—нѣтъ! неспоснѣе смерти! Не хочется умереть, разстаться со свѣтомъ, да это бываетъ одинъ разъ—и все кончилось. Непроницаемая занавѣсь опустилась и отдѣлила навсегда извѣстное отъ неизвѣстнаго. Въ утѣшеніе оставшимся на поприщѣ извѣстномъ поютъ громко: „идеже нѣсть болѣзни, печали и воздыханія, но жизнь безконечная“. Каждое утро, отъ генерала до прапорщика, всѣ, отправляясь на вахтъ-парадъ, шли какъ на лобное мѣсто. Никто не зналъ что̀ его тамъ ожидаетъ. Ссылка въ Сибирь, заточеніе въ крѣпость, затвореніе и всегдашнее безмолвіе, какъ въ могилѣ, въ номерѣ неизвѣстныхъ.

Бывали награды и милости, щедро расточаемые на вахтъ-парадахъ, жаловали въ генералы за то, что громко, по нашему, про-

кричитъ командныя слова. Стая фельдъегерей и нѣсколько кибитокъ были при вахтъ-парадѣ въ готовности схватить несчастнаго и мчать его туда, куда воронъ и костей его не занесъ, — собственныя, изустно мнѣ сказанныя, слова Павломъ Петровичемъ въ Москвѣ, 1797 года, въ военной залѣ дворца въ Лефортовой слободѣ.

Прошло много лѣтъ послѣ ужаснаго четырехлѣтія; я, кочующая голова, пріютился на нѣсколько мѣсяцевъ въ Москвѣ Бѣлокаменной, въ томъ градѣ, гдѣ я въ первый разъ въ жизни моей заплакалъ.

Вижу на стѣнѣ дома г. Шипова у Никольскихъ воротъ преогромнѣйшую вывѣску, представляющую индѣйскую змѣю боа. Я вошелъ въ комнаты, гдѣ жительство имѣла змѣя боа, за рубль серебромъ. M-r français de nation officieusement помѣстилъ меня, по его мнѣнію, на лучшее, а по моему худшее мѣсто, съ котораго я видѣлъ отвратительнѣйшія дѣйствія алчнаго боа. Повѣрите-ли, какое сравненіе вдругъ въ мысль мнѣ, какъ изъ глубокой пропасти, вскочило, когда я увидалъ боа глотающаго живыхъ куръ, индѣекъ, козленковъ и барановъ. Вотъ такъ насъ, сравнивалъ я, въ продолженіи 4 лѣтъ на вахтъ-парадахъ глотали (разные Аракчеевы и т. п. временщики).

При восшествіи на тронъ молодаго монарха Александра Павловича всѣ исключенные были приняты въ службу, заключенные въ заточеніе и сосланные въ Сибирь на житье или въ каторжную работу не по суду, а по особому повелѣнію въ прежнее царствованіе, которыхъ могли отыскать—освобождены и возвращены.

По списку извѣстныхъ считалось генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, также гражданской службы чиновниковъ—12 тысячъ душъ.

Слѣдовательно, въ продолженіи 4 лѣтъ несчастныхъ было по 3000 на годъ, каждый мѣсяцъ 250, каждый день 80 человѣкъ слишкомъ, 10 лицъ осталось—на части человѣка дѣлить нельзя.

XV.

1801 года, марта 13-го числа, вмѣстѣ съ обнародованіемъ манифеста о восшествіи на тронъ Александра, заскрипѣли всѣ затворы на заржавыхъ крюкахъ въ Петропавловской въ С.-Петербургѣ крѣпости и 900 человѣкъ увидѣли свѣтъ Божій, были возвращены обществу.

Я находился тогда инспекторскимъ адъютантомъ генералъ-фельдмаршала, генералъ-инспектора всей кавалеріи и военнаго губернатора въ первопрестольной столицѣ Москвѣ. Изъ шести состоявшихъ при фельдмаршалѣ остался одинъ я! Мѣсяца за три предъ кончиною царя почта привезла намъ всемилостивѣйшій приказъ, отданный на вахтъ-парадѣ при паролѣ, въ которомъ безъ всякаго объясненія побудившихъ причинъ было сказано: исключаются изъ службы адъютанты генералъ-фельдмаршала графа Салтыкова 2-го, подполковникъ Петровскій, маіоръ Алексѣевъ, штабъ-ротмистръ Брокъ, поручики Леньковскій и Петровскій.

Государь былъ въ гнѣвѣ на фельдмаршала, за что—объ этомъ вѣдаетъ Богъ, и дѣло будетъ разсмотрѣно на Асафатовой долинѣ, гдѣ станутъ всѣ на неумытный судъ въ равномъ достоинствѣ.

Моя всегда была обязанность распечатывать куверты въ присутствіи фельдмаршала, прочитывать присланныя бумаги и отмѣчать на полѣ каждой приказанія его.

Когда я прочиталъ приказъ о выключкѣ его адъютантовъ, фельдмаршалъ, улыбнувшись, сказалъ мнѣ:

—„Читай далѣе, не будетъ ли чего обо мнѣ и о тебѣ, быть можетъ on nous a gardé pour la bonne bouche“.

Что сказать о томъ, что генералъ-интендантъ арміи, кн. Дмитрій Петровичъ Волконскій, чрезъ недѣлю выпросилъ у государя Павла Петровича старшимъ совѣтникомъ при гофъ-интендантѣ; московскій оберъ-полицеймейстеръ, генералъ-маіоръ Эртель, выпросилъ маіора Алексѣева, съ пожалованіемъ въ чинъ подполковника, въ полицеймейстеры; Леньковскій и Петровскій были опять опредѣлены, по представленію фельдмаршала, на службу гражданскую; товарищъ и другъ мой Федоръ Ивановичъ Брокъ,

родомъ прусакъ, не захотѣлъ опять вступить на службу, говоря: „не хочу дѣлъ имѣть съ такими народами!“ Остался, по убѣжденію фельдмаршала и супруги его, графини Даріи Петровны, при единственномъ сынѣ ихъ, графѣ Петрѣ, менторомъ.

Фельдмаршалъ готовился къ принятію громовой опалы царской, (а потому) приказалъ шталмейстеру своему, маіору Никитѣ Ивановичу Захарову, приготовить экипажи дорожные и всю упряжь; фельдмаршалъ думалъ, что его сошлютъ жить въ деревняхъ своихъ и хотѣлъ отправиться на житье въ низовыя свои вотчины на Сурѣ въ Симбирской губерніи; хотѣлъ ѣхать на своихъ лошадяхъ, да иначе не было бы возможно; для подъема его дома было потребно 350 лошадей. Въ двѣ недѣли экипажи и лошади у Захарова были въ такой готовности, что когда угодно было можно приказать запрягать лошадей.

Мнѣ добрый мой начальникъ сказалъ: „не горюй, выключатъ тебя, будь увѣренъ—я тебя не покину, приготовься со мною къ отъѣзду“.

Я благодарилъ графа за его милостивое благорасположеніе. Фельдмаршалъ, посмотрѣвъ пристально мнѣ въ глаза, сказалъ мнѣ съ миною на лицѣ, какой я у него во все время моей бытности при немъ не видалъ:

—„Эта кутерьма долго существовать не можетъ!“

Слова замѣчательныя, скрижали исторіи.

Государь написалъ фельдмаршалу своеручно рескриптъ, въ которомъ императоръ всемилостивѣйше соизволилъ лаконически изложить высочайшую свою волю сими словами:

—„Господинъ фельдмаршалъ графъ Салтыковъ 2-й. Дѣлаю вамъ послѣдній выговоръ!“ и болѣе ничего въ рескриптѣ не было сказано. Кратко, но ясно.

Ровно шесть недѣль томились мы ожиданіемъ объявленія высочайшей воли.

Настала погода, называемая на святой Руси началомъ весны, такой поры, когда въ благословенномъ царствѣ русскомъ съ большимъ затрудненіемъ путешествуютъ по образу пѣшаго хожденія, а на повозкахъ, и кольми паче въ каретахъ, коляскахъ, ѣдутъ съ большою опасностью—коли не быть убитымъ до смерти, то быть изуродованнымъ. Фельдмаршалъ не одинъ разъ повторялъ:

— „Вотъ придется тащиться въ самую ростополь“.

Казалось, онъ негодовалъ на замедленіе опалы.

Высокихъ достоинствъ, высокаго ума и образованія, добрѣйшая женщина, супруга фельдмаршала графиня Дарья Петровна, рожденная графиня Чернышева, не переставала, какъ и прежде, съ самаго ея прибытія въ Москву, быть примѣромъ высокой нравственности, примѣромъ христіанской добродѣтели и простаго, но благороднѣйшаго и деликатнаго обращенія въ обществѣ. Каждый день обѣдало у графиня 30—40 человѣкъ дамъ и мужчинъ, каждый вечеръ 80—100 человѣкъ обоего пола гостей наполняли залы фельдмаршала и ни одно лицо не оставляло хозяевъ безъ чувствъ искренняго уваженія и преданности. Если Всемогущему будетъ угодно продлить мнѣ жизнь еще на семьдесятъ три года, я никогда не перестану благословлять память въ Бозѣ почившей, никогда не вспоминаю о графинѣ безъ чувствъ благоговѣйнаго уваженія и чистѣйшей благодарности. Графиня сдѣлала для меня чего не могла сдѣлать моя родительница. Я имѣлъ счастье слышать въ разговорахъ сужденія графини Дарьи Петровны, изъ коихъ понялъ и уразумѣлъ, что можно быть отличнымъ кавалерійскимъ офицеромъ и быть невѣждою, неотесаннымъ болваномъ. Я могъ славно командовать на ученьи не только эскадрономъ, полкомъ, дивизіею, да пожалуй цѣлымъ корпусомъ; знаменитый Федоръ Петровичъ Уваровъ, поступивъ изъ реформированнаго Кинбургскаго драгунскаго въ Екатеринославскій кирасирскій полкъ, у меня учился и командным словамъ, и маршировкѣ въ пѣшемъ строю, и пріемамъ ружья въ экзерциціи, а Федоръ Петровичъ у насъ чуть чуть не попалъ въ Бунопарты!

Да будетъ на вѣки благословенна память твоя, благочестивая жена! Да покоится душа твоя на лонѣ Авраамлѣ съ миромъ до радостнаго утра. Тебѣ одной, тебѣ обязанъ я благодарностью, что я отправился въ Гетингенъ; правда, время было уже утрачено, я былъ уже поврежденный сосудъ, но благодарю Создателя—кору невѣжества съ меня пооскоблили и я возвратился изъ Германіи не свиньею, а похожимъ на человѣка.

15-го или 16-го числа марта, не упомню твердо, утомленный докладомъ бумагъ фельдмаршалу, вышелъ я изъ кабинета и сѣлъ у окна на Большую Тверскую улицу и площадь предъ домомъ, главноначальствующимъ занимаемомъ; тогда, по высочайшему повелѣнію, домъ, гдѣ жилъ фельдмаршалъ, именовался Тверскимъ

дворцомъ и при домѣ, для содержанія его въ должной чистотѣ и исправности, былъ отряженъ гофъ-фурьеръ двора его императорскаго величества, но при немъ никакого штата не было. На дворѣ шли вмѣстѣ, и другъ друга смѣняя, дождь и снѣгъ; дулъ вѣтеръ, на улицѣ собаки не было, одинъ часовой напротивъ дома устроенной гаупть-вахты, державъ ружье по уставу, отъ дождя мокнулъ какъ фонарный столбъ; въ будку часовой войти не могъ: онѣ, по особому повелѣнію, такъ устроены, чтобы въ нее часовой войти не могъ. На что же будка? „Скачи враже, якъ панъ каже!“

Вдругъ слышу вдали звонъ почтарскаго колокольчика; я взглянулъ въ окно, у подъѣзда остановились двое обшивней, изъ первыхъ, съ помощью фельдъегерей, вылѣзали два генерала, Анненскаго ордена 1-го класса ленты по мундиру, опоясаны шарфами. Одного я тотчасъ узналъ.

Это былъ года за два выгнанный изъ службы военной въ штатскую московскій оберъ-полицеймейстеръ Павелъ Никитичъ Каверинъ; за два три мѣсяца онъ укралъ у Бухвостова свору борзыхъ: Муругова кобеля, Налета и красноподпалую суку Занозу, знатныхъ собакъ,—первая была свора по всей садки. Иванъ Николаевичъ Кирсановъ давалъ Бухвостову сто душъ крестьянъ въ Бѣлоруссіи за свору. Дуралей не уступилъ, не хотѣлъ разстаться съ Налетомъ и Занозою! Сто душъ крестьянъ живыхъ, (не только) живыхъ по ревизскимъ сказкамъ, не то, отнюдь не то, какъ повѣствуетъ Гоголь о мертвыхъ душахъ, нѣтъ! Иванъ Николаевичъ Кирсановъ былъ человѣкъ благородный, на черное дѣло не способный, и вымѣненныя сто душъ крестьянъ на Налета и Занозу перешли бы во владѣніе позднѣйшаго потомства въ родѣ Бухвостовыхъ. Да что дѣлать, какъ говоритъ пословица: „дураковъ не орутъ, не сѣятъ, сами родятся“. Да Бухвостовъ и зналъ еще о томъ предварительно, что у него хотятъ украсть знаменитую свору: добрый другъ по собакамъ, собачникъ Иванъ Михайловичъ Волынской, не задолго отвозившій въ Питеръ также лихую свору подвесть его сіятельству графу Ивану Павловичу Кутайсову, шепнулъ въ четырехъ глазахъ Бухвостову:

— „Николай Ивановичъ, держи ухо востро, а глаза возьми въ зубы; гр. Иванъ Павловичъ знаетъ о твоей сворѣ, при всѣхъ изволилъ сказать: ничего не пожалѣю, все для того сдѣлаю, кто мнѣ доставитъ Бухвостова свору: Налета, Муругова и Занозу!

Бой, братъ, неровенъ, за черную суку Цыганку Скуратова Иванъ Павловичъ, знаешь, Дмитрія (Александр.) Бахметева въ Тамбовъ въ губернаторы махнулъ! Бахметевъ дѣла на волосъ не смыслитъ, да у него есть секретарь Антонъ Семеновичъ Зміевъ, изъ духовнаго званія, доставляетъ Бахметеву 200 и болѣе тысячъ рублей въ годъ доходу. А, каково? Правду сказать, Бахметевъ былъ на волосъ отъ смерти; молить ему Богу за Нефеда. Ахъ! тройку вороныхъ казанскихъ онъ добылъ ему, подлинно, какъ говорится, убить да уйтить! 60 верстъ въ 3 часа махнулъ Нефедъ! Лошади запамились, Бахметевъ выкинулъ Нефеду по 700 руб. за голову, да подарилъ сукна на кафтанъ и милютинской фабрики кушакъ съ золотомъ; да своя башка, братъ, не того стоитъ; какъ ты, а я своею за сибирское генералъ-губернаторство не соглашусь рисковать! Нагони его Скуратовъ, — ну только и жилъ Бахметевъ!“

Николай Ивановичъ Бухвостовъ былъ женатъ, супруга его Екатерина Николаевна, рожденная Вердеревскихъ, воплощенный ангелъ красоты тѣлесной и рѣдкихъ добрыхъ качествъ душевныхъ женщина, не могла утѣшить тоскующаго супруга о потерѣ своры кобеля Муругова, Налета и суки, красноподпалой Занозы! Боже! неужели по Твоему промыслу на землѣ негодяи, дураки обладаютъ сокровищами? Нѣтъ, люди сами тому виновны, Ты далъ человѣку часть божества Твоего—умъ и волю, послѣдняя въ человѣкѣ преобладала и сосудъ чистый осквернила грязью.

Другаго генерала я не узналъ, какъ онъ вылѣзалъ изъ саней; это былъ кн. Сергѣй Николаевичъ Долгорукій, прозванный въ обществѣ Каламбурычъ.

Отъ окна я поспѣшилъ въ кабинетъ фельдмаршала предварить его о томъ, что̀ видѣлъ, будучи въ полномъ увѣреніи, что судьба фельдмаршала, и вмѣстѣ съ ней моя, рѣшена: какой выпалъ изъ колеса билетъ, черный или сѣрый,—бѣлыхъ билетовъ въ то время изъ колеса не выпадало или очень рѣдко. Едва успѣлъ я доложить фельдмаршалу о прибытіи двухъ генераловъ, фельдмаршалъ хладнокровно, безъ наималѣйшаго безпокойства, отвѣчалъ мнѣ: „посмотримъ, что еще будетъ?“ какъ оба генерала, кн. Долгорукій и Каверинъ, вошли въ кабинетъ. Кн. Долгорукій поднесъ фельдмаршалу кувертъ и говорилъ:

— „Государь императоръ Александръ Павловичъ изволилъ мнѣ повелѣть вручить его величества рескриптъ“, и вмѣстѣ подавая фельдмаршалу печатный манифестъ о вступленіи на тронъ Александра, Долгорукій сказалъ: „императоръ Павелъ скончался!“

Фельдмаршалъ вскрылъ кувертъ, прочелъ рескриптъ, слеза навернулась на глазахъ и, оборотясь ко мнѣ, приказалъ, чтобы я сейчасъ привезъ къ нему оберъ-прокурора сената общаго департаментовъ собранія Щетнева (Лаврентій Николаевичъ, родной братъ кн. Екатерины Николаевны Лопухиной).

Я взялъ карету, привезшую внучатъ фельдмаршала, дѣтей тайнаго совѣтника Мятлева, и поскакалъ отыскивать Щетнева.

Было уже 10 часовъ утра. Въ сенатѣ Щетнева я не сыскалъ, а нашелъ въ ратгаузѣ, гдѣ онъ также присутствовалъ въ качествѣ перваго члена. Щетневъ былъ уже предваренъ о пріѣздѣ Долгорукова и Каверина директоромъ камеральнаго департамента Барковымъ (Николай Александровичъ, дѣйств. стат. совѣтникъ), который поспѣшилъ увѣдомить Щетнева о пріѣздѣ двухъ генераловъ, но не могъ сказать ему о причинѣ ихъ прибытія. Я нашелъ Щетнева блѣднаго, лихорадка приводила тѣло его въ дрожь, какъ сильный крещенскій морозъ коверкаетъ солдатъ во фронтѣ при окрапленіи знамени освященною водою въ рѣкѣ. Когда я предложилъ Щетневу ѣхать со мною къ фельдмаршалу, пароксизмъ лихорадочный въ немъ учетверился и онъ едва могъ сказать мнѣ:

— „Извольте, ѣдемъ, повинуюсь!“

Фельдмаршалъ приказалъ Щетневу немедленно созвать 22-хъ сенаторовъ въ общее собраніе для выслушанія высочайшаго манифеста всемилостивѣйшаго государя императора нашего Александра I о восшествіи его величества на прародительскій престолъ и принятіи присяги его величеству въ Успенскомъ соборѣ.

Императоръ Павелъ скончался.

Архіерею Серафиму (онъ былъ викаріемъ, высокопреосвященный митрополитъ жилъ всегда въ Вифаніи, построенномъ имъ монастырѣ, въ 60 верстахъ отъ Москвы и въ 5 верстахъ отъ Троицко-Сергіевой лавры) написалъ фельдмаршалъ увѣдомленіе о восшествіи и просилъ прибыть въ Успенскій соборъ привесть сенатъ и народъ къ присягѣ на вѣрность службы и подданства его императорскому величеству императору Александру I.

Въ часъ пополудни фельдмаршалъ въ парадной каретѣ поѣхалъ въ сенатъ; свиту его составлялъ одинъ я; у него былъ я тогда одинъ адъютантъ. Тысячи народа окружали карету, всѣ шли шапки въ рукахъ.

По прибытіи въ сенатъ и объявленіи высочайшаго восшествія государя Александра Павловича на тронъ, фельдмаршалъ, въ сопровожденіи всѣхъ сенаторовъ, шелъ изъ сената въ соборъ пѣшкомъ. Народъ наполнилъ Кремль до того, что негдѣ было упасть яблоку. Въ соборномъ храмѣ съ большимъ трудомъ фельдмаршалъ и сенаторы могли дойти до амвона. По установленной формѣ при таковыхъ случаяхъ манифестъ читаетъ на амвонѣ правительствующаго общаго собранія департаментовъ оберъ-секретарь и какъ только оберъ-секретарь произнесъ слова: „судьбамъ Всевышняго было угодно прекратить жизнь любезнаго нашего родителя апоплексическимъ ударомъ“, весь народъ, въ церкви находившійся, положилъ на себя знаменіе креста....

XVI.

Буду продолжать еще разсказъ о четырехъ-лѣтнемъ страданіи отечества. Злобѣ, мщенію, корыстолюбію, зависти,— словомъ, всѣмъ смертнымъ грѣхамъ врата были отверсты! всякому нелѣпому, глупому доносу давали вѣру.

Екатерина II, отправляя своихъ губернаторовъ, изволила всегда изустно имъ приказывать: „не всякому слуху вѣрь, но ни единаго не оставь безъ дознанія; не должно пренебрегать и ничтожнѣйшимъ врагомъ, дуракъ кинетъ въ рѣку камень, сотня умныхъ его не вытащитъ!“

Этому правилу не слѣдовали: какъ скоро доходилъ доносъ, фельдъегеря скакали по указанію, брали, вязали и везли, такъ сказать, прямо на лобное мѣсто. Мы никого не видали во все четырехъ-лѣтіе оправданнымъ и отпущеннымъ изъ Петербурга. Если не присылался фельдъегерь взять кого по назначенію, то присылали сыщика не для слѣдствія, а учинить розыскъ. Гг. розыскные мастера находили свои выгоды находить всегда виновными, а не оправдывать невинныхъ; за сысканіе виновныхъ ро-

зыскныхъ мастеровъ награждали чинами и орденами; жажда карать тогда царствовала.

Въ царскихъ палатахъ учинилась пропажа. Украли двѣ или три иконы въ золотыхъ окладахъ, украшенныхъ драгоцѣнными каменьями. Въ Москву былъ присланъ розыскной мастеръ, надворный совѣтникъ Щекатихинъ, человѣкъ извѣстный во всей Европѣ, быть можетъ и во всѣхъ частяхъ свѣта, если туда дошло сочиненіе г. Коцебу: L'année mémorable de ma vie. Г. Щекатихинъ отвозилъ г. Коцебу въ ссылку въ Сибирь.

Въ именномъ повелѣніи было сказано: „допустить надворн. совѣтника Щекатихина къ розыску, не стѣсняя его ни въ чемъ въ дѣйствіяхъ, и придать ему, по его избранію, въ помощь полицейскихъ чиновниковъ“.

Щекатихинъ избралъ въ сотрудники московскаго полицеймейстера, колл. совѣтн. Петра Ивановича Давыдова. Не смѣю сказать о Давыдовѣ, что онъ былъ злой человѣкъ, нѣтъ! онъ мучилъ, тиранилъ людей, будучи увѣреннымъ, что онъ тѣмъ исполняетъ долгъ присяги и вѣрноподданства. Онъ всегда говаривалъ:

— „Я цаловалъ крестъ и святое евангеліе на вѣрность великому государю. Провалюсь сквозь землю, а не измѣню“.

Началась потѣха. Давыдовъ по какому-то подозрѣнію притянулъ къ розыску трехъ человѣкъ: двухъ мѣдныхъ мастеровъ и московскаго мѣщанина, торговавшаго на площади на рогожкѣ разными старыми вещами. Быть можетъ мѣщанину случалось покупать вещи у носящихъ и краденныя. Въ пять, шесть дней, во второй допросъ, Щекатихинъ и Давыдовъ вырвали сознаніе у мѣдниковъ и мѣщанина, которые, чтобы избавиться мученій, говорили, что они виноваты. На вопросъ: гдѣ образа? отвѣчали, что похитители уѣхали съ покражею на Ростовскую ярмарку, надѣясь тамъ удобнѣе сбыть съ рукъ оклады и образа. Довольно! ихъ перестали тиранить, но предали сужденію по законамъ въ уголовной палатѣ! Что еще судить истерзаннаго человѣка? Палата приговорила ихъ наказать нещадно кнутомъ, вырѣзать ноздри и сослать въ каторжную работу. Розыскной мастеръ Щекатихинъ поскакалъ въ Ростовъ отыскать и схватить похитителей; разумѣется, въ Ростовѣ на ярмаркѣ Щекатихинъ ни похитителей, ни похищеннаго не нашелъ, но начатымъ розыскомъ ярмарку разогналъ. Бо̀льшая часть богатыхъ торговцевъ съ яр-

марки уѣхали, торговое сословіе потерпѣло на милліоны убытковъ; потребители, искавшіе товары, остались безъ удовлетворенія и также потерпѣли большое разстройство въ промыслахъ и домоводствѣ.

Не знаю, чѣмъ былъ вознагражденъ за подвигъ герой Щекатихинъ, а Давыдову за усердное и ревностное содѣйствіе въ отысканіи похитителей объявлено благоволеніе.

Щекатихинъ изъ Ростова поскакалъ въ Тамбовъ, оттуда на Донъ, съ Дона въ Херсонь и чрезъ три мѣсяца тщетныхъ поисковъ не отыскалъ похитителей. Въ скоромъ времени по возвращеніи розыскнаго мастера открыто въ Петербургѣ, что похититель образовъ былъ чухонецъ-дровоносъ во дворцѣ, котораго также не могли отыскать; онъ бѣжалъ въ Швецію.

Я укорялъ Давыдова въ семъ злодѣяніи, но удостовѣрился въ томъ, что онъ дѣйствовалъ не соумышленно Щекатихину, въ чаяніи получить награду, а по убѣжденію, что онъ цаловалъ крестъ на вѣрноподданство.

— „Мы долго сѣкли кошками ихъ, говорилъ Давыдовъ, они, т. е. упомянутые три мнимыхъ преступника, не сознавались, да Щекатихинъ придумалъ свернуть имъ канатомъ голову въ утку; это дѣлается такъ: наложатъ на голову канатъ довольно толстый и, пропустивъ подъ канатъ колъ, начнутъ канатъ закручивать; ну, десяти минутъ ни одинъ не вытерпитъ, зареветъ и кричитъ: „виноватъ Богу и государю, пустите душу на покаяніе!“

XVII.

Пріѣхалъ въ Москву симбирскій дворянинъ Алексѣй Емельяновичъ Столыпинъ, себя и дщерей своихъ показать, добрыхъ людей посмотрѣть, хлѣбомъ-солью покормить и весело пожить; у дворянина былъ, изъ доморощенныхъ парней и дѣвокъ, домовой театръ—знатная потѣха. Послѣ, года черезъ три, какъ дворянинъ попроѣлся, казна его поистряслась, онъ всю стаю актеровъ и актрисъ продалъ къ Петровскому театру, поступившему въ то время въ вѣдѣніе и управленіе московскаго опекунскаго совѣта за долги содержателя, англійскаго жида Медокса, оказавшагося несостоятельнымъ въ платежѣ совѣту занятой подъ залогъ театра

суммы. Было человѣкъ десятокъ мужскаго и женскаго пола между актерами съ хорошими способностями и нѣкоторыя пьесы разыгрывали превосходно! Кто у Столыпина, по выраженію военнаго арго полковника Скалозуба, актеровъ выломалъ — осталось загадкою.

Алексѣй Емельяновичъ,—не тѣмъ будь помянутъ, царство ему небесное, не гной его косточки,— нигдѣ ничему не учился, о Мольерѣ и Расинѣ не слыхивалъ, съ молодыхъ дней бывалъ прой, забіякой, собутыльникомъ Алексѣю Орлову (гр. Алексѣю Григорьевичу), а подъ старость страдалъ отъ подагры, геморроя и лѣтомъ обувалъ ноги свои въ бархатные на байкѣ сапоги. Вотъ полнѣйшая біографія почившаго,—ни прибавить, ни убавить нечего.

На диво выкинулся человѣкъ! Иное дѣло, и нѣтъ въ томъ удивленія, что Емельяновичъ вѣдалъ пріемы кулачныхъ бойцовъ, какъ ударить къ мѣсту (значитъ по артерной жилѣ на шеѣ), подъ никитки (въ лѣвый бокъ къ груди, близь сердца), земляныхъ послушать часовъ (ударъ по виску), рожество надкрасить (разбить скулы, подбить глаза), краснаго пѣтуха (своротить носъ). Онъ былъ въ превосходной школѣ у А. Гр. Орлова.

Какъ ему съ которой стороны навѣяло идею театръ домашній сочинить! Онъ самъ въ театральномъ искусствѣ не зналъ ни уха, ни рыла! Дѣвицы, дочери его, почтенныя благородныя дамы; сложеніе дамъ елизаветинскаго вѣка, плечистыя, благообъятныя, благопріятныя! Бюстъ возвышенный опирался на твердомъ, массивномъ пьедесталѣ, но природа, наградившая ихъ щедро во всѣхъ отношеніяхъ, надѣлила дѣвицъ неграціознымъ длиннымъ носомъ; едва-ли не носъ былъ виновникомъ театральнаго заведенія въ домѣ г. Столыпина. Въ Симбирской отчинѣ проживая, дѣвицы боярышни изволили сами занимать высокія амплуа въ трагическихъ пьесахъ. Содержаніе театра г. Столыпину въ Симбирской его отчинѣ почти никакихъ необыкновенныхъ расходовъ не причиняло, бюджетъ прихода и расхода состоялъ въ равновѣсіи; актеры трагики, солисты пѣвцы, актеры комики служили по двумъ министерствамъ его дома; утромъ порскаютъ (съ собаками на охотѣ), вечеромъ комедію, трагедію, оперу играютъ. Это было благоразумно и хозяйственно соображено; солистъ Ганька такъ

гаркнетъ подъ опушкой, что изъ всякаго зараза [1]) не только зайца, да медвѣдя подыметъ; трагикъ Доронька приметъ и ловко и смѣло арзамаскаго воеводу на рогатину (арзамаскимъ воеводой называютъ медвѣдя): онъ въ трагедіяхъ набилъ руку колоть, даже закалываться. Первыя амплуа актрисъ занимали сѣнныя дѣвушки уборщицы; уборщицею называли дѣвушку, которую отдавали въ обученіе въ Москвѣ къ мадамъ содержательницѣ моднаго магазина, на Кузнецкомъ мосту, гдѣ дѣвушка всему научалась, но главная ея обязанность была изучить искусство умѣть одѣть боярышню по модѣ и къ лицу. Обучаться убирать волосы на головѣ отдавали благовременно мальчиковъ знаменитому артисту сего художества, парикмахеру г. Трегубова. Для обстановки пьесъ на сценѣ,—цѣлая фабрика коверная и самопрялокъ дѣвокъ безъ малаго сотня, выбирай любую. Гардеробъ, костюмы для царицъ и княженъ въ трагедіяхъ перешивались изъ робронъ боярышень; для костюмовъ актеровъ прикащика Еремѣича ежегодно на первой недѣлѣ поста посылали въ Москву, гдѣ онъ на толкучемъ рынкѣ скупалъ у торговокъ разныя платья, пріобрѣтенныя торговками за дешево у промотавшихся щегольковъ въ сырную недѣлю. Этого еще недовольно; спекулятивный умъ извлекаетъ во всѣхъ случаяхъ пользу; при построеніи актрисамъ новой театральной аммуниціи, обдержанныя преобразовали въ ризы священнику церкви села.

Одна изъ дѣвицъ дочерей Алексѣя Емельяновича, замѣтивъ въ зеркало на лицѣ расположеніе къ образованію морщинки, выслушала благосклонно генералъ-маіора армянскаго племени и закона, Хастатова, и приняла предложеніе соединиться узами законнаго брака.

Боже мой! какой гвалтъ въ Москвѣ бѣлокаменной подняли заматорѣлыя княжны, графини и просто дворянскія дщери! кричатъ какъ бѣснующійся Ледрю-Ролень въ клубѣ комунистовъ (1848 г.), кричатъ какъ благородной дѣвицѣ вступить въ супружество съ армяниномъ! Да знаетъ ли, несчастная, что у Арія на вселенскомъ соборѣ утроба лопнула! Да вѣдь она погубила свою душу! Какъ ее не остановили, не растолковали ей грѣха (тогда дамы не знали различія исповѣданія армянской церкви и ученія Арія); казалось—о чемъ было столь много безпокоиться заматорѣ-

[1]) Чаща, куща лѣса.

лымъ дѣвамъ благороднаго сословія? госпожа Хастатова въ супружествѣ была счастлива, генералъ Хастатовъ былъ человѣкъ добрый, благонамѣренный, его любили въ обществѣ и она, супруга его, лучше всѣхъ заматорѣлыхъ княженъ и графинь вѣдала, что у супруга ея, ген. Хастатова, трещины на животѣ нѣтъ и всѣ части тѣла его состоятъ въ должномъ видѣ и надлежащей исправности! Заматорѣлыя дѣвы и боярыни, варакушки въ Москвѣ, страшные народы!

Екатерина, премудрая Екатерина, говаривала: „а что объ этомъ старыя дѣвы въ Москвѣ заговорятъ!“

И я чуть чуть не угодилъ подъ бѣлую ленту по милости заматорѣлой дѣвы!

Въ Москвѣ, на большой Ордынской улицѣ, стояли деревянныя длинныя хоромы со всѣми возможными вычурами, львами, единорогами въ гербѣ надъ воротами; словомъ, со всѣми принадлежностями околичностями барства. Въ хоромахъ жили двѣ сестры дѣвицы, дочери заслуженнаго героя генералъ-аншефа Гринькова, конечно героя! въ тогдашнее время, вѣкъ Екатерины, генералы не выростали на вахтъ-парадѣ какъ шампиніоны въ навозѣ.

Помню, какъ Петръ Дмитріевичъ Еропкинъ, генералъ аншефъ Екатерининскаго времени, сказалъ генералу отъ инфантеріи Ивану Васильевичу Черткову въ благородномъ собраніи, который дозволилъ себѣ сказать Еропкину: „въ нашихъ чинахъ“; Еропкинъ, взглянувъ на Черткова пристально, сказалъ: „вы ошиблись генералъ отъ инфантеріи, не въ нашихъ, а въ вашихъ чинахъ!“

Генералъ Гриньковъ оставилъ большое достояніе дочерямъ; тогда голыхъ генераловъ не было; за службу отечеству цари награждали офицеровъ помѣстьями. Дѣвицы были очень хороши, слыли красавицами; къ ихъ несчастію, отецъ не успѣлъ дочерей выдать въ замужество, онѣ остались очень молоды; явилась толпа жениховъ достойныхъ и недостойныхъ; дѣвицы, будучи богаты, были черезъ чуръ разборчивы: одинъ казался имъ великъ, неловокъ въ танцахъ, неуклюжъ, другой былъ очень малъ какъ лилипутъ, такимъ образомъ дожили они сначала до морщинъ, потомъ и до сѣдыхъ волосъ, но формы не теряли, бѣлили, румянили лицо, сурмили брови, лѣпили бархатныя мушки на щекахъ,

всегда волосы причесаны а ла вальеръ, всегда въ желѣзномъ корсетѣ à la reine d'Angleterre, всегда ѣздили въ каретѣ семистекольной, раззолоченной, всегда цугомъ въ шорахъ и назади кареты торчали три лакея въ ливреѣ по гербу!

Вся часть города Москвы за рѣкою, называемая Замоскворѣчье, была назначена для помѣщенія на квартирахъ Екатеринославскаго кирасирскаго полка, и у дѣвицъ Гриньковыхъ въ домѣ квартировали четыре кирасира. Все шло хорошо, все было спокойно, тихо, ничто порядокъ не нарушало, да на бѣду православныхъ бываетъ въ году сырная недѣля, когда попъ, пастырь овецъ духовныхъ, и овцы, лакей и скороходъ и весь безъхвостыхъ родъ и ѣстъ, и пьетъ одинъ за пятерыхъ, у всѣхъ въ глазахъ двоится и сверху внизъ стремится!

Случился въ домѣ генеральскихъ дочекъ грѣхъ; лейбъ-кучеръ Агафонъ поѣлъ блинковъ съ припекой и простыхъ, а для сваренія мягкой пищи въ желудкѣ выпилъ царскаго безъ мѣры—и сатанѣ потѣха! Агафонъ съ кирасирами квартировавшими былъ пріятель, вмѣстѣ хаживали въ кабакъ, въ этотъ день ни съ того, ни съ другаго поссорились и подрались; сраженіе большое и малое, безъ числа крики, вопли, какъ речитативъ итальянской оперы безъ акомпанимента не бываетъ! Дошелъ гамъ, крикъ и вопль до слуха ихъ высокопревосходительства; у Агафона былъ свороченъ носъ какъ стоптанный подборъ у сапога и рожа вся была въ крови, а барышни готовы были ѣхать въ послѣдній маскарадъ, надобно на семь недѣль съ веселіемъ проститься; поднялась въ генеральскомъ домѣ бѣготня, конфузъ ужасный!

Боярышни огорчены, растроены, разгнѣвались, а пособить, исправить дѣло невозможно; Агафонъ лыка не свяжетъ, пьянъ и носъ какъ башмакъ. Старшая сестра, дѣвица вспыльчиваго нрава, взбѣшенная препятствіемъ быть въ прощальномъ маскарадѣ, ожидала съ нетерпѣніемъ, какъ голодный воронъ крови, утра, когда проспится Агафонъ и выполощетъ ротъ (пополоскать ротъ значитъ на арго пьяницъ опохмѣлиться, выпить чарку вина). Въ чистый понедѣльникъ, первый день первой недѣли великаго поста, въ 7 часовъ утра, дѣвица Гринькова изволила пріѣхать къ фельдмаршалу; моя была обязанность явиться графу въ 6 часу. Швейцаръ Бердышевъ, услышавъ на подъѣздѣ хлопанье бича, увидѣвъ раззолоченную карету цугомъ, вбѣжалъ ко мнѣ въ предкабинетную комнату въ испугѣ и спрашиваетъ:

— „Александръ Михайловичъ, какъ изволите приказать: принять или отказать?“

— „Посмотри прежде кто пріѣхалъ, графъ еще не отпиралъ кабинета, Урвачевъ (камердинеръ фельдмаршала) не приходилъ еще позвать меня къ фельдмаршалу“.

Швейцаръ побѣжалъ на подъѣздъ и черезъ минуту опять вошелъ доложить: дочь генералъ-аншефа Гринькова по важному дѣлу.

—„Проси скорѣй“, и самъ пошелъ въ переднюю залу принять ея превосходительство.

Входитъ дама высокаго роста, корсетъ à la reine d'Angleterre стройно держалъ высокопревосходительное тѣло, лицо, искуснѣйшимъ образомъ намалеванное, показывало, что ей не болѣе какъ подъ сорокъ лѣтъ; волосы подкрашены, брови насурмлены и на правой щекѣ бархатная мушка. Я почтительно поклонился ея высокопревосходительству, просилъ идти въ пріемную залу.

Вошедъ въ залу, она спросила меня: „вы адъютантъ Тургеневъ?“

— „Я, ваше высокопревосходительство“, отвѣчалъ я, и просилъ ее опуститься въ кресла.

— Я знала вашу матушку, танцовала на ея свадьбѣ, я была тогда еще ребенкомъ; здравствуетъ ли матушка ваша?

— „Давно уже скончалась“.

Въ отвѣтѣ моемъ слово давно, замѣтилъ я, было ея высокопревосходительству непріятно; оно произвело на лицѣ ея кислую мину. Чтобы узнать о причинѣ ея прибытія, я сказалъ:

— „Ваше высокопр—во такъ рано безпокоили себя?“

— Ахъ, Боже мой, да дѣло важное, уголовное; ваши кирасиры...

Признаюсь, я самъ поморщился, услышавъ ваши кирасиры, подумалъ: вотъ пострѣлы, накутили тамъ, бѣда будетъ.

Тутъ ея высокопр—во изволила дать полную свободу устамъ, какъ мельницу прорвало! Минуты три, а много пять продолжался разсказъ и я подробное получилъ свѣдѣніе кто Агафонъ, какъ онъ напился до пьяна, какъ подрался съ кирасирами, даже о томъ, на которую сторону своротили Агафону носъ! Въ заключеніе монолога дѣвица Гринькова раза три повторила: „это уголовщина, это несносно!“

Въ эту минуту камердинеръ Урвачевъ позвалъ меня къ фельдмаршалу. Я поклонился ея высокопр—ву, сказалъ: „извините, сударыня, фельдмаршалъ приказалъ мнѣ“, и пошелъ въ кабинетъ. Графъ спросилъ меня: „что есть кто у насъ?“

— Для чистаго понедѣльника, ваше сіятельство, изволите увидѣть une précieuse de Molière, и разсказалъ фельдмаршалу, что̀ выслушалъ въ разсказѣ ея высокопр — ва.

Графъ разсмѣялся и сказалъ:

— „Ну пусть ее сидитъ, скажи ей, что прошу пообождать, выйду принять ея высокопревосходительство“.

Я, исполнивъ приказаніе фельдмаршала, воротился въ кабинетъ докладывать графу поступившія бумаги.

Представьте себѣ прогнѣванную старую дѣву, которая съ семи часовъ утра до 12 часовъ была въ порывѣ яростнаго гнѣва, принуждена сидѣть спокойно и благочинно въ креслахъ. О, когда старыя дѣвы бываютъ восторжены яростью, тогда и сатана отбой барабанитъ. Она забыла своего лейбъ-кучера Агафона, забыла, что длинный его носъ сплюснутъ, какъ растоптанный башмакъ, и всю желчь, мщеніе приготовила предъ фельдмаршаломъ излить на меня, совершенно невиннаго человѣка. Ея высокопрев — ву померещилось, что я не хотѣлъ доложить графу о ея пріѣздѣ; Богъ знаетъ, что дѣвѣ лѣзло въ голову.

Въ 12 часовъ собирались у фельдмаршала: комендантъ Иванъ Крестьяновичъ Гессе, оберъ-полиціймейстеръ, губернаторъ, прокуроръ, губернскій архитекторъ, генералы, начальники провіантскаго депо и коммисаріата и всегда толпа просителей.

Графъ вышелъ въ пріемную, прямо подошелъ къ дамѣ, я, какъ и всегда, по долгу званія, за нимъ.

Ея высокопр — во начинаетъ приносить жалобу на меня.

— „Помилуй, графъ, защити меня, этотъ (указывая на меня) сорванецъ крайне меня разобидѣлъ наглостію, дерзостію; я дочь генералъ-аншефа“.

Графъ, взглянувъ на меня, сказалъ: „Тургеневъ! ты что это, какъ ты смѣлъ?“

Я доложилъ фельдмаршалу, что мнѣ никогда на мысль не приходило оскорблять ея высокопревосходительство, что съ должнымъ уваженіемъ и вниманіемъ я выслушалъ разсказъ ея высокопревосходительства о дракѣ съ кираспрами кучера Агафопа; въ

эту минуту меня позвали къ вашему сіятельству, я поклонился ея высокопр—ству и пошелъ къ вамъ въ кабинетъ. Агафонъ, да, кучеръ Агафонъ спасъ меня отъ непріятныхъ послѣдствій. Высокопревосходительная дѣва, услышавъ въ разсказѣ моемъ фельдмаршалу имя Агафона, вспомнила зачѣмъ она пріѣхала къ фельдмаршалу и начала съ жаромъ разсказывать подробно и энергически, какъ въ бою Агафону своротили на сторону носъ, что она была испугана, лишена удовольствія быть въ маскарадѣ, что съ нею сдѣлалось дурно!

Фельдмаршалъ отвѣчалъ ея высокопр — ву:

— „Успокойтесь, сударыня, кирасиръ прикажу наказать, а что касается до носа вашего кучера Агафона, вы знаете, сударыня, сраженіе безъ пролитія крови не бываетъ, à la guerre comme à la guerre!“ — и поклонился дѣвѣ.

Добрый и почтенный комендантъ Гессе, чтобы избавить фельдмаршала отъ разъярившейся гнѣвомъ дѣвы, доложилъ фельдмаршалу:

— „Ваше сіятельство, парадъ готовъ“.

Въ тогдашнее время вахтъ-парадъ могъ прекратить не только процессъ о расплюснутомъ носѣ кучера Агафона, но о чемъ вамъ угодно; вахтъ-парадъ готовъ—все оставь и маршируй на вахтъ-парадъ! Вахтъ-парадъ дѣло важное, государственное, кто толкъ въ этомъ знаетъ.

А. М. Тургеневъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

МИХАИЛЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ФОНЪ-ВИЗИНЪ.

На страницахъ „Русской Старины“ многократно было упоминаемо о Михаилѣ Александровичѣ Фонъ-Визинѣ (декабристѣ). Два мемуара изъ большаго собранія его рукописныхъ трудовъ были напечатаны на стр. этого-же изданія. Таковъ разсказъ изъ его воспоминаній: „Эпизодъ 1807 г.“ (см. „Русскую Старину“ изд. 1881 г., томъ XXXI, стр. 503 — 530) и его-же „Очерки русской исторіи IX — XVIII вв.“ (Русская Старина“ изд. 1884 г., томъ XLII, стр. 31—66, 281—302).

Михаилъ Александровичъ Фонъ-Визинъ былъ однимъ изъ замѣчательныхъ представителей русскаго общества эпохи Александра I. Человѣкъ обширнаго образованія—онъ служилъ съ большимъ отличіемъ до генеральскаго чина на поляхъ битвъ, а затѣмъ сталъ въ ряды той части общества, которое пламенно желало улучшенія и преобразованія внутренняго строя Россіи.

Помѣщаемъ здѣсь воспоминаніе объ этомъ, вполнѣ достопамятномъ, русскомъ дѣятелѣ,—воспоминаніе, принадлежащее лицу, весьма близко его знавшему.

Ред.

I.

Михаилъ Александровичъ былъ сынъ Александра Ивановича Фонъ-Визина, родного брата извѣстнаго Дениса Ивановича фонъ-Визина.

Отецъ Михаила Александровича женился на двоюродной сестрѣ своей, вслѣдствіе чего Мамоновы оспаривали законность этого брака, желая лишить дѣтей его права на наслѣдство Мамоновскаго огромнаго имѣнія, что и побудило Александра Ивановича помѣстить въ военную службу сына своего, Михаила Александровича, едва достигшаго 15-ти-лѣтняго возраста; и точно, за отличіе его по службѣ высочайше утверждены были права его на Мамоновское наслѣдство.

Михаилъ Александровичъ служилъ въ Измайловскомъ лейбъ-гвардіи полку и произведенъ въ офицеры подъ Аустерлицомъ въ 1805 году. Въ 1812 году онъ былъ адъютантомъ у начальника штаба, Алексѣя Петровича Ермолова, который особенно любилъ и уважалъ его, и даже въ своихъ Запискахъ упоминаетъ о немъ: „Какъ при Маломъ Ярославцѣ, пишетъ Ермоловъ, храбрые адъютанты мои—поручикъ Фонъ-Визинъ и артиллеріи поручикъ Поздѣевъ, чрезвычайно мнѣ способствовали всюду, куда ни посылалъ я ихъ, не менѣе вѣрилъ имъ, какъ самому себѣ“.

Во время кампаніи Михаилъ Александровичъ скоро дослужился до полковничьяго чина, такъ что въ 1813 году ему ввѣрено было командованіе полкомъ. Въ 1814 году онъ находился въ авангардѣ въ городѣ Provins, гдѣ дивизіонный командиръ назначилъ ночлегъ и велѣлъ дать отдыхъ солдатамъ, расположивъ ихъ по квартирамъ. Ночью маршалъ Удино (Oudino) напалъ врасплохъ на нашъ авангардъ; русскіе ударили тревогу и войско выступило, не успѣвши одѣться, съ однимъ оружіемъ въ рукахъ. Тутъ былъ взятъ въ плѣнъ весь отрядъ русскій, въ томъ числѣ и Михаилъ Александровичъ Фонъ-Визинъ и Константинъ Марковичъ Полторацкій. Французы сняли съ нихъ обувь и мундиры. Маршалъ же Удино, увидѣвъ плѣнныхъ, велѣлъ тотчасъ Фонъ-Визина снарядить одеждой и съ рекомендательнымъ письмомъ къ друзьямъ своимъ отправилъ его въ Парижъ, гдѣ онъ жилъ на свободѣ и ласково былъ принятъ. Когда союзныя войска стали подходить къ Парижу, всѣхъ плѣнныхъ отправили въ Бретанію, въ городъ Марьякъ. Тамъ находились нѣсколько тысячъ плѣнныхъ русскихъ и австрійцевъ.

Между жителями было много роялистовъ; Фонъ-Визинъ, узнавъ отъ нихъ, что дѣло Наполеона пропграно, рѣшился поднять бѣлое знамя, уговоривши на это заранѣе всѣхъ русскихъ плѣнныхъ; они завладѣли арсеналомъ, обезоружили караулы и сдѣлались хозяевами въ городѣ, объявивъ его на военномъ положеніи. Австрійскіе офицеры побоялись принять участіе въ этомъ дѣлѣ, лишь одинъ изъ нихъ, славянинъ, уговорилъ австрійскихъ рядовыхъ пристать къ русскимъ. На подкрѣпленіе къ войску Наполеона шелъ, между другими войсками, конно-егерскій полкъ, которому слѣдовало пройти чрезъ городъ. Фонъ-Визинъ согласился

на это подъ однимъ условіемъ, чтобы полкъ прошелъ чрезъ городъ обезоруженный, оружіе же на подводахъ слѣдовало за полкомъ.

По вступленіи союзниковъ въ Парижъ, государь Александръ Павловичъ очень сухо принялъ Фонъ-Визина, бывши недоволенъ его самоуправствомъ; но вслѣдъ затѣмъ Фонъ-Визинъ, будучи представленъ королю Людовику XVIII-му, былъ осыпанъ его ласками и удивился, встрѣтивъ во дворцѣ мушкетеровъ gris знакомаго герцога де-Брисакъ, который незадолго передъ тѣмъ былъ принятъ юнкеромъ въ Семеновскій полкъ.

Въ 1815 году Фонъ-Визинъ командовалъ полкомъ въ корпусѣ гр. Воронцова, командовавшаго оккупаціоннымъ русскимъ отрядомъ во Франціи въ теченіи трехъ лѣтъ. Возвратясь въ 1818 г. въ Россію, въ эпоху Аракчеевскаго владычества, онъ не могъ вынести новыхъ порядковъ и вышелъ въ отставку, но въ скоромъ времени гр. Петръ Александровичъ Толстой, который командовалъ корпусомъ въ Москвѣ, упросилъ Фонъ-Визина вновь поступить на службу и назначилъ его командиромъ Егерскаго полка, гдѣ онъ устроилъ на свой счетъ юнкерскую школу. Узнавъ объ этомъ, гр. Дибичъ, при посѣщеніи школы, до того былъ восхищенъ этимъ учрежденіемъ, что представилъ государю проэктъ объ учрежденіи для юнкеровъ казенныхъ школъ.

Михаилъ Александровичъ Фонъ-Визинъ такъ былъ любимъ и уважаемъ офицерами полка, что при выходѣ въ отставку офицеры поднесли ему на память золотую шпагу. Насколько-же онъ былъ обожаемъ солдатами за свое кроткое и человѣчное обхожденіе съ ними (у него въ полку запрещено было даже тѣлесное наказаніе), доказываетъ слѣдующій эпизодъ изъ его казематной жизни. Когда впослѣдствіи образовалось такъ-называемое тайное общество, Фонъ-Визинъ вступилъ въ него и принималъ въ немъ дѣятельное участіе; 14-го декабря 1825 г. онъ лично не былъ замѣшанъ въ дѣлѣ, будучи въ то время въ своей подмосковной деревнѣ Крюковѣ, теперешней Крюковской станціи по Николаевской желѣзной дорогѣ. Здѣсь онъ былъ арестованъ, увезенъ въ Петербургъ и посаженъ въ Петропавловскую крѣпость.

Во время его заточенія въ крѣпости случилось однажды быть въ караулѣ солдатамъ того полка, которымъ онъ прежде командовалъ; во время его прогулки по берегу Невы, вокругъ крѣпости,

подъ конвоемъ этихъ солдатъ, они, рискуя жизнію, убѣждали и умоляли его воспользоваться свободой и бѣжать. Какъ онъ ни былъ тронутъ и пораженъ такою преданностію съ ихъ стороны, но, конечно, не согласился, ради своей свободы, подвергнуть ихъ наказанію и въ то же время ухудшить положеніе своихъ товарищей, которые послѣ его побѣга подверглись бы, конечно, еще болѣе строгому надзору.

II.

Михаилъ Александровичъ Фонъ-Визинъ былъ женатъ на двоюродной своей племянницѣ Натальѣ Дмитріевнѣ Апухтиной (мать ея, Марья Павловна Апухтина, была рожденная Фонъ-Визина). Когда въ 1827 году онъ былъ сосланъ въ Сибирь, то у него осталось въ Россіи два сына, одному было три, а другому два года; они остались почти круглыми сиротами, потому что мать ихъ, Наталья Дмитріевна,—не смотря на то, что правительство всячески старалось отклонить ее отъ намѣренія ѣхать за мужемъ и предлагало ей даже разныя выгоды, если она останется, — послѣдовала за мужемъ на каторгу, годъ спустя послѣ ссылки его, когда устроила свои дѣла и передала двухъ малолѣтнихъ сыновей своихъ на полное попеченіе родному дядѣ ихъ, Ивану Александровичу Фонъ-Визину, который въ полномъ смыслѣ слова свято исполнилъ долгъ воспитателя дѣтей своего брата-изгнанника.

Замѣчательный былъ съ нею случай, коимъ Провидѣніе видимымъ образомъ указало ей на то, что ей слѣдовало ѣхать въ Сибирь къ мужу. Не имѣя въ продолженіе цѣлаго года никакого извѣстія о немъ (въ началѣ ссыльнымъ не дозволялось писать къ роднымъ) и волнуемая постоянными совѣтами жандармскаго генерала Волкова отложить поѣздку свою хотя до тѣхъ поръ, пока не получится извѣстіе отъ мужа—живъ-ли онъ, она, по своему глубокому религіозному чувству, рѣшилась поѣхать помолиться къ преподобному Сергію въ Троицкую лавру и дѣйствовать уже потомъ такъ, какъ ей Богъ положитъ на сердце. Итакъ, она отправилась въ монастырь съ своей молодой кузиной

въ сопровожденіи одного слуги; посѣтивъ одного затворника, къ которому пошла вмѣстѣ съ своей кузиной и лакеемъ, она была поражена прозорливостію старца, который, при входѣ ея, прямо, безъ всякихъ вопросовъ, далъ ей крестикъ съ слѣдующими словами: „Отвези тому, къ кому ѣдешь“.

Эти немногія, но знаменательныя слова старца тотчасъ ее успокоили; она ясно поняла изъ нихъ, что мужъ ея живъ и она должна къ нему ѣхать; тѣмъ болѣе еще она увѣрилась въ прозорливость св. старца, что тотъ, обратившись тутъ-же къ молодой дѣвушкѣ, ея кузинѣ, желавшей очень выйти замужъ, также не дождавшись съ ея стороны вопроса, сказалъ ей: „въ настоящемъ году выйдешь замужъ“, что и сбылось потомъ въ точности. Лакею-же, спдѣвшему по его указанію вмѣстѣ съ господами, сдѣлалъ обличеніе, сказавъ:

— „На тебѣ лежитъ тяжкій грѣхъ—покайся въ немъ!“

Наталья Дмитріевна, вернувшись домой, узнала отъ людей, что однажды на исповѣди священникъ не разрѣшилъ этому человѣку пріобщаться св. Тайнъ, но онъ, стыда ради человѣческаго, незамѣтно проскользнулъ между народомъ и пріобщился самовольно св. Тайнъ, что его потомъ очень смущало и тяготило.

Насколько Михаилъ Александровичъ обожалъ жену свою, свидѣтельствуютъ тѣ записочки, писанныя на разныхъ лоскуткахъ оберточной бумаги, которыя онъ тайно пересылалъ ей, когда содержался первое время до рѣшенія суда въ Петропавловской крѣпости, въ Петербургѣ. Эти записочки, которыя я прилагаю здѣсь, сохранились у меня въ подлинникѣ.

Супруга Фонъ-Визина, Наталья Дмитріевна, сама по себѣ была женщина замѣчательная по уму и необыкновенно-твердой энергичной волѣ; будучи въ полномъ смыслѣ слова глубоко-религіозной, она съ юныхъ лѣтъ стремилась всегда къ служенію скорѣе Богу, нежели міру, такъ что въ юные годы она удалялась отъ всего мірскаго и желала вступить въ монастырь. Она была единственная дочь у родителей, красавица собой; родители, конечно, были очень противъ ея намѣренія идти въ монастырь, почему она и должна была уступить ихъ волѣ и выйти замужъ за Михаила Александровича, своего двоюроднаго дядю, котораго она всегда цѣнила и уважала за прекрасныя свойства души его и съ которымъ впослѣдствіи, пожертвовавъ родителями и дѣтьми,

раздѣляла всю изгнанническую жизнь его въ Сибири и на каторгѣ. Своею глубокою религіозностію она имѣла огромное вліяніе на мужа, такъ что подъ ея вліяніемъ изъ человѣка равнодушнаго къ религіи—и онъ сдѣлался тоже горячо вѣрующимъ. Его прямая, чистая душа легко поддавалась всему возвышенному и прекрасному.

Въ Тобольскѣ прожили они 17 лѣтъ, постоянно всѣми любимые и уважаемые. Михаилъ Александровичъ былъ необыкновенно радушный хозяинъ, любилъ очень угощать, хотя самъ кушалъ очень немного, но первое удовольствіе его было накормить хорошимъ обѣдомъ. Прислуга въ Сибири вообще была изъ сосланныхъ по волѣ помѣщиковъ; иногда попадались изъ нихъ очень хорошіе люди. Михаилъ Александровичъ очень много читалъ, переводилъ, вообще всегда былъ занятъ, доволенъ и покоренъ Провидѣнью, почему всегда сохранялъ ясность и спокойствіе души. Обожалъ вообще дѣтей; своихъ живыхъ у нихъ въ Сибири не было, всѣ родившіяся тамъ дѣти тамъ же маленькими и умирали; онъ воспитывалъ чужихъ и любилъ ихъ не менѣе, кажется, своихъ собственныхъ дѣтей.

Меня онъ любилъ съ дѣтства, какъ дочь. Знакомство родителей моихъ съ ними, перешедшее потомъ въ дружескія отношенія, началось въ Енисейскѣ; мнѣ тогда было лѣтъ пять, шесть. Отецъ мой, пріѣхавшій изъ Россіи на службу въ Сибирь, переведенъ былъ въ Енисейскъ въ то время, когда Фонъ-Визины были еще тамъ, потомъ нѣкоторое время мы прожили вмѣстѣ съ ними въ Красноярскѣ, а окончательно ужъ не разставались лѣтъ шестнадцать въ Тобольскѣ, гдѣ служилъ послѣднее время мой отецъ, такъ что все дѣтство и вся юность моя прошла подъ нѣжнымъ вліяніемъ этого достойнаго человѣка. Надо было испытать на себѣ, чтобъ вполнѣ понять всю нѣжность, всю заботливость любящаго сердца М. А. Фонъ-Визина. До сихъ поръ я живо помню, какъ бывало почти каждый разъ, какъ я ѣхала на какое-нибудь торжество или балъ, онъ пріѣзжалъ самъ осмотрѣть мой туалетъ, а на другой день узнавать—насколько мнѣ было весело тамъ.

Вообще кружокъ такъ-называемыхъ декабристовъ въ Сибири былъ выходящій изъ ряда обыкновенныхъ. Это были все люди умные и образованные, прекрасно воспитанные, сохранившіе утонченную вѣжливость высшаго общества, къ которому они нѣ-

когда принадлежали, а вмѣстѣ съ тѣмъ, прошедши тяжелыя испытанія въ жизни и узнавъ всю превратность ея, у нихъ выработалась необыкновенная простота и добродушіе. Они относились ко всякому человѣку, цѣня въ немъ прежде всего человѣческое достоинство, почему и были чужды всякаго самомнѣнія. Всѣмъ было какъ-то хорошо и легко съ ними, никто, конечно, не сравнивалъ себя съ ними, отдавая имъ полное предпочтеніе; но никто также и не чувствовалъ себя уничиженнымъ передъ ними или подавленнымъ ихъ превосходствомъ. Ихъ умныя, серьезныя, а иногда и полныя остроты и игривости, бесѣды доставляли истинное наслажденіе.

III.

Въ Тобольскѣ жизнь Фонъ-Визиныхъ при родственныхъ и дружескихъ отношеніяхъ съ бывшимъ въ то время генералъ-губернаторомъ, кн. Петромъ Дмитріевичемъ Горчаковымъ, была пріятно обставлена. Все лучшее общество служащихъ при князѣ Горчаковѣ стремилось познакомиться съ ними, а разъ познакомившись, не могло иначе относиться къ нимъ, какъ съ особеннымъ уваженіемъ.

Добродушное и ласковое обхожденіе Михаила Александровича привлекало всѣхъ къ нему; любящее сердце его никогда не относилось равнодушно къ страданію ближнихъ. Онъ всегда бывало съумѣетъ сказать слово участія и утѣшенія огорченному, не разбирая—кто-бы ни былъ страждущій и отъ чего бы ни страдалъ; никого не осуждалъ и никогда не помнилъ зла. Слѣдующій эпизодъ изъ ссыльной жизни Михаила Александровича ясно характеризуетъ доброту его сердца, не помнившаго зла.

Когда послѣ шести лѣтъ, проведенныхъ въ Петровской тюрьмѣ, на каторгѣ за Иркутскомъ, Михаилъ Александровичъ былъ переведенъ на поселеніе Красноярской губерніи въ городъ Енисейскъ, то грубыя и неразвитыя уѣздныя власти въ началѣ стали съ высокомѣріемъ обращаться съ нимъ, требуя отъ него, какъ отъ ссыльнаго, безусловнаго повиновенія даже всѣмъ прихотямъ. Особенною невѣжественностію отличался бывшій тогда окруж-

ной начальникъ Та—овъ, большой кутило; онъ былъ непосредственнымъ начальникомъ Михаила Александровича; получаемыя изъ Россіи письма не иначе получались, какъ чрезъ этого начальника, который прежде прочитывалъ ихъ самъ, а потомъ уже передавалъ—кому слѣдуетъ; но когда Михаилъ Александровичъ приходилъ къ нему за письмами, онъ не удостоивалъ даже подать ихъ ему, а просто указывалъ рукою на лежащіе на столѣ пакеты, тотъ бралъ и уходилъ. Но вдругъ начальнику пришла фантазія зазывать его къ себѣ на свои пьяныя пирушки, и однажды, зазвавши его къ себѣ, онъ напоилъ его силою пьянымъ. Михаилъ Александровичъ положилъ не ходить больше къ нему, и когда въ слѣдующій разъ отказался отъ приглашенія, то начальникъ до того разсердился за это неповиновеніе, что потребовалъ его къ себѣ уже не какъ гостя, а какъ ссыльнаго поселенца; дѣлать было нечего, хотя противъ воли, а нужно было покориться начальству. Когда же Михаилъ Александровичъ пришелъ туда, то его связали и, грозя кандалами, опять напоили силою и отпустили домой уже на другой день утромъ. Жена его, Наталья Дмитріевна, слабая, больная женщина, будучи беременна, и не зная что дѣлается съ мужемъ, всю ночь провела въ такой страшной тревогѣ, что чрезъ нѣсколько дней потомъ выкинула и чуть было не умерла. Фонъ-Визины написали объ этомъ случаѣ въ Красноярскъ къ губернатору, прося его защиты отъ произвола уѣздной власти; губернаторъ, конечно, понялъ ихъ положеніе, самъ пріѣхалъ въ Енисейскъ, сдѣлалъ строгій выговоръ окружному начальнику, самъ же проводилъ все свободное время своего пребыванія въ Енисейскѣ у Фонъ-Визиныхъ, что не мало удивляло уѣздныхъ властей, которыя по отъѣздѣ губернатора настолько перемѣнились, что вмѣсто прежней грубости стали ухаживать за ними.

Вскорѣ послѣ этого Фонъ-Визиныхъ перевели изъ Енисейска на жительство въ Красноярскъ, а чрезъ годъ, по ихъ личной просьбѣ, въ Тобольскъ, гдѣ жилъ въ то время, какъ я говорила выше, генералъ-губернаторъ западной Сибири, кн. Петръ Дмитріевичъ Горчаковъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, пріѣзжаетъ въ Тобольскъ искать мѣста бывшій окружной начальникъ Енисейска Та—овъ. Узнавъ о родствѣ Михаила Александровича съ кн. Горчаковымъ, онъ обратился къ нему съ просьбою похлопотать ему у князя о мѣстѣ. Михаилъ Александровичъ съ обычнымъ

своимъ добродушіемъ, забывая старое зло, похлопоталъ о немъ и чрезъ его ходатайство тотъ получилъ мѣсто предсѣдателя казенной палаты въ Тобольскѣ, гдѣ потомъ и умеръ. Во время же продолжительной его болѣзни никто такъ часто не навѣщалъ больнаго, какъ тотъ же всегда добрый и любящій Михаилъ Александровичъ. Онъ никогда не жаловался на судьбу, старался принимать все пріятное и непріятное въ жизни какъ ниспосланное рукою Божіей; любимыя его слова при всякомъ скорбномъ посѣщеніи были: „вѣрно такъ угодно Богу!“ За то и любили его всѣ безъ исключенія знавшіе его, уважали и дорого цѣнили его дружбу и вниманіе. Я увѣрена, что всѣ знавшіе его подтвердятъ мои слова.

Радушная внимательность и сердечная признательность за малѣйшую услугу были отличительными чертами его благороднаго характера; подъ его попеченіемъ жилось пріятно и отрадно. Онъ относился одинаково внимательно къ самымъ пустяшнымъ мелочамъ жизни; бывало обо всемъ подумаетъ, чтобы было удобно и хорошо живущимъ у него.

Помню, какъ велика была его заботливость, когда мнѣ случилось поѣхать въ первый разъ изъ с. Марьино осматривать Москву; заранѣе были посланы всѣ распоряженія управляющему дома Ивана Александровича Фонъ-Визина, гдѣ я должна была остановиться, чтобы по пріѣздѣ не имѣть ни въ чемъ недостатка. Кромѣ старой няни и человѣка со мною былъ отправленъ изъ Марьино поваръ, даже заказаны были самимъ Михаиломъ Александровичемъ обѣды на всю недѣлю, которую я намѣревалась провести въ Москвѣ. Я описываю всѣ эти подробности съ тою именно цѣлью, чтобъ показать во всей полнотѣ—какъ велика была всегда заботливость о другихъ незабвеннаго Михаила Александровича...

IV.

Возвращеніе на родину декабриста Михаила Александровича Фонъ-Визина, послѣ 25-лѣтняго страданія въ ссылкѣ, состоялось далеко нерадостно, вслѣдствіе стеченія нѣкоторыхъ обстоятельствъ, о которыхъ я постараюсь передать подробно.

Много вынесено было и пережито имъ въ эти годы томительной борьбы и страха, смѣняемаго иногда надеждой увидѣть современемъ дорогихъ сердцу дѣтей своихъ и милаго брата Ивана Александровича, къ которому онъ питалъ все время самую нѣжную дружбу и съ которымъ еженедѣльно переписывался въ продолженіе всѣхъ 25 лѣтъ ихъ разлуки. И вотъ, наконецъ, надежда на свиданіе готова была осуществиться, такъ какъ сыновья нѣкоторыхъ товарищей его, получивъ разрѣшеніе, пріѣзжали на свиданіе съ отцами въ Сибирь.

Оставалось только и дѣтямъ Михаила Александровича Фонъ-Визина сдѣлать то-же. Начали и они хлопотать о разрѣшеніи и все клонилось уже къ возможности скораго свиданія съ несчастными родителями. Но!... судьбы Божіи неисповѣдимы! Несчастный отецъ лишенъ былъ этого счастія на землѣ. Старшій сынъ его вдругъ заболѣлъ, отправился въ Одессу лечиться и скончался тамъ на рукахъ однихъ своихъ друзей на 26 году жизни. Это было въ 1850 году.

Младшій же братъ его, Михаилъ Михайловичъ, юноша не особенно крѣпкаго здоровья, такъ былъ друженъ съ своимъ старшимъ братомъ, что не перенесъ его потери и чрезъ 8 мѣсяцевъ пріѣхалъ съ надломленнымъ уже здоровьемъ въ Одессу на могилу брата и испустилъ духъ въ той же семьѣ, гдѣ умеръ братъ его, и легъ въ одну могилу съ нимъ. Впослѣдствіи ихъ мать, возвратясь изъ Сибири, посѣтила могилу сыновей своихъ въ Одессѣ, поставила надъ нею великолѣпный, огромнаго размѣра, крестъ съ художественно отлитой изъ бронзы во весь ростъ страдальческой фигурой Спасителя. Трудно описать скорбь несчастныхъ родителей, когда до нихъ дошли въ Сибирь эти печальныя вѣсти. Каждый отецъ, каждая мать поймутъ это сердцемъ лучше всякаго описанія.

Никогда не изгладится изъ памяти моей почтенная фигура старика-отца, пораженнаго новымъ тяжкимъ горемъ въ минуту полученія извѣстія о смерти втораго и послѣдняго сына; онъ стоялъ на колѣняхъ, обративъ взоръ, полный слезъ, къ лику Спасителя, и могъ только прошептать: „Да будетъ воля Твоя святая, Господи! Вѣрно такъ угодно Господу“. Только одна религія и твердая вѣра могла поддержать ихъ въ этомъ тяжкомъ испытаніи.

Въ Россіи, на милой родинѣ, оставалось теперь одно лишь только дорогое сердцу существо, это горячо и нѣжно любимый братъ Фонъ-Визина, Иванъ Александровичъ, который и сталъ просить разрѣшенія пріѣхать самому въ Сибирь на свиданіе съ несчастнымъ своимъ братомъ.

Получивъ позволеніе, онъ тотчасъ же пустился въ путь и пріѣхалъ въ Тобольскъ лѣтомъ 1852 года. Радость свиданія братьевъ послѣ такой многолѣтней разлуки была безпредѣльна! Иванъ Александровичъ прожилъ въ Тобольскѣ 6 недѣль, но спѣшилъ назадъ въ Россію, чтобъ хлопотать о возвращеніи изъ Сибири брата-изгнанника.

Вся зима прошла въ этихъ хлопотахъ и, наконецъ, чрезъ содѣйствіе кн. Алексѣя Федоровича Орлова онъ достигъ желаемаго.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1853 года императоромъ Николаемъ было подписано разрѣшеніе о возвращеніи изъ ссылки Михаила Александровича Фонъ-Визина, въ началѣ-же марта, именно 3 числа, радостная вѣсть эта достигла, наконецъ, и дальнихъ странъ Сибири. Первою вѣстницею свободы Провидѣнію угодно было избрать меня. Письмо отъ брата Ивана Александровича съ вѣстью о свободѣ было переслано чрезъ моего отца, служившаго тогда въ Тобольскѣ прокуроромъ. Когда Фонъ-Визины узнали изъ письма брата о дарованномъ имъ правѣ возвратиться на родину, то слезы радости полились изъ глазъ страдальцевъ и всѣхъ окружающихъ ихъ; упавъ на колѣни, они благодарили Всевышняго за дарованную имъ давно желанную свободу. Весь домъ, вся дворня собралась выразить полное сочувствіе къ ихъ радости и также проливала слезы умиленія, глядя на нихъ.

Однако, не смотря на все желаніе уѣхать скорѣе, они должны были отложить свой отъѣздъ изъ Сибири до мая мѣсяца. Время года не позволяло съ семействомъ пуститься въ такой дальній

путь; слабое же здоровье Ивана Александровича, отъ сильныхъ потрясеній душевныхъ и трудовъ по дѣлу о возвращеніи брата и отъ частыхъ разъѣздовъ въ Петербургъ, не выдержало и онъ слегъ въ постель, такъ что вскорѣ за радостною вѣстью о свободѣ стали приходить тревожныя извѣстія о разстройствѣ здоровья Ивана Александровича. Первое время онъ еще самъ писалъ брату по обыкновенію каждую недѣлю, потомъ вдругъ больше недѣли не имѣли совсѣмъ писемъ отъ него, что заставило страшно встревожиться Михаила Александровича; какъ теперь помню, рано утромъ 9 апрѣля, сильно разстроенный онъ пріѣхалъ къ намъ и просилъ послать на почту, нѣтъ ли на имя моего отца письма къ нему отъ брата. Чрезъ нѣсколько минутъ (мы жили рядомъ съ почтой) письмо было уже въ рукахъ Михаила Александровича. Я вошла въ то время въ комнату и невольно остановилась въ ужасѣ, увидѣвъ почтеннаго старика съ дрожащимъ въ рукахъ письмомъ. Слезы лились изъ глазъ его; я такъ и подумала, что онъ читаетъ извѣстіе о смерти брата; но, кончивъ письмо, онъ перекрестился съ словами:

— „Слава Богу, братъ еще живъ!“

Надежда на выздоровленіе брата хотя и освѣтила его, но, какъ будто подъ тяжестью грустнаго предчувствія, не успокоила совершенно.

Онъ тутъ-же рѣшился ѣхать въ Россію одинъ, не смотря ни на какую дорогу, и прямо отъ насъ поѣхалъ къ губернатору просить дозволенія на выѣздъ. Ровно чрезъ 5 дней, 15-го апрѣля 1853 года, въ великій четвергъ на страстной недѣлѣ, не смотря на страшную распутицу, этотъ 70-ти-лѣтній старецъ отправился одинъ, въ сопровожденіи жандарма, въ простой телѣгѣ на перекладныхъ, въ обратный далекій путь на родину. Любовь къ брату заставила пренебречь всѣми опасностями, могущими встрѣтиться на пути въ такое время года.

Всѣ товарищи, друзья и люди, искренно любившіе Михаила Александровича, собрались провожать его до берега Иртыша, въ трехъ верстахъ отъ Тобольска, до мѣста, называемаго Подъ-Чуваши. Съ замираніемъ сердца слѣдили всѣ, когда телѣга съ сѣдоками въѣхала на ледъ и покрылась до половины колесъ водою, образовавшеюся отъ таявшаго снѣга. Переѣхать Иртышъ было не безопасно; чѣмъ дальше удалялся Михаилъ Александро-

вичъ отъ холодныхъ странъ Сибири, тѣмъ опаснѣе становилось путешествіе.

Въ одномъ мѣстѣ, какъ онъ самъ разсказывалъ потомъ, ему опять пришлось переѣзжать Иртышъ. Никто не брался перевезти, такъ какъ ледъ былъ уже тонокъ; тогда Михаилъ Александровичъ рѣшился перейти рѣку пѣшкомъ, и только что дошелъ до средины, какъ ледъ тронулся, и старикъ съ опасностію жизни, перескакивая со льдины на льдину, добрался, наконецъ, благополучно до противуположнаго берега. Такъ доѣхалъ онъ до Перми, не разъ подвергаясь опасности при переправахъ черезъ рѣки; въ Перми онъ сѣлъ уже на пароходъ, гдѣ хотя и отдыхалъ физически, но за то душевное безпокойство и предчувствіе о потерѣ брата томило его жестоко.

V.

На другой день по пріѣздѣ Михаила Александровича въ Москву, вереница экипажей потянулась къ дому покойнаго брата его, на Малой Дмитріевкѣ, гдѣ онъ остановился. Толпа родныхъ и старыхъ друзей окружала его въ продолженіе цѣлаго дня. Но отраднѣе всего было для Михаила Александровича свиданіе въ Москвѣ со старикомъ Алексѣемъ Петровичемъ Ермоловымъ, у котораго въ молодости онъ служилъ адъютантомъ. Ермоловъ, какъ только узналъ о возвращеніи Фонъ-Визина изъ Сибири, велѣлъ тотчасъ же дать ему знать о его пріѣздѣ въ Москву, и какъ только получилъ это извѣстіе, то явился самъ и весь день не оставлялъ Михаила Александровича. Такое дружеское вниманіе старика Ермолова очень тронуло и утѣшило Михаила Александровича; онъ часто потомъ съ любовію вспоминалъ объ участіи, оказанномъ ему въ то время Ермоловымъ.

Тяжело было одинокому, убитому горемъ, старику поселиться въ родовомъ своемъ имѣніи, селѣ Марьинѣ, (село Марьино, куда по волѣ императора Николая онъ былъ возвращенъ изъ ссылки, съ запрещеніемъ въѣзда въ столицу, родовое имѣніе Фонъ-Визиныхъ, находилось Московской губ., Бронницкаго уѣзда, въ 50-ти верстахъ отъ Москвы), гдѣ жили отцы и дѣды его, гдѣ все

когда-то кипѣло жизнію, общею съ нимъ, тогда какъ теперь онъ былъ одинокъ въ средѣ общества, совершенно чуждаго ему по взглядамъ, по понятіямъ. Все, что было дорого ему на родинѣ, лежало въ свѣжихъ могилахъ, а все дорогое и близкое по сердцу: жена, пріемныя дѣти, товарищи, друзья, всѣ были далеко въ странѣ изгнанія, куда невольно летѣло его сердце. Онъ самъ впослѣдствіи передавалъ мнѣ, какую муку сердечную пришлось ему вынести первое время по возвращеніи своемъ въ Россію.

Три дня спустя послѣ отъѣзда Михаила Александровича изъ Тобольска, въ день Пасхи, жена его, Наталья Дмитріевна, получила изъ Москвы извѣстіе о кончинѣ брата, Ивана Александровича, послѣдовавшей 6-го апрѣля 1853 г. Хоронили его 9-го числа, именно въ тотъ самый день, когда Михаилъ Александровичъ читалъ у насъ въ домѣ, въ Тобольскѣ, то письмо, которое заставило его рѣшиться ѣхать одному, чтобъ застать брата въ живыхъ.

Положеніе Натальи Дмитріевны было тоже ужасное по полученіи извѣстія о смерти Ивана Александровича. Страхъ за мужа, который привыкъ дѣлить съ нею всѣ горести и радости жизни, и боязнь за то, какъ онъ вынесетъ одинъ тяжелое горе, найдя вмѣсто брата лишь свѣжую могилу его, все это терзало ее жестоко. Она рѣшилась ѣхать при первой возможности, и дѣйствительно, уже 4-го мая 1853 года, рано утромъ, мы двинулись въ путь, въ сопровожденіи тоже жандарма, двухъ дѣтей-пріемышей, старой няни, раздѣлявшей съ ними изгнанническую ихъ жизнь въ Сибири, прислуги и меня, которую Наталья Дмитріевна выпросила у отца моего изъ дружбы отпустить съ нею хоть на годъ въ Россію къ нимъ, для утѣшенія несчастнаго старика на родинѣ. Отецъ мой, зная хорошо, что Михаилъ Александровичъ съ дѣтства моего любилъ меня такъ горячо, какъ родную дочь, ничѣмъ больше не могъ доказать имъ свою дружбу въ минуту такого тяжелаго ихъ горя, какъ пожертвовавъ разлукою со мною, такъ какъ отецъ тоже очень любилъ меня, и мнѣ болѣе не суждено было увидѣть его здѣсь на землѣ. 4 мѣсяца спустя послѣ кончины Михаила Александровича, отецъ мой скончался въ Тобольскѣ, въ то время, какъ я была еще въ Россіи.

Наше трехнедѣльное путешествіе изъ Сибири было не лег-

кое. Разливъ рѣкъ былъ не малою помѣхою и мы останавливались отдыхать въ разныхъ городахъ по нѣсколько дней. Въ Казани пробыли дня три, также какъ и въ Екатеринбургѣ, который намъ очень понравился своею необыкновенною чистотою. Казань же поражала больше столичнымъ видомъ. Менѣе всего понравилась Пермь. Какою-то мрачною показалась она намъ, даже Кама настолько была бурна и непривѣтлива, что мы не рѣшились плыть водою, а поѣхали въ экипажахъ. Михаилъ Александровичъ, даже проѣздомъ останавливаясь пить чай на почтовыхъ станціяхъ, съумѣлъ оставить по себѣ добрую память. Во многихъ мѣстахъ намъ оказывали особенную услужливость станціонные смотрителя, узнавши, что нашъ кортежъ составлялъ семью того добраго и необыкновенно ласковаго господина, который говорилъ имъ, что скоро будетъ проѣзжать его семейство.

— „Что за простой и ласковый въ обхожденіи баринъ!—говорили они про него.—Рѣдко встрѣчали такихъ господъ, хоть и много проѣзжаетъ ихъ у насъ!“ Наконецъ, измученныя и усталыя, мы были рады дотащиться до Москвы, гдѣ надѣялись отдохнуть дня два, три. Но увы! намъ не дали даже вздохнуть спокойно, не только отдохнуть.

Рано утромъ, 26-го мая 1853 года, въѣхали мы въ Бѣлокаменную чрезъ Владимірскую заставу; велика показалась мнѣ Москва, пока мы добрались до Малой Дмитровки, въ домъ покойнаго Ивана Александровича Фонъ-Визина. Грустно сжималось сердце въ этой обширной, но пустынной для насъ столицѣ! Въ домѣ насъ ждали родные Натальи Дмитріевны, тетка ея, Александра Павловна Фонъ-Визина, и дядя ея, Сергѣй Павловичъ Фонъ-Визинъ, и другіе родные. Не прошло часа послѣ нашего пріѣзда, какъ явился чиновникъ отъ генералъ-губернатора, гр. Закревскаго, прося насъ немедленно выѣхать изъ Москвы въ с. Марьино. Наталья Дмитріевна настолько была утомлена далекимъ путешествіемъ, что просила позволить ей хоть ночевать въ Москвѣ. Пошли переговоры, ходатайства родныхъ; но ничто не помогло,—неумолимая власть не согласилась и на это, боясь, какъ мы узнали потомъ, чтобъ не было и къ ней такого-же съѣзда, какъ было при проѣздѣ Михаила Александровича чрезъ Москву. Итакъ, къ вечеру того же дня, мы выѣхали далѣе, въ сопровожденіи московскаго уже жандарма, въ полной формѣ возсѣдавшаго у насъ

на козлахъ. Сопровождавшій-же насъ изъ Тобольска жандармъ, не знаю по какимъ ужъ соображеніямъ власти, оставленъ былъ въ Москвѣ, тогда какъ Михаила Александровича жандармъ-сибирякъ проводилъ его прямо до с. Марьина. Намъ было очень жаль разставаться съ жандармомъ-сибирякомъ, сдѣлавшимъ съ нами трехнедѣльное путешествіе, тѣмъ болѣе, что человѣкъ онъ былъ прекрасный, и когда сталъ съ нами прощаться, то со слезами бросился въ ноги Натальѣ Дмитріевнѣ и обнимался при прощаніи съ нами по братски. Когда тронулся нашъ кортежъ, состоявшій изъ трехъ сибирскихъ тарантасовъ, изъ которыхъ выглядывали наши грустныя лица, и вслѣдъ за ними двинулись кареты родныхъ, провожавшихъ насъ до Покровской заставы, то все это представляло зрѣлище скорѣе ссылаемыхъ, нежели возвращающихся на родину ссыльныхъ. Народъ останавливался и грустно смотрѣлъ намъ вслѣдъ.

Проѣхавши всю ночь, на другой день утромъ мы остановились въ Бронницахъ, съ тѣмъ, чтобы на могилѣ брата Ивана Александровича отслужить панихиду, и отправили въ это время гонца въ с. Марьино, отстоящее въ 2-хъ верстахъ отъ Бронницъ, предупредить Михаила Александровича, что мы ѣдемъ. Только что мы успѣли свернуть съ шоссе на проселокъ, какъ увидѣли вдали, чуть не бѣгущаго къ намъ на встрѣчу, Михаила Александровича; радость свиданія нашего была безгранична.

VI.

Въ с. Марьинѣ Михаилъ Александровичъ прожилъ, по возвращеніи своемъ, ровно 11 мѣсяцевъ.

Душевныя потрясенія, сердечное горе, вынесенное хотя съ удивительною покорностію къ святой волѣ Всевышняго, повліяло разрушительно на его здоровье. Силы стали измѣнять ему; отсутствіе товарищей и задушевныхъ умныхъ бесѣдъ съ нимъ видимо было тягостно для него. Наталья-же Дмитріевна должна была бо̀льшую часть времени посвящать на приведеніе въ порядокъ весьма разстроеннаго имѣнья, доставшагося ей по наслѣдству отъ брата ея мужа,—Ивана Александровича Фонъ-Визина.

Пріѣзжали, впрочемъ, нѣсколько разъ въ Марьино старые товарищи Михаила Александровича, декабристы: Михаилъ Михаиловичъ Нарышкинъ съ своею женою, рожденною графинеи Коновницыной; баронъ Тизенгаузенъ съ сыновьями; родные товарища Бобрищева-Пушкина и разные родные Фонъ-Визиныхъ. Посѣщенію ихъ радушный хозяинъ всегда былъ очень радъ; ему отрадно было раздѣлить бесѣду съ людьми одного съ нимъ взгляда и образованія, тогда какъ тутъ, въ Марьинѣ, близь маленькаго уѣзднаго города, пришлось ему вращаться болѣе съ людьми, совершенно чуждыми ему по духу и по воспитанію, сосѣдей-же, подходящихъ къ нему, почти никого не было, такъ что бо́льшую часть дня ему приходилось дѣлить со мною.

Лѣтомъ мы съ нимъ много гуляли по любимымъ роднымъ его полямъ. Ему доставляло особенное удовольствіе разсказывать мнѣ про былыя времена; напримѣръ, про нашествіе французовъ въ 1812 году, причемъ онъ вспоминалъ разные эпизоды, касавшіеся лично его въ эту эпоху. Напримѣръ, какъ однажды, будучи адъютантомъ Ермолова, онъ прискакалъ въ Марьино къ отцу своему, жившему тутъ съ семействомъ, сказать, что французы идутъ по этой дорогѣ и чтобъ они уѣзжали какъ можно скорѣе въ Рязань; какъ проводивши ихъ, онъ отправился самъ, не смотря на близость непріятеля, въ баню, которую любилъ, какъ русскій человѣкъ, страстно. Только что успѣлъ онъ выйти изъ бани, ему докладываютъ, что непріятель близко; онъ вышелъ на балконъ дома и, увидавъ дѣйствительно вдали приближающихся французовъ, скрылся отъ непріятеля переодѣтый, съ помощію обожавшихъ его крестьянъ, въ мужицкое платье и, встрѣтивъ нашу бригаду, шедшую къ Москвѣ, остановилъ ее, сказавъ, что Москва занята уже французами. Бригадный генералъ не повѣрилъ было его словамъ и не хотѣлъ измѣнить маршрута, даннаго ему начальствомъ. Тогда Михаилъ Александровичъ энергично возсталъ, взявъ всю отвѣтственность на себя, и далъ генералу письменный приказъ, какъ адъютантъ Ермолова, перемѣнить маршрутъ по случаю занятія столицы непріятелемъ, чѣмъ и спасъ цѣлую бригаду отъ неминуемой смерти или плѣна. Всѣ эти разсказы развлекали его нѣсколько, но не настолько удовлетворяли, чтобъ не чувствовать своего одиночества и горя на родинѣ.

Неизлечимая болѣзнь закралась въ тѣло старика и проявля-

лась разными недугами, мучившими его не мало; такъ прошли лѣто и зима. Приближалась живительная весна и подавала большія надежды на обновленіе силъ и на успѣшную борьбу съ недугами, но неумолимая смерть подкараулила свою жертву какъ разъ въ то время, когда все въ природѣ возраждалось и давало всему жизнь и силу.

20-го апрѣля 1854 года былъ первый теплый, почти лѣтній день. Михаилъ Александровичъ, не смотря на то, что наканунѣ бралъ ванну, упросилъ меня пойти съ нимъ гулять; хотя воздухъ былъ тепелъ, но дулъ довольно пронзительный вѣтеръ; весенній воздухъ показался ему весьма пріятенъ, и онъ находилъ, что давно уже не чувствовалъ себя такъ хорошо, почему и не хотѣлъ вернуться назадъ.

Послѣ двухчасовой прогулки, у него явился хорошій апетитъ и онъ, забывъ о діэтѣ, которую долго соблюдалъ передъ тѣмъ, покушалъ хорошо, былъ веселъ и доволенъ, много шутилъ, а послѣ обѣда, по обыкновенію, легъ на полчаса отдохнуть; вставъ-же, почувствовалъ тошноту, сдѣлалась рвота, которая никого изъ насъ не испугала; мы отнесли это, конечно, къ простому разстройству желудка, уложили его въ постель, давъ домашнія средства противъ разстройства, и, успокоившись, разошлись на ночь по своимъ комнатамъ.

Ночью у него опять поднялась рвота и къ утру превратилась въ черную, какъ чернила; онъ былъ неузнаваемъ, лицо его осунулось и потемнѣло. Послали въ г. Бронницы за докторомъ, который, пріѣхавъ, осмотрѣлъ больнаго, покачалъ головою, сказавъ, что болѣзнь очень трудная и опасная. Дѣлали все, что только могло спасти больнаго, но болѣзнь брала верхъ и шла быстро; сдѣлалось разложеніе желчи.

Страданія были жестокія. Томительная жажда изсушала всю внутренность больнаго; удовлетворять-же ее не позволяла несносная рвота, начинавшаяся послѣ каждой ложки освѣжающей воды. Невыносимыя мученія продолжались ровно 10 дней; выписали было доктора изъ Москвы; но было уже поздно. Онъ нашелъ, что леченіе ведено было бронницкимъ врачемъ правильно, какъ слѣдуетъ; но что спасти страдальца съ самаго начала болѣзни не было возможности.

Я не покидала ни днемъ, ни ночью постели больнаго, кото-

рый во все время не терялъ памяти и сознанія; бодрость духа, остроуміе и какая-то дѣтская веселость не покидали его даже во время этого тяжкаго недуга.

Онъ лежалъ въ кабинетѣ, увѣшанномъ портретами предковъ своихъ; въ томъ числѣ былъ и портретъ его матери, смотря на который, онъ часто сталъ повторять, что скоро со всѣми ими увидится и умретъ въ этомъ-же кабинетѣ, гдѣ скончалась и его матушка.

Чтобы разогнать эти мрачныя мысли, мы рѣшились перевести его въ другую комнату. Онъ согласился и имѣлъ еще настолько силы, что самъ перешелъ нѣсколько комнатъ и шутя говорилъ, что „онъ сталъ теперь точно выходецъ съ того свѣта“. Попросилъ подать ему зеркало, чтобъ, какъ говорилъ онъ, „запомнить свой образъ при томъ исчезновеніи, въ которое вступаю я теперь“.

Бывало, ночью, выйдя изъ забытья и видя меня постоянно около него, обернется ко мнѣ съ своими, всегда добрыми, нѣжными словами: „А вы все здѣсь еще, другъ мой? Измучилъ я васъ?“—или, гладя меня по головѣ, скажетъ: „Какъ вы похудѣли, ухаживая за мной! Не знаю какъ и благодарить васъ за ваше нѣжное хожденіе за больнымъ старикомъ. И какъ долженъ благодарить Бога, что не тогда заболѣлъ я, когда пріѣхалъ сюда одинокимъ! Что сталъ бы дѣлать я тогда безъ нѣжныхъ друзей?“

Онъ чувствовалъ и видѣлъ яснѣе насъ, что недугъ его смертельный. Слѣдующій разговоръ его со мною свидѣтельствуетъ—насколько душа его была приготовлена къ смерти и переходу въ вѣчность.

Однажды, не задолго до его кончины, поддавшись сильному горю при мысли о предстоящей скорой вѣчной разлукѣ съ нимъ, я глядѣла на умирающаго старца, лежавшаго въ забытьи, и залилась слезами. Точно-ли онъ спалъ или такъ лежалъ, но вдругъ онъ ласково обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— „О чемъ вы плачете, другъ мой?“

Услыхавъ его вопросъ, я какъ-бы очнулась и старалась скорѣе скрыть слезы, чтобъ не испугать его, но онъ продолжалъ также тихо и кротко: „не плачьте, другъ мой, обо мнѣ, я готовъ предстать на судъ милосердаго Бога“ и, показывая рукою на стоявшую передъ нимъ икону Спасителя, продолжалъ:

— „Я молю только Господа, чтобъ Онъ послалъ ангела Своего отрѣшить мирно душу мою отъ тѣла. Васъ же прошу, другъ мой, когда меня не будетъ здѣсь на землѣ, помолитесь обо мнѣ. Ваша молитва чистая дойдетъ до Господа и будетъ служить самымъ лучшимъ доказательствомъ дружбы вашей ко мнѣ на землѣ".

Я ужъ больше не могла сдерживать себя и просто зарыдала, припавъ къ его исхудалымъ рукамъ и цѣлуя ихъ. Любящему его сердцу видимо стало жаль меня и онъ сталъ успокоивать меня, говоря: „Не плачьте, другъ мой, Господь можетъ дастъ, что мы опять будемъ гулять вмѣстѣ съ вами по любимымъ полямъ". Но, конечно, я хорошо чувствовала, что это одно лишь утѣшеніе съ его стороны. Вообще въ продолженіе всей болѣзни Михаила Александровича, всѣ съ большою любовію ухаживали за нимъ, никто не тяготился имъ, кажется, всякій былъ-бы радъ цѣлый вѣкъ ходить за такимъ кроткимъ и признательнымъ больнымъ, каковъ былъ онъ. Натальѣ Дмитріевнѣ, женѣ его, тяжелѣе всѣхъ, конечно, было видѣть угасающую столь дорогую ей жизнь, и она съ трудомъ могла сдерживать въ присутствіи больнаго накопившуюся скорбь свою.

Наканунѣ кончины своей Михаилъ Александровичъ по утру попросилъ послать за священникомъ и святыми дарами, исповѣдывался, просилъ у всѣхъ прощенія и съ большимъ чувствомъ пріобщился святыхъ Тайнъ. Потомъ, часъ спустя, по желанію крестьянъ, которые въ продолженіе всей болѣзни его постоянно толпились у дверей дома, узнавая о его здоровьи, сами крестьяне принесли чудотворную ихъ икону Скорбящей Божіей Матери и въ комнатѣ больнаго просили отъ себя отслужить молебенъ за его здравіе. Трогательная была картина, когда комната наполнилась крестьянами, молящимися о дорогомъ отходящемъ. Михаилъ Александровичъ самъ молился съ чувствомъ и видимо былъ тронутъ молитвами за него крестьянъ, которыхъ онъ очень любилъ. Они всегда имѣли къ нему прямой доступъ и онъ любилъ съ ними бесѣдовать о ихъ нуждахъ и много помогалъ имъ. По окончаніи молебна съ обычнымъ своимъ добродушіемъ онъ прощался съ каждымъ изъ нихъ и благодарилъ ихъ за участіе и за любовь, выраженную ими къ нему. Отдохнувъ немного послѣ утомительнаго утра, онъ подозвалъ опять меня къ себѣ, посадилъ возлѣ себя на кровать и спросилъ:

— „Какой завтра день, почтовый? Вы будете писать въ Тобольскъ“? и, не давъ мнѣ отвѣтить, продолжалъ: „Теперь выслушайте мою послѣднюю просьбу: напишите и передайте, пожалуйста, всѣмъ друзьямъ моимъ и товарищамъ, назвавъ каждаго по имени, послѣдній привѣтъ мой на землѣ. Вашему же батюшкѣ скажите особенное отъ меня спасибо за его дружбу и жертву его отпустить васъ ко мнѣ. Вѣдь я знаю—какъ она тяжела была ему, любящему васъ такъ горячо, какъ онъ любитъ“.

Отдохнувъ немного, онъ продолжалъ:

— „Другу же моему Ивану Дмитріевичу Якушкину, кромѣ сердечнаго привѣта, передайте еще, что я сдержалъ данное ему слово при полученіи отъ него въ даръ въ Тобольскѣ этого одѣяла (онъ былъ покрытъ вязаннымъ одѣяломъ, подареннымъ ему Якушкинымъ), обѣщая не разставаться съ нимъ до смерти. А вы сами видите—какъ близокъ я теперь къ ней“!...

День прошелъ спокойно; больной сталъ жаловаться только на боль въ раненой ногѣ.

Къ вечеру боль усилилась, а потомъ поражена была вся правая сторона и частію языкъ параличемъ. Докторъ велѣлъ поставить ногу въ горячую ванну; боль не унималась, а горячая ванна произвела только бредъ; кровь вся прилила къ головѣ, всю ночь онъ бредилъ и усиливался встать, но парализованная нога мѣшала ему.

Къ утру 30-го апрѣля (1854 г.) произошелъ сильнѣйшій упадокъ силъ съ выступившимъ холоднымъ крупнымъ потомъ; бредъ прошелъ, сознаніе вернулось къ больному и онъ сталъ видимо угасать; ему стали представляться какія-то видѣнія. Я принесла ему крестъ съ мощами и предложила читать за мною молитву „Да воскреснетъ Богъ“. Онъ видимо обрадовался, приложился съ благоговѣніемъ ко кресту, но едва могъ уже читать.

Послали за священникомъ, началось соборованіе масломъ, рука больнаго слабѣла и не могла уже держать свѣчу. Плачъ и рыданіе наполнили комнату умирающаго; всѣ домашніе собрались помолиться объ отходящемъ, всѣми столь любимомъ, человѣкѣ.

По окончаніи соборованія священникъ предложилъ ему еще пріобщиться святыхъ Тайнъ; онъ радостно выразилъ свое согла-

сіе и съ чувствомъ глубокаго благоговѣнія принялъ Господа. Священникъ началъ читать отходную; во время чтенія оной Михаилъ Александровичъ отдалъ духъ свой въ руцѣ Божіи съ какою-то неземною радостною улыбкою, озарившею уста его.

Это было въ 4 часа пополудни 30 апрѣля 1854 года.

Миръ праху твоему, добрая, незабвенная, любящая душа!!!

Похороненъ Михаилъ Александровичъ Фонъ-Визинъ Московской губерніи въ городѣ Бронницахъ, при соборномъ храмѣ, въ томъ же склепѣ, гдѣ погребенъ и братъ его, Иванъ Александровичъ.

Хоронили его 4 мая, при огромномъ стеченіи народа, собравшагося со всѣхъ даже окрестныхъ деревень.

М. Д. Францова.

Замѣтки М. А. Фонъ-Визина въ заключеніи въ Петропавловской крѣпости

въ 1826 г.

Марта 17-го. Письма моего милаго, сердечнаго друга—для сердца моего драгоцѣнной памятникъ ея нѣжной любви ко мнѣ. О, Боже милосердый! повергаюсь предъ Тобою и съ сердечнымъ умиленіемъ приношу молитву благодаренія за неизрѣченныя Твои милости. Ты соединилъ меня съ моею милою подругою священными узами—Ты благословилъ взаимную любовь нашу, можетъ-ли быть земное счастье выше сего? Я люблю Наталью всѣми способностями души моей—любимъ ею—Ты, Господи, по великой Твоей благости даровалъ намъ дѣтей. Естъ-ли на свѣтѣ человѣкъ счастливѣе меня? Въ преходящемъ, насъ постигшемъ, несчастіи вижу праведное наказаніе за мои великія прегрѣшенія. Благословляю святую Десницу, карающую меня—покоряюсь святой волѣ Твоей,—Ты наказуешь, Ты и милуешь!

Тяжела разлука съ милыми сердцу—но Ты, Господи, соединишь меня съ ними и минута свиданія съ моею Натальею—минута счастливѣйшая въ жизни моей, съ избыткомъ вознаградитъ мнѣ всѣ горести и мученія разлуки. О, сколь Ты благъ и милосердъ, Господи—Ты ниспослалъ мнѣ лучъ утѣшительной надежды, услаждающій душу мою. О, Наталья! какъ я люблю тебя!

Натальино письмо отъ 5-го марта сильно потрясло душу мою: ужасная мысль вѣчной разлуки съ нею никогда не входила въ мое сердце—я содрогнулся. Источникъ слезъ облегчилъ меня и первое чувство мое было—сердечная молитва къ милосердому Богу, избавившему меня отъ величайшаго бѣдствія, какое можетъ постигнуть меня. Господи, сохрани и помилуй милыхъ сердцу моему—да не коснется къ нимъ несчастіе, молю Тебя обратить на меня все худо, которое могло бы съ ними случиться. Сохрани и помилуй ихъ. Всего на свѣтѣ дороже мнѣ Наталья, дѣти наши и братъ мой съ близкими ему. Господи, избави меня отъ несчастія пережить сихъ милыхъ сердцу моему.

18-го марта. Сумрачный день—и у меня на сердцѣ что-то жутко, какъ говоритъ моя Наталья. Сейчасъ былъ у меня докторъ—этотъ добрый человѣкъ имѣетъ даръ всегда разговорить меня и успокоить. Сегодня послѣ

обѣда обѣщаю себѣ удовольствіе писать къ моему сердечному другу и чтобы продолжить оное, вздумалъ я начать писать къ ней дни за три до отправленія письма. У меня былъ г-нъ М., онъ видѣлъ брата и съ удивленіемъ говорилъ о его душевномъ спокойствіи, твердомъ упованіи на Провидѣніе и пламенной вѣрѣ, которою чистая душа сіо исполнена. Бѣдной братъ былъ также болѣнъ, но теперь, благодареніе Всевышнему, здоровье его поправилось; я сердечно порадовался и подумалъ, что я, слабый человѣкъ, безпрестанно волнуемый, никогда не достигну той степени нравственнаго совершенства, на которой находится другъ мой братъ. Будущую недѣлю хотѣлъ я говѣть и въ жизни моей не былъ въ лучшемъ расположеніи души для исполненія сего священнаго долга — спрашивалъ, но мнѣ сказали, что сіе невозможно. Можетъ быть, Господь сподобитъ меня исполнить оный вмѣстѣ съ другомъ моимъ Натальей. Господи, Тебѣ все возможно, молю Тебя—возврати меня къ моимъ милымъ. Господи, благодарю Тебя, что Ты не лишаешь меня надежды соединиться съ ними. Эта сладостная надежда подкрѣпляетъ меня—Господи, не отними ея у меня.

Въ Благовѣщеніе Пресвятой Дѣвы далъ обѣщаніе, благополучно возвратясь къ вамъ, друзья милые, послать 500 (руб.) на тюрьмы и столько же, по Натальиному распоряженію, бѣднымъ всякаго званія.

26-го марта. Насплу написалъ къ моей Натальѣ. Съ 19-го всѣ дни валяюсь какъ пластъ отъ лихорадки—какъ тѣлесной, такъ иногда и душевной. Авось письма отъ друга моего полечутъ, а Густавъ Ильичъ—па-врядъ.

25-го апрѣля. День для меня незабвенный—послѣ горестной продолжительной разлуки съ другомъ моимъ Натальей, я увидѣлъ ее и ожилъ душою—не помню, чтобы во все продолженіе моей жизни я имѣлъ столь сладостныя минуты, не смотря на то, что чувства наши были скованы присутствіемъ посторонняго человѣка. Господи, благодарю Тебя изъ глубины души моей!

31-го апрѣля. Сегодня свиданіе мое съ Натальей и надежда, которою она оживила, такъ расположили душу мою, что я почувствовалъ необходимость излить чувства мои—чувства радости—чувства безпредѣльной благодарности къ всеблагому Промыслу за всѣ благодѣянія, изливаемыя на меня. Несчастію моему обязанъ я тѣмъ, что въ первый разъ испыталъ я силу и сладость сердечной молитвы къ Богу. Въ продолженіе пяти мѣсяцевъ пребыванія моего въ стѣнахъ сихъ сколько разъ сердечною молитвою облегчалъ я скорбь мою—сколько разъ съ сокрушеннымъ сердцемъ приносилъ я покаяніе въ грѣхахъ моихъ—съ какимъ пламеннымъ чувствомъ молился я о женѣ и дѣтяхъ и о братѣ моемъ. Господи, благодарю Тебя за испытаніе, которое Ты послалъ мнѣ, молю Тебя, да не изгладятся никогда изъ души моей чувства сіи, но да утвердятся и усилятся.

6-го мая. Пріѣздъ друга моего въ Петерб. не только возвратилъ мнѣ спокойствіе душевное, но сдѣлалъ то, что сердце мое стало способно ощущать радость—сегодня ходилъ я гулять по берегу и по обыкновенію думалъ

о моемъ другѣ—вдругъ увидѣлъ яликъ и въ немъ двѣ дамы въ бѣлыхъ шляпахъ—сердце мое мнѣ сказало, что это была моя Наталья, я тотчасъ узналъ ее, хотя въ нѣкоторомъ разстояніи—она меня также и мы оба всѣмъ сердцемъ обрадовались сей счастливой встрѣчѣ—принимаю оную благополучнымъ предзнаменованіемъ скораго соединенія съ моимъ другомъ. Съ сердцемъ, исполненнымъ радости, благодарю Господа—можетъ быть во всей крѣпости сегодня нѣтъ человѣка счастливѣе меня—я почти въ этомъ увѣренъ.

9-го мая. Вчера былъ у меня почтенный нашъ священникъ—и посѣщеніе его было какъ бы упрекъ моей совѣсти, что по сіе время не послѣдовалъ совѣту моего друга Натальи, не покаялся въ моихъ грѣхахъ и не пріобщился святыхъ христовыхъ Тайнъ.

Едва священникъ отъ меня вышелъ, я почувствовалъ сильное желаніе исполнить священный долгъ и тотъ-же часъ написалъ письмо къ коменданту, прося его на сіе позволеніе. Завтра начну говѣть—прилежно читать слово Божіе—ежели мнѣ дадутъ книгу Новаго Завѣта, о чемъ я также просилъ. Какъ бы я былъ счастливъ, ежели бы почтенный священникъ посѣтилъ меня впродолженіи недѣли и я могъ воспользоваться его духовною бесѣдою.

Господи! молю Тебя усердно—помоги мнѣ достойно пріуготовить душу мою къ сему великому дѣйствію—прими чистое покаяніе въ моихъ великихъ прегрѣшеніяхъ и сподоби меня неосужденно причаститися святыхъ Твоихъ божественныхъ Тайнъ.

Передъ симъ душа моя и мысли были разсѣяны ожиданіемъ рѣшенія судьбы моей. Господи, удали отъ меня всѣ суетные помыслы и подкрѣпи меня въ благомъ намѣреніи.

26-го мая. Прогулка сегодня была для меня счастлива—я видѣлъ моего друга Наталью, но возвратился въ тюрьму мою неутѣшенъ. Она мнѣ показалась такъ худа и блѣдна, что я принялъ ее за Е. Ѳ., но послѣ по черному платью и по очкамъ узналъ моего безцѣннаго друга; въ разлукѣ съ ней я узналъ—сколь много люблю ее. Бѣдная грустнѣе—я видѣлъ, что она плакала, и ежели несчастіе мое я сильнѣе чувствую, и иногда прихожу въ отчаяніе, такъ единственно за нее бѣдную, невинно страждущую. Къ большому моему прискорбію знаю я, что и она живетъ въ несносномъ принужденіи—я съ начала это предчувствовалъ и сожалѣлъ, что она переѣхала къ Г..... Ежели-бъ она послушалась совѣту добраго человѣка и переѣхала бы на нанятую квартиру, то я увѣренъ, что была бы спокойнѣе и я также. Какъ благодаренъ я доброй милой Е. Ѳ., что она съ ней—по крайней мѣрѣ есть ей кому открыть горестную душу свою.

Тѣломъ я здоровъ—но душа унываетъ, надежда перестала улыбаться мнѣ и по горести Натальиной и по тому, что почтенный духовникъ мой, который былъ у меня сегодня, ничего не сказалъ мнѣ утѣшительнаго, заключаю, что несчастіе мое продолжится.

Господи! съ покорностью покоряюсь святой волѣ Твоей и готовъ на всѣ бѣдствія, но сохрани и успокой моего милаго друга, пошли душѣ ея утѣшеніе и утверди ея. Сохрани дѣтей нашихъ—Тебѣ, Господи, поручаю милыхъ монхъ. Будь имъ покровителемъ—Ты, отецъ всѣхъ несчастныхъ. Господи, прими сіе моленіе недостойнаго раба Твоего, котораго Ты по правосудію Своему наказываешь за безчисленныя прегрѣшенія.

Благословляю десницу Твою, карающую меня. Г...а я всегда считалъ ужаснѣйшимъ деспотомъ, но не воображалъ себѣ, чтобы бѣдная моя Наталья когда нибудь могла быть жертвою его властолюбія, которое для друга моего должно быть тѣмъ тягостнѣе, что она привыкла къ свободѣ — признаюсь, мнѣ за нее и грустно, а болѣе досадно—съ нетерпѣніемъ жду извѣстія, что она освободилась отъ несноснаго ига, переѣхавъ къ себѣ—ежели-же она на сіе не рѣшится, то какъ мнѣ ни грустно будетъ, напишу къ ней, чтобы она ѣхала къ дѣтямъ.

М. А. Фонъ-Визинъ.

Сообщ. М. Д. Францова.

ИЗЪ ИСТОРІИ ЖЕЛѢЗНОДОРОЖНАГО ДѢЛА ВЪ РОССІИ.

Николаевская дорога, между Петербургомъ и Москвою

въ 1842—1852 гг.

IV [1]).

Главныя изысканія были окончены въ началѣ 1843 года и линія для проведенія С.-Петербурго-Московской желѣзной дороги избрана и обозначена на мѣстѣ вѣхами и маяками. Она проходила по полямъ, лугамъ и болотамъ открыто, а чрезъ лѣса, особенно густые и трущобистые въ Новгородской и Тверской губерніяхъ, обозначалась правильными просѣками шириною въ 2 саж. Далекіе просвѣты этихъ просѣковъ сквозь темные лѣса казались слѣдомъ новой идеи, которая пробивала себѣ путь отъ новой русской столицы къ старой, пролагая его, не смотря на всѣ преграды, или ловко ихъ обходя.

Линія эта, по собраніи всѣхъ топографическихъ свѣдѣній по ней самой и по ея сторонамъ,—была нанесена на карту, которая высочайше утверждена 14 апрѣля 1843 г., какъ гласитъ надпись на ней главноуправляющаго путями сообщенія и публичными зданіями, графа Клейнмихеля.

Изъ этой карты мною, разумѣется съ сотрудниками, проложена $^1/_4$ часть всего пути, именно отъ гор. Твери до р. Коломенецъ, какъ по избранію линіи, такъ и составленію самой карты, въ масштабѣ 4 версты въ дюймѣ. Карта эта потомъ замѣнена другою и обѣ отпечатаны; послѣдняя отличается подробностью.

---

[1]) Первыя три главы см. въ „Русской Старинѣ“ изд. 1885 г., томъ XLVI, май, стр. 309—322.

По этой картѣ производство работъ распредѣлялось, по сѣверной и южной дирекціямъ, на участки; а именно, по сѣверной дирекціи, начиная отъ Петербурга:

1-й участокъ, включая столичную станцію со всѣми разъѣздными пунктами, до Фарфороваго завода, на протяженіи $4^1/_2$ верстъ.

2-й участокъ, отъ границы предъидущаго, за дер. Ушаки на 1 версту, на протяженіи 58 верстъ.

3-й участокъ, отъ границы предъидущаго, до с. Чудова, на протяженіи $51^1/_2$ версты.

4-й участокъ, отъ с. Чудова до рѣки Мсты, на протяженіи 68 верстъ.

5-й участокъ, отъ р. Мсты до границы уѣздовъ Крестецкаго и Валдайскаго, на протяженіи 53 верстъ.

6-й участокъ, до р. Коломенецъ и границы южной дирекціи С.-Петербурго-Московской желѣзной дороги, на протяженіи 57 верстъ.

Далѣе, по южной дирекціи, гдѣ счетъ участковъ начинался отъ Москвы, а именно:

1-й участокъ, отъ станціи въ Москвѣ, включая ее, до дер. Журово, на протяженіи $45^1/_2$ верстъ.

2-й участокъ, отъ границы предъидущаго до Яма Завидово и с. Спасскаго, на протяженіи $54^1/_2$ верстъ.

3-й участокъ, отъ границы предъидущаго до р. Волги, на протяженіи 57 верстъ.

4-й участокъ, отъ р. Волги, до дер. Калашникова, на протяженіи 54 верстъ.

5-й участокъ, отъ границы предъидущаго до р. Цны у Вышняго Волочка, на протяженіи 54 верстъ.

6-й участокъ, отъ р. Цны до границы сѣверной дирекціи у р. Коломенецъ, на протяженіи 47 верстъ.

А всего протяженія по линіи предполагаемой желѣзной дороги:

По сѣверной дирекціи	292 версты
По южной дирекціи	312 верстъ
Вообще . .	604 версты.

Кромѣ карты направленія желѣзной дороги, былъ позднѣе составленъ продольный профиль ея, по соединеніи нивеллировокъ всѣхъ отдѣльныхъ частей; профиль этотъ въ настоящее время имѣется также напечатанный въ двухъ видахъ, именно: сокращенный въ масштабѣ— для горизонтальныхъ разстояній 1 верста въ $^1/_{100}$ сажени и для вертикальныхъ отмѣтокъ 5 саж. въ $^1/_{100}$ саж., а подробный въ мас-

штабѣ—для горизонтальныхъ разстояній 50 саж. въ 3 дюймахъ и для вертикальныхъ отмѣтокъ 100 саж. въ 3 дюймахъ.

Въ обоихъ чертежахъ вертикальныя отмѣтки высотъ отнесены къ ближайшему уровню моря или къ ординарному горизонту воды въ рѣкѣ Невѣ въ С.-Петербургѣ.

По этимъ профилямъ получается весьма опредѣленное понятіе о рельефѣ мѣстности, гдѣ должна была пройти желѣзная дорога, а также положеніе землянаго полотна подъ ней, которое, подчиняясь правильному продольному пролеганію и требуемымъ уклонамъ, рѣжетъ и заполняетъ природныя неровности почвы и поэтому проходитъ: то въ выемкахъ, то въ насыпяхъ, иногда сливаясь съ нею. Все это очень ясно видно на профилѣ, особенно по второму детальному чертежу, на которомъ показаны: отмѣтки высотъ, отнесенныя къ уровню моря какъ самой мѣстности, такъ и поверхности земляного полотна желѣзной дороги, надъ которымъ рельсы возвышаются уже не болѣе какъ на $2^1/_2$ до $3^1/_2$ футъ—соотвѣтственно толщинѣ верхняго строенія дороги надъ полотномъ.

Можетъ быть будетъ нѣсколько скучно читать, но мы все-же полагаемъ необходимымъ изобразить описаніемъ топографическій очеркъ мѣстности, гдѣ проходитъ желѣзная дорога, а также и рельефъ, показывая въ замѣчательныхъ мѣстахъ отмѣтки возвышеній земляного полотна и почвы, отнесенныя къ уровню моря, а для краткости эти отмѣтки мы будемъ показывать подъ названіемъ «отмѣтки высоты» и цифры въ саженяхъ ставить въ ( ), также нѣкоторыя отмѣтки выемокъ и насыпей.

Отъ Петербурга линія желѣзной дороги, относительно Московскаго шоссе, проходитъ слѣдующимъ образомъ:

На первыхъ 20 верстахъ между шоссе и Невою, въ удаленіи отъ того и другой около 5 верстъ, оставляя шоссе съ правой стороны, а Неву съ лѣвой; при чемъ Нева послѣ 30 верстъ отходитъ, удаляясь, а шоссе сближается съ желѣзной дорогой до одной версты. При чемъ линія желѣзной дороги идетъ почти все прямо до станціи Чудово, гдѣ московское шоссе круто поворачиваетъ направо и удаляется къ городамъ: Новгороду, Крестцамъ и Валдаю и опять сближается съ линіею желѣзной дороги только у Вышняго Волочка, дѣлая этотъ обходъ на протяженіи 233 верстъ, съ 103 до 336 версты. Отъ Вышняго Волочка, московское шоссе опять удаляется вправо въ обходъ чрезъ Торжокъ до Твери, у которой желѣзная дорога пересѣкаетъ шоссе и оно переходитъ на лѣвую сторону желѣзной дороги.

У станціи Черная грязь (на шоссе) опять онѣ пересѣкаются и далѣе до Москвы шоссе остается съ правой стороны, находясь отъ са-

мой Твери въ разстояніи отъ линіи желѣзной дороги около 2 — 7 верстъ.

Вообще, чѣмъ болѣе линія желѣзной дороги удаляется отъ шоссе, тѣмъ мѣстность становится глуше и встрѣчаются большіе хвойные лѣса и болота; особенно лѣсиста мѣстность около Малой Вишеры и Окуловки и за Вышнимъ Волочкомъ до р. Любенки на 358 верстѣ. Орлы, олени, медвѣди, лоси и дикія козы здѣсь у себя дома и даже открытіе движенія желѣзной дороги не разогнало ихъ, и теперь въ 2—3 верстахъ отъ Окуловки, гдѣ была настоящая трущоба, залегаютъ медвѣди, а олени въ нѣсколькихъ верстахъ отъ рельсовъ, слыша шумъ поѣздовъ, преспокойно щиплютъ листъ съ деревьевъ,—такъ что сюда нерѣдко пріѣзжаютъ охотники изъ Петербурга.

По губерніямъ линія желѣзной дороги проходитъ: по Петербургской на протяженіи 55 верстъ, по Новгородской — 254 верстъ, по Тверской—180 верстъ и по Московской на 115 верстъ, всего 604 версты; тутъ опять самая глухая мѣстность приходится на Новгородскую губ. и въ Тверской только одно весьма глухое мѣсто между Волочкомъ къ Спирову до р. Любенки на протяженіи 20 верстъ, гдѣ находится густой Ермоловскій лѣсъ съ Гуменскимъ болотомъ. Въ этомъ дремучемъ сосновомъ и еловомъ лѣсу, теперь уже почти совсѣмъ вырубленномъ, при прорубкѣ просѣки спугнули изъ гнѣзда двухъ молодыхъ орловъ, настоящей породы (aigle royal), которые были величиною съ индюка, и одинъ долго жилъ, въ большой, какъ будкѣ, клѣткѣ, у инженера Петрова.

Самыя населенныя мѣстности оказались отъ г. Клина до Москвы и отъ Окуловской станціи до Березайской, вообще въ мѣстахъ гористыхъ,—разумѣется, въ сторонѣ отъ Окуловки, поодаль отъ желѣзной дороги, а не около самой станціи.

V.

Относительно возвышенія и пониженія мѣстности и поверхности самаго полотна желѣзной дороги представляется слѣдующая характеристика, конечно, въ общихъ чертахъ.

Въ Петербургѣ С.-Петербурго-Московская желѣзная дорога начинается на столичной станціи у Знаменской площади около Лиговскаго канала, вдоль котораго, какъ извѣстно, проходитъ самое высокое мѣсто въ С.-Петербургѣ. Здѣсь на станціи отмѣтка возвышенія полотна желѣзной дороги надъ уровнемъ моря выражается въ (4,77) саж. и столько-же самой почвы. Отъ Петербургской станціи до р.

Ижоры, нѣсколько далѣе Колпинской станціи — на протяженіи 26 верстъ мѣстность довольно ровная, съ незначительнымъ возвышеніемъ землянаго полотна; къ самой р. Ижорѣ возвышеніе почвы доходитъ до (6) саж. Вся эта мѣстность отъ Петербурга составляетъ низменную древнюю дельту р. Невы, возвышенные берега которой рѣзко обозначаются и завершаются Пулковой горою.

Такимъ образомъ, съ 26 1/2 до 32 версты между Колпино и Саблино по линіи желѣзной дороги мѣстность быстро возвышается и возвышеніе почвы и проектированнаго землянаго полотна дороги имѣетъ отмѣтку отъ (5) до (20) саж. и здѣсь находится извѣстная, впослѣдствіи возведенная подъ полотно, высокая Степановская насыпь изъ плывучей глины, которая постепенно расползалась, такъ что принуждены были ее поддержать присыпанными съ боковъ изъ земли-же контрфорсами. Высота этой насыпи надъ почвою доходитъ до 5 саж. и протяженіемъ 5 1/2 верстъ.

Поднявшись на эту высоту, мѣстность идетъ пологими волнами, все еще постепенно возвышаясь до 57 версты (считая вообще отъ Петербурга), гдѣ подъемъ надъ уровнемъ моря имѣетъ отмѣтку до (26) саж. и земляное полотно проходитъ почти все въ насыпи, возвышаясь надъ почвою около 1 саж.

Отсюда мѣстность начинаетъ понижаться волнами, постепенно спускаясь до р. Волхова, который пересѣкается на 118 верстѣ, и на 7 1/2 верстъ за Чудовскую станцію; на этомъ протяженіи, по проекту, земляное полотно идетъ почти все въ насыпи, доходящей до р. Волхова до 3 саж. высоты, причемъ почва имѣетъ отмѣтку высоты до (9) сажень.

Пройдя долину р. Волхова до 124 1/2 версты, почва подымается и начинаются Валдайскія возвышенности, поднятыя на 137 верстѣ у станціи Гряды по отмѣткѣ на (24) саж., а земляное полотно проходитъ здѣсь частью въ насыпи незначительной вышины. Тутъ находятся переходы черезъ рѣки Большая и Малая Вишера [1]) и у послѣдней, при станціи 1 класса — Малая Вишера на 152 верстѣ, отмѣтка возвышенія почвы и землянаго полотна до (29) саж. Отъ р. Малой Вишеры до р. Мсты мѣстность болѣе возвышенная, съ пониженіемъ къ пересѣкаемымъ долинамъ рѣкъ; а полотно желѣзной дороги проходитъ большею частію въ незначительной насыпи, и мѣстами въ выемкахъ.

Отъ р. Малой Вишеры до р. Мсты мѣстность возвышается на 158

[1]) Обѣ рѣки, вытекая изъ болотъ, имѣютъ желтую воду, которую однако пьютъ на Мало-Вишерской станціи.

верстѣ до (35) саж. и увалами такъ идетъ до р. Мсты на 177 верстѣ; полотно желѣзной дороги проходитъ здѣсь поперемѣнно въ значительныхъ выемкахъ и насыпяхъ. Мѣстность эта весьма пересѣченная и на 175 верстѣ переходъ черезъ глубокую долину р. Хубы. Долина самой р. Мсты на 177 верстѣ, находясь среди горъ, узка и глубока и врѣзалась такъ, что потомъ устроенный мостъ возвышается надъ рѣкою на 19 саж. и здѣсь полотно желѣзной дороги имѣетъ отмѣтку возвышенія надъ уровнемъ моря (34) саж., а почва (37) саж.

Отъ р. Мсты начинается къ С.-Петербургу крутой Веребьинскій подъемъ для перевала чрезъ Валдайскія горы. Подъемъ этотъ составляетъ одно изъ самыхъ трудныхъ мѣстъ для проложенія желѣзной дороги, такъ что здѣсь было невозможно удовлетворить требуемому условію, какъ приведено выше, чтобы уклонъ подъема не превосходилъ $^1/_{409}$, т. е. 1 саж. возвышенія на 400 саж. горизонтальнаго разстоянія; такъ что, не смотря на большія земляныя работы — выемки и насыпи, — принуждены были для проекта полотна ограничиться подъемомъ въ $^1/_{125}$ или 00,08, каковой подъемъ проходитъ съ 178 до до 197 версты на протяженіи 19 верстъ и полотно дороги имѣетъ отмѣтку возвышенія надъ уровнемъ моря внизу подъема (34) саж., а вверху (89) саж.

Устройство этого подъема было еще тѣмъ чрезвычайно затруднено, что на пути его встрѣтился весьма глубокій оврагъ, по дну котораго протекаетъ, параллельно р. Мстѣ, небольшая рѣчка Веребья, пересѣкающая линію желѣзной дороги слѣва направо и впадающая верстъ 35 ниже у дер. Морозовицы въ р. Мсту. Чрезъ этотъ оврагъ потребовалось устроить, на 186 верстѣ, огромный Веребьинскій мостъ вышиною въ 24 саж.

Мостъ этотъ, построенный снизу на высоту 12 саж., на каменныхъ опорахъ, и къ верху на 12 саж., на деревянныхъ стойкахъ, съ перекрытіемъ пролетовъ въ 25 саж. деревянными фермами американской раскосной системы. Впослѣдствіи, черезъ 30 лѣтъ, мостъ этотъ пришелъ въ ветхость, а также для достиженія болѣе пологаго подъема, въ 1878 — 1881 годахъ, устроенъ обходъ по лѣвую сторону желѣзной дороги, съ цѣлью при этомъ перейти Веребьинскій оврагъ ближе къ вершинѣ его, тамъ, гдѣ онъ мельче, и чтобы удлиненіемъ пути его сдѣлать пологимъ, развивъ на бо́льшее протяженіе. Таковой обходъ начинается на 175 верстѣ и кончается на 187 верстѣ, обходя часть пути на протяженіи 12 верстъ и удлиняя его противъ прямой линіи на 5 верстъ, такъ что вся обходная часть желѣзной дороги имѣетъ протяженіе въ 17 верстъ; а мостъ чрезъ Веребью замѣненъ каменною трубою отверстіемъ въ 3 саж. и длиной подъ

насыпью при ея подошвѣ въ 50 саж., причемъ сама насыпь все-же имѣетъ еще большую вышину въ 16 саж. Такова здѣсь горная трудная мѣстность.

Этотъ обходъ удлинилъ всю желѣзную дорогу, такъ что все ея протяженіе отъ Петербурга до Москвы теперь (съ 1881 г.) уже не 604, а 609 верстъ; но при нашемъ описаніи, относящемся къ прежнему времени, мы сохранимъ старый счетъ верстъ въ 604, какъ это показано на прежнихъ картѣ и профилѣ.

Эта обходная линія захватила собою еще, кромѣ Веребьинскаго, другой большой мостъ чрезъ р. Мсту, гдѣ, какъ извѣстно, старый мостъ сгорѣлъ въ 1868 году и вмѣсто его на уцѣлѣвшихъ каменныхъ устояхъ и быкахъ былъ сооруженъ временной мостъ, устроенный, по геніальной мысли Д. И. Журавскаго, безъ подмостковъ, которые при вышинѣ моста до 19 саж. потребовали-бы много времени и большихъ расходовъ. Новый постоянный Мстинскій мостъ (1881 г.), на обходной линіи, находится въ близкомъ разстояніи, около 100 саж., отъ стараго и построенъ желѣзный съ 5 пролетами по 35 саж., всего длиною 190 саж. и вышиною 21 саж., представляя собою грандіозное сооруженіе, рельсовые пути котораго выше, чѣмъ на старомъ мосту, на 2 сажени, въ видахъ болѣе пологой обходной линіи, которая имѣетъ уклонъ въ 0,006.

Удлиненіе обхода потребовало постройки дополнительной малой станціи, которая названа «Новая Веребья».

Хотя описаніе всего этого выходитъ изъ періода нашей статьи, обнимающей время съ 1842 до 1852 года, но умолчаніе о такой капитальной перемѣнѣ было-бы также неловко.

Вся постройка обходной линіи съ новымъ Мстинскимъ мостомъ и Веребьинской трубой совершилась въ продолженіе 3 лѣтъ и движеніе по обходу открыто въ 1881 году.

Затѣмъ станемъ продолжать наше топографическое описаніе мѣстности отъ Веребьинскаго подъема, на которомъ весьма большая земляная работа и выемка болѣе 5 саж. глубины и насыпь до $2^1/_2$ саж. вышины и такъ далѣе до Торбинской станціи на 197 вер.

Далѣе рѣки Торбинки съ глубокой долиной предъ станціей этого имени характеръ мѣстности совершенно измѣняется, такъ какъ подъемъ прекращается и линія слѣдуетъ все по возвышенностямъ, но все-же по пересѣченной мѣстности съ большими насыпями до 5 саж. и постепеннымъ спускомъ къ 223 верстѣ къ озеру Боровно, гдѣ отмѣтка почвы (68) саж. и полотна (71) саж.; къ Угловской станціи опять подъемъ, такъ что за нею на 251 верстѣ отмѣтка почвы (97) и полотна (98) с.; потомъ спускъ къ р. Валдайкѣ и станціи этого имени, гдѣ на 265

верстѣ отмѣтка почвы (80) и полотна (84) саж., далѣе поднимается до высоты отмѣтки (89) саж. и полотно идетъ увалами до Бологова на 295 верстѣ, гдѣ отмѣтка почвы и полотна (81) саж. Тутъ конецъ сѣверной дирекціи при рѣкѣ Коломенецъ.

Но еще болѣе характеристика этой мѣстности отъ р. Торбинки состоитъ въ томъ, что по сторонамъ линіи дороги много обойденныхъ ею озеръ, главныя: Боровно и Пиросъ и въ концѣ Бологовское озеро длиною въ 7 верстъ, гдѣ линія проходитъ здѣсь по перешейку между нимъ и озеромъ Змино, окруженнымъ топкимъ болотомъ. На этомъ перешейкѣ устроена потомъ Бологовская станція 1-го класса и мѣстность здѣсь къ Бологовскому озеру, окруженному горами и заселенному, весьма живописна.

Въ этой мѣстности, кромѣ обойденныхъ озеръ, встрѣчается много болотъ, которыя нельзя было миновать, и линія проходитъ чрезъ нихъ.

Отъ Бологова до р. Цны у Вышняго Волочка, на 336 верстѣ, такая-же мѣстность: по сторонамъ линіи дороги много болотъ и озеръ и на самой линіи дороги болота глубиною до 6 саж., а между ними мѣстность пересѣченная и полотно проходитъ понижаясь къ Вышнему Волочку и рѣкѣ Цнѣ съ отмѣтками почвы (68), полотна (71) саж., что соотвѣтствуетъ водораздѣлу Вышневолоцкой системы судоходства, гдѣ расходятся къ двумъ морямъ, Каспійскому и Балтійскому, рѣки Тверца и Цна и въ верховьѣ ихъ находится, въ 4-хъ верстахъ отъ гор. Вышняго Волочка, питающее обѣ рѣки водохранилище съ большимъ запасомъ воды, занимающее площадь въ 64 квадр. версты.

Водохранилище это имѣетъ свою исторію, основанное сподвижникомъ Петра Великаго—Сердюковымъ, который сперва тутъ имѣлъ пильный заводъ, а потомъ, взявъ на откупъ Вышневолоцкую систему судоходства, обратилъ его въ водохранилище, которое поэтому называется Заводскимъ.

Обращаясь нѣсколько назадъ къ Угловской станціи, именно, на 251 верстѣ отъ Петербурга и 353 верстѣ отъ Москвы находится высшая точка между обѣими столицами на полотнѣ желѣзной дороги, поднятая надъ уровнемъ моря на (98) саж. при возвышеніи здѣсь почвы на (97$^{3}/_{4}$) саж.; но это скорѣе можно считать между Петербургомъ и р. Волгою, къ которой окончательно подходятъ Валдайскія возвышенности, начинающіяся отъ р. Мсты на 177 верстѣ.

Если-же принять абсолютно до Москвы, то высшая точка находится много ближе къ послѣдней столицѣ, къ которой отъ р. Волги мѣстность опять сильно возвышается вровень съ Валдайскими горами [1]),

[1]) Геологи принимаютъ, что и за Волгой продолжается все тотъ-же хребетъ Алаунскихъ горъ.

именно, 6 верстъ не доходя до Крюковской станціи, въ 42 верстахъ отъ Москвы, на 562 верстѣ, гдѣ полотно дороги поднято, имѣя отмѣтку въ (101³/₄) саж., а поверхность почвы здѣсь имѣетъ отмѣтку (105¹/₃) саж., такъ что высшая точка почвы между столицъ есть (105¹/₃) саж.

Въ мѣстности отъ границы сѣверной и южной дирекціи у р. Коломенецъ съ 295 версты, гдѣ близко и с. Бологое, до Вышняго Волочка встрѣчается по сторонамъ линіи желѣзной дороги много боль-, шихъ озеръ, которыя обращаютъ на себя особенное вниманіе; такъ главныя изъ нихъ: противъ с. Бологова по правую сторону, какъ сказано, близь линіи, большое озеро Бологое и влѣво, въ разстояніи около 10 верстъ къ сѣверу, за лѣсомъ, находится самое большое изъ здѣшнихъ озеръ—Кафтино, длиною 25 верстъ, на которомъ болѣе 100 острововъ и обиліе водяныхъ птицъ для охоты. Около-же самой линіи у Зарѣченской станціи находятся: слѣва озеро Имоложье, а справа Находно и предъ Вышнимъ Волочкомъ слѣва озеро Мстино, сквозь которое протекаетъ р. Цна, получающая при выходѣ изъ озера названіе Мсты, которыя обѣ входятъ въ судоходную систему, и насупротивъ озера Мстино находится приведенное выше справа заводское водохранилище; такъ что здѣсь линія дороги проходитъ по перешейкамъ между этими озерами и кромѣ того пересѣкаетъ глубокія болота, такъ достигая р. Цны у Волочка.

Переходъ чрезъ долину р. Цны по насыпи длиною 4 версты съ отмѣткою почвы (68) и полотна (71) саж. и р. Цна находится на 336 верстѣ.

Отъ Вышняго Волочка, именно отъ р. Цны, мѣстность совсѣмъ измѣняется; озеръ по сторонамъ линіи болѣе нѣтъ, и хотя также встрѣчается много болотъ вдоль р. Тверцы, пересѣкаемыхъ линіею желѣзной дороги, но всѣ они возвышенныя надъ рѣкою и составляютъ торфяники, которые со временемъ, съ истребленіемъ лѣсовъ, очень пригодятся.

У Осѣченской рѣчки и станціи, лежащей среди болотъ, на 351 верстѣ, отмѣтка возвышенія полотна желѣзной дороги (71¹/₃) саж. и почвы (70) саж. и такое ровное мѣсто идетъ до 358¹/₂ версты, гдѣ отмѣтка высоты землянаго полотна желѣзной дороги (71¹/₂) саж., а почвы (73¹/₂) саж. и полотно проходитъ въ насыпи чрезъ р. Осѣченку съ 347 до 360 версты, на протяженіи 13 верстъ, при высотѣ насыпи до 2 саж. Въ концѣ здѣсь начинается отъ рѣчки Любенки подъемъ къ Спировской станціи, гдѣ на 365 верстѣ полотно поднято уже на (84) саж. въ значительной выемкѣ и затѣмъ, проходя по полямъ близь рѣки Малой Тигамы, на самой Спировской станціи, полотно желѣзной дороги поднято на (80¹/₂ саж.), а почва слѣва (82) саж.

Впередъ отъ Спировской станціи мѣстность до рѣки Большой Тигамы понижается до 375 версты и отмѣтка полотна (78) саж., а почвы (76) саж. и отсюда идетъ подъемъ до 380½ версты, гдѣ полотно поднято на (92¾ саж.) и потомъ спускъ; къ Калашниковской станціи полотно желѣзной дороги поднято на 388 вер. (88 саж.). Здѣсь отъ Вышневолоцкой станціи до р. Любенки много болотъ, а отъ этой рѣчки, чрезъ Спировскую станцію до Калашниковской, возвышенная мѣстность, идущая вверхъ и внизъ съ значительными волнами, такъ что потребовалось много земляныхъ работъ, и полотно врѣзается выемкою, особенно отъ р. Больш. Тигамы, гдѣ находится извѣстная Вашуринская выемка, въ чрезвычайно твердомъ и тяжеломъ грунтѣ, состоящемъ изъ кирпичневой песчанистой глины, вѣсъ которой превосходитъ гранитъ, именно 1 куб. футъ вѣситъ до 5 пудовъ. Глубина выемки до 5 саж.

Отъ Калашниковской станціи съ 388 версты къ Волгѣ мѣстность постепенно понижается и слегка волнистая, не требовавшая большихъ земляныхъ работъ. Между Осташковской станціей и Кулицкой есть обширное болото Кулицкій мохъ и вблизи р. Кава, впадающей ниже въ рѣку Тверцу, на которой въ с. Кава (въ 1850 г.) деревянная церковь, построенная со временъ Петра Великаго, еще хорошо сохранившаяся. У Осташковской станціи на 409 верстѣ отмѣтка возвышенія полотна (73½) саж., у Кулицкой на 429 верстѣ—(64⅓) саж. На 433 верстѣ переходъ чрезъ р. Тверцу и отмѣтка высоты полотна (62½) саж. и впереди (58) саж., далѣе переходъ черезъ р. Волгу на 444 верстѣ, отмѣтка высоты полотна на (59) саж., а почвы въ долинѣ Волги на срединѣ (56) саж.

За Волгою на 445 верстѣ находится противъ гор. Твери, въ 1 верстѣ отъ нея, переходъ чрезъ р. Тьмаку, противъ Тверской станціи 1-го класса; полотно желѣзной дороги поднято здѣсь по отмѣткѣ на (59½) саж.

Отъ Тверской станціи до Москвы мѣстность весьма гористая, не уступающая валдайскимъ возвышенностямъ, и переходитъ какъ-бы съ горы на гору, но за то мѣста безлѣсныя, открытыя и сухія, представляющія болѣе привѣтливую природу, нежели за Волочекъ къ Петербургу. Земляныя работы здѣсь весьма значительны — выемки глубиною до 7 саж. и насыпи вышиною до 5 саж. Глубокая долина р. Шоши на 489 верстѣ, гдѣ насыпь имѣетъ протяженіе 8 верстъ и высоту 5 саж., отмѣтка полотна (55) саж., за Тверской станціей идетъ подъемъ полотна въ извѣстной Кольцовской выемкѣ, гдѣ линія проходитъ поворотомъ, и съ 455 до 460 версты полотно желѣзной дороги поднято при первой на (58½) саж., а у второй—на (76¼) саж.,

затѣмъ опять спускъ къ Москвѣ и на 485 верстѣ отмѣтка возвышенія земляпаго полотна (55$^1/_3$) саж.

Отсюда идетъ подъемъ къ Клинской станціи и у ней на 515 верстѣ отмѣтка возвышенія полотна желѣзной дороги и почвы (63$^1/_2$) саж., а у Клинской на 521 верстѣ—(72) саж.; отсюда опять подъемъ до 533 версты, гдѣ отмѣтка возвышенія полотна надъ уровнемъ моря (94$^1/_2$) саж. Здѣсь вообще отъ Клина до Москвы мѣстность особенно пересѣченная и выемки безпрестанно смѣняются насыпями.

У станціи Подсолнечной на 544 верстѣ перевалъ и начинается спускъ и высшая отмѣтка подъема (89) саж. и, наконецъ, спускъ на 550 верстѣ, гдѣ отмѣтка возвышенія полотна (86) саж., далѣе подъемъ увалами до 552 версты, не доходя 6 верстъ до Крюковской станціи, и отмѣтка полотна (101$^3/_4$) саж., а почвы (105$^1/_3$) саж.; затѣмъ, по спуску-же переходъ чрезъ р. Сходню на 578 верстѣ и продолжается спускъ съ нѣкоторымъ увалоиъ до самой Москвы.

Возвышеніе земляпаго полотна на Московской станціи (66,83) саж.; такимъ образомъ, взявъ отмѣтку полотна желѣзпой дороги въ Петербургѣ на станціи—(4,77) саж., оказывается, что мѣсто у станціи въ Москвѣ выше таковаго въ Петербургѣ на (66,83—4,77) = 62 саженъ.

Въ Москвѣ-же, какъ извѣстно, высшее мѣсто у Краспыхъ воротъ поднято надъ Москвой рѣкой на 25 саж., а станція С.-Петербурго-Московской желѣзной дороги поднята надъ нею около 4 саж., поэтому высшее мѣсто въ Москвѣ, относя къ уровню моря, поднято надъ таковымъ-же въ Петербургѣ около 83 саж.

На вопросъ: гдѣ находится самая высшая точка между столицъ по избранной линіи для желѣзной дороги, представляется слѣдующее:

По земляному полотну желѣзной дороги первая высшая точка находится на 4 версты далѣе Угловской станціи, именно на 251 верстѣ отъ Петербурга и на 353 верстѣ отъ Москвы, гдѣ отмѣтка почвы (97$^3/_4$) саж. и полотна (98) саж., но эту высшую точку слѣдуетъ принять только между Петербургомъ или Невою и Волгою, гдѣ простираются Валдайскія возвышенности, съ ихъ отрогами и Подоліемъ, причемъ Волга на 444 верстѣ близъ Твери, при возвышеніи полотна надъ уровнемъ меженнихъ водъ Волги 6,37 саж.; отмѣтка полотна (59,06) саж. и стало быть отмѣтка уровня Волги надъ моремъ (52,7) саженъ.

VI.

Въ 1843 году лѣтомъ производились еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ изысканія для обхода трудныхъ мѣстъ по избранію линіи, также—наблюденія за водами для постройки мостовъ; составлялись проекты и разсчеты и заключались контракты на производство земляныхъ работъ, какъ самыхъ главныхъ по объему и къ которымъ слѣдовало прежде всего приступить, а равно и на мостахъ. На эти земляныя работы, по всему протяженію С.-Петербурго-Московской желѣзной дороги, былъ заключенъ одинъ общій контрактъ съ купцомъ Шарвинымъ и его тремя компаніонами, купцами Кузминымъ, Иконниковымъ и Ненюковымъ, но все дѣло велъ одинъ Иванъ Матвѣевъ Кузминъ, опытный и весьма дѣятельный подрядчикъ, производившій уже много работъ въ Новгородскомъ округѣ Путей сообщенія, съ своимъ сперва хозяиномъ, а потомъ компаніономъ — купцомъ Шарвинымъ; И. М. Кузминъ былъ самъ уроженецъ изъ Яма Едрово; я упоминаю о немъ какъ о русскомъ человѣкѣ, который безъ образованія выработалъ изъ себя отличнаго дѣятеля и произвелъ на С.-Петербурго-Московской желѣзной дорогѣ самыя тяжкія работы и потерялъ при этомъ все состояніе. Онъ былъ высокаго роста, видной наружности, говорилъ плавно и красно, усвоивъ себѣ всѣ техническія выраженія строительнаго дѣла. Но взявъ на себя такія обширныя работы еще въ небывалыхъ у насъ размѣрахъ, И. М. Кузминъ прогадалъ и умеръ въ бѣдности, оставя въ наслѣдство своимъ компаніонамъ и семьѣ процессы, которые, сколько знаю, еще въ 1883 году не были окончены.

Много дѣла предстояло впереди, и графъ Петръ Андреевичъ обогатилъ строющуюся желѣзную дорогу личнымъ составомъ; такъ, къ начальникамъ дирекціи были назначены помощники въ сѣверную — подполковникъ Гергардъ и въ южную—подполковникъ Леодоръ Николаевичъ Загоскинъ (братъ извѣстнаго романиста). Еще почти весь выпускъ 1843 г. изъ института инженеровъ Путей сообщенія былъ назначенъ сюда, а именно по приказу 11-го мая 1843 года за № 193 въ сѣверную дирекцію 10 поручиковъ и въ южную дирекцію 14 поручиковъ. Я не привожу ихъ именъ, что сдѣлаю впослѣдствіи со всѣми строителями вмѣстѣ; но скажу только, что изъ первыхъ оказался впослѣдствіи выдающеюся личностью инженеръ Ѳедоръ Антоновичъ Посенковскій, а изъ вторыхъ—Иванъ Ѳедоровичъ Кенигъ.

Кромѣ того еще были назначены уже опытные инженеры: капитанъ П. А. Мейнгардъ, Алексѣевскій и П. А. Глазенапъ и поручикъ

К. И. Шернваль, впослѣдствіи извѣстный строитель Финляндской желѣзной дороги, и Дмитрій Ивановичъ Журавскій, впослѣдствіи знаменитый инженеръ-строитель Веребьинскаго моста и возобновленія шпица соборной колокольни Петропавловской крѣпости, съ замѣной деревянныхъ стропилъ желѣзными. Онъ же первый разработалъ по теоріи конструкцію многораскосныхъ мостовъ системы Г'ау или такъ называемой американской системы.

Въ 1844 году были назначены еще молодые инженеры выпуска этого года, по приказу 20 іюня за № 194: въ сѣверную дирекцію 6 поручиковъ, въ томъ числѣ извѣстные впослѣдствіи оба брата Панаевы и Хржановскій, и въ южную 6 поручиковъ; но все инженеровъ было мало и по приказу того-же числа за № 195, по высочайшему повелѣнію, изъ института были назначены еще не вполнѣ окончившіе курсъ подпоручики: въ сѣверную и южную дирекціи по шести офицеровъ въ каждую.

Всѣ эти инженеры получили назначеніе начальниками дистанцій, на которыя дѣлились участки сѣверной и южной дирекцій дороги и протяженіе дистанцій было около 10 верстъ; кромѣ того, при постройкѣ большихъ мостовъ были назначены изъ инженеровъ особые производители работъ.

Начальники участковъ, распредѣленныхъ, какъ приведено выше, были назначены уже болѣе опытные инженеры, именно, въ сѣверную дирекцію, считая отъ Петербурга, 1-й участокъ—Гетункъ; 2-й участокъ—фонъ-деръ-Паленъ; 3-й участокъ—Алексѣевскій; 4-й участокъ—Хржановскій; 5-й участокъ — Поссе; 6-й участокъ Семичовъ и въ южную, считая отъ Москвы: 1-й участокъ—В. А. Даненштернъ; 2-й участокъ—Богомолецъ; 3-й участокъ—Смоликовскій; 4-й участокъ—П. А. Мейнгардъ; 5-й участокъ—А. И. Штукенбергъ и 6-й участокъ—А. М. Гофмейстеръ.

Да не взыщутъ съ насъ, что мы приводимъ здѣсь имена дѣятелей сооруженія первой капитальной желѣзной дороги въ Россіи. Но мнѣ кажется, имена эти слѣдуетъ спасти отъ забвенія, которое уже грозитъ имъ, такъ какъ всѣ они уже состарились или умерли, а потому по праву принадлежатъ «Русской Старинѣ».

Всѣмъ намъ графъ Петръ Андреевичъ обѣщалъ, по окончаніи сооруженія дороги, въ томъ числѣ и себѣ, — поставить памятникъ, но, видно, не хватило матеріала,—все ушло на желѣзную дорогу. Въ концѣ концовъ ограничились тѣмъ, что имена всѣхъ строителей вырѣзаны на мраморной доскѣ, поставленной въ церкви, построенной при желѣзной дорогѣ на Любанской станціи.

Начальники дирекцій—сѣверной П. П. Мельниковъ и южной Н. О.

Крафтъ, чтобы быть въ центрѣ своихъ работъ, поселились: первый въ с. Чудовѣ, а второй въ гор. Тверп. Постараемся привесть ихъ характеристику, которая намъ болѣе извѣстна, относительно ближайшаго начальника—Н. О. Крафта.

Оба были весьма ученые и способные инженеры, но по характеру представляли двѣ противуположности. Отплывъ пріятелями въ Америку для изученія тамошнихъ желѣзныхъ дорогъ, они возвратились взаимными антагонистами,—представляя подобіе нашего двуглаваго орла, который, составляя одно общее, смотритъ обѣими головами въ разныя стороны,—что отразилось отчасти и на сотрудникахъ ихъ въ обѣихъ дирекціяхъ; инженеры той и другой не сближались, что порождало много оригинальнаго, но мало единства въ дѣйствіяхъ. Павелъ Петровичъ былъ вполнѣ свѣтскій человѣкъ, холостой, любитель общества, увлекательный говорунъ, но говорилъ скоро, монотонно; онъ приближалъ къ себѣ молодыхъ инженеровъ, отдавалъ имъ часто прямо приказанія помимо участковыхъ начальниковъ, что ставило послѣднихъ въ затрудненіе; Крафтъ, наоборотъ, дичился общества, былъ молчаливъ и очень застѣнчивъ,—говорилъ мало и съ особеннымъ удареніемъ, но иногда воодушевлялся и говорилъ съ жаромъ; онъ былъ лицомъ похожъ на Наполеона I-го и былъ этимъ очень занятъ; по работамъ онъ довѣрялъ начальникамъ участковъ, однако былъ очень мнителенъ. Но такая разность въ характерахъ обоихъ начальниковъ не помѣшала правильному ходу дѣла, по пословицѣ: «крайности сходятся».

Такъ, оба были умные, свѣдущіе люди, съ чистыми намѣреніями, умѣвшіе тѣмъ-же воодушевлять своихъ сотрудниковъ, и если въ чемъ можно замѣтить разницу, такъ это—что работы въ сѣверной дирекціи шли медленнѣе, нежели въ южной.

Мельниковъ жилъ въ Чудовѣ очень просто, на холостую ногу, а Крафтъ въ Твери совершенно уединенно,—чудакомъ, и кромѣ своихъ инженеровъ и чиновниковъ ни съ кѣмъ не знался. Всѣ высшіе губернскіе чины и аристократы наперерывъ хотѣли съ нимъ знакомиться, но онъ принималъ ихъ такъ сухо, даже не просилъ садиться и не подавалъ руки, такъ что всѣ скоро отъ него отъѣхали; а чтобы никто не могъ заглядывать къ нему въ окна, то въ кабинетѣ они были заклеены сплошь свѣтло-зелеными обоями, такъ что трудно было понять—какъ могъ его ученый хозяинъ, много писавшій, здѣсь заниматься. Крафтъ былъ до того застѣнчивъ, что, какъ и самъ признавался, находясь въ большомъ обществѣ, даже своихъ подчиненныхъ, терялся и любилъ болѣе объясняться съ ними поодиночкѣ, и не сближался съ ними, но въ случаѣ надобности горой стоялъ за каждаго.

Оба были очень начитаны и П. М. Мельниковъ говорилъ бойко по англійски и по французски, а Крафтъ еще и по нѣмецки.

VII.

Въ 1843 году, въ іюнѣ мѣсяцѣ, было приступлено къ земляпымъ работамъ отъ С.-Петербурга до Чудова и отъ Вышняго Волочка до Тверп; а въ 1844 году еще на многихъ мѣстахъ по устройству полотна дороги, для котораго были приняты слѣдующія основанія:

1. Земляное полотно строить подъ два рельсовыхъ пути и на станціяхъ, смотря по ихъ классу, устроивать площадки для боковыхъ путей.

2. Ширина землянаго полотна по поверхности была принята: для насыпей въ 31 футъ и для выемокъ, считая съ боковыми, при верхнемъ строеніп канавками въ 47 футъ; откосы въ выемкахъ и въ насыпяхъ назначалось дѣлать не круче, какъ съ двойнымъ уклономъ, имѣя въ виду наши климатическія и мѣстныя условія, но впослѣдствіи и при этомъ уклонѣ въ глинистыхъ грунтахъ образовывались мѣстами сплывы, такъ что откосы мѣстами приходилось уширять, придавая имъ еще болѣе пологіе уклоны, до тройнаго противъ высоты.

3) При выемкахъ, между верхнимъ ребромъ ихъ откосовъ и подошвой отвала или правильно складываемой изъ выемки земли, оставлять уступъ или берму шириною въ 5 саж., какъ для склада матеріала, такъ и для уменьшенія давленія сваливаемою землею; а въ насыпяхъ оставлять таковую же берму шириною въ 3 саж. между нижнимъ ребромъ откоса насыпи и резервомъ или мѣстомъ, гдѣ вынимается земля для образованія самой насыпи. При насыпяхъ на торфяныхъ болотахъ, гдѣ годная для насыпи земля, глина или песокъ привозятся со стороны, таковую берму оставлять, увеличивая ея ширину, между подошвою насыпи полотна и канавами по болоту.

4) Полотну дороги придать въ срединѣ въ поперечномъ сѣченіи подъемъ въ $^1/_2$ фута вышиною.

5) Вообще для подвозки матеріаловъ и также удобства всѣхъ работъ по линіи желѣзной дороги устраивать вдоль полотна временную дорогу, на приведенной бермѣ при выемкахъ и при насыпяхъ, шириною въ 7 аршинъ, способами, смотря по мѣстности, напримѣръ: на болотахъ по лежнямъ изъ пластинной настилки; въ сырыхъ мѣстахъ изъ жердей или хвороста, вообще, съ мостиками чрезъ рѣчки и ручьи, что чрезвычайно облегчило и самый осмотръ, и наблюденіе за производствомъ работъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ устраивались подъѣздныя

дороги съ московскаго шоссе; такъ что самъ графъ Петръ Андреевичъ проѣзжалъ по такимъ временнымъ дорогамъ въ своемъ вальяжномъ дормезѣ.

VIII.

Въ ожиданіи большаго скопленія рабочихъ, особенное вниманіе графа Петра Андреевича было обращено, уже съ самаго приступа къ работамъ, на соблюденіе между ними порядка и на удобное положеніе этихъ труженниковъ, на хорошее продовольствіе и призрѣніе больныхъ. Съ этой цѣлію, по высочайшему повелѣнію, было учреждено, какъ значится въ приказѣ главноуправляющаго путями сообщенія, отъ 6-го апрѣля 1844 г. за № 120, особое полицейское управленіе при С.-Петербурго-Московской желѣзной дорогѣ, вообще, какъ въ приказѣ сказано: «для надзора, чтобы рабочіе были хорошо и удобно размѣщены, хорошо довольствовались свѣжей и сытной пищею въ достаточномъ количествѣ и больные призрѣніемъ».

Начальство надъ этимъ управленіемъ было ввѣрено генералъ-маіору князю Бѣлосельскому-Бѣлозерскому и оно состояло въ сѣверной и южной дирекціяхъ изъ жандармской части, именно, было назначено: 2 штабъ-офицера, 6 оберъ-офицеровъ, 10 унтеръ-офицеровъ и 72 рядовыхъ, причемъ по этому управленію поставлено въ обязанность «не вводить никакой особой переписки, но личнымъ и бдительнымъ повсемѣстнымъ надзоромъ предупреждать всѣ непорядки и направлять все соотвѣтственно цѣли его учрежденія», а молча, читая между строкъ: за всѣми слѣдить.

Рабочіе были большею частію витебскіе, изъ Рѣжицы, и смоленскіе юханцы, весьма навыкшіе къ землянымъ работамъ. Имъ были построены, подъ названіемъ бараковъ, землянки, шалаши и кухни; въ избахъ приготовлены лазареты, а угодливые откупщики (тогда еще въ силѣ) не забыли о кабакахъ, которые, впрочемъ, дозволено было имѣть не ближе 1 версты отъ работъ, а дѣвственныя въ этомъ отношеніи сосѣднія селенія стали пить болѣе, нежели рабочіе, которымъ было некогда, да и не на что, развѣ въ праздникъ подрядчикъ велитъ имъ выкатить даровую бочку зелена-вина.

Зашевелились рѣжевцы и юханцы; завизжали колесами тачки по катальнымъ доскамъ, застучали заступы и кирки, и взрытая почва земли пошла входъ и стала перемѣщаться съ одного мѣста на другое; полотно желѣзной дороги стало развертываться длинною лентою; насыпи росли все выше и выше, а выемки врѣзались въ землю все

лубже и глубже. Издали такія мѣста работъ были похожи на встревоженный муравейникъ, въ которомъ усердные насѣкомые копошатся, хлопочутъ, напрягая силы; но въ каждомъ этомъ муравьѣ билось человѣческое сердце, покорное судьбѣ муравья. Непогода не останавливала рабочихъ, развѣ на ночь и въ проливные дожди загоняли ихъ въ свои норы.

Такъ въ 1844 г., съ начала лѣта, земляныя работы уже были въ полномъ ходу во многихъ мѣстахъ дороги. Отъ графа Петра Андреевича безпрестанно и совершенно внезапно наѣзжали адъютанты и освѣдомлялись на мѣстѣ—какъ идутъ работы и что дѣлаютъ инженеры.

Осенью того же года графъ Петръ Андреевичъ осматривалъ работы; уже одна вѣсть, что онъ пожалуетъ самолично, давала всѣмъ шпоры и производила горячку поспѣшности. Наконецъ, онъ явился и ко мнѣ на большую Вашуринскую насыпь, между Спирово и Калашниково; обо всемъ подробно разспрашивалъ и главное торопилъ. Такъ онъ проѣхалъ въ Москву. Вотъ два его приказа по этому посѣщенію работъ:

1) По осмотру работъ въ южной дирекціи отъ 24-го сентября 1844 г. за № 293. Москва.

«Я обозрѣлъ южную дирекцію С.-Петербурго-Московской желѣзной дороги. Выборъ мѣстности подъ дорогу весьма удаченъ; направленіе ея удобно и правильно. Производство работъ въ отличномъ порядкѣ, устройствѣ и величественномъ видѣ! Въ нынѣшнемъ году все производство работъ обращено на мѣста труднѣйшія: для годовъ послѣдующихъ останутся работы мельчайшія. Въ нынѣшнемъ году должно произвесть земляныхъ работъ до одного милліона куб. саж.; исполнено по настоящее время болѣе 600 т. кубич. саж. Мостовыя работы тоже начаты и я былъ не совсѣмъ доволенъ токмо мостомъ на Волгѣ, въ отношеніи отдѣлки гранита».

«Я не могу довольно похвалить начальника южной дирекціи, полковника Крафта. Распоряженія его благоразумны, а въ знаніи своего дѣла, усердіи и трудахъ онъ примѣрно замѣчателенъ. Я также видѣлъ на самыхъ работахъ и всѣхъ инженеровъ, въ вѣдѣніи его находящихся; всѣ они отчетливо исполняютъ свои обязанности и трудятся съ видимой охотою». Далѣе въ приказѣ отдана благодарность всѣмъ инженерамъ поимянно. Затѣмъ текстъ приказа гласитъ:

«Полковнику Крафту стараться еще успѣть работы нынѣшняго года и распорядиться производствомъ оныхъ въ теченіи зимы, тамъ, гдѣ оно возможно».

Вслѣдъ за этимъ, въ приказѣ отъ 30-го сентября 1844 г. за № 296, объявлено высочайшее благоволеніе по южной дирекціи, именно: на-

чальнику дирекціи полковнику Крафту, подполковнику Загоскину; маіорамъ: Мейнгарду, гофмейстеру Даненштерну; капитанамъ Штукенбергу, Смоликовскому, Богомольцу, Глазенапу, Кольману, поручикамъ Антонову, Шернвалю, Шадевскому, Трубникову, Леонову, Бенеславскому, Гейнриху, Кеннгу, Фалевичу, Воробьеву, Румелю, Верховскому, Петрову, Ветлицкому, Вернгѣ 3, Тесмину, Лебедеву, Кусакову, Рехневскому, Косману, Оттъ 2; подпоручикамъ: Поливанову, Оттъ 1, Кузеневу 2, Валицкому, Броневичу и Савицкому.

Мы здѣсь поименовали съ цѣлью, чтобы сдѣлать извѣстными имена всѣхъ инженеровъ, участвовавшихъ въ постройкѣ желѣзной дороги.

Теперь предложимъ приказъ графа Клейнмихеля, приведенный въ началѣ, отъ 24-го сентября за № 293: «признавая необходимымъ и полезнымъ для навыка открыть опытный путь желѣзной дороги по частямъ, я поручилъ полковнику Крафту представить соображеніе къ таковому началу, съ 1846 г., части отъ Москвы, а также между Тверью и Вышнимъ Волочкомъ».

Второй изъ нихъ былъ открытъ для движенія паровозовъ въ 1849 г.

Тутъ же въ приказѣ объявлена благодарность графа и полицейскому управленію за то, что оно много содѣйствовало успѣху работъ, и сказано: «рабочіе въ совершенномъ порядкѣ, размѣщены хорошо, ѣдятъ сытно и получаютъ отъ подрядчика плату исправно».

Далѣе въ приказѣ:

«Въ Москвѣ строится зданіе пассажирской станціи; успѣхомъ я доволенъ. Зданіе это въ нынѣшнемъ году будетъ подъ крышею съ желѣзными стропилами и желѣзными балками. Отъ архитектора Никитина требую лучшей и тщательнѣйшей кладки кирпича».

Очевидно, приказъ этотъ, какъ и прочіе, графомъ Клейнмихелемъ, писанъ былъ болѣе для публики, нежели для насъ, такъ какъ приказы его расходились тогда какъ газеты и публику очень занимали и нравились ей своимъ рѣзкимъ тономъ и составляли особую зубастую литературу.

Здѣсь кстати замѣтимъ, что графъ Клейнмихель былъ увлеченъ требованіемъ чистой съ лица обтески гранита у мостовъ, хотя даже крестьяне, видѣвшіе наши работы, замѣчали, недоумѣвая: къ чему это нужно? и не разъ случалось отъ нихъ слышать: баринъ, пошто вы такъ шлифуете камень-то, вѣдь когда по «чугункѣ» поѣдутъ господа, никто этого съ верха не увидитъ, а время-то вѣдь сколько нужно для обработки, да и шлифовать-то даромъ никто не станетъ, а «державато» [1]) все та-же, хоть камень просто околи съ лица»! Также конекъ

[1]) Подъ „державою“ разумѣется сила и прочность.

графа были: тонкіе швы въ кирпичной кладкѣ, что, пожалуй, красивѣе, но вредитъ прочности при слишкомъ тонкихъ прослойкахъ известковаго раствора. Даже изъ за этого крутобыстрый графъ поссорился съ знаменитымъ архитекторомъ К. А. Тономъ, который строилъ Петербургскій вокзалъ и наотрѣзъ отказался дѣлать кирпичную кладку съ тонкими швами и изъ-за этого отказался отъ работъ и былъ удаленъ отъ званія инспектора строющихся станціонныхъ зданій по всей желѣзной дорогѣ. Однако К. А. Тонъ успѣлъ нѣсколько разъ побывать у насъ на работахъ и дать намъ, строителямъ, много полезныхъ совѣтовъ, которые я высоко ставлю; такъ и въ бесѣдахъ съ нимъ—о томъ, какъ строить, я почерпалъ столько практическихъ свѣдѣній, что они были мнѣ очень полезны и всегда ихъ вспоминаю.

Возвращаясь опять къ кирпичной кладкѣ съ тонкими швами, замѣчу, что оно было особенно неумѣстно и вредно, такъ какъ пассажирскія и локомотивныя зданія на станціяхъ I и II класса у насъ строились со сводами и арками большихъ пролетовъ, производящихъ на стѣны большой распоръ и требующихъ отъ нихъ особенной устойчивости.

Въ 1847 году мѣсто К. А. Тона, какъ инспектора, заступилъ академикъ Желязевичъ, который былъ другаго тона и человѣкъ самъ очень тонкій, который стремился угождать могучему графу и за это пользовался его расположеніемъ и — поддерживалъ въ кирпичной кладкѣ тонкіе швы.

Послѣ южной дирекціи, подобный осмотръ работъ графомъ Петромъ Андреевичемъ послѣдовалъ и по сѣверной дирекціи и поэтому вышелъ его приказъ, отъ 14-го октября 1844 года, за № 310, гдѣ было сказано:

„Возвращаясь изъ Москвы, я направилъ путь мой къ работамъ сѣверной дирекціи С.-Петербурго-Московской желѣзной дороги. Въ искусственномъ отношеніи все отлично, все благоразумно придумано; во всемъ видно знаніе дѣла инженеровъ, работами завѣдующихъ. Усердіе ихъ отъ знанія не отстаетъ; они сдѣлали все то, что данными средствами исполнить было можно, но подрядчикъ земляныхъ работъ неисправенъ; онъ имѣетъ на работахъ съ небольшимъ 10 тысячъ человѣкъ и въ числѣ ихъ много малолѣтнихъ,— тогда какъ долженъ былъ выставить болѣе, чѣмъ 20 тысячъ человѣкъ, и отъ него по 1-е октября отдѣлано земляныхъ работъ не 752 тысячи, а только 272 тысячи кубич. саж. Съ подрядчикомъ будетъ поступлено по закону".

„Искренно благодарю начальника дирекціи, инженеръ-полковника Мельникова, за всѣ его распоряженія, за всю его неутомимую въ трудахъ дѣятельность. Благодарю также и всѣхъ его подчиненныхъ".

Далѣе въ приказѣ:

„Полковнику Мельникову стараться непремѣнно усилить работы текущаго года и распорядиться производствомъ оныхъ въ теченіи пыпѣшней

зимы тамъ, гдѣ это возможно; причемъ обратить особенное вниманіе на мостовыя работы и наблюсти, чтобы подрядчики не потеряли зимняго времени, для сихъ сооруженій удобнаго. Представить соображеніе объ открытіи желѣзной дороги въ 1846 г. между С.-Петербургомъ и Сосниской пристанью и далѣе".

„Объявляю благодарность полицейскому управленію и полковнику Фролову, по его заготовкамъ продовольствія для рабочихъ и распоряженію съ ними, по бездѣйствію подрядчика (земляныхъ работъ)".

Въ приказѣ 16-го октября 1844 года, за № 311 и 312, объявлено высочайшее благоволеніе всѣмъ чинамъ сѣверной дирекціи.

Опять, чтобы сохранить имена всѣхъ трудившихся въ столь важномъ дѣлѣ, привожу фамиліи инженеровъ и сѣверной дирекціи.

Особо начальнику дирекціи—полковнику Мельникову.

Далѣе—подполковникамъ: Гергарду и Нордштейну; маіорамъ: Кирхнеру, Липину, Алексѣевскому; капитанамъ: фонъ-деръ-Палену, Семичеву, Геттунгу, Крутикову, Гравѣ 1-му, Миклухѣ, Шляндеру, Гравѣ 2-му, Пóссе; поручикамъ: Ангелю, Керсновскому, Полежаеву, Поплавскому, Вельцыну, Клакотскому, Казначееву, Перроту 2-му, фонъ-Шильдеру, Вержбовскому, Журавлеву, Довгарду, Мацневу, Садовскому, Хржановскому, Тенковичу, барону Черкасову, Шишкову, Панаеву 1-му, Панаеву 2-му; подпоручикамъ: Корбуту-Дошкевичу, Микульскому, Губину, Ромейко, Зацвилиховскому и Шварцу.

Какъ видно изъ означенныхъ приказовъ: №№ 193, 194, 310 и 311, 1844 года, при работахъ строющейся желѣзной дороги находилось тогда инженеровъ: въ южной дирекціи — 36 человѣкъ и въ сѣверной дирекціи—40 человѣкъ.

По приказу 16-го октября 1844 года, за № 313, послѣдовало высочайшее повелѣніе о томъ, что «назначенное сперва временное полицейское управленіе строющейся желѣзной дороги не упразднять, и что оно оставляется на все время производства работъ до совершеннаго ихъ окончанія».

Было-бы слишкомъ однообразно описывать шагъ за шагомъ всѣ земляныя работы по устройству полотна желѣзной дороги, которыя продолжались даже и послѣ укладки рельсовъ, такъ какъ отлично отдѣланные откосы не только въ выемкахъ, но и въ насыпяхъ, состоя большею частію изъ глины, хотя очень твердой въ нѣдрахъ земли, но при выходѣ наружу глина эта отъ вліянія мороза распучивалась и въ откосахъ во многихъ мѣстахъ образовались сплывы. При глубинѣ выемокъ до 8 и болѣе саженъ и до такой-же предѣльной вышины насыпей, сплывы эти принимали громадные размѣры, такъ что они даже заваливали уже уложенный рельсовый путь. Заграницей въ подобныхъ случаяхъ сплывшая земля снималась и замѣнялась камнемъ,

но у насъ способъ этотъ обходился-бы дорого, а потому примѣненъ другой, именно: въ сплывшихъ мѣстахъ откосовъ выемокъ была сдѣлана сплошная срѣзка ихъ подъ болѣе пологимъ уклономъ,—вмѣсто двойнаго—тройной, съ уширеніемъ бермы при подошвѣ и устройствомъ второй бермы на высотѣ 2 саженъ; при насыпяхъ была сдѣлана въ такихъ случаяхъ присыпка откоса подъ болѣе пологимъ уклономъ, также съ второй бермою или уступомъ, что радикально помогло, и сплывы совершенно прекратились.

Въ насыпяхъ сплывы происходили также отъ того, чтобы не терять зимняго времени,—онѣ возводились изъ мерзлой глины, которую нельзя было отдѣлять иначе, какъ комьями; но комья эти потомъ, оттаивая, производили въ насыпи движеніе и отъ него случались сплывы. Отстранялось это тѣмъ, что насыпи, гдѣ было можно, возводились изъ песку, но это не всегда было выгодно отъ чрезмѣрнаго увеличенія разстоянія подвозки.

Было-бы очень любопытно знать все количество земляныхъ работъ, которое потребовалось для устройства желѣзной дороги, такъ какъ онѣ были въ огромныхъ размѣрахъ для самаго полотна, какъ уже намекаютъ приведенные приказы графа Клейнмихеля, но къ этому нужно прибавить еще таковыя работы и для прокопанія канавъ, чтобы осушить столь наводненную вообще мѣстность на большой части прохода дороги. Для чего, особенно по болотамъ, прокапывались глубокія канавы, какъ вдоль полотна, такъ и отводныя въ сторону къ рѣкамъ и озерамъ. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ подъ рукою данныхъ для отвѣта на этотъ вопросъ и замѣняемъ точныя свѣдѣнія по нашему соображенію. Глубокія продолжительныя выемки и высокія насыпи были очень значительны въ гористой мѣстности, какъ видно по приведеннымъ отмѣткамъ продольнаго профиля, и встрѣчались не только по Валдайской возвышенности, но особенно отъ Волги и все болѣе и болѣе къ Москвѣ.

На участкѣ, бывшемъ въ моемъ вѣдѣніи, отъ Вышняго-Волочка на половинѣ протяженія до Твери или 54 версты, земляныя работы простирались для выемокъ и насыпей—не самаго большаго размѣра, около 5 саж. глубины и вышины полотна, до 500 тыс. куб. саж. и для канавъ—до 60 тыс. куб. саж.; но подъ Москвою то же количество работъ для полотна потребовалось на одной дистанціи протяженіемъ 10 верстъ.

Примѣняя это для всей дороги на протяженіи 604 верстъ, все количество земляныхъ работъ слѣдуетъ принять до 10 милліоновъ куб. саженъ; при чемъ земляное полотно проходитъ въ выемкахъ на протяженіи 174 верстъ, въ насыпяхъ — 390 верстъ и ровно 40 верстъ въ томъ числѣ мосты.

При земляныхъ работахъ полотна никакихъ механическихъ приспособленій, какъ отвозки въ вагонахъ по рельсамъ, не употреблялось;

только работалъ въ Кузнецовской выемкѣ между Березайской и Валдайской станціями—механическій землекопъ, именно: силою паровой машины входилъ въ грунтъ одинъ большой черпакъ и, вынувъ изъ выемки объемъ около кубич. аршина земли, поворачивался и выбрасывалъ землю; но такой приборъ оказался неудобенъ, онъ часто ломался, попадая на камень, и потому былъ оставленъ.

При большихъ земляныхъ работахъ нигдѣ не попадали на каменныя породы,—все глина и глина и песокъ разныхъ видовъ; только близь Петербурга, подымаясь на высоты за р. Ижорою, встрѣтился плитнякъ. Изъ ископаемыхъ, сколько мнѣ извѣстно, между Волочкомъ и Тверью попадались зубы мамонта и носорога, а въ Кольцевской выемкѣ—аммонитовыя раковины. У р. Любенки на 358 верстѣ оказалась прекрасная пластичная красная глина и нашли въ лѣсу нѣсколько древнихъ колодцевъ бывшаго селенія, обдѣланныхъ дубовыми досками, тогда какъ теперь дубовыхъ деревьевъ кругомъ нѣтъ и встрѣчаются только старые пни и побѣги; около Осѣченки, при копкѣ котлована подъ плотину на глубинѣ до 2 саж., нашли поваленный молодой дубъ даже съ желудями на вѣтвяхъ; болѣе по этому о другихъ частяхъ дороги свѣдѣній не имѣю.

Кромѣ земляныхъ работъ, при полотнѣ желѣзной дороги, производились еще работы другаго рода, именно: для укрѣпленія откосовъ, выемокъ и насыпей, посредствомъ обдерновки, мощеніемъ камнемъ и засѣвомъ луговыми травами, посыпая глинистые откосы черноземомъ.

Вообще земляныя работы полотна продолжались до 1849 года. Графъ Петръ Андреевичъ ежегодно ихъ осматривалъ и все торопилъ, приговаривая: именемъ государя императора приказываю вамъ докончить къ такому-то сроку, что иногда было невозможно по даннымъ средствамъ, и бѣда была тому, кто осмѣлился это прямо высказать. Дѣло шло медленно, такъ какъ плата по контракту Кузьмину была весьма умѣренная и разсчитана на обыкновенные грунты земли; но встрѣчались такіе, которые нужно было отбивать кирками и ломами, такъ что выставленные подрядчикомъ рабочіе не отрабатывали того, что слѣдовало; да и дожди лѣтомъ затрудняли работу въ глинѣ.

Санитарное состояніе рабочихъ—при такомъ скопленіи ихъ и такихъ условіяхъ тяжкой работы и помѣщеніи въ землянкахъ, которыя, какъ-бы ни были хороши, все-же не совсѣмъ предохраняли отъ непогоды—не могло быть удовлетворительно. Вслѣдствіе этого появлялся тифъ и лихорадка. Противъ чаянія, заболѣвали рабочіе люди болѣе на возвышенныхъ открытыхъ мѣстахъ, въ выемкахъ, гдѣ вѣтеръ продувалъ ихъ какъ въ трубѣ, и менѣе всего работавшіе на болотахъ и въ лѣсной мѣстности; но все же смертность была незначительная.

Прекрасное стихотвореніе Некрасова «Желѣзная дорога» рисуетъ кар-

тину черезъ-чуръ утрированную. Желѣзная дорога дала заработокъ сотнямъ тысячъ людей, спасая ихъ тѣмъ отъ голода,—да и число жертвъ было такое-же, какъ при всѣхъ большихъ земляныхъ работахъ. Тѣни, преслѣдовавшія поѣздъ, скорѣе напоминаютъ «Лѣснаго царя» (Erl-König) Гёте.

На линіи работъ были устроены снабженные всѣмъ нужнымъ лазареты и при каждомъ былъ медикъ и фельдшеръ. Такой лазаретъ былъ и на моемъ участкѣ въ Спировѣ.

Полицейское управленіе дороги или, вѣрнѣе, жандармское начальство сильно заботилось не только о тѣлесномъ, но и о духовномъ призрѣніи рабочихъ; даже въ Спировѣ была имъ поставлена походная церковь въ большой палаткѣ; а чтобы знали, что она жандармская, то на малыхъ дверяхъ, по сторонамъ царскихъ вратъ, на одной—на лѣвой, было изображено «всевидящее око», а на другой — правой, въ ту же величину «всеслышащее ухо», которое и внѣ палатки неусыпно работало, и доносы на инженеровъ и подрядчиковъ были нерѣдки и волновали круто-быстраго графа, а онъ, въ свою очередь, допекалъ то того, то другаго; но такъ, что неизвѣстно откуда налетала туча, такъ какъ жандармы всѣмъ очень любезно улыбались.

Князь Бѣлосельскій-Бѣлозерскій, по происхожденію Рюриковичъ,—какъ начальникъ полицейскаго управленія, тоже много хлопоталъ, разъѣзжая и осматривая мѣста, гдѣ располагались рабочіе. Онъ былъ пожилой, небольшаго роста, сухощавый, генералъ (недавно произведенный), добрый человѣкъ, но большой чудакъ; такъ, напримѣръ, онъ признавалъ, какъ лучшее средство для сохраненія здоровья рабочихъ людей, пускать имъ кровь (старинная княжеская привычка, хотя инымъ способомъ) и для этого всегда возилъ съ собою фельдшера, и какъ только приближался къ кучкѣ рабочихъ, спрашивалъ ихъ: не нужно-ли кому «пустить кровь?» или выражался простонародно «метнуть руду?» и послѣ его убѣжденія всегда находились охотники, вѣроятно, желая угодить начальнику. Фельдшеръ усердно работалъ и довольный князь уѣзжалъ далѣе. Но бѣдный, посѣтивъ лазаретъ съ тифозными, самъ заболѣлъ и умеръ, кажется, въ Москвѣ.

Были и между инженерами чудаки; одинъ изъ выдающихся — помощникъ Крафта—Л. Н. Загоскинъ, болѣе поэтъ и музыкантъ, нежели инженеръ; онъ, по виду набожный, очень сильно вѣрилъ въ чёрта и больше всего о немъ толковалъ, вездѣ находя ересь и вліяніе нечистой силы; доказывалъ даже по своей инженерной профессіи, что злой духъ имѣетъ нѣкоторый объемъ, приводя въ примѣръ, что у людей, одержимыхъ бѣсомъ, въ припадкѣ бѣсованія выступаютъ желваки, въ которыхъ именно и содержится чёртъ, не смѣя выйти вонъ. Кто Леодору Николаевичу поддакивалъ, тотъ пользовался большимъ его расположеніемъ, а невѣрующимъ много отъ него доставалось на-

надковъ, такъ какъ онъ возстановлялъ своимъ наущеніемъ Н. О. Крафта, но, къ счастію, Крафтъ вѣрилъ больше въ добро, нежели въ зло, и всегда требовалъ формальныхъ доказательствъ на возводимыя нападки, но Загоскинъ никогда не могъ ихъ представить.

Загоскинъ жилъ въ Твери и постоянно возился съ монахами; разъ пригласилъ одного прокатиться въ вагонѣ по желѣзной дорогѣ, когда еще было пробное движеніе около Твери. На пути монахъ, любопытствуя, выглянулъ изъ окна вагона,—но тогда еще не были сняты всѣ вѣхи, обозначавшія ось дороги, и на бѣду одна вѣха наклонилась къ рельсамъ, по которымъ шелъ вагонъ, и какъ разъ монахъ наткнулся носомъ на эту злополучную вѣху, такъ что кончикъ преподобнаго носа былъ сорванъ и монахъ окровавленный откинулся въ вагонъ. Тутъ произошло уже другаго рода кровопусканіе, нежели дѣлалъ князь Бѣлосельскій—не къ добру! Событіе это разнеслось по городу и возбудило въ трусливыхъ ропотъ на желѣзную дорогу, а въ глазахъ другихъ—повредило репутацію монаха.

Впрочемъ, Л. И. Загоскинъ былъ человѣкъ безкорыстный и былъ хорошъ съ тѣми, кто видѣлъ въ немъ начальство, спрашивалъ у него совѣтовъ и разрѣшеній по работамъ, но, къ сожалѣнію, не умѣлъ съ толкомъ давать ни то, ни другое.

Выше всѣхъ ихъ возстаетъ предо мною фигура графа Петра Андреевича Клейнмихеля; тяжелъ онъ былъ для своихъ подчиненныхъ, личность другаго для него не существовала, но всегда у него впереди было дѣло и достиженіе своихъ крайне-быстрыхъ намѣреній, направленныхъ къ пользѣ, которая не всегда была ясна. Это былъ стальной таранъ, который былъ нуженъ для державной воли государя, чтобы пробивать стѣну всѣхъ преградъ и затрудненій, противупоставляемыхъ нашею некретимостью, и что доказываютъ многія полезныя работы по вѣдомству путей сообщенія, которыя много лѣтъ откладывались и при немъ только исполнены. Теперь, когда его уже нѣтъ, можно привесть, хотя въ миніатюрѣ, словами нашего поэта Пушкина: «Народовъ ненависть почила и лучъ безсмертія горитъ!» Современники говорили, что онъ былъ не государственный, а государевъ человѣкъ; но я того мнѣнія, что онъ былъ вмѣстѣ и то, и другое! Лицо у него было рѣзкое; круглые сѣрые глаза, способные мгновенно выражать гнѣвъ; онъ казался гораздо красивѣе, когда сердился, нежели когда былъ веселъ и улыбался, что, впрочемъ, рѣдко случалось. Онъ говорилъ отрывисто, что въ гнѣвѣ походило на рыканіе. Обладалъ большой памятью и легко усвоивался съ самыми трудными техническими вопросами. Какъ онъ ни былъ самоувѣренъ, но выслушивалъ возраженія, и когда замѣчалъ, что подчиненный робѣетъ, приговаривалъ: «вѣдь я говорю условно,—исполните насколько возможно».

Привожу анекдотъ о томъ, какъ его ненавидѣли въ публикѣ за его немилосердное обращеніе и за его манеру по пословицѣ: «гнётъ дугу, не па́ритъ—переломитъ, не тужитъ!» Его племянникъ, тоже генералъ-адъютантъ, Н. А. Огаревъ, разсказывалъ мнѣ, много позже, что разъ онъ ѣхалъ въ вагонѣ по С.-Петербурго-Московской желѣзной дорогѣ и вдругъ слышитъ разговоръ двухъ купцовъ о графѣ Клейнмихелѣ, который привлекъ его вниманіе. Одинъ купецъ разсказывалъ другому про графа и многословно, и сильно его бранилъ; тогда Н. А. Огаревъ обратился къ нему съ вопросомъ: «скажите на милость, что вамъ сдѣлалъ худаго графъ Петръ Андреевичъ, когда такъ вы его браните?» и получилъ отъ осерчавшаго купца въ отвѣтъ: «да лично мнѣ ровно ничего, ваше превосходительство!», тогда Огаревъ спросилъ: «по скажите, видѣли-ли вы по крайней мѣрѣ когда-нибудь графа Клейнмихеля?» и опять получилъ отрицательный отвѣтъ; такъ за что-же вы ругаете графа, продолжалъ Огаревъ,—когда даже его совсѣмъ не знаете? «Помилуйте», отвѣчалъ, наконецъ, осерчавшій купецъ: «вѣдь и чорта, ваше превосходительство, никто не видалъ, а всѣ его ругаютъ!» Таковъ былъ отзывъ про дядюшку, приведшій въ изумленіе племянника.

Не могу умолчать при этомъ объ одной личности, весьма приближенной къ графу Петру Андреевичу, именно объ Аполлонѣ Алексѣевичѣ Серебряковѣ, инженерномъ полковникѣ, состоявшемъ по особымъ порученіямъ при графѣ.

Весьма умный и дѣльный инженеръ, Аполлонъ Алексѣевичъ былъ добрымъ геніемъ и громоотводомъ при строптивомъ графѣ, имѣвшемъ къ нему, какъ приближенному, большое довѣріе, которое онъ вполнѣ заслуживалъ, какъ по своему знанію дѣла, такъ и по характеру, и особенному такту. Графъ часто посылалъ его съ большимъ полномочіемъ разбирать самыя трудныя дѣла и жалобы на инженеровъ и А. А. всегда умѣлъ такъ исполнять порученія, что графъ оставался доволенъ, дѣло разъяснялось и никто не страдалъ, такъ какъ жалобы были большею частію по недоразумѣнію или даже по клеветѣ, зная придирчивый нравъ графа; но когда являлось положеніе безвыходное, тогда А. А. Серебряковъ представлялъ виновнаго, но заслуживающимъ снисхожденія.

Графъ Петръ Андреевичъ любилъ регламентировать и при началѣ работъ издалъ книжку (къ сожалѣнію ее не имѣю), въ которой были подробно постановлены техническіе способы для устройства С.-Петербурго-Московской желѣзной дороги; но многіе пріемы оказались непримѣнимы; такъ, напримѣръ, было назначено желѣзную дорогу по глубокимъ болотамъ строить на свайномъ ростверкѣ, что обошлось бы чрезвычайно дорого и со временемъ сгнившіе ростверки

имѣющія видъ огромной доски, поставленной на ребро и лежащей только концами на каменныхъ опорахъ,—не производя на нихъ никакого распора въ бока, какъ у арочныхъ мостовъ, что дозволяетъ опоры эти дѣлать значительно тоньше, причемъ проѣзжее полотно на мосту не требуетъ замѣтнаго подъема. Кромѣ того, такіе мосты допускаютъ отверстія, подъ которыми протекаетъ рѣка, большой ширины, до 25 саж.; мосты эти еще тѣмъ хороши, что составныя ихъ деревянныя части, находясь всѣ на виду, дольше сохраняются отъ гнилости.

Было бы неумѣстно входить здѣсь въ техническія подробности по устройству мостовъ на этой дорогѣ, но скажу только, что время оправдало для нихъ избранную систему, такъ и самую постройку, и не было примѣра подмывовъ и обрушеній отъ несоотвѣтственныхъ размѣровъ отверстій и частей моста, что бывало на другихъ дорогахъ. Деревянныя части мостовъ простояли на С.-Петербурго-Московской желѣзной дорогѣ болѣе 35 лѣтъ безъ порчи; этому много способствовало употребленіе лучшаго рудоваго сосноваго лѣса и пропитаніе его предохранительнымъ составомъ по способу Пайна. Но остался (1885 г.) еще одинъ гигантскій мостъ чрезъ Волгу у Твери, гдѣ еще существуетъ деревянное верхнее строеніе, въ которомъ фермы по частямъ и балки уже нѣсколько разъ исправлялись.

Вообще мосты строились съ подряда по каждому участку особо, исключая большихъ мостовъ, которые строились отдѣльно, именно: чрезъ Волховъ, строитель инженеръ Граве, мостъ съ разводнымъ полотномъ для пропуска судовъ съ мачтами; чрезъ Веребье, строитель Д. М. Журавскій; чрезъ Мсту, строитель Крутиковъ; чрезъ Цну, строитель П. А. Глазенапъ; чрезъ Тверцу, строитель А. К. Кольманъ; чрезъ Волгу, строитель Антоновъ; чрезъ Сходню, строитель Бенисла́вскій. Изъ этихъ мостовъ самый замѣчательный по высотѣ—чрезъ Веребью, составляющую глубокій оврагъ съ небольшой рѣчкой, въ которомъ снизу на высоту 12 саж. каменные быки, а выше на 12 саж. деревянныя сплоченныя стойки. Строитель этого моста извѣстный инженеръ Д. И. Журавскій, тогда молодой человѣкъ, первый вывелъ теорію многораскосныхъ американскихъ мостовъ системы Гау, по которой въ конструкціи фермъ сдѣлано цѣлесообразное усовершенствованіе.

Для постройки мостовъ матеріалы всѣ получали изъ окружающихъ мѣстъ. Отличный рудовой сосновый лѣсъ съ верховьевъ р. Цны и изъ Хотиловской рощи, а для каменныхъ опоръ на облицовку гранитный камень изъ встрѣчаемыхъ въ обиліи на поляхъ до самой Волги большихъ валуновъ, иногда огромныхъ размѣровъ; такъ, около Вышняго Волочка, вся облицовка устоевъ одного мостика была сдѣлана

имѣющія видъ огромной доски, поставленной на ребро и лежащей только концами на каменныхъ опорахъ,—не производя на нихъ никакого распора въ бока, какъ у арочныхъ мостовъ, что дозволяетъ опоры эти дѣлать значительно тоньше, причемъ проѣзжее полотно на мосту не требуетъ замѣтнаго подъема. Кромѣ того, такіе мосты допускаютъ отверстія, подъ которыми протекаетъ рѣка, большой ширины, до 25 саж.; мосты эти еще тѣмъ хороши, что составныя ихъ деревянныя части, находясь всѣ на виду, дольше сохраняются отъ гнилости.

Было бы неумѣстно входить здѣсь въ техническія подробности по устройству мостовъ на этой дорогѣ, но скажу только, что время оправдало для нихъ избранную систему, такъ и самую постройку, и не было примѣра подмывовъ и обрушеній отъ несоотвѣтственныхъ размѣровъ отверстій и частей моста, что бывало на другихъ дорогахъ. Деревянныя части мостовъ простояли на С.-Петербурго-Московской желѣзной дорогѣ болѣе 35 лѣтъ безъ порчи; этому много способствовало употребленіе лучшаго рудоваго сосноваго лѣса и пропитаніе его предохранительнымъ составомъ по способу Пайна. Но остался (1885 г.) еще одинъ гигантскій мостъ чрезъ Волгу у Твери, гдѣ еще существуетъ деревянное верхнее строеніе, въ которомъ фермы по частямъ и балки уже нѣсколько разъ исправлялись.

Вообще мосты строились съ подряда по каждому участку особо, исключая большихъ мостовъ, которые строились отдѣльно, именно: чрезъ Волховъ, строитель инженеръ Граве, мостъ съ разводнымъ полотномъ для пропуска судовъ съ мачтами; чрезъ Веребье, строитель Д. М. Журавскій; чрезъ Мсту, строитель Крутиковъ; чрезъ Цну, строитель П. А. Глазенапъ; чрезъ Тверцу, строитель А. К. Кольманъ; чрезъ Волгу, строитель Антоновъ; чрезъ Сходню, строитель Бенисловскій. Изъ этихъ мостовъ самый замѣчательный по высотѣ—чрезъ Веребью, составляющую глубокій оврагъ съ небольшой рѣчкой, въ которомъ снизу на высоту 12 саж. каменные быки, а выше на 12 саж. деревянныя сплоченныя стойки. Строитель этого моста извѣстный инженеръ Д. И. Журавскій, тогда молодой человѣкъ, первый вывелъ теорію многораскосныхъ американскихъ мостовъ системы Гау, по которой въ конструкціи фермъ сдѣлано цѣлесообразное усовершенствованіе.

Для постройки мостовъ матеріалы всѣ получали изъ окружающихъ мѣстъ. Отличный рудовой сосновый лѣсъ съ верховьевъ р. Цны и изъ Хотпловской рощи, а для каменныхъ опоръ на облицовку гранитный камень изъ встрѣчаемыхъ въ обиліи на поляхъ до самой Волги большихъ валуновъ, иногда огромныхъ размѣровъ; такъ, около Вышняго Волочка, вся облицовка устоевъ одного мостика была сдѣлана

изъ одного такого валуна, величиною до 2-хъ куб. саж., расколовъ его на куски. Всѣ мосты въ южной дирекціи облицованы такимъ гранитомъ, но въ сѣверной не всѣ, а съ кирпичною кладкою наружу.

Каменная кладка опоръ производилась не на портландскомъ цементѣ, который тогда хотя уже былъ въ употребленіи, однако обходился съ доставкою дорого; но на известковомъ растворѣ—гидравлически природномъ или приготовленномъ искусственно.

Для упроченія дерева на верхнемъ строеніи мостовъ оно пропитывалось, какъ сказано, предохранительнымъ составомъ по способу Пайна, для чего были выстроены особые аппараты на Мстѣ, другой въ Вышнемъ Волочкѣ и еще гдѣ-то. Въ этотъ аппаратъ дерево вкатывается на двухъ тележкахъ, по рельсамъ, въ желѣзный цилиндръ, длиною 8 саж. и вышиною 6 футъ, и послѣ герметически закупоривается; затѣмъ впускомъ пара и охлажденіемъ образуется въ цилиндрѣ безвоздушное пространство и пневматически вводились поочередно растворы: 1) желѣзнаго купороса, и потомъ 2) хлористаго кальція, что при химическомъ соединеніи ихъ образуетъ въ порахъ дерева сѣрно-кислую известь или гипсъ, именно составляющій, — какъ нерастворимое въ водѣ вещество, предохранительное средство противъ гнилости дерева.

Всѣхъ мостовъ по С.-Петербурго-Московской желѣзной дорогѣ, большихъ и малыхъ, и трубъ подъ дорогой 275, а именно: мостовъ—188; трубъ: чугунныхъ, отверстіемъ отъ $^1/_4$ до 1 саж. — 28, и каменныхъ со сводомъ, отверстіемъ отъ $^1/_2$ до 5 саж.—59. Кромѣ того есть мосты путепроводные надъ желѣзной дорогой для переѣзда по пересѣкаемымъ обыкновеннымъ дорогамъ.

Вообще многому мы, инженеры, научились при всѣхъ этихъ работахъ подъ руководствомъ нашихъ опытныхъ инженеровъ Крафта и Мельникова и американскаго совѣщательнаго инженера Унстлера и архитектора К. А. Тона.

Въ 1845 г., какъ видно изъ приказа 9 сентября за № 184, графъ Петръ Андреевичъ осматривалъ въ іюнѣ мостъ чрезъ Обводный каналъ, близъ Петербурга, подъ желѣзную дорогу и нашелъ, что постройка моста производится успѣшно. Гранитныя работы исполнены съ замѣчательной отдѣлкою; фермы моста изъ отличнаго сосноваго лѣса, и благодарилъ полковника Мельникова и производителя работъ капитана Гетунга и поручика Ангеля.

А. И. Штукенбергъ.

14 мая 1885 года.

(Окончаніе слѣдуетъ)

ГР. НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ МУРАВЬЕВЪ-АМУРСКІЙ.

Изъ воспоминаній о его дѣятельности.

Торговля на Кяхтѣ [1]).

Въ статьяхъ моихъ о графѣ Николаѣ Николаевичѣ Муравьевѣ-Амурскомъ, напечатанныхъ въ декабрьской книгѣ 1883 года журнала «Русская Старина» и въ іюльской книгѣ 1884 года «Русскаго Вѣстника», я высказалъ, что Н. Н. Муравьевъ, предвидя какіе важные перевороты и событія должны будутъ совершиться въ Китаѣ и что Россія должна быть подготовлена, чтобы идти имъ на встрѣчу, во всѣхъ своихъ мѣропріятіяхъ по различнымъ частямъ управленія обширною Восточною Сибирью руководился этою возвышенною мыслію и во всѣхъ случаяхъ дѣйствовалъ такъ осмотрительно и въ то же время такъ подготовительно въ широкомъ смыслѣ слова, что этимъ несомнѣнно заслуживаетъ названіе замѣчательнаго и передоваго по времени государственнаго дѣятеля.

---

[1]) Статья эта получена редакціей „Русской Старины“ при слѣдующемъ письмѣ отъ Б. В. Струве:

Спб., 1 сентября 1885 г.

„Милостивый государь Михаилъ Ивановичъ! Имѣя честь препроводить при семъ небольшую статью: „Воспоминанія о дѣятельности графа Н. Н. Муравьева-Амурскаго“, „О торговлѣ на Кяхтѣ“, составленную мною на основаніи лично мнѣ принадлежащихъ и въ теченіи нынѣшняго лѣта еще полученныхъ отъ частныхъ лицъ данныхъ, убѣдительнѣйше прошу васъ не отказать мнѣ въ помѣщеніи ея въ одномъ изъ ближайшихъ нумеровъ всѣми уважаемаго журнала вашего „Русская Старина“.

„При составленіи задуманной мною цѣльной, по возможности, біографіи этого замѣчательнаго государственнаго дѣятеля, я, къ сожалѣнію, встрѣтилъ

Все мною высказанное я могу подтвердить многими данными, что и надѣюсь исполнить постепенно. Начну съ одной изъ отраслей восточно-сибирскаго управленія, на которую Муравьевъ, немедленно по прибытіи своемъ въ Иркутскъ, по важности ея, обратилъ зоркое вниманіе, побуждаемый къ тому свѣдѣніями, полученными имъ въ проѣздъ его черезъ Москву на путь въ дальнюю Сибирь, и представленною ему тогда же московскимъ купечествомъ копіею съ записки, поданной городскимъ головою Лепешкинымъ, отъ имени всего торгующаго на Кяхтѣ купечества, министру финансовъ Ѳ. П. Вронченко.

Въ январѣ 1848 г. я отправился впередъ въ Сибирь съ приказаніемъ дождаться пріѣзда новаго генералъ-губернатора во ввѣренный его управленію край въ Красноярскѣ, въ ближайшемъ къ западной Сибири губернскомъ городѣ Восточной Сибири. По пріѣздѣ генерала Муравьева въ Красноярскъ, мнѣ немедленно было поручено вступить въ управленіе путевою канцеляріею генералъ-губернатора по гражданской части. Всѣ занятія по военной части были возложены на адъютанта командующаго войсками, въ Восточной Сибири расположенными, ротмистра Василія Михайловича Муравьева, съ которымъ я тутъ только познакомился, но вскорѣ сталъ съ нимъ въ самыя дружественныя, задушевныя отношенія. Тогда же я прочелъ съ величайшимъ интересомъ вышеупомянутую записку московскаго купечества и былъ свидѣтелемъ какъ Н. Н. Муравьевъ, еще въ Красноярскѣ, предварялъ своего адъютанта Вас. Мих. Муравьева, что по прибытіи въ Иркутскъ ему придется немедленно отправиться въ Кяхту для негласнаго и по возможности точнаго изслѣдованія всѣхъ изворотовъ торговли съ китайцами. Командировка эта и состоялась вскорѣ послѣ пріѣзда нашего въ Иркутскъ и Муравьевъ тогда же увѣдомилъ объ этомъ министра финансовъ конфиденціальнымъ письмомъ.

По возвращеніи адъютанта Муравьева изъ Кяхты и по соображеніи собранныхъ имъ данныхъ, генералъ Муравьевъ, въ письмѣ отъ 19

трудно преодолимыя препятствія, которыя во всякомъ случаѣ замедлятъ появленіе ея въ свѣтъ на неопредѣленное время.

А такъ какъ я уже не молодъ и едва-ли не единственный остался въ живыхъ изъ небольшаго числа лицъ, на долю которыхъ выпалъ счастливый жребій съ самаго начала дѣятельности Н. Н. Муравьева въ Восточной Сибири работать подъ ближайшимъ его руководствомъ и познакомиться со всѣми оттѣнками его обширныхъ плановъ, то я считаю святою своею обязанностью, пока я еще могу, подѣлиться съ просвѣщенною публикою всѣмъ, что мнѣ извѣстно объ этомъ передовомъ труженикѣ, память о которомъ для меня слишкомъ дорога.

„Примите и пр. Б. Струве“.

мая 1848 г. къ Ѳ. П. Вроченко, указывая на представленную министру финансовъ московскими купцами и мануфактуристами записку съ предложеніями объ устройствѣ кяхтинской торговли, заявилъ, что онъ, затрудняясь еще высказать рѣшительное свое мнѣніе по вопросу о необходимости измѣненія правилъ 1800 года о кяхтинской торговлѣ, по кратковременности вступленія его въ управленіе Восточною Сибирью, тѣмъ не менѣе находитъ, что по мѣстному взгляду на этотъ предметъ столь важные интересы отечественныхъ мануфактуръ и промышленности нельзя оставлять въ рукахъ и безотвѣтственномъ распоряженіи такихъ людей, у которыхъ они теперь находятся.

По существовавшимъ съ 1800 года для кяхтинскаго торга правиламъ, мѣна съ китайцами производилась исключительно товарами по цѣнамъ, назначавшимся предварительно, съ общаго согласія купечества, на основаніи ежегодно составляемаго положенія; покупка же или продажа товаровъ на деньги была строго запрещена. Московско-кяхтинское купечество поданною г-ну министру финансовъ запискою ходатайствовало объ освобожденіи кяхтинской торговли отъ стѣснительной предварительной оцѣнки товаровъ по общественному положенію.

Для Муравьева не было тайною, что какъ государственный канцлеръ гр. К. В. Нессельроде, такъ и министръ финансовъ Ѳ. П. Вронченко положительно были тогда противъ измѣненія правилъ 1800 г. и поэтому онъ предвидѣлъ, что въ этомъ дѣлѣ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, ему предстоитъ тяжелая борьба, къ которой нужно явиться во всеоружіи и съ вѣскими подкрѣпленіями.

Въ виду этого Н. Н. Муравьевъ, въ письмѣ отъ 27 апрѣля 1849 г., изъ Иркутска, передъ самымъ своимъ выѣздомъ въ Камчатку, счелъ своею обязанностію вновь обратить вниманіе министра финансовъ Ѳ. П. Вронченко на неудовлетворительное положеніе кяхтинской торговли, указывая, что торговые наши интересы въ Китаѣ приняли невыгодный оборотъ и годъ отъ году будутъ клониться къ упадку, если мы не обратимся и сами къ новымъ направленіямъ и предпріятіямъ для поддержанія и распространенія ихъ. «Китайская имперія, пишетъ Муравьевъ, при всемъ желаніи своемъ сохранить вѣковую свою неподвижность, которая и для насъ была очень выгодна, получила, къ сожалѣнію [1]), такой толчекъ отъ Англіи, который по не-

[1]) Сожалѣніе относится, разумѣется, только къ тому обстоятельству, что Китай получилъ этотъ толчекъ отъ Англіи, а не отъ Россіи, какъ бы слѣдовало ожидать при тѣхъ вѣковыхъ торговыхъ сношеніяхъ, которыя Россія имѣла съ Китаемъ. Б. С.

волѣ заставляетъ и насъ приходить здѣсь въ подвижность. Съ полною осторожностью и осмотрительностью, особенно къ сохраненію государственныхъ финансовыхъ выгодъ, приготовляюсь я къ этому новому здѣсь порядку вещей, но не могу скрыть опасеній моихъ за успѣхъ различныхъ предположеній и соображеній моихъ, которыя уже не могутъ согласоваться съ прежнимъ порядкомъ вещей, если ваше высокопревосходительство не удостоите меня личнымъ вашимъ довѣріемъ».

Не взирая на письма Муравьева отъ 10 мая 1848 г. и 27 апрѣля 1849 г., которыми онъ надѣялся и Россію заставить придти въ подвижность по отношенію къ Китаю, и на ходатайство московско-кяхтинскаго купечества, дѣло это оставалось въ прежнемъ положеніи. Вслѣдствіе этого Муравьевъ, немедленно по возвращеніи своемъ изъ Камчатки въ ноябрѣ 1849 г., рѣшился представить свои соображенія о тѣхъ мѣрахъ, которыя должны быть приняты безотлагательно, по его мнѣнію, хотя бы только для прекращенія тайнаго вывоза звонкой монеты въ Китай, въ ожиданіи возможности возобновить ходайство объ измѣненіи прежняго порядка на Кяхтѣ, съ увѣренностью на успѣхъ. Представляя о принятіи мѣръ строгости для предупрежденія тайнаго вывоза драгоцѣнныхъ металловъ за китайскую границу, Муравьевъ имѣлъ только одну цѣль: на практикѣ доказать, что никакія мѣры строгости не въ состояніи прекратить это мнимое зло, составляющее въ существѣ необходимое условіе торговли, и что слѣдовательно единственнымъ средствомъ для поддержанія нашихъ торговыхъ сношеній съ Китаемъ долженъ быть признанъ свободный торгъ, такъ какъ прежній порядокъ по правиламъ 1800 года оказался уже окончательно несостоятельнымъ.

Въ 1850 году я былъ командированъ генералъ-губернаторомъ Муравьевымъ изъ Иркутска въ С.-Петербургъ по различнымъ дѣламъ и между прочимъ имѣлъ порученіе, воспользовавшись моимъ знакомствомъ со многими московско-кяхтинскими фирмами, слѣдить за ходомъ и развитіемъ дѣлъ, касавшихся кяхтинскаго торга, что и дало мнѣ возможность въ подробности познакомиться съ этимъ вопросомъ, за разработкою котораго я и впослѣдствіи, до послѣдняго времени, слѣдилъ съ величайшимъ вниманіемъ, состоя въ постоянныхъ сношеніяхъ съ сибирскими купцами.

Здѣсь умѣстно будетъ заранѣе оговориться, чтобы разъяснить какая существенная разница была между взглядомъ московскаго купечества и Н. Н. Муравьева на вопросъ о свободѣ торговли на Кяхтѣ. Московскіе купцы и фабриканты считали для себя стѣснительнымъ и для торга вреднымъ установленный правилами 1800 года порядокъ

предварительнаго опредѣленія цѣнъ на товары, внѣ которыхъ мѣна товаровъ на товаръ ни подъ какимъ видомъ не разрѣшалась, и только въ этомъ отношеніи добивались свободы, отнюдь не допуская мысли о торгѣ на монету и кредитные билеты. Муравьевъ же, съ своей стороны, убѣжденный въ невозможности бороться съ контрабандою драгоцѣннымъ металломъ и денежными знаками, задумывалъ полное освобожденіе торговли на Кяхтѣ отъ всякихъ ограниченій, кромѣ, разумѣется, пошлинъ въ пользу казны.

По высочайшему повелѣнію, еще въ 1848 году, былъ учрежденъ въ Москвѣ комитетъ изъ торгующихъ на Кяхтѣ негоціантовъ и фабрикантовъ, подъ предсѣдательствомъ московскаго генералъ-губернатора, для обсужденія вопроса объ устройствѣ кяхтинской торговли.

Разсмотрѣніе состоявшагося въ московскомъ комитетѣ заключенія, съ присовокупленіемъ къ нимъ мѣръ, предложенныхъ Муравьевымъ для предупрежденія вывоза драгоцѣнныхъ металловъ за китайскую границу, продолжалось, не смотря на важность дѣла, до 15 января 1851 года, значитъ, почти три года.

Высочайше утвержденное въ 15 день января 1851 года мнѣніе государственнаго совѣта о дополненіи и въ существѣ незначительномъ измѣненіи существовавшихъ тогда правилъ кяхтинскаго торга достойно вниманія въ томъ отношеніи, что сколько до этого времени высшія административныя лица и мѣста какъ будто видимо и умышленно хотѣли игнорировать мѣстнаго главнаго начальника, столько настоящее, высочайше утвержденное, мнѣніе государственнаго совѣта доказываетъ, что въ этомъ отношеніи, съ начала 1851 года, послѣдовалъ замѣчательный поворотъ, ибо по всѣмъ предположеніямъ, которыя не требовали безотлагательнаго утвержденія и распоряженія, повелѣно было таковыя внести на разсмотрѣніе высшихъ правительственныхъ учрежденій непремѣнно черезъ посредство и съ мнѣніемъ генералъ-губернатора Вост. Сибири, а относительно тѣхъ мѣръ, которыя разрѣшены этимъ мнѣніемъ государственнаго совѣта, было повелѣно привести ихъ въ дѣйствіе въ видѣ опыта, съ возложеніемъ на генералъ-губернатора Восточной Сибири обязанности, по истеченіи трехлѣтняго срока, сообразить послѣдствія упомянутыхъ мѣръ и сообщить свое заключеніе о нихъ министру финансовъ для дальнѣйшаго распоряженія. Этотъ благопріятный, для дѣлъ восточной Сибири и вмѣстѣ съ тѣмъ для общей государственной пользы, поворотъ можетъ быть только объясненъ пребываніемъ генералъ-лейтенанта Муравьева тогда въ Петербургѣ и тѣми выраженіями личнаго довѣрія къ нему, которыхъ

его удостоивали государь императоръ Николай I и тогдашній цесаревичъ Александръ Николаевичъ.

Тогда же, въ бытность Муравьева въ Петербургѣ, въ числѣ другихъ значительныхъ преобразованій по Восточной Сибири состоялось, согласно его ходатайству, учрежденіе отдѣльнаго кяхтинскаго градоначальства и градоначальникомъ былъ назначенъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Николай Романовичъ Ребиндеръ, человѣкъ проницательнаго ума и послѣдовательнаго мышленія.

Неудовлетворительность изданныхъ въ 1851 году дополнительныхъ узаконеній о кяхтинской торговлѣ не замедлила проявиться во всей своей наготѣ. Въ ноябрѣ 1853 г., не дождавшись наступленія трехгодичнаго срока, въ теченіи котораго, въ видѣ опыта, назначено было дѣйствовать правиламъ 1851 года, генералъ-губернаторъ Восточной Сибири Н. Н. Муравьевъ, находясь въ Петербургѣ, сообщилъ министру финансовъ П. Ф. Брокъ, что по зрѣломъ обсужденіи, въ теченіи шести лѣтъ, порядка производства торговли нашей съ китайцами на Кяхтѣ, онъ пришелъ къ тому убѣжденію, что наступило время измѣнить правила, установленныя для сей торговли еще въ 1800 году, а именно: сдѣлать кяхтинскій торгъ свободнымъ для всѣхъ и каждаго на общихъ правилахъ внѣшней торговли Имперіи, не стѣсняя онаго никакими исключеніями, ни рѣшительными совѣщаніями какого либо общества, ни какою либо общею разцѣнкою, и затѣмъ, въ отмѣну нынѣшнихъ таможенныхъ постановленій, разрѣшить на Кяхтѣ производство торговли мѣною или чистыми деньгами только въ монетѣ, а не въ пескѣ и слиткахъ, и даже кредитными билетами, столь охотно принимаемыми въ китайскомъ мѣстечкѣ Маймачэнахъ.

Этотъ новый порядокъ, по мнѣнію генералъ-губернатора Муравьева, во 1-хъ, долженъ былъ устранить всѣ злоупотребленія, происходящія въ разцѣнкахъ по невѣжеству большей части тогдашняго нашего купечества, и всякое посягательство на контрабанду монетою, которою пользовались торговцы наиболѣе недобросовѣстные, во 2-хъ, онъ былъ современенъ нашему вѣку и обычаямъ даже китайцевъ, которые производили тогда уже со всѣми другими европейскими государствами и Америкою торгъ свободный для всѣхъ и каждаго, и, наконецъ, въ 3-хъ, при тогдашнемъ положеніи дѣлъ онъ могъ указать намъ въ какой степени китайскія возмущенія собственно имѣли вліяніе на застой кяхтинской торговли. Къ тому же генералъ-лейтенантъ Муравьевъ выражалъ свое убѣжденіе, что по тогдашнему положенію китайскаго правительства не предстояло никакой надобности предварительно

сноситься съ нимъ о предполагавшихся измѣненіяхъ въ порядкѣ нашего торга на Кяхтѣ, а достаточно только увѣдомить о томъ трибуналъ, или пограничныхъ китайскихъ начальниковъ, чрезъ сибирское начальство.

Муравьевъ, разумѣется, не могъ иначе выразиться, какъ, что наступило время измѣнить правила, установленныя въ 1800 году для китайской торговли, потому что онъ не могъ и не хотѣлъ оффиціально сознаться, что заявленія его, какъ главнаго мѣстнаго начальника, министру финансовъ объ этомъ вопросѣ не только не были приняты во вниманіе въ теченіи 6-ти лѣтъ, но что онъ, чтобы доказать полнѣйшую несостоятельность мѣръ строгости противъ контрабанды золотомъ и серебромъ, самъ даже былъ вынужденъ предложить еще временное усиленіе этихъ мѣръ и, наконецъ, потому что въ то время сошелъ въ могилу одинъ изъ главныхъ противниковъ системы свободной торговли на Кяхтѣ—Ѳ. П. Вронченко, а выразить это въ оффиціальномъ представленіи было бы неудобно.

Тогда же, по высочайшему повелѣнію, былъ учрежденъ въ Петербургѣ особый комитетъ, подъ предсѣдательствомъ товарища министра финансовъ изъ свѣдущихъ по торговой части членовъ трехъ министерствъ: финансовъ, иностранныхъ и внутреннихъ дѣлъ для разсмотренія вопросовъ, касающихся нашей азіятской торговли вообще и кяхтинской въ особенности.

Въ 1853 и 1854 годахъ торговля на Кяхтѣ совсѣмъ почти было остановилась и вымѣнъ чаевъ ограничился бы какими нибудь 20,000 мѣстъ, если бы не появилась у нашихъ купцовъ новая, неизвѣстная дотолѣ на Кяхтѣ, промѣнная статья: серебряныя и золотыя издѣлія по кяхтинскому тарифу дозволены были къ отпуску въ Китай, и при томъ безпошлинно, наравнѣ съ прочими отпускными товарами, но таковыхъ издѣлій до 1854 г. вовсе въ Кяхту не доставлялось, а съ этого времени эти издѣлія, въ особенности серебряныя, сдѣлались главною и почти единственною промѣнною статьею на Кяхтѣ. По всеподданнѣйшему докладу министра финансовъ объ этомъ оборотѣ по кяхтинской торговлѣ, основанному на предшествовавшемъ соглашеніи съ генераломъ-губернаторомъ Муравьевымъ, состоялось 6 августа 1854 г. высочайшее повелѣніе, коимъ разрѣшено впредь до усмотрѣнія, для облегченія сбыта въ Китай нашихъ мануфактурныхъ и пушныхъ товаровъ, промѣнивать китайцамъ серебряныя и золотыя издѣлія въ совокупности съ другими товарами такъ, чтобы сіи издѣлія составляли по цѣнѣ не болѣе $^1/_3$ мануфактурныхъ товаровъ и не болѣе по-

ловины товаровъ пушныхъ, вмѣстѣ съ серебряными пздѣліями промѣниваемыхъ.

Представителемъ со стороны генералъ-губернатора Муравьева въ комитетѣ, высочайше учрежденномъ въ ноябрѣ 1853 года для обсужденія положенія нашей торговли съ Китаемъ, и защитникомъ его идей о свободѣ торга на Кяхтѣ, послѣ знаменитаго перваго сплава по Амуру въ 1854 г., явился съ января 1855 г. бывшій тогда кяхтинскій градоначальникъ Н. Р. Ребиндеръ, котораго Муравьевъ уполномочилъ лично доложить комитету и министру финансовъ обо всѣхъ предметахъ, касающихся до Кяхты. Для Ребиндера въ теченіи почти 4-хъ лѣтъ вопросъ о кяхтинской торговлѣ составлялъ главнѣйшее его занятіе и труды его преимущественно были направлены на развитіе и поддержаніе спорной кяхтинской торговли въ тогдашнемъ критическомъ положеніи Китая.

Еще въ августѣ 1853 года Н. Р. Ребиндеръ имѣлъ въ Троицко-Савскѣ (Кяхтѣ) многознаменательное дружеское свиданіе съ ургинскимъ амбанемъ Бэйсе, что составило въ то время важное событіе на нашей границѣ съ Китаемъ, такъ какъ это случилось въ первый разъ послѣ 200 лѣтнихъ сношеній русскихъ съ китайцами. Описаніе этого свиданія въ высшей степени интересно, какъ характеристика тогдашнихъ нашихъ отношеній къ властямъ Небесной имперіи и тѣхъ церемоній, съ которыми сопровождался этотъ, по европейскимъ понятіямъ, простой обрядъ обоюдной вѣжливости. Амбань Бэйсе прибылъ изъ Урги въ Маймачэны 19-го августа 1853 г. Удостовѣрившись черезъ нашего пограничнаго коммисара, что амбань намѣренъ непремѣнно имѣть въ Троицко-Савскѣ свиданіе съ русскимъ губернаторомъ (такъ называли китайцы кяхтинскаго градоначальника и это названіе было ему также присвоено въ оффиціальныхъ сношеніяхъ), Н. Р. Ребиндеръ счелъ своею обязанностью предупредить его своею любезностью.

21-го августа, утромъ въ 12 часу, онъ отправился въ Маймачэны церемоніально. Поѣздъ открывали 12 конныхъ казаковъ съ урядникомъ и хорунжимъ впереди. За ними шла, съ музыкою впереди, рота 12-го баталіона, по отдѣленіямъ, въ 6 рядовъ, а за нею ѣхалъ градоначальникъ въ 4-хъ-мѣстной каретѣ, запряженной на-уносъ четверней красивыхъ коней. По сторонамъ кареты ѣхали урядники. Поѣздъ замыкалъ взводъ конныхъ-же казаковъ. Чрезъ Кяхтинскую слободу и китайскіе Маймачэны поѣздъ сопровождался громкимъ барабаннымъ боемъ и музыкою, что произвело большой эффектъ въ Маймачэнахъ, гдѣ китайцы и монголы съ глупымъ удивленіемъ смотрѣли на на-

радъ, храня молчаніе и соблюдая строгій порядокъ,—вещь необыкновенная у нихъ. Дѣйствительно, было имъ чему потѣшиться. Когда Ребиндеръ подъѣхалъ къ дзаргучеевскимъ воротамъ, казаки и рота баталіона были уже выстроены по лѣвую сторону во фронтъ; онъ поздоровался съ ними и громкое—«здравія желаю вашему превосходительству» потрясло сжатый, неподвижный воздухъ Китая. Въ узкомъ проулкѣ или, лучше сказать, галлереѣ, ведущей отъ воротъ къ дому дзаргучея, слѣдовавшіе съ градоначальникомъ штабъ- и оберъ-офицеры и гражданскіе чиновники въ мундирахъ построились по обѣ стороны и открыли шествіе. Достигнувъ дома, они стали во фронтъ, приложивъ руки къ каскамъ и шляпамъ. Градоначальникъ прошелъ чрезъ весь рядъ ихъ, опираясь на трость и кланяясь направо и налѣво. Все это происходило въ прямой перспективѣ противъ входныхъ дверей, у которыхъ съ внутренней стороны амбань ожидалъ приближенія русскаго губернатора. У самаго входа встрѣтили градоначальника коммисаръ, прибывшій заранѣе съ извѣстіемъ о его прибытіи, и маймачэнскій дзаргучей, взявшій Ребиндера подъ руку, чтобы помочь подняться нѣсколько ступеней вверхъ. Переступивъ порогъ, Ребиндеръ былъ встрѣченъ амбанемъ весьма ласково. Большое спокойствіе и чувство достоинства выражались на лицѣ амбаня, который родомъ монголъ, княжескаго происхожденія, былъ по женѣ родственникъ богдыхана. Когда кортежъ входилъ въ гостинную, то въ дверяхъ амбань какъ будто смѣшался, не зная дать-ли русскому губернатору шагъ впередъ. Ребиндеръ вывелъ его изъ затрудненія, взявъ его за руку и войдя въ гостинную съ нимъ въ одно время, такъ что равенство было сохранено. Въ гостинной Ребиндеръ занялъ, по манжурскому обычаю, мѣсто по лѣвую сторону, на которую перешли и бывшіе въ его свитѣ; старшимъ изъ нихъ, т. е. маіорамъ, по китайскому понятію, были предложены стулья; они усѣлись на нихъ, но китайская свита продолжала стоять во все время аудіенціи.

Послѣ обыкновенныхъ распросовъ о здоровьѣ и о прочемъ, Ребиндеръ обратился къ амбаню съ слѣдующимъ привѣтствіемъ:

— «Не умѣю выразить вамъ, почтенный амбань Бэйсе, сколько я счастливъ, встрѣчая васъ здѣсь. Въ продолженіе почти 200 лѣтней дружбы Дайцинской имперіи съ Россіею ни разу еще амбани не сходились съ губернаторами, по собственному побужденію, съ желаніемъ только личнымъ знакомствомъ, личною бесѣдою, еще болѣе скрѣпить дружескія отношенія, существующія между ними издавна. День свиданія нашего долженъ быть днемъ радостнымъ для меня и для васъ, ибо мы, какъ представители здѣсь правительствъ нашихъ, вполнѣ можемъ

оцѣнить послѣдствія онаго. Желаю, чтобы послѣдствія эти скорѣе отразились на взаимныхъ отношеніяхъ подданныхъ обоихъ государствъ, чтобы, по мѣрѣ утвержденія взаимнаго довѣрія свыше, исчезали и препятствія къ болѣе тѣсному сближенію ихъ между собою и чтобы въ скоромъ времени новый союзъ соединилъ оба государства на болѣе широкихъ началахъ. Желаю этого потому, что того-же желаютъ всѣ русскіе, привыкшіе видѣть въ китайцахъ не враговъ, а друзей своихъ».

Амбань съ своей стороны выразилъ тѣ же чувства и тѣ же желанія. Затѣмъ Ребиндеръ сталъ распрашивать его о разныхъ предметахъ, касающихся его лично, и разговоръ незамѣтно пришелъ опять къ дружелюбнымъ отношеніямъ Россіи съ Китаемъ. Ребиндеръ воспользовался этимъ, чтобы доказать ему, что хотя они и основаны на трактатахъ, но далеко уже опередили смыслъ и цѣль ихъ, что въ настоящее время есть какъ бы противорѣчіе между существующими, какъ онъ сказалъ, дружелюбными отношеніями и буквальнымъ значеніемъ трактатовъ, ибо въ послѣднихъ говорится только о правѣ торговать въ Кяхтѣ, Цурухайту, а все остальное въ нихъ касается только разбоевъ и грабежей, какъ будто подданные обоихъ государствъ одни воры, разбойники и враги между собою. Теперь уже не то, и самый договоръ, заключенный о торговлѣ въ Или и Тарбагатаѣ, доказываетъ, что прежнія отношенія во многомъ измѣнились».

Амбань при этомъ улыбнулся ласково и видимо одобрилъ мысль русскаго губернатора. Ребиндеръ пошелъ далѣе, представивъ ему разницу между нами и европейцами на югѣ. «Мы, русскіе, говорилъ онъ, ограничены во всемъ, европейцамъ же на югѣ предоставлены большія торговыя выгоды, особенно англичанамъ; предоставляю однако самому амбаню рѣшить по справедливости кто изъ насъ: русскіе или они заслуживаютъ болѣе вниманія китайскаго правительства?» Тогда амбань спросилъ Ребиндера, что онъ хочетъ этимъ сказать,—говоритъ ли онъ какъ губернаторъ, оффиціально, и какихъ выгодъ требуетъ русское правительство? Ребиндеръ отвѣтилъ ему, что онъ не знаетъ чего можетъ желать и требовать правительство наше, ибо онъ не уполномоченъ имъ на это, но что онъ говоритъ какъ человѣкъ, какъ русскій, которому близки къ сердцу пользы и выгоды отечества его, что право выразить ему, амбаню, личное его и общее всѣмъ русскимъ желаніе даютъ ему откровенность, съ какою амбань вступилъ въ бесѣду съ нимъ, а еще болѣе продолжительный миръ Россіи съ Китаемъ, не нарушенный ни разу въ теченіи 60 лѣтъ, и необходимость, для пользы того и другаго государства, въ расширеніи торговли, что возможно только при болѣе тѣсномъ сближеніи

китайцевъ и русскихъ между собою. Далѣе шла бесѣда о торговлѣ вообще. Когда Ребиндеръ сказалъ, между прочимъ: «жаль, что торговля остановилась», амбань замѣтилъ, что онъ только по пріѣздѣ своемъ въ Маймачэны узналъ объ этомъ, и что если губернаторъ хочетъ, то онъ, амбань, прикажетъ своимъ расторговаться, лишь бы и онъ, губернаторъ, сдѣлалъ то же съ своей стороны; но Ребиндеръ отвѣчалъ—предоставимъ дѣло это самимъ купцамъ, которые лучше насъ понимаютъ свои выгоды. Амбань принялъ слова эти съ видимымъ удовольствіемъ и сказалъ: «совершенно справедливо, я съ вами однихъ мыслей».

Въ этомъ духѣ продолжался разговоръ около получаса. Послѣ чего Ребиндеръ всталъ, желая удалиться, но былъ удержанъ амбанемъ. Онъ далъ знакъ и на блюдѣ вынесли подарокъ (китайскую чернильницу), который амбань просилъ Ребиндера принять отъ него въ знакъ пріязни и на память. Затѣмъ, были обдарены всѣ прочія лица свиты градоначальника и онъ сталъ прощаться съ амбанемъ. Съ той и другой стороны было много любезностей и увѣренія, что день свиданія этого будетъ однимъ изъ счастливѣйшихъ въ жизни обоихъ сановниковъ, причемъ, между прочимъ, амбань извинялся, что не можетъ угостить губернатора театромъ и другими увеселеніями, потому что въ короткое время ничего не успѣли приготовить.

Возвращеніе послѣдовало тѣмъ-же порядкомъ. Китайцевъ занимало небывалое зрѣлище. Монголы съ восторгомъ разсказывали о пышности и блескѣ поѣзда русскаго губернатора, о многочисленномъ войскѣ, о барабанномъ боѣ въ Маймачэнахъ и о множествѣ телѣгъ, т. е. экипажей; «видимо-невидимо», говорили они. Другіе, менѣе смѣтливые, видя войско, собранное у Кяхтинской заставы передъ поѣздомъ градоначальника въ Маймачэны, спрашивали купцовъ: что значитъ это войско; не будетъ-ли подериза, т. е. война, какъ они называли нынѣшнюю междоусобицу въ Китаѣ. Появленіе кяхтинскаго градоначальника въ Маймачэнахъ и оживленная искренняя бесѣда съ амбанемъ произвели самое благопріятное впечатлѣніе на всѣхъ китайцевъ, манжуровъ и монголовъ.

22-го августа, въ 12 часовъ, изъ войскъ, въ Троицко-Савскѣ расположенныхъ, 1-я рота 12-го баталіона, болѣе полусотни казаковъ и 70 рядовыхъ съ унтеръ-офицерами инвалидной команды были выстроены въ двѣ линіи на площади отъ моста до дома градоначальника. У всѣхъ входныхъ дверей и въ прихожей стояли часовые, а гг. штабъ-и оберъ-офицеры и гражданскіе чиновники ожидали амбаня въ комнатахъ, занимаемыхъ Ребиндеромъ. Въ гостинной находились небольшой диванъ и шесть стульевъ для высшихъ чиновниковъ амбаня. Возлѣ го-

стинной въ кабинетѣ устроено было также особое сидѣніе для амбаня и самого Ребиндера и повѣшенъ портретъ государя императора. За полчаса до амбаня пріѣхалъ маймачэнскій дзаргучей съ извѣстіемъ о приближеніи его; явился, наконецъ, и онъ самъ, въ крытой будкѣ, везомой на рукахъ конными монголами, въ сопровожденіи многочисленной свиты и 110 воиновъ съ луками и стрѣлами. Когда амбань въѣхалъ въ рядъ нашего войска, ему была отдана честь при барабанномъ боѣ и звукахъ музыки. Смѣшеніе европейскаго и азіятскаго войскъ и толпа любопытнаго народа, собравшагося кругомъ, представляли прекрасное зрѣлище. У входныхъ дверей въ прихожей амбань былъ встрѣченъ градоначальникомъ. Размѣнявшись любезностями, оба сановника вмѣстѣ пошли въ гостинную, гдѣ по русскому обычаю амбань сѣлъ на диванъ по правую сторону.

Послѣ взаимныхъ вѣжливыхъ вопросовъ, Ребиндеръ обратилъ вниманіе амбаня на всеобщее торжество и прекрасную погоду. «Повѣрьте, г. амбань, до пріѣзда вашего нѣсколько времени дожди шли постоянно, небо было мрачно; со вчерашняго же дня прояснѣло, солнце ярко свѣтитъ, само небо, кажется, радуется, что мы вмѣстѣ и дружественно ведемъ рѣчь; посмотрите на радостныя лица, насъ окружающія; всѣ понимаютъ, что въ эту минуту завязывается узелъ новыхъ лучшихъ отношеній между обоими государствами». Слова эти очень были пріятны амбаню, онъ взялъ руку Ребиндера и съ непритворнымъ чувствомъ пожалъ ее. Тутъ подали чай на серебряномъ подносѣ, въ такомъ-же чайникѣ и со всѣми прочими принадлежностями изъ серебра, чтобы блескомъ поразить амбаня и китайцевъ. Наливши чаю, Ребиндеръ подалъ ему чашку и предложилъ папироску. Амбань закурилъ ее и похвалилъ. «Сайнъ?» (хорошо, по-монгольски), спросилъ его Ребиндеръ. «А, такъ вы знаете нашъ языкъ?» возразилъ амбань.

— Нѣтъ, еще учусь и когда столько узнаю языкъ, чтобы не краснѣя разговаривать на немъ съ такой важной особой, какъ вы, то мы побесѣдуемъ безъ толмачей.

Амбань обернулся къ Ребиндеру и живо спросилъ: «когда и гдѣ?»

— Когда, не знаю, отвѣтилъ Ребиндеръ, а гдѣ, такъ, пожалуй, въ Ургѣ, если мнѣ позволятъ васъ навѣстить въ вашемъ городѣ.— Амбань засмѣялся.

Послѣ того Ребиндеръ спросилъ амбаня: «что богдыханъ никогда не выѣзжаетъ изъ Пекина или рѣдко?»

— Очень рѣдко, отвѣчалъ амбань, а вашъ императоръ какъ?

— «О! нашъ императоръ другое дѣло. Всякій годъ разъ, а иногда и по два, объѣзжаетъ онъ часть своихъ обширныхъ владѣній; все хочетъ

видѣть собственнымъ отеческимъ окомъ; оттого у насъ удивительный порядокъ и всѣ благоденствуютъ. Мало того, императоръ нерѣдко посѣщаетъ сосѣднихъ государей, а они его».

— Неужели? это совсѣмъ не согласно съ нашими обычаями.

— «Въ самомъ дѣлѣ! Частыя свиданія государей сдѣлали то, что всѣ государства въ Европѣ между собою въ мирѣ и въ такой тѣсной связи, что вся Европа представляетъ какъ-бы одно цѣлое. Такой союзъ даетъ имъ большое вліяніе и на государства другихъ частей свѣта; но кстати, хотите-ли, амбань, взглянуть на изображеніе въ картинѣ государя императора, вотъ въ той комнатѣ», и Ребиндеръ повелъ амбаня въ кабинетъ, сдѣлавъ знакъ своимъ чиновникамъ, чтобы они не слѣдовали за ними. Они остановились и вмѣстѣ съ ними чиновники амбаня, кромѣ дзаргучея. Амбань, увидѣвъ портретъ, остановился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ стѣны и, казалось, съ благоговѣніемъ разсматривалъ черты русскаго монарха.

Затѣмъ, градоначальникъ посадилъ амбаня на диванъ и сказалъ: «позвольте поговорить съ вами на-единѣ». Онъ посмотрѣлъ на Ребиндера, но потомъ сказалъ: «очень хорошо»; «нѣтъ, замѣтилъ ему Ребиндеръ, я желаю поговорить съ вами глазъ-на-глазъ». Онъ понялъ, сдѣлалъ знакъ своему дзаргучею, чтобы онъ вышелъ. Амбань и градоначальникъ остались вдвоемъ съ однимъ лишь русскимъ переводчикомъ.

Пока дзаргучей выходилъ изъ комнаты и двери въ гостинную запирались, амбань съ вопрошающимъ видомъ смотрѣлъ на Ребиндера который началъ разговоръ, закуривши папироску и поподчивавши амбаня.

Началось съ того, что Ребиндеръ старался доказать амбаню, что Россія и Китай, какъ сосѣднія государства, связаны обоюдными выгодами, что выгоды эти условливаются поддержаніемъ съ той и другой стороны добраго согласія и допущеніемъ всего, что можетъ споспѣшествовать распространенію торговли, съ чѣмъ онъ и согласился. Потомъ Ребиндеръ провелъ параллель между русскими и европейцами, торгующими съ Китаемъ на югѣ, и вывелъ изъ того, что послѣдніе имѣютъ болѣе выгодъ и преимуществъ и что въ особенности англичане пользуются положеніемъ своимъ во вредъ Россіи, водворяя съ моря въ наши западныя провинціи, тайнымъ образомъ и въ большомъ числѣ, чай, отъ чего терпитъ наша сухопутная торговля, и что если южный Китай, по своему положенію, омываемый съ юга морями, ближе связанъ въ торговомъ отношеніи съ европейцами, то, наоборотъ, съ сѣверной стороны онъ болѣе долженъ дорожить торговыми сношеніями съ Россіей, съ которою соприкасается отъ Тихаго океана до отдаленныхъ западныхъ предѣловъ, на весьма обширномъ

протяженіи, а тѣмъ болѣе со времени открытія торговли въ новыхъ двухъ пунктахъ на западѣ. На это амбань сказалъ, — что при каждомъ представленіи его богдыхану онъ всегда разспрашиваетъ его о Россіи и всегда подтверждаетъ поддерживать миръ съ русскими.

— Вѣрю вамъ, г. амбань, говорилъ Ребиндеръ, но время уже не ограничиваться одними увѣреніями, пора доказать и на дѣлѣ, что русскіе, имѣющіе болѣе 150 лѣтъ самыя дружескія сношенія съ вами и не обнаружившіе ни разу покушеній, какія выказали, и особенно въ послѣднее время, англичане на югѣ, заслуживаютъ больше преимуществъ, нежели они; на дѣлѣ-же выходитъ совсѣмъ иное. До сихъ поръ наши сношенія ограничены, мы не смѣемъ переступить границы и слишкомъ отдалены отъ вашихъ рынковъ, чтобы знакомиться съ торговыми потребностями вашего государства, что во всякой торговлѣ необходимо знать.

Амбань, выслушавши Ребиндера со вниманіемъ, спросилъ: «чего-же желала-бы Россія».

— Положительно сказать—въ чемъ могутъ заключаться требованія нашего правительства—я не могу, отвѣтилъ Ребиндеръ,—но откровенность, съ какою мы начали бесѣду, позволяетъ мнѣ объяснить вамъ, что желанія русскихъ, понимающихъ лучше меня условія, при которыхъ возможно болѣе обширное развитіе торговыхъ сношеній ихъ съ вашими подданными, клонятся къ тому, чтобы имъ позволено было по торговымъ дѣламъ ихъ ѣздить въ города, гдѣ сосредоточены операціи торгующихъ съ ними китайцевъ.

— «Да, сказалъ амбань, понимаю, что вы хотите сказать. Бывать вашимъ купцамъ въ нашихъ городахъ нужно для того, чтобы узнать вкусы и примѣняться къ потребностямъ нашихъ жителей. Я совершенно раздѣляю эту мысль, понимая, какія послѣдствія могли-бы произойти отъ того для обоюдныхъ выгодъ нашихъ, но вы знаете наши порядки, какъ ведутся у насъ въ Пекинѣ подобныя дѣла. Богдыханъ все рѣшаетъ, но въ совѣтѣ его есть много высшихъ чиновниковъ, между которыми не бываетъ согласія, когда дѣло коснется до нововведеній, ибо у насъ привыкли основываться на бывшихъ примѣрахъ, а потому, хотя я признаю средство сближенія, вами указанное, полезнымъ и возможнымъ, но едва-ли мое мнѣніе будетъ уважено».

Не продолжая разсужденій съ нимъ о возможности бо́льшаго сближенія русскихъ съ китайцами, Ребиндеръ повелъ разговоръ прямо къ цѣли.

— Вы съ такимъ дружескимъ вниманіемъ выслушали мысли мои, продолжалъ онъ, и съ такою откровенностью отвѣчали на нихъ, что я рѣшусь, не боясь сдѣлать нескромнаго шага, обратиться къ вамъ

съ вопросомъ — въ такомъ-ли дѣйствительно дурномъ положеніи находятся внутреннія дѣла ваши, какъ намъ описываютъ ихъ иностранныя газеты и агенты европейскихъ государствъ, слѣдящіе съ большимъ вниманіемъ за всѣмъ, что происходитъ у васъ.

Спачала амбань замялся, но послѣ нѣсколькихъ ласковыхъ словъ, выражавшихъ довѣріе Ребиндера къ нему, какъ человѣку, далъ ему понять, что дѣйствительно положеніе дѣлъ внутри государства не совсѣмъ отрадное.

Считая неумѣстнымъ распространяться далѣе объ этомъ предметѣ, Ребиндеръ обратился къ торговлѣ.

— Какъ вамъ извѣстно, г. амбань Бэйсе, русскіе купцы доставляютъ вамъ въ большомъ количествѣ пушные товары и еще въ большемъ—обработанныя издѣлія. Тѣ и другіе закупаются за годъ, за полтора, иногда и за два года впередъ. Если наши купцы, попрежнему, сдѣлаютъ закупки для будущихъ лѣтъ и привезутъ товары сюда изъза 12,000 ли (6,000 верстъ), а чаевъ въ привозѣ не будетъ, то куда дѣвать имъ свои капиталы?—они должны будутъ обанкротиться, ибо цѣнность товаровъ, промѣниваемыхъ ими вашимъ купцамъ, простирается на многіе милліоны ланъ (съ небольшимъ 2 р. сер.). Говорю объ этомъ съ вами, г. амбань Бэйсе, потому, что обязанъ по званію своему ограждать выгоды русскихъ купцовъ и предупреждать ихъ тамъ, гдѣ грозятъ имъ очевидные убытки, а потому прошу васъ сказать со всею откровенностью—можно-ли надѣяться, что мы будемъ имѣть чаи?

— «Конечно, отвѣчалъ онъ, здѣсь ихъ уже очень много и еще новые транспорты кирпичныхъ чаевъ понемногу подвигаются къ Кяхтѣ».

— Это такъ; на нынѣшній годъ мы обезпечены, замѣтилъ Ребиндеръ ему, но въ слѣдующіе годы не встрѣтимъ-ли мы недостатка въ нихъ, по случаю внутреннихъ безпорядковъ въ вашихъ юго-западныхъ провинціяхъ?

— «Разумѣется, сказалъ онъ, не будетъ въ привозѣ новыхъ чаевъ, пока будутъ продолжаться военныя дѣйствія, пока мятежники и самыя войска богдыхана не отдалятся отъ мѣстъ, чрезъ которыя провозятся чаи, ибо теперь дорога пресѣчена ими; впрочемъ, присовокупилъ онъ, надо надѣяться, что все это скоро прекратится». Видно было, что ему не хотѣлось болѣе говорить объ этомъ предметѣ.

Оживленная бесѣда, довѣріе къ Ребиндеру, высказанное амбанемъ словами, непритворно веселымъ выраженіемъ лица его и частымъ пожатіемъ руки своего собесѣдника, позволили Ребиндеру завести рѣчь и объ Амурѣ.

— Я говорилъ вамъ, г. амбань Бэйсе, что сѣверная часть Китая

связана общими интересами съ Россіею и потому опасность, угрожающая съ сей стороны Россіи, не менѣе касается и вашего государства. Амуръ имѣетъ въ этомъ отношеніи важное значеніе. И вотъ почему. Вы знаете, что въ 1689 году разграниченіе съ обѣихъ сторонъ остановилось на сліяніи Шилки съ Аргунью, т. е. на истокѣ Амура; далѣе граница не опредѣлена, но сказано: «отсюда по водѣ до моря». На этомъ основаніи Россія хотя и считала земли на сѣверъ отъ Амура своими, но какъ онѣ были необитаемы и пустынны, то не обращала на нихъ вниманія; теперь-же, какъ извѣстно, есть уже по лѣвому берегу наши поселенія. Амуръ важенъ для Сибири и для Манжуріи, но какъ онъ впадаетъ въ океанъ, то легко по немъ врагамъ нашимъ проникнуть внутрь съ морской стороны и угрожать и вамъ, и намъ общею опасностью. Въ чаяніи сего нашъ императоръ, узнавъ нѣсколько лѣтъ назадъ, что англійскія и американскія пароходныя и парусныя суда высматривали берега около Амура и устье этой рѣки, съ явнымъ намѣреніемъ завладѣть ими, повелѣлъ судамъ своимъ отправиться въ эти мѣста и высадить тамъ войска, которымъ въ устьѣ Амура и построена крѣпость. Посудите сами, какія послѣдствія угрожали бы Манжуріи, если-бъ Амуромъ завладѣли американцы или англичане, ищущіе распространенія владычества своего гдѣ можно и пользующіеся для того слабою защитою всѣхъ мѣстъ, которыя по ихъ коммерческимъ соображеніямъ могутъ быть для нихъ выгодны. Разумѣется, они стали бы тѣснить васъ съ сѣвера, какъ уже давно дѣлаютъ съ юга, вы бы были тогда между тисковъ. И для Россіи утвержденіе американцевъ или англичанъ на Амурѣ имѣло бы важныя послѣдствія; она не могла бы спокойно владѣть землями своими на сѣверъ отъ рѣки и распространять тамъ поселенія. Слѣдовательно, и въ нашихъ и еще болѣе въ вашихъ интересахъ нужно на Амурѣ утвердить русскія силы, русское владычество, ибо мы имѣемъ для огражденія рѣки отъ постороннихъ покушеній флотъ и достаточныя матеріальныя средства; у васъ же ихъ нѣтъ, и потому, если попрежнему ни вы, ни мы не укрѣпимся на берегахъ Амура или вы одни желали бы удержать ее за собою, то вы не успѣете оглянуться—какъ у васъ отнимутъ ее и начнутся для васъ бѣдствія, которыхъ вы и не ожидали. Слѣдовательно, собственная ваша польза требуетъ, въ случаѣ переговоровъ объ Амурѣ, рѣшить этотъ вопросъ миролюбно, признаніемъ Амура и права плаванія по немъ за нами. Такъ и будетъ, ибо нашъ императоръ, какъ бы ни былъ онъ одушевленъ желаніемъ сохранить съ вашимъ государемъ миръ и дружбу, въ отношеніи Амура ничего не можетъ уступить.

Амбань съ большимъ вниманіемъ слушалъ Ребиндера; при имени

американцевъ и англичанъ спросилъ—неужели они покушались завладѣть Амуромъ, потомъ задумался и вдругъ обратился къ Ребиндеру съ вопросомъ—«да какъ говоритъ трактатъ, не сказано ли тамъ—отъ Шилки и Аргуни по хребту и водамъ до Амура?»

Вопроса этого Ребиндеръ ожидалъ, ибо видѣлъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло, и потому, не обнаруживъ никакого замѣшательства, показалъ видъ будто забылъ и сталъ припоминать, потомъ сказалъ: кажется, точно упоминается въ трактатѣ о хребтѣ, но вотъ какъ идетъ хребетъ, и онъ показалъ амбаню на карту Китая. Сначала хребетъ идетъ къ сѣверо-востоку, потомъ направляется къ югу и достигаетъ Амура. Такимъ образомъ, по буквальному смыслу трактата, только малая часть Амура, между хребтомъ и соединеніемъ Шилки съ Аргунью, должна бы принадлежать вамъ, а остальная большая часть теченія—русскимъ, но, спрашивается, стоитъ ли изъ-за такого малаго пространства спорить и нарушать миръ и тѣмъ паче, когда вы не въ состояніи даже удержать этой частички за собою, если-бъ государь нашъ рѣшился силою утвердить ее за Россіею.

Амбань задумался. Помолчавъ нѣсколько, онъ спросилъ Ребиндера какъ бы съ озабоченнымъ видомъ: «скажите, губернаторъ, что же изъ всего разговора нашего могу я передать моему правительству».

— Г. амбань Бэйсе, повторяю вамъ еще разъ, отвѣтилъ Ребиндеръ, разговоръ нашъ былъ дружескій и не обязываетъ ни къ чему ни васъ, ни меня. Передайте правительству своему, что можете; я же обязанъ въ подробности донести обо всемъ своему правительству; такъ уже принято у насъ.

Тѣмъ кончилась бесѣда Ребиндера съ амбанемъ, продолжавшаяся два съ половиною часа. Онъ былъ утомленъ, но на лицѣ его выражалось совершенное удовольствіе. Уже не Ребиндеръ обращался къ нему съ привѣтствіями, а онъ къ Ребиндеру; нѣсколько разъ бралъ онъ Ребиндера за руку и выражалъ непритворнымъ образомъ удовольствіе, которое доставило ему знакомство съ нимъ, его откровенность, непринужденное его обхожденіе съ нимъ въ кабинетѣ, отличное отъ строгаго спокойствія и вниманія, съ какимъ онъ обращался съ нимъ въ присутствіи чиновниковъ свиты. Онъ нѣсколько разъ повторялъ о необходимости сохраненія дружбы между русскими и китайцами, присовокупивъ, что и дзаргучею онъ внушитъ поддерживать всячески доброе согласіе въ сношеніяхъ его съ коммисаромъ. Словомъ, они разстались друзьями. Передъ самымъ отъѣздомъ поднесли ему въ память отъ Ребиндера нѣсколько вещицъ, которыя онъ и принялъ съ благодарностью. По раздачѣ подарковъ чиновникамъ, при амбанѣ бывшимъ, онъ раскланялся, Ребиндеръ съ нимъ поцѣловался

въ присутствіи всей публики и этимъ заключилось вторичное и послѣднее свиданіе этихъ сановниковъ.

Амбань съ своей свитой на возвратномъ пути заѣзжалъ въ кяхтинскую церковь посмотрѣть вновь изготовляемый бронзовый иконостасъ. Богатство матеріаловъ, блескъ и роскошь украшеній чрезвычайно поразили его. Долго онъ любовался цѣлымъ и разсматривалъ во всей подробности всѣ части и принадлежности иконостаса, утварь и прочее. Не скрылась отъ вниманія амбаня высокая степень совершенства искусствъ въ Россіи; особенно удивляли его механическіе инструменты въ рукахъ мастеровыхъ, установлявшихъ иконостасъ, и то, что они простые мужики. Тутъ онъ сдѣлалъ сравненіе съ искусствомъ китайцевъ и признался, что наши способы гораздо совершеннѣе. Колонны изъ чикойскаго мрамора также поразили его; при видѣ ихъ онъ сдѣлалъ замѣчаніе, что мы все умѣемъ находить и изъ всего извлекаемъ пользу, между тѣмъ какъ они и не знаютъ, что на берегахъ Чикоя, составляющаго границу, есть мраморъ. Когда коммисаръ показалъ престолъ и Царскія двери изъ кованнаго серебра, амбань не могъ довольно налюбоваться ими и сказалъ: «если уже частныя лица могутъ приносить въ жертву такія богатства, такъ что-же должно заключить о государственномъ богатствѣ Россіи?» Разсматривая образа и указывая на мелкія части каждаго рисунка, онъ прибавилъ—видно все въ вашей церкви основано на преданіи и освящено историческими воспоминаніями; потомъ, окинувъ взоромъ всю церковь, сказалъ коммисару: благодарю васъ, маіоръ, за великія и прекрасныя вещи, мнѣ показанныя; онѣ навсегда останутся у меня въ памяти, я много видѣлъ произведеній искусствъ, но подобныхъ не встрѣчалъ. Тогда коммисаръ замѣтилъ ему, что это еще ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ, что можно видѣть въ Петербургѣ и Москвѣ и что онъ былъ бы счастливъ, если-бъ могъ служить ему вмѣсто чичероне въ нашихъ столицахъ; амбань улыбнулся и отвѣчалъ, что онъ былъ бы очень радъ, ибо живо представляетъ себѣ, что должно быть тамъ, судя по тому, что онъ видѣлъ на краю Россіи.

При выходѣ изъ церкви онъ обратился сново къ коммисару, взялъ его за руку и просилъ поблагодарить губернатора за всѣ доставленныя ему удовольствія и всѣ рѣдкости, которыя онъ видѣлъ; все это останется, прибавилъ онъ, навсегда въ моей памяти; прощайте, маіоръ, заключилъ онъ—извините, что я причинилъ вамъ въ продолженіе двухъ дней столько безпокойствъ.

На другой день, по принятому обычаю, амбань и градоначальникъ обмѣнялись подарками.

Посѣщеніе кяхтинскаго градоначальника амбанемъ породило много толковъ между китайцами.

Объ этомъ свиданіи Н. Р. Ребиндеръ сообщилъ Н. Н. Муравьеву въ Петербургъ конфиденціальнымъ частнымъ письмомъ, полученнымъ именно въ то время, когда шли самыя оживленныя предварительныя совѣщанія по поводу предположеннаго Муравьевымъ перваго сплава по Амуру, передъ разрывомъ съ Англіею и Франціею.

Послѣ этого небезцвѣтнаго отступленія возвращаюсь къ дальнѣйшему изложенію нашихъ торговыхъ дѣлъ на Кяхтѣ.

Главные три повода, которые были приводимы московскимъ купечествомъ противъ введенія свободной торговли на Кяхтѣ, были: а) что причиною неустройства кяхтинскаго торга не организація онаго по правиламъ 1800 года и не самыя правила, по которымъ онъ производится, а уклоненіе отъ исполненія сихъ правилъ со стороны торгующихъ, побуждаемыхъ своекорыстіемъ и мелочными разсчетами, поэтому опасно было бы измѣнять установленную правилами 1800 года систему торга съ такимъ народомъ, какъ китайцы, въ которыхъ въ высшей степени развитъ духъ общинный; б) что если разсматривать кяхтинскій торгъ въ связи съ благосостояніемъ нашей внутренней промышленности и въ отношеніи къ довольству, распространяемому имъ въ народѣ, то нельзя не признать, что обращеніе кяхтинскаго торга изъ мѣноваго въ покупной можетъ имѣть гибельныя послѣдствія какъ для сибирскаго звѣринаго и извознаго промысла, такъ въ особенности для мануфактурной производительности въ Россіи, и в) что введеніе свободной торговли было-бы противно содержанію акта или письменнаго знака, обмѣненнаго въ 1792 году между русскими и китайскими правительствами. Таковая торговля могла бы быть допущена, если-бъ китайское правительство предоставило торгующимъ съ нами сансинцамъ также неограниченную свободу сбывать свои чаи на Кяхтѣ по произволу каждаго, чего однако-жъ достигнуть весьма трудно и едва-ли возможно.

Противъ этихъ доводовъ кяхтинскій градоначальникъ Ребиндеръ, по порученію генералъ-губернатора Муравьева, представилъ въ комитетъ слѣдующія опроверженія:

1) Русскіе и китайцы давно уже не въ тѣхъ между собою отношеніяхъ, въ которыхъ были прежде; прежняя недовѣрчивость ихъ другъ къ другу замѣнилась полнымъ довѣріемъ. Тѣ и другіе стремятся къ тому, чтобы имѣть дѣло между собою лично, а не цѣлымъ обществомъ. Маймачэнскій дзаргучей въ 1853 году откровенно высказалъ, что китайцы привозили бы на Кяхту ежегодно 240,000 ящиковъ и болѣе (вмѣсто обыкновеннаго привоза отъ 120,000 до 150,000 ящиковъ), если-бы ежегодныя положенія и промѣнныя цѣны не давали русскимъ купцамъ возможности, при каждомъ, часто неосновательно-

номъ, слухѣ о привозѣ въ Маймачэны чаевъ въ большей противъ обыкновеннаго пропорціи, возвышать промѣнныя цѣны на свои товары, что и заставляетъ китайцевъ быть осторожнѣе, выдерживать цѣны на чаи и умѣрять привозъ чаевъ для огражденія себя отъ убытковъ. Составленіе положеній заключало въ себѣ источникъ всѣхъ безпорядковъ, развившихся впослѣдствіи на Кяхтѣ.

Общее уравненіе цѣнъ для каждаго производителя торга въ частности не могло быть справедливо, а потому торгующіе съ давнихъ поръ принуждены были прибѣгать къ отступленіямъ отъ положеній и придумывать для сего разныя уловки. Правила, несогласныя съ интересами торгующихъ, существовали съ 1840-хъ годовъ только уже номинально, въ сущности-же свобода торговли вошла въ свои права, только незаконными путями, и заградить ей эти пути никакихъ средствъ не представляется.

2) Разрѣшеніе выпуска золота и серебра за китайскую границу, безъ ограниченія количества, усилитъ вымѣнъ чаевъ на Кяхтѣ и притомъ съ значительною выгодою, что, въ свою очередь, повліяетъ на возможность продавать чаи въ Россіи гораздо дешевле и этимъ самымъ представится единственное средство противодѣйствовать контрабандѣ кантонскими чаями, возстановится прежняя цифра государственныхъ доходовъ по сбору пошлинъ за ввозимый черезъ Кяхту чай и, наконецъ, поддержится наша прежняя торговая связь съ Китаемъ, прекращеніе которой было-бы неминуемымъ и самымъ пагубнымъ послѣдствіемъ сохраненія устарѣлаго порядка, т. е. если-бы мы пожалѣли отпустить туда 50 пудовъ золота изъ ежегодно добываемыхъ въ Россіи 1500 пудовъ. Наконецъ, опасеніе, что съ разрѣшеніемъ отпуска въ Китай звонкой монеты китайцы вовсе перестанутъ брать наши товары, представляется неосновательнымъ потому, во 1-хъ, что если въ Китаѣ существуетъ потребность на наши товары—а это несомнѣнно, такъ какъ наши отпускныя по кяхтинскому торгу статьи имѣютъ въ сѣверномъ Китаѣ сотни тысячъ потребителей, которые, конечно, не перестанутъ требовать нужныхъ для нихъ предметовъ, такъ называемыхъ ургинскихъ товаровъ, европейцы-же надѣляютъ южныя страны Китая своими издѣліями, которыя съ требуемыми на Кяхтѣ ничего общаго не имѣютъ—то они пойдутъ своимъ чередомъ, не смотря на дозволеніе покупать чаи на деньги; если-же китайцы въ товарахъ нашихъ надобности не имѣютъ или торговлю оными находятъ невыгодною, то никакими насильственными мѣрами не возможно заставить ихъ принимать сіи товары въ обмѣнъ на свои произведенія.

3) Приведенныя третьимъ пунктомъ доводовъ затрудненія на дѣлѣ вовсе не существуютъ, ибо, во первыхъ, ни въ актѣ 1792 г., ни въ

трактатѣ 1728 г., который понынѣ сохраняетъ свою силу, нѣтъ никакого постановленія о томъ—какъ производить мѣну китайцамъ и русскимъ, свободно-ли каждому по вольнымъ цѣнамъ, или-же токмо цѣлымъ обществомъ по обязательнымъ для всѣхъ промѣннымъ цѣнамъ, и во вторыхъ, сапсинскіе купцы пользуются и всегда пользовались со стороны своего правительства полною свободою въ производствѣ кяхтинской мѣны; данная-же китайцамъ въ 1792 г. инструкція, давно уже имп несоблюдаемая, не имѣетъ никакой обязательной силы, а содержитъ въ себѣ только наставленіе въ видѣ совѣта, чтобы для извлеченія изъ кяхтинской мѣны наибольшихъ выгодъ китайскіе торговцы старались по общественнымъ между собою соглашеніямъ, сколь можно болѣе, возвышать цѣны на свои и понижать цѣны на русскіе товары.

Высочайше учрежденный комптетъ, по всѣмъ симъ соображеніямъ, вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ генералъ-губернатора Муравьева о необходимости разрѣшить на Кяхтѣ производство торговли по вольнымъ цѣнамъ, безъ всякаго ограниченія какими либо общественными положеніями и на звонкую монету, находилъ, однако, нужнымъ принять во вниманіе и особыя обстоятельства, какъ послѣдствія смутнаго положенія дѣлъ въ Китаѣ, затруднявшаго тамъ всѣ торговые обороты, и поэтому, признавая опаснымъ выпускъ монеты въ Китай безъ всякаго ограниченія, полагалъ на первый разъ, впредь до дальнѣйшаго усмотрѣнія, дозволить отпускъ туда монеты въ томъ же размѣрѣ и съ тѣмъ-же условіемъ—какъ допущенъ былъ въ 1854 г. промѣнъ на Кяхтѣ серебряныхъ и золотыхъ издѣлій. Руководствуясь вышеизложенными соображеніями и признавая всѣ эти разсужденія вполнѣ основательными, тѣмъ болѣе, что они подтверждаются фактами, не подлежащими сомнѣнію, сибирскій комитетъ журналомъ, высочайше утвержденнымъ 1 августа 1855 г., разрѣшилъ промѣнъ товаровъ съ китайцами на Кяхтѣ производить по вольнымъ цѣнамъ безъ всякаго ограниченія какими либо общественными положеніями и отпускъ за границу чрезъ Кяхту золотой монеты совокупно съ товарами, съ тѣмъ, чтобы цѣнность ея вмѣстѣ съ цѣною промѣниваемыхъ золотыхъ и серебряныхъ издѣлій составляла каждый разъ для каждаго торговца не болѣе одной трети цѣнности мануфактурныхъ и не болѣе одной половины цѣнности пушныхъ товаровъ, а относительно вывоза за границу черезъ Кяхту серебряной монеты опредѣлилъ, что какъ высочайшимъ указомъ 29 декабря 1850 года, по случаю возникшаго тогда стремленія къ возвышенію цѣны на серебро, безусловно запрещенъ вывозъ таковой по всей имперіи вообще, т. е. какъ по границѣ европейской, такъ и по азіятской, то разрѣшить вывозъ ея чрезъ одну Кятху считаетъ неудобнымъ, доколѣ будетъ существовать означенное воспрещеніе.

Но вслѣдъ засимъ, 5 августа 1855 г., особымъ высочайшимъ повелѣніемъ, разрѣшенъ выпускъ чрезъ Кяхту и серебряной монеты иностраннаго чекана, съ тѣмъ же ограниченіемъ, какое было постановлено для золотой монеты и издѣлій изъ драгоцѣнныхъ металловъ.

Такимъ образомъ, возбужденный Муравьевымъ въ 1848 и 1849 годахъ вопросъ о необходимости новаго порядка вещей на Кяхтѣ, не согласующагося съ прежнимъ, въ принципѣ былъ разрѣшенъ настоящимъ постановленіемъ сибирскаго комитета, хотя и съ ограниченіями, которыхъ Муравьевъ не считалъ необходимыми, но тѣмъ не менѣе онъ достигъ, что Россія и съ этой стороны государственнаго развитія пришла въ подвижность по отношенію къ Китаю.

Б. В. Струве.

АДМИРАЛЪ НИКОЛАЙ ѲЕДОРОВИЧЪ МѢТЛИНЪ

род. 1804 г., † 15 ноября 1884 г.

15-го ноября прошлаго 1884 года скончался адмиралъ, членъ государственнаго совѣта, Николай Ѳедоровичъ Мѣтлинъ.

Въ газетахъ появился самый краткій некрологъ умершаго, и что замѣчательнѣе всего, это то, что на Севастопольскомъ обѣдѣ, даваемомъ ежегодно въ январѣ мѣсяцѣ, наши обычные ораторы на этомъ обѣдѣ даже не вспомнили о человѣкѣ, принимавшемъ самое дѣятельное и полезное участіе въ грозные дни Севастопольской обороны.

Впрочемъ, подобная участь обычна для честныхъ, но замѣчательно скромныхъ дѣятелей, не бьющихъ на эфекты и какъбы сторонящихся отъ всевозможныхъ восхваленій, но дѣло потомковъ, дѣло исторіи—сказать правдивое слово о подобныхъ личностяхъ.

Теперь, когда на дняхъ минуетъ первая годовщина послѣ смерти столь честнаго и заслуженнаго дѣятеля, какимъ былъ Н. Ѳ. Мѣтлинъ—лучшимъ воспоминаніемъ будетъ собраніе писемъ къ нему тѣхъ высокостоявшихъ въ русской іерархіи лицъ, которыя выражали къ нему чувства полнаго уваженія и пріязни, искренне цѣня его заслуги Государю и Отечеству.

Въ этихъ видахъ помѣщаемъ на стр. „Русской Старины“ до сихъ поръ неизданныя 40 собственноручныхъ писемъ и оффиціальныхъ бумагъ такихъ замѣчательныхъ личностей по Севастопольской оборонѣ, каковы главнокомандующіе: князь Меншиковъ и князь М. Д. Горчаковъ, адмиралы Нахимовъ и Кор-

ниловъ, генералъ-адъютанты: Остенъ-Сакенъ, Хомутовъ и Анненковъ, ясно характеризующихъ и рельефно обрисовывающихъ важную и полезную дѣятельность покойнаго адмирала Н. Ѳ. Мѣтлина.

Покойный адмиралъ Мѣтлинъ происходилъ изъ дворянъ Воронежской губерніи, родился 28 іюля 1804 года и, имѣя отъ рода 17 лѣтъ, былъ произведенъ въ мичманы.

Благодаря службѣ подъ начальствомъ знаменитыхъ адмираловъ Грейга, Рикорда и Лазарева, изъ молодого офицера выработался типъ честнаго, усерднаго, хладнокровнаго и строго-исполнительнаго моряка; однимъ словомъ—типъ тѣхъ людей, который достойно оцѣнивается только въ трудныя минуты жизни. Въ оберъ-офицерскихъ чинахъ Н. Ѳ. Мѣтлинъ командовалъ шкуною Гонецъ, люгеромъ Широкій, бригами Телемакъ и Ѳемистоклъ, фрегатами Антополь и Браиловъ, кораблемъ Гавріилъ и 36 флотскимъ экипажемъ и въ 1849 году былъ произведенъ въ контръ-адмиралы.

Во все это время, каждое судно, которымъ онъ командовалъ, и подчиненныя ему команды всегда отличались замѣчательною исправностію. Командуя судами, онъ былъ нѣсколько разъ въ перестрѣлкахъ съ горцами у восточнаго берега Кавказа, а въ Греческомъ архипелагѣ, въ 1831 году, въ эскадрѣ адмирала Рикорда былъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ противъ Идріотскихъ мятежниковъ. Въ одномъ изъ этихъ сраженій, въ глазахъ Н. Ѳ. Мѣтлина, былъ убитъ ядромъ его родной братъ, но нашъ юный капитанъ невозмутимо продолжалъ командовать судномъ и только послѣ окончанія сраженія подошелъ къ брату. Съ такимъ характеромъ и опытностію, подобный человѣкъ былъ-бы незамѣнимъ въ эпопеѣ борьбы Севастополя и имя его прогремѣло-бы на равнѣ съ именами Корнилова, Нахимова, Истомина и другихъ, но судьба рѣшила иначе.

Всегда во всемъ честный, аккуратный, всегда строгій къ себѣ и къ другимъ, Н. Ѳ. Мѣтлинъ былъ всегда далекъ отъ малѣйшаго искательства и подслуживанья.

Въ 1851 году необходимо было избрать новаго оберъ-интенданта Черноморскаго флота и портовъ. Неподкупная честность Н. Ѳ. Мѣтлина и его строгая бережливость всего казеннаго были хорошо извѣстны—и вотъ онъ былъ назначенъ на эту должность. Выборъ

былъ удаченъ. Честнѣе, аккуратнѣе и дѣятельнѣе трудно было найти человѣка, но должность эта была совершенно не по душѣ молодого адмирала, жаждавшаго боевой службы, а не канцелярско-хозяйственной. Вотъ почему, принявъ должность въ октябрѣ 1851 года, Н. Ѳ. Мѣтлинъ уже въ февралѣ слѣдующаго 1852 года просилъ уволить его по болѣзни вовсе отъ службы. Но и въ эти три—четыре мѣсяца Н. Ѳ. Мѣтлинъ успѣлъ сдѣлать многое и показать свою полезную дѣятельность. Отставка не была принята и замѣнена заграничнымъ отпускомъ для излеченія болѣзни, причемъ адмиралъ Берхъ, 17 апрѣля 1852 г. увѣдомилъ Н. Ѳ. Мѣтлина, что „государь императоръ во всемилостивѣйшемъ вниманіи къ дѣятельнымъ и полезнымъ трудамъ вашимъ и желая сохранить васъ, для пользы службы, высочайше повелѣть соизволилъ: буде нѣтъ еще очевидной крайности въ отставкѣ, предложить в. п. воспользоваться сначала отпускомъ, для возстановленія своихъ силъ, дабы потомъ вы снова могли заняться служебными дѣлами. За успѣшное же управленіе Черноморскимъ интендантствомъ, его величеству угодно было пожаловать васъ кавалеромъ ордена св. Владиміра 3 степени“.

Въ это время, грозныя тучи восточной войны уже появились на политическомъ горизонтѣ, а въ слѣдующемъ 1853 году разразилась война.

Пробывъ заграницею четыре мѣсяца, Н. Ѳ. Мѣтлинъ возвратился въ Россію и такимъ образомъ Севастопольское побоище застало его въ Николаевѣ въ должности оберъ-интенданта Черноморскаго флота и портовъ.

Для характеристики дѣятельности Н. Ѳ. Мѣтлина по этой должности достаточно напомнить, что въ это время на югѣ Россіи дѣйствовали два интендантства: сухопутнаго вѣдомства и морскаго вѣдомства, причемъ морское интендантство не вызвало ни малѣйшихъ нареканій.

Необходимо замѣтить, что кромѣ должности оберъ-интенданта, на Н. Ѳ. Мѣтлина было возложено еще нѣсколько должностей и работъ, весьма сложныхъ и важныхъ, и все, до чего ни прикасалась дѣятельность молодого адмирала—все было исполнено скоро, экономно и хорошо.

Какъ истый морякъ, Н. Ѳ. Мѣтлинъ рвался въ Севастополь встать въ ряды его защитниковъ и, разумѣется, имя его прогре-

мѣло бы наравнѣ съ именами его товарищей и друзей, но защита Севастополя много зависѣла отъ помощи, присылаемой изъ Николаева, поэтому такой энергичный, честный и неутомимый въ трудахъ человѣкъ, какимъ былъ Н. Ѳ. Мѣтлинъ, необходимъ былъ въ Николаевѣ.

Какъ исполнилъ эту работу Н. Ѳ. Мѣтлинъ, работу трудную, невидную, но весьма важную, можно видѣть изъ приводимаго въ своемъ мѣстѣ далѣе письма къ нему командовавшаго войсками въ Севастополѣ, генералъ-адъютанта Остенъ-Сакена, отъ 8 февраля 1855 г.

До высадки непріятеля въ Крыму неизвѣстно было гдѣ онъ высадится и потому Николаевъ былъ въ такой-же опасности, какъ и Севастополь. И послѣ высадки непріятеля въ Крыму можно было ожидать нападенія на Николаевъ, какъ на главный центръ управленія и складовъ Черноморскаго флота и портовъ.

Видя успѣхъ по интендантской части и зная, что Н. Ѳ. Мѣтлинъ рвется въ Севастополь, главнокомандующій князь Меншиковъ возложилъ на него еще должность начальника штаба Черноморскаго флота и портовъ, о чемъ и писалъ ему 8 апрѣля 1854 г., въ весьма лестныхъ выраженіяхъ (см. далѣе письмо кн. Меншикова).

Въ то же время, генералъ-адъютантъ Корниловъ писалъ Н. Ѳ. Мѣтлину 8 апрѣля 1854 г.: „Душевно порадовался рѣшенію князя возложить на васъ должность оффиціальнаго помощника адмирала Берха. Теперь считаю Николаевъ въ безопасности“. Подобныя письма и отъ главнокомандующаго, и отъ сослуживцевъ, разумѣется, лишили Н. Ѳ. Мѣтлина всякой надежды на честь и славу быть непосредственнымъ защитникомъ Севастополя.

Работа, навшая на Н. Ѳ. Мѣтлина, была огромная. Онъ работалъ буквально съ ранняго утра и до поздней ночи. Доставка провіанта, пороха, ядеръ, бомбъ, хлѣба, водки и всего необходимаго для обороны Севастополя; устройство госпиталей, формированіе шести баталіоновъ, устройство укрѣпленій для защиты Николаева и наконецъ моста чрезъ рѣку Бугъ въ 140 саженъ. Тутъ же являются требованія и изъ Одессы, Керчи и другихъ городовъ.

Приведенныя нами вслѣдъ за симъ письма, между прочимъ, непосредственныхъ и главнѣйшихъ вождей защитниковъ Севасто-

поля—заключаютъ въ себѣ, между разными драгоцѣнными подробностями для исторіи Крымской войны, самые лестные отзывы о плодотворной и обширной дѣятельности Н. Ѳ. Мѣтлина.

Должно замѣтить вообще, что заслуги Н. Ѳ. Мѣтлина были вполнѣ оцѣнены: въ 1852 году молодой адмиралъ имѣлъ только орденъ Владиміра 3 степени, а въ 1855 г. былъ назначенъ Николаевскимъ военнымъ губернаторомъ съ правами главнаго командира Черноморскаго флота, портовъ и Дунайской флотиліи, а въ слѣдующемъ 1856 году Н. Ѳ. Мѣтлинъ былъ вызванъ въ Петербургъ и назначенъ управляющимъ морскимъ министерствомъ, въ которомъ тогда начался рядъ преобразованій.

Н. Ѳ. Мѣтлинъ управлялъ морскимъ министерствомъ съ 1857 по 1860 годъ, произведенъ въ адмиралы и назначенъ членомъ государственнаго совѣта, въ которомъ, съ обычнымъ ему усердіемъ и преданностью къ исполненію принятыхъ на себя обязанностей, участвовалъ въ трудахъ департамента государственной экономіи, членомъ котораго состоялъ едва-ли ни 20 лѣтъ.

Н. Ѳ. Мѣтлинъ былъ кавалеромъ всѣхъ Россійскихъ орденовъ, въ томъ числѣ и св. Андрея Первозваннаго, но не имѣлъ ни одного иностраннаго ордена.

Мѣтлинъ пользовался, до конца своей жизни, милостивымъ вниманіемъ государя императора; погребеніе достойнаго адмирала удостоили своимъ присутствіемъ оба августѣйшіе генералъ-адмирала и великій князь Михаилъ Николаевичъ.

Тѣло покойнаго Н. Ѳ. Мѣтлина погребено въ С.-Петербургѣ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, и надъ могилою его поставленъ вдовою его, съ которой онъ прожилъ 23 года [1]), изящный памятникъ, въ видѣ часовни, сдѣланной цѣликомъ изъ мрамора.

Н. Ридингеръ.

---

[1]) Н. Ѳ. Мѣтлинъ былъ женатъ на дочери ген.-маіора Александрѣ Константиновнѣ Бендерской.

Письма къ адмиралу Николаю Ѳедоровичу Мѣтлину.

I.

Кн. А. С. Меншиковъ.

Севастополь, 23-го ноября 1853 г.

На флотѣ столько поврежденій на новыхъ корабляхъ, въ рангоутѣ и въ корпусахъ старыхъ судовъ, что способы и наличіе готовыхъ предметовъ недостаточны къ исправленію своевременному боеваго состава флота. Усиленіе севастопольскихъ средствъ мастеровыми необходимо—переводомъ ли изъ Николаева, или наличными людьми, какъ признаете лучшимъ, и въ особенности скорѣйшимъ, предоставляю вашему усмотрѣнію, но прошу, безъ потери времени, распорядиться согласно съ надобностью.

Когда сочтете, почтенный Николай Ѳедоровичъ, нужнымъ отнестись ко мнѣ, то прошу писать непосредственно записками, безъ всякихъ формальностей. Меншиковъ.

II.

Кн. М. Д. Горчаковъ.

Кишеневъ, 8 января 1854 г.

М. г. Николай Ѳедоровичъ, отъ души благодарю в. пр-во за готовность, вами изъявленную, принять дѣятельное участіе въ укрѣпленіи Николаева. Я прошу васъ именемъ отечества взять это важное дѣло близко къ сердцу. Я увѣренъ, что вы своевременно совершите его съ успѣхомъ. Если ходъ военныхъ дѣйствій приведетъ непріятеля къ Николаеву, то по всѣмъ вѣроятіямъ на васъ ляжетъ защита сего главнаго заведенія черноморскаго флота.

Оцѣняя вполнѣ духъ и возвышенныя чувства ваши, готовность вашу жертвовать всѣмъ для пользы великаго государя нашего, я увѣренъ, что вы про-

славитесь на семъ поприщѣ, точно также, какъ вице-адмиралъ Нахимовъ, столь геройски защищающій Севастополь.

Прошу покорнѣйше писать ко мнѣ какъ можно чаще.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и пр. кн. Михаилъ Горчаковъ.

Внизу собственноручная приписка князя:

„Для успѣшнѣйшаго возведенія укрѣпленій, кромѣ рабочихъ отъ войскъ и арестантовъ, требуйте и наряда людей отъ гражданскаго вѣдомства. Генералъ-адъютанту Анненкову дано по сему предписаніе. Само собою разумѣется, что число подобныхъ рабочихъ надобно ограничивать, такъ что нарядъ ихъ не былъ слишкомъ обременителенъ для края. Прошу въ особенности увѣдомить меня къ какому времени вы полагаете, что укрѣпленія съ восточной стороны Николаева могутъ быть готовы".

III.

В. А. Корниловъ.

Севастополь, 17 февраля 1854 г.

Или вы не такъ поняли, или я не умѣлъ выразиться, но я нисколько не думалъ осуждать заботливость вашу о провизіи и сухаряхъ, а напротивъ тотчасъ-же принялся за это дѣло и надѣюсь вамъ вскорѣ доставить отчетъ..... На уменьшеніе морскихъ партій трудно въ настоящее время надѣяться; линейный флотъ, т. е. корабли и фрегаты придется держать въ полномъ составѣ постоянно, равно какъ и пароходы, и кромѣ того теперь снаряжаемъ транспорты, чтобы послать къ вамъ и мелкіе въ Азовское море, вѣдь на нихъ, хоть и въ ограниченномъ количествѣ, но придется дать провизію.

Какія распоряженія сдѣланы на счетъ дѣйствій донскаго начальства вы прочтете въ прилагаемой копіи съ отношенія князя къ генералу Хомутову.

Если вы находите полезнымъ употребить Шведнера, то препятствій быть не можетъ. Конечно, дѣло доставки антрацита для насъ теперь одно изъ самыхъ важныхъ.

Конечно, на снаряды слѣдуетъ также обратить самыя дѣятельныя мѣры. Прилагаю вамъ свѣдѣніе, составленное здѣсь о снарядахъ, имѣемыхъ въ Севастополѣ; цифра 36 ф. ядеръ весьма незначительна. Князь Меншиковъ приказалъ написать, чтобы на счетъ устройства сухопутныхъ транспортовъ и найма фурщиковъ было сдѣлано немедленно рѣшительное распоряженіе, что я и пишу главному командиру [1]).

Для ускоренія пріема штуцеровъ и доставки въ Севастополь не пошлете

[1]) Пишется отъ самого князя.

ли вы особаго офицера? При нашемъ недостаткѣ въ абордажномъ оружіи эти штуцера были бы весьма полезны.

Я думаю также, какъ и вы, что при настоящемъ недостаткѣ обшивочной мѣди, канонирскія лодки обшивать не слѣдуетъ.

Преданный вамъ В. Корниловъ.

Исправленіе судовъ покуда идетъ благополучно; съ Казказа возвратился корветъ Андромаха; нѣкоторыя изъ стопушечныхъ мачтъ имѣютъ годныя штуки.

Пароходъ Инкерманъ можно готовить въ Таганрогъ; въ командиры надо пріискать заботливаго офицера; если вы кого знаете, то напишите—тотчасъ назначу. Можетъ быть Дандри, бывшій командиръ Енпкале, къ этому годенъ; ему надо заслуживать, а его новороссійское вѣдомство представляло за особую дѣятельность.

IV.

Севастополь, 24 февраля 1854 г.

Вчера съ Загоранскимъ не успѣлъ писать къ вамъ. Надо было отправить длинное (письмо) Морицу Борисовичу на вопросъ его высылать ли Бессарабію и транспорты; тутъ же надо было сказать и о Дунайской флотиліи. Онъ, вѣроятно, дастъ вамъ читать это письмо, ибо я просилъ его мое писаніе никому кромѣ васъ до времени не сообщать; мнѣ кажется до вскрытія рѣкъ надо негласно готовиться, а потомъ, вдругъ избравъ удобное время, пустить и Николаевскій, и Дунайскій отряды; мы такъ намѣрены устроить съ здѣшними транспортами. На дняхъ отправляемъ въ Керчь: Арагву, Бугъ, Акерманъ, Лиманъ и Р.... [1]) съ тѣмъ, чтобы они оставались на все лѣто въ Азовскомъ морѣ. Сухумъ-Кале и Кишиневъ неисправны; Ингулъ и Кинбурнъ готовимъ брандерами для утощенія друзей въ случаѣ, если нами займутся или гдѣ выгодно расположатся. Де-Антуани (?) требуетъ матеріаловъ и провизіи—я провизіи не даю и на транспорты велѣлъ на двѣ недѣли, они тамъ въ Керчи найдутъ; напишите пожалуйста какіе еще транспорты вы полагаете прибавить для Азовскаго моря? и не послать ли туда пароходы Новороссійскаго вѣдомства: Берданскъ и Таганрогъ; они могутъ тамъ съ пользою быть и для нашего вѣдомства. Въ письмѣ къ Морицъ Борисовичу я написалъ для буксированія флотиліи можно употребить пароходы Турокъ и Инкерманъ, но если послѣдній вы не найдете удобнымъ для сего назначить, то нельзя ли вытребовать Сулинъ или какой нибудь изъ Новороссійскихъ. Мы также готовимъ экспедицію большихъ транспортовъ подъ прикрытіемъ пароходовъ, пустимъ ее по первому отъ васъ сигналу, то есть по прибытіи Бессарабіи или пріѣздѣ курьера съ извѣстіемъ, что Лиманъ и Бугъ очистились. Провизія, антрицитъ и тяжести, кажется,

[1]) Не разобрано слово.

настроены. Проэктъ контрактовъ взялъ читать князь; по моему можно надѣяться на успѣхъ; конечно, наемные транспорты выгоднѣе и Богъ да поможетъ намъ обойтиться безъ казенныхъ, это будетъ и разореніе и врядъ ли вѣрнѣе. Посылается къ вамъ Пестичъ съ проэктомъ укрѣпленій Буга; прошу принять это дѣло подъ ваше покровительство, безъ этого врядъ ли что устроится, а я опасаюсь за Николаевъ; надо будетъ взять всѣ мѣры, чтобы не допустить экспедицію пароходовъ къ Поповой балкѣ, а если нельзя, то далѣе ее уже никакъ (?) даже можно въ узкомъ мѣстѣ за Керенной (?) затопить суда. Стоитъ прочесть исторію рѣчныхъ подвиговъ англичанъ въ Америкѣ въ 1812 году, когда не было у нихъ пароходовъ. Мы здѣсь по возможности укрѣпились и если бы подошли войска, то можно бы смѣло ожидать какого угодно врага; вооружили всѣ команды, очистили арсеналъ, изъ писарей составили стрѣлковую команду и оказалась очень хороша. По мнѣнію кн. Меншикова пороху въ Измаилъ можно и не посылать; намъ здѣсь даютъ 5 тысячъ. Преданный вамъ В. Корниловъ.

Князь велѣлъ о Согѣ (транспортѣ) возобновить представленія.

V.

Севастополь, 3 марта 1854 г.

Посылаю вамъ Данета для командованія пар. Инкерманъ; онъ обнадеживаетъ, что будетъ служить вѣрой и правдой. Мы разграбили севастопольскій арсеналъ, даже добрались до старинныхъ штуцеровъ, которые экипажи будутъ приводить въ порядокъ своими средствами. Хоть мнѣ и не вѣрится, чтобы къ намъ серьезно забрались, но готовиться надо.

Проектъ вашъ на счетъ перевозки антрацита кн. Меншиковъ апробовалъ совершенно и я о семъ съ этой-же почтой сообщаю главному командиру.

Здѣсь былъ Ивановъ и просилъ о рѣшеніи ему поставки 150 тыс. антрациту ранѣе 5 апрѣля. Онъ говорилъ, что вы его отправили сюда, а мы его отправили къ вамъ.

На счетъ пороху 2 т. п. князю докладывалъ, онъ обѣщалъ приказать Пихельштейну; на счетъ-же Измаила положительно воспрещаетъ туда посылать. 5 т. п. пороху для Севастополя у Пихельштейна здѣсь готовы и Столбинъ приметъ. Кубань мы поставили противъ георгіевскаго погреба и туда опорожнили.

Ожидаемъ съ нетерпѣніемъ отряда Вукотина; къ нему посланы три парохода съ Панфиловымъ для совмѣстнаго очищенія береговой линіи отъ нѣкоторыхъ мелкихъ фортовъ.

Уважающій и преданный вамъ В. Корниловъ.

VI.

Севастополь, 11 марта 1854 г.

Вчера почта привезла представленіе ваше адм. Берху объ отмѣнѣ торговъ на доставку снарядовъ. Князь, по разсмотрѣніи вѣдомости о имѣющихся въ Севастополѣ, нашелъ, что этого добра у насъ на настоящій случай достаточно и потому рѣшилъ, чтобы поступить и съ снарядами подобно какъ общее присутствіе положило поступить съ желѣзомъ, то есть обождать результата торговъ.

Транспорты, назначаемые въ Азовское море, согласно вашего мнѣнія, остановлены, отправились только два: Арагва и Инкерманъ, и то потому, что надо было на нихъ послать артиллерію для укрѣпленія Керчи и Ѳеодосіи. На счетъ обороны Николаева я совершенно раздѣляю ваше мнѣніе, что нужно при воздвигаемыхъ укрѣпленіяхъ начальство самостоятельное; я представлялъ это князю еще до отправленія Пестича и теперь опять говорилъ; надѣюсь, что что-нибудь будетъ сдѣлано. Конечно, мнѣ ѣхать невозможно, да и къ чему это будетъ безъ того, чтобы тамъ остаться.

О недостаткѣ у васъ пороху я также представлялъ вновь и князь полагаетъ взять его изъ Херсона, на что и обѣщалъ написать Пихельштейну.

VII.

Севастополь, 18 марта 1854 г.

Спѣшу написать вамъ нѣсколько строкъ по курьерской. Князь безпокоится, что если Бессарабія зайдетъ въ Николаевъ, то опоздаетъ сюда, ибо надо ожидать, что по случаю перехода нашихъ за Дунай союзники что-нибудь предпримутъ противъ нашихъ береговъ, напримѣръ, всѣмъ флотомъ явятся предъ Севастополемъ, и потому поручилъ просить васъ Бессарабію и Эльборусъ пустить какъ только освободятся отъ льда, предписавъ имъ наблюдать всевозможную осторожность; транспортъ мы готовимъ, но также пошлемъ, если это будетъ по силамъ.

Радуюсь успѣху вашихъ укрѣпленій, за войсками дѣло не станетъ. Кажется, къ вамъ маршируетъ вся 16 дивизія или, по крайней мѣрѣ, Николаевъ будетъ центральнымъ депо резервныхъ войскъ.

Сегодня отправлена Тамань въ Одессу съ плѣнными турками, надѣемся, что дойдетъ и возвратится. Насчетъ союзниковъ слухи разнорѣчивы, но самое достовѣрное, что не такъ легко дѣйствовать, какъ писать.

Уважающій и преданный вамъ В. Корниловъ.

VIII.

Севастополь, 22 марта 1854 г.

Много благодаренъ за подробное письмо ваше отъ 13 марта; скоро придется намъ завидовать вамъ—до того вы обезопасите Николаевъ. Нашъ же Севастополь трудится, но все еще, покуда не подойдутъ войска, нельзя назвать его съ береговой стороны внѣ опасности, отъ значительнаго десанта, которымъ грозятъ союзники; вся надежда на неспособное для десантовъ время и на то, что силы англо-французо-турокъ болѣе на бумагѣ, чѣмъ въ дѣйствительности, къ тому еще имъ и кромѣ Крыма много заботъ.

Плотовой бонъ кажется будетъ непроходимъ для пароходовъ или, по крайней мѣрѣ, потребуетъ жертвъ. Прокофьевъ мнѣ говорилъ, что его ставятъ угломъ; это хорошо; я гдѣ-то читалъ, что самые дѣйствительные боны, которые французы противопоставляли англійскимъ судамъ, были тѣ, которые ставились наискось, чтобы суда скользили. Батареи стоятъ далеконько, да что же дѣлать—мѣстность такая; рѣка широка, впрочемъ надо надѣяться, что непріятель не рѣшится идти близко къ отмелямъ.

Объ отпускѣ вамъ пороху писано въ Херсонъ. Кажется 900 пудовъ, съ тѣмъ, чтобы въ Измаилъ ни фунта. Князь приказалъ написать адм. Берху, чтобы не посылалъ до времени въ Измаилъ ни казацкихъ барказовъ, ни лодокъ, по случаю перехода нашими Дуная, что я и исполнилъ; вотъ вамъ и эту флотилію можно употребить въ дѣло. Перуна выводить не для чего. Шкуну можно когда справитесь съ рабочими, я объ этомъ пишу адм. Берху. Завтра или послѣ завтра отправляемъ къ вамъ пароходъ Грозный и 5 транспортовъ. Богъ да благословитъ ихъ плаваніе. Если дойдутъ благополучно, то можно нагрузить и ожидать благопріятнаго случая; по послѣднему извѣстію англичане объявили намъ войну.

Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ Бессарабіи и Эльборусъ; если Эльборусъ исправенъ, то онъ будетъ весьма полезенъ своимъ превосходнымъ ходомъ.

Ключниковъ объ остальномъ вамъ пишетъ, а я и боленъ, и усталъ. Преданный вамъ В. Корниловъ.

Бѣднаго Столбина здѣсь совершенно затормошили; потѣшьте его, велите Ильину пособить ему мастеровыми. Онъ мнѣ сказалъ, что вы позволили ему подать именной списокъ, который и прилагаю. Прикажите Ильину или Иванову отрядить къ намъ хорошаго чертильщика станковъ съ курьеромъ. Князь насъ загаиваетъ съ разными этого рода задачами.

IX.

Севастополь, 2-го апрѣля 1854 г.

Спѣшу отправить курьера съ журналами общаго присутствія о сухопутныхъ транспортахъ и перевозкѣ тяжестей и съ резолюціями на нихъ князя Меншикова. При семъ посылаю и письмо это въ отвѣтъ на ваше отъ 29-го марта. Конечно, лучше транспорты съ подряда и свѣдѣнія Коланден и другихъ посланцевъ могутъ быть приняты къ свѣдѣнію. Транспортовъ, кромѣ уже отправленныхъ Акерманъ и Арагва, мы болѣе не пошлемъ, а тѣ тамъ останутся и можете ими располагать, какъ заблагоразсудите.

Радуюсь, что работы на батареяхъ подвигаются, по крайней мѣрѣ будете обезпечены отъ флибустьерскаго набѣга.

Сегодня вечеромъ взошелъ Прутъ; Ѳеодосія попалъ на камень; желательно, чтобы онъ воспользовался сѣвернымъ вѣтромъ, нынѣ дующимъ, равно какъ Эльборусъ, котораго ждемъ съ нетерпѣніемъ. Возвратные надлежитъ пускать съ осторожностью и лучше всѣ пять вмѣстѣ, увѣдомивъ заранѣе о ихъ готовности съ курьеромъ; можетъ быть вышлемъ конвой, если къ тому времени появятся непріятельскіе крейсеры. Нельзя ли тѣ изъ транспортовъ, которые безъ артиллеріи, вооружить, хоть взять съ Ахиллеса или Меркурія. Тогда они могутъ бороться съ пароходами, разумѣю при вѣтрѣ и волненіи. Третьяго дня къ намъ подкрался на разсвѣтѣ англійскій пароходъ подъ австрійскимъ флагомъ и въ виду хотѣлъ похитить каботажное русское судно, но мы выслали два фрегата и бригъ; пароходы не имѣли паровъ и непріятель, отрубивъ буксиръ взятаго судна, едва спасся отъ нашихъ молодцовъ, однако успѣлъ съ судна снять шкипера и 4-хъ работниковъ, пятый спрятался въ трюмъ и тѣмъ спасся; если бы вѣтеръ не стихъ, то можетъ быть теперь бы мы хвалились другимъ Владиміромъ. Фрегатъ былъ близко, онъ пустилъ 5 бомбъ, упавшихъ возлѣ фрегатовъ; наши пароходы были тоже на ходу.

Вы меня не вините, что хозяйственныя бумаги иногда задерживаются. Князь оставляетъ ихъ у себя, чтобы вникнуть.

Хорошо бы, если бы Инкерманъ прокрался съ надлежащею осторожностью, покуда свѣтлыя ночи, въ Керчь; онъ можетъ идти подъ берегомъ и скрываться и подъ Теляру (?) и въ Аки-Мечеть и такъ далѣе.

X.

Севастополь, 5-го апрѣля 1854 г.

Вотъ до чего мы дошли,—нечестивый союзъ, пользуясь превосходствомъ паровыхъ судовъ своихъ, началъ пиратскую войну противъ нашего бѣднаго каботажа; удивляюсь, что Сакенъ не послалъ имъ сказать, что за взятыя имъ 11 херсонскихъ лодокъ онъ арестовалъ 25 купеческихъ англійскихъ судовъ, находящихся въ Одесскомъ карантинѣ. Къ намъ послѣ угощенія, сдѣланнаго 31-го, никто изъ этихъ молодцовъ не появляется; вѣроятно, собираются съ силами.

Кажется, я извѣстилъ васъ о прибытіи сюда 2-го апрѣля транспорта Прутъ; если бы Ѳеодосія не сѣла бы на мель, то и она была бы дома. Теперь обстоятельства перемѣнились и кн. Меншиковъ утвердилъ слѣдующій планъ, который также, можетъ быть, измѣнится другими обстоятельствами, но безъ подвозу: такелажа и парусины для парусовъ и коекъ — мы пропадемъ. Гавріилъ и Уріилъ въ началѣ мая будутъ готовы, но нѣтъ имъ вантъ и другихъ необходимыхъ снастей. На флотъ требуется 6 тыс. коекъ и нѣтъ ни клочка парусины, конечно этому виноваты не мы; всякому извѣстно съ какими ничтожными средствами и какъ, можно сказать, славно Черноморское управленіе заключило прошлый годъ и даже на новую кампанію, выставивъ почти весь флотъ къ новымъ дѣйствіямъ. Планъ касательно транспортовъ составленъ такой:

Пар. Эльборусъ, испробовавъ нагрузить самымъ необходимымъ, т. е. такелажемъ и парусиной, отправить на прорывъ; если онъ только минуетъ Очаковъ, то я увѣренъ, что прилетитъ въ Севастополь благополучно; для привода его завтра отправляется К. Л. Поповъ. Транспорты нагрузить и содержать въ совершенной (готовности) за бономъ на Поповой балкѣ; для взятія ихъ, если обстоятельства позволятъ, прислать пароходы, но какъ только изготовите—увѣдомьте чрезъ курьера. В. Корниловъ.

Насчетъ сухопутныхъ транспортовъ князю показались нѣкоторыя мѣста неясны; мысли его какъ поступить съ этимъ торгомъ посланы адм. Берху. Князь недоволенъ остался крючкомъ Иванова въ поста.... [1]) о доставкѣ 750 тыс. антрацита; онъ разрѣшилъ покупку 600 тыс., полагая въ 150 тыс. отказать.

---

[1]) Окончаніе слова не разобрано.

XI.

Кн. А. С. Меншиковъ.

Севастополь, 8-го апрѣля 1854 г.

Я предписываю съ симъ вмѣстѣ, любезный Николай Ѳедоровичъ, адм. Берху поручить вамъ сверхъ интендантства исполненіе должности начальника штаба въ Николаевѣ.

Убѣдительно прошу васъ не отклонять отъ себя этихъ обязанностей. Польза службы въ настоящихъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ требуетъ личныхъ пожертвованій отъ сыновъ отечества, а Николаевское управленіе — всей обычной вамъ энергіи. Вамъ преданный Меншиковъ.

XII.

В. А. Корниловъ.

Севастополь, 8-го апрѣля 1854 г.

Душевно порадовался рѣшенію князя на васъ возложить должность оффиціальнаго помощника адм. Берха. Теперь считаю Николаевъ въ безопасности.

Узнавъ о батареяхъ и готовомъ угощеніи, союзники не пойдутъ къ вамъ, это не съ херсонскими лодками; я даже увѣренъ, что присутствіе канонирскихъ лодокъ при пароходахъ въ Кинбурнѣ имъ не понравится. На счетъ снятія знаковъ при входѣ въ Лиманъ я отвѣчалъ Кумани (начальнику Гидрографическаго отдѣленія), такъ какъ онъ меня объ этомъ секретно спрашиваетъ. Конечно, надлежитъ все сдѣлать, чтобы затруднить плаваніе въ нашихъ водахъ, вѣдь самымъ входомъ въ Лиманъ они намъ надѣлаютъ вредъ, ибо прервутъ водное сообщеніе съ Херсонью, доставку лѣсовъ и прочее.

Не знаю по какому случаю вы считаете Арабу и Акерманъ на пути въ Николаевъ; они были отправлены въ Керчь и туда уже давно доплыли; ихъ оставляемъ для Азовскаго моря, тамъ вы можете ими располагать.

Если Инкерманъ не считаете особенно необходимымъ въ Таганрогѣ, то конечно лучше не посылать.

Транспорты пускай стоятъ готовые за бономъ у Поповой балки; обстоятельства укажутъ, что можно съ ними сдѣлать; впрочемъ, въ случаѣ ожиданія набѣга, такъ можетъ быть будетъ вѣрнѣе ихъ держать въ спискѣ.

Докладъ о водочныхъ подрядчикахъ здѣсь не являлся; на всякую бѣду я предупредилъ кн. Меншикова.

Кажется, все вамъ написалъ; флибустьеры къ намъ не являются, а мы готовы встрѣтить и Дундала, и Гамелина, и Канробера, и Роглана. Гавріилъ и Уріилъ также подвигаются, нуженъ только будетъ такелажъ и койки, на этихъ двухъ корабляхъ ни одной не осталось. Преданный вамъ В. Корниловъ.

XIII.

Севастополь, 10-го апрѣля 1854 г.

Сейчасъ получилъ письмо ваше отъ 8-го апрѣля съ лейтенантомъ Сталь. Спѣшу отвѣчать: привезенная тѣмъ же Сталь вѣсть о появленіи союзнаго флота у Одессы вамъ, конечно, была, извѣстна и вы, вѣроятно, берете мѣры на счетъ Николаева. Дай Богъ, чтобы эта туча не разразилась чѣмъ нибудь серьезно важнымъ, впрочемъ, надо было ожидать, что враги наши, наконецъ, что нибудь предпримутъ. О транспортахъ до лучшихъ временъ нечего и думать; по моему мнѣнію пускай стоятъ готовые, гдѣ найдете удобнымъ. Поповъ мнѣ пишетъ, что проба Эльборуса была неудачна, но что онъ имѣетъ надежду выйти въ воскресенье, т. е. завтра. Жаль, если онъ пустится не наладивъ всего; и во всякомъ случаѣ надлежитъ помнить, что непріятель не останется противъ Одессы безъ крейсеровъ у Севастополя и можетъ и Кинбурна, между же ихъ пароходовъ могутъ случиться и ходаки, которые Эльборусъ, при обросшемъ его днѣ и не совершенно исправной машинѣ, и настигнутъ.

Понимаю вполнѣ, какъ вамъ тяжелы переходы бумагъ нашего несчастнаго управленія, но что-же дѣлать, я въ этомъ не причиной и также на всякомъ шагу твержу себѣ, что теперь не время сѣтовать.

На счетъ вторичнаго оборота транспортовъ помолчимъ до лучшихъ временъ и, конечно, поступимъ согласно вашихъ указаній. Особенно имѣю (?) сухопутную доставку, о которой рѣшеніе теперь посылаютъ.

Касательно посланныхъ наставленій относительно обороны Кинбурнскаго рейда лодками при пароходахъ, теперь это будетъ зависѣть отъ васъ, вамъ ближе обсудить какія мѣры приличны и доступны.

Мастеровыхъ, парусниковъ, шлюпниковъ и лабораторную и арсенальную

роты князь разрѣшилъ прислать сюда, если не удастся моремъ, то сухимъ путемъ.

Затѣмъ прощайте, желаю счастія и благополучія. Теперь 9 часовъ, чрезъ три часа зачнется праздникамъ праздникъ. Ночь темная, боюсь, чтобы флибустьеры не вздумали надѣлать тревоги. Ѣду брать возможныя предосторожности; того и смотри, что польскіе руководители имъ не натвердили, что въ праздникъ здѣсь все пьяно и въ разбродѣ. Преданный вамъ В. Корниловъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ ОПОЧИНИНЪ

генералъ отъ артиллеріи.

Въ «Русскомъ Инвалидѣ» 25 мая 1885 г. помѣщенъ некрологъ Алексѣя Петровича Опочинина, въ которомъ изложена его боевая и служебная дѣятельность въ продолженіе всей 58-лѣтней службы въ Грузіи и на Кавказѣ. Но ничего не сказано о немъ какъ о человѣкѣ, заслуживающемъ полнаго вниманія по его прекраснымъ душевнымъ качествамъ. Я, какъ товарищъ и сослуживецъ его, постараюсь пополнить этотъ пробѣлъ.

Алексѣй Петровичъ, служа въ кавказской гренадерской артиллерійской бригадѣ въ легкой № 3 батареѣ, былъ общимъ любимцемъ общества офицеровъ всей бригады. Помню, какое общее было соболѣзнованіе въ бригадѣ, когда получили извѣстіе, что онъ сильно раненъ въ правую сторону груди въ экспедиціи противу джаро-бѣлоканцевъ 15 октября 1830 года въ дѣлѣ при Закаталахъ, бывши еще молодымъ офицеромъ. Отъ этой раны Алексѣй Петровичъ въ продолженіе многихъ лѣтъ не владѣлъ правою рукою, носилъ ее на повязкѣ и не могъ ею писать, такъ что долженъ былъ подписывать бумаги лѣвою рукою. Хотя онъ довольно долго страдалъ отъ этой раны, но не унывалъ духомъ и былъ всегда душею общества: гдѣ былъ Алексѣй Петровичъ Опочининъ, тамъ всегда было весело.

При его умѣ, прекрасныхъ способностяхъ и необыкновенно сердечной добротѣ, онъ всегда относился къ товарищамъ своимъ съ душевною теплотою и, будучи старшимъ офицеромъ въ батареѣ, не оставлялъ молодыхъ своихъ товарищей добрыми совѣтами; вотъ почему онъ былъ любимъ всѣми офицерами, начиная со старшихъ до младшихъ включительно. Начальники любили его за усердное имъ исполненіе служебныхъ обязанностей, а подчиненные за ласковое обращеніе.

Увѣренъ, что ни одинъ изъ его товарищей и ни одинъ изъ его бывшихъ подчиненныхъ помолится за него Богу.

По прослуженіи моемъ въ кавказской гренадерской артиллерійской бригадѣ нѣсколькихъ лѣтъ, я былъ переведенъ съ Кавказа, но переписывался съ товарищами и имѣлъ свѣдѣнія о покойномъ Алексѣѣ Петровичѣ. При этомъ нелишнимъ считаю сказать, что онъ въ душѣ былъ поэтъ; помню, что по случаю полученной раны его товарищемъ, штабсъ-капитаномъ Пикаловымъ (вполнѣ достойнымъ офицеромъ), въ 1832 году въ экспедиціи противу чеченцевъ, онъ написалъ довольно интересное къ нему посланіе въ стихахъ.

Алексѣй Петровичъ былъ женатъ на княжнѣ Орбеліяни, весьма симпатичной женщинѣ, которую онъ выучилъ русскому языку, когда она была его еще невѣстой и жила у своей родной сестры Сепковской, мужъ которой командовалъ тогда легкою № 3 батареею кавказской гренадерской артиллерійской бригады, въ которой служилъ Алексѣй Петровичъ.

Генералъ отъ артиллеріи П. А. Вороновъ.

МАТЕРІАЛЫ И ЗАМѢТКИ.

I.

Письмо протоіерея Лятушевича съ прилож. записки о новомъ способѣ разстраивать непріятеля.

Августа 5 дня 1812 года.

Ваше сіятельство м. г.

Единственно къ вамъ, у кого благо и слава Россіи лежитъ всегда на сердцѣ, единственно къ вамъ, сіятельный графъ, отношуся съ дѣломъ, устремленнымъ на пользу отечества.

По существу его почелъ нужнымъ взять всѣ возможныя мнѣ осторожности, чтобъ третій никто не зналъ запечатаннаго въ семъ конвертѣ, пока не изволите сами, кому должно, открыть.

Испрашивая извѣстія, что бумаги мои достигли вашей сіятельной особы, и поручая ихъ вашему благоразсмотрѣнію, а себя покровительству,

Имѣю честь быть и проч. Ижевскаго оружейнаго завода пророка-Иліинскаго собора протоіерей Захарій Лятушевичъ.

Примѣчаніе. Кому адресовано было это письмо воинственнаго протоіерея—изъ дѣлъ не видно; есть основаніе предполагать, что получитель этого посланія былъ графъ Витгенштейнъ. Записка, приложенная къ письму, во всѣхъ отношеніяхъ курьезна и потому здѣсь помѣщается. Ред.

Новый способъ разстраивать непріятеля въ сраженіи.

Добрая вѣра, мужество и смыслъ на полѣ бранномъ, безъ сомнѣнія, суть первыя средства къ пріобрѣтенію побѣды, но не рѣдко опредѣляли судьбу оружія и внезапные случаи, и неожиданныя обстоятельства. Такъ, Юлій Кесарь выигралъ Фарсальское сраженіе, повелѣвъ своимъ воинамъ поражать

въ лицо юныхъ патриціанъ Помпеевыхъ. Такъ, даже самый вѣтръ, стремящій на ряды противничьи оружейный дымъ, содѣйствуетъ къ важнымъ преимуществамъ надъ непріятелемъ.

Когда дѣйствительность ружейной стрѣльбы зависитъ наипаче отъ ясности и точности взора, когда успѣхъ въ штыковой свалкѣ принадлежитъ присутствію духа и неколебимости, то сколь бы важно было непріятеля по мѣстамъ нечаянно ослѣпить, смутить и разстроить. И сіе дѣло, кажется, легко и удобно при нижеописанныхъ средствахъ.

Извѣстно, что усиленныя купоросныя и селитряныя кислоты, какъ-то—oleum vitrioli et acidum vitrioli rectificatum, item aqua fortis precipitata et spiritus nitri fumans—et coet., дѣйствуютъ на тѣла разрушительнымъ образомъ. Сіи жидкости мгновенно жгутъ не только лице и руки, даже самое одѣяніе, коснувшись имъ; а глазамъ—поражая, истребляютъ ихъ и производятъ нестерпимую боль въ существѣ страдающемъ. Почему, если бъ во время сраженія, наипаче во время преднамѣреваемой штыковой работы, когда непріятель бываетъ не въ далекомъ отстояніи, дѣйствовать на него сими жгущими веществами, особливо неожиданно, то смѣло полагать можно, что при пособіи такомъ быстрѣе и вѣрнѣе приведется онъ въ смятеніе, разстройство и плѣнъ, чѣмъ одними пулями и штыками.

Межъ тѣмъ язвы отъ сихъ разрушительныхъ веществъ, мгновенно обезоруживающихъ непріятеля, сообразно человѣколюбивымъ чувствованіямъ, менѣе пагубны и смертоносны, нежели отъ раздробляющаго металла: поелику бываютъ они только на наружности, хотя впрочемъ боль и въ нихъ сначала ощутительнѣе, чѣмъ въ ранахъ отъ пуль.

Орудія, мечущія въ непріятеля сіи жгущія вещества, не могутъ быть сдѣланы удобнѣе, простѣе и дешевле, какъ въ видѣ заливательныхъ малыхъ трубъ или шприцовъ—особливо шприцовъ, которые и легки для носки, и дѣйствовать могутъ при устройствѣ саженей на семь.

Ежели инструменты сіи, наполненныя ѣдкими жидкостями, раздать въ первыхъ рядахъ двадцатому воину, не лишая, впрочемъ, его и свойственнаго вооруженія, поелику инструменты сіи, по истощаніи своемъ, легко, на подобіе колчана, кинуть за спину себѣ и дѣйствовать послѣ другимъ оружіемъ, то какое будетъ явленіе въ рядахъ непріятельскихъ, когда бросятся на нихъ межъ тѣмъ со штыками и когда, по приближеніи къ нимъ или наипаче въ самой схваткѣ, жидкости сіи будутъ направляемы болѣе на лице и глаза противниковъ. Вмѣсто того, чтобъ имъ метить изъ ружей и дѣйствовать штыками, многіе изъ нихъ при чрезвычайной боли не увидятъ не только непріятелей, но и своего оружія; и тогда можно будетъ брать ихъ въ плѣнъ, какъ слѣпыхъ курицъ: поелику они и бѣжать куда также не въ состояніи; отчего выйдетъ невообразимая суматоха между пораженными.

На сей предметъ можно даже и нестроевыхъ людей, по нарочно приготовленный корпусъ новобранцевъ, ввести съ симъ снарядомъ въ передовыя шеренги и размѣстить каждаго изъ нихъ подлѣ двадцатаго человѣка во фронтѣ или разсыпать по подобію егерей, снабдивъ ихъ притомъ легкимъ бѣлымъ оружіемъ.

Но вся важность и успѣхъ при семъ предпріятіи заключается въ неизвѣстности и неожиданности со стороны непріятелей. Почему совершенно необходимо, изготовляя инструменты метательные и пріучая солдатъ или новобранцевъ дѣйствовать ими цѣльно, распустить предварительно слухъ, что

сіе приготовляется для операцій лекарскихъ, въ каковомъ смыслѣ и весьма прилично имъ считатися по свойству непріятелей, горячкою и нечистотою страдающихъ, или можно выдавать ихъ за инструменты, поливающіе песчаную землю, дабы не терпѣть безпокойства отъ пыли въ пути и во время сраженія. Но какъ дѣйствовать и метить сими инструментами искусства и привычки большія не надобно, то можно раздать ихъ по рядамъ двадцатому или двадцать пятому вонну и предъ самымъ сраженіемъ, чтобъ непріятель не имѣлъ времени и случаевъ принять противъ сего какія оборонительныя мѣры, которыя и могутъ состоять только въ вощеной тафтѣ, облегающей лицо, гдѣ противу глазъ вставляется стекло или слюда, что, однако, въ жаркое время и въ пылу сраженія сопряжено съ большими неудобствами и задыханіемъ; или развѣ еще не захочетъ непріятель сблизиться на то разстояніе, въ какомъ дѣйствовать можетъ сіе оружіе.

Инструменты влагометательные, если дѣланы будутъ на подобіе шприцовъ, то они должны быть хрустальные, не такъ скоро портиться отъ ѣдкихъ жидкостей. Но не дорожа прочностію, а временемъ можно отливать и оловянные, а наскоро употребить и обыкновенные аптекарскіе съ небольшою поправкою. Вообще же инструменты сіи устроять должно такимъ образомъ, что оба отверстія и верхній, и нижній завинчивалися плотно крышками и залѣплялись воскомъ, дабы влажность никакъ не могла нечаянно вытечь. Для удобства въ ношеніи шестъ, двигающій поршень, долженъ ввинчиваться, а къ самому цилиндру придѣлаться ушки, но чтобъ, когда будутъ давить поршень, не могло ни сколь назадъ пробиваться влажности и тѣмъ попортить дѣйствующихъ рукъ, для сего сзади придѣлывать двойное дно и вложить между днами натугѣ губку, напитанную масломъ, которая отирала бы сырость, могущую быть на шестѣ при обратномъ его вытягиваніи. Впрочемъ, какъ и изъ чего лучше дѣлать сіи орудія—покажетъ самая практика; здѣсь предлагаются токмо первыя идеи.

Поелику шприцы мещутъ влагу тѣмъ далѣе, чѣмъ меньше содержатъ они въ себѣ жидкости и чѣмъ сильнѣе давятъ поршни, для сего орудія сіи не должны содержать въ себѣ влажности болѣе фунта, а потому для продолженія метательныхъ дѣйствій необходимо нужно имѣть при себѣ съ ѣдкою влажностію еще фляжки, вмѣщающія въ себѣ около трехъ фунтовъ, чего предовольно будетъ на каждую стычку. Фляжки сіи, металлическія или стеклянныя, должны быть для удобства привѣшены къ боку и имѣть небольшое отверстіе, затыкающееся пробкою, напитанною воскомъ, изъ которыхъ, когда надобно, въ одинъ мигъ можно натянуть шприцъ свой; но не худо имѣть при семъ дѣлѣ и перчатки, натертыя масломъ или жиромъ.

Можно, кажется, дѣйствовать выгодно ѣдкими жидкостями съ батарей, когда на нихъ вблизи нападаетъ непріятель. Но въ семъ случаѣ должно употреблять уже не шприцы, а машины на подобіе одноручныхъ заливательныхъ трубъ, въ которыя вмѣщалось бы жидкости фунтовъ около десяти. Ихъ можно сдѣлать и со спускною самодавящею пружиною, дабы не отнять въ важное время какихъ нибудь рукъ отъ другихъ оборонительныхъ дѣйствій. Поставить же гдѣ такія машины и когда, и какъ ими дѣйствовать покажутъ обстоятельства. Сіи влагометательныя орудія годились бы къ полезному употребленію и при крѣпостяхъ, и на корабляхъ или вообще военныхъ суднахъ; убытку значительнаго не будетъ, когда-бъ они во время свалки по выпорожненіи своемъ и сминались, поелику оловянное легко поправить или и вновь перелить безъ потери.

Жидкости же ѣдкія, какъ-то кислота купоросная и селитрянная, въ настоящее время весьма не дороги; по таксѣ аптекарской olej vitrioli фунтъ 96 к., acidi vitrioli rectificati фунтъ 1 р. 92 к., aqua fortis precipitatis фунтъ 1 р. 20 к.

Сіи жидкости, при взятыхъ мѣрахъ, могутъ обойтись казнѣ и дешевле.

Не зная движеній наѣздниковъ и вообще конницы, не могу утверждать—принесутъ-ли какую выгоду розданныя нѣкоторымъ изъ нихъ влагометательныя орудія; хотя извѣстно, что ѣдкая жидкость, спрыснувшая непріятельскую лошадь, особливо въ глазъ, принудитъ ее сбить своего всадника, которому также можетъ достаться что нибудь изъ влаги на долю свою. И нельзя ли бы машины сіи прикрѣплять къ сѣдламъ, и притомъ съ самодавящею пружиною, которую, когда нужно, тогда бъ и спустить или остановить.

При всемъ томъ снарядъ, мечущій ѣдкія влаги, и въ дорогѣ, и въ домахъ, для защиты себя отъ воровъ и разбойниковъ и для обезоруженія ихъ, несравненно дѣйствительнѣе и удобнѣе, чѣмъ огнестрѣльныя и другія бѣлыя орудія, поелику онъ можетъ дѣйствовать и вдругъ на множество, и безпрерывно.

Но желанный, совершенный успѣхъ отъ сихъ влагометателей, при всякихъ случаяхъ, возможенъ только тогда, когда непріятель совсѣмъ не ожидаетъ ихъ и не знаетъ; и потому на сраженіи употребить ихъ въ дѣло должно только въ генеральномъ, рѣшительномъ,—а съ несказанною выгодою—почти однажды.

Кажется мнѣ, что для ослѣпленія и смятенія непріятеля не худо бы къ ружьямъ предъ штыковой свалкою прицѣплять и обыкновенныя бумажныя трубки, набитыя составомъ, мечущимъ, на подобіе фонтана, огненныя искры. Трубки сіи такъ устроить, чтобъ въ одинъ мигъ прицѣпился къ стволу и зажглися отъ послѣдняго выстрѣла, и тогда вдругъ кинуться на врага вмѣстѣ съ огнемъ и штыкомъ или пикою.

Вотъ способъ вредить непріятелю, который мнѣ кажется новымъ и весьма дѣйствительнымъ и который, какъ скоро мелькнулъ въ мысли моей, любовь къ отечеству заставила меня обдумать и предложить.

Если способъ сей не можетъ быть одобренъ, то нижайше прошу предать все сіе огню и забвенію, дабы не прослыть мнѣ глупымъ затѣйщикомъ или чтобъ кто нибудь не могъ изъ сихъ начертаній сдѣлать какого злоупотребленія.

Протоіерей Лятушевичъ.

1812 г.

Сообщ. Н. Ш.

ДѢЛО А. Ѳ. ЛАБЗИНА

въ 1822 г.

Печальная исторія извѣстнаго Александра Ѳедоровича Лабзина, осмѣлившагося предложить въ почетные любители академіи художествъ государева кучера Илью, наравнѣ съ первыми сановниками имперіи, графами: Гурьевымъ, Аракчеевымъ и Кочубеемъ, передана въ статьяхъ, появившихся объ этомъ эпизодѣ въ «Русскомъ Архивѣ» (1866 г.) и въ «Русской Старинѣ» (1872 г., т. V), не съ должною историческою точностію [1]).

Укажемъ, напр., на грубую ошибку, встрѣчающуюся въ разсказѣ М. А. Дмитріева [2]) будто бы графъ Милорадовичъ сказалъ Лабзину, что государю угодно, чтобы онъ ѣхалъ къ Гурьеву и извинился. «Дѣло это оставалось безъ послѣдствій три дня, пока государь былъ въ Петербургѣ, но по отъѣздѣ его въ чужіе края [3]) вслѣдъ за нимъ послано было донесеніе о Лабзинѣ». Между тѣмъ, изъ помѣщаемой ниже подлинной переписки, производившейся по этому дѣлу, оказывается, что засѣданіе академіи художествъ, послужившее поводомъ къ неумѣстному заявленію А. Ѳ. Лабзина, состоялось 13-го сентября, а императоръ Александръ 26-го августа (7-го сентября) уже находился въ Вѣнѣ [4]).

Также не выдерживаютъ исторической критики разсказы о томъ, что президентъ академіи, Алексѣй Николаевичъ Олениннъ, хотѣлъ избавиться отъ Лабзина какъ отъ безпокойнаго человѣка [5]). На дѣлѣ же выходитъ противное и Олениннъ подвергся, даже послѣ выходки Лабзина, высочайшему стро-

---

[1]) Упрекъ этотъ не относится къ «Русской Старинѣ», ибо на ея страницахъ уже была возстановлена, по отношенію къ дѣлу Лабзина,—историческая точность, см. «Русск. Стар.» 1875 г., томъ XIV, стр. 291—296, сообщеніе Н. И. Стояновскаго—нѣсколько документовъ по предмету ссылки Лабзина.

[2]) «Воспоминанія о Лабзинѣ». «Русскій Архивъ» 1866 г., стр. 837.

[3]) На Веронскій конгрессъ.

[4]) Въ Верону государь прибылъ 4 (16) октября 1822 г.

[5]) «Русская Старина»: «Записки А. Л. Витберга» (1872 г., т. V): «президентъ Олениннъ, мимо министра просвѣщенія, донесъ чрезъ Аракчеева до государя сіе, давно искавши случая избавиться Лабзина, который былъ слишкомъ уменъ и твердъ».

жайшему выговору за то, что не умѣлъ въ семъ случаѣ исполнить должнаго и оставилъ столь дерзкій поступокъ безъ донесенія начальству.

Н. Ш.

I.

Тайный совѣтникъ Оленинъ—графу М. А. Милорадовичу [1]).

Мыза Пріютино, 21 сентября 1822 г.

М. г. графъ Михаилъ Андреевичъ. Я цѣлыми сутками замедлилъ отвѣтомъ на почтенное письмо в. с., которое вы ко мнѣ и у меня въ домѣ изволили писать въ званіи с.-петербургскаго военнаго господина генералъ-губернатора. Причина медленности моего отвѣта состоитъ единственно въ томъ, что вчерашній день назначенъ былъ женою моею къ помолвкѣ на дачѣ ея, Пріютино, старшей дочери нашей, что вчера съ благословеніемъ Божіимъ исполнилось. Теперь, отдохнувъ отъ сей и радостной, и тяжкой для родителей церемоніи, я поспѣшаю донести вамъ письменно, милостивый государь, по требованію вашему, то, что в. с. изустно уже отъ меня слышали.

Дошедшіе до васъ слухи о словахъ, произнесенныхъ г. вице-президентомъ императорской академіи художествъ, дѣйств. ст. сов. А. Ѳ. Лабзинымъ, въ совѣтѣ сей академіи, бывшемъ вечеромъ въ среду 13-го числа сего сентября мѣсяца, о которомъ в. с. меня спрашивали въ прошлый понедѣльникъ въ русскомъ театрѣ, а потомъ сами изволили пожаловать ко мнѣ во вторникъ (19-го сентября) и въ подробности мнѣ объясняли вами слышанное по сему предмету — справедливы къ моему несчастью! Дѣло происходило точно такъ, какъ оно в. с. пересказано было неизвѣстнымъ мнѣ лицомъ, котораго имя вы не разсудили мнѣ сообщить. Итакъ, справедливо то, что когда я объявилъ совѣту о надлежащемъ выборѣ трехъ почетныхъ любителей, на каковыя мѣста въ привиллегіи, сей академіи данной, предписано помѣщать изъ знатнѣйшихъ особъ, и когда я выборъ сей предоставилъ общему согласію гг. членовъ академическаго совѣта, отказавшись самъ отъ сего выбора, то г. вице-президентъ Лабзинъ, не соглашаясь долго на утвержденіе предназначенныхъ совѣтомъ трехъ новыхъ особъ, а именно: графа Гурьева, графа Аракчеева, и особенно упорствуя въ выборѣ графа Кочубея, заключилъ свой споръ тѣмъ,

---

[1]) Письмо это было уже напечатано въ «Русской Старинѣ», но здѣсь печатается вновь по связи его съ слѣдующими далѣе неизданными документами, «Р. С.» 1875 г., т. XIV, стр. 293. Ред.

что если совѣтъ полагаетъ выбрать сихъ трехъ новыхъ членовъ по той причинѣ, что они имѣютъ доступъ къ высочайшей особѣ, то онъ (г. Лабзинъ) съ своей стороны предлагаетъ въ почетные любители такъ же близкую государю императору особу, а именно: государева кучера Илью.

Вотъ что в. с. извѣстно было помимо меня, и такъ какъ слышанное вами были совершенно справедливо и говорено г. Лабзинымъ громко, въ присутствіи болѣе 20 гг. художниковъ, то я по совѣсти принужденнымъ нашелся подтвердить вамъ, по требованію вашему, истину вамъ сказаннаго, прибавя къ тому только, что какъ сіи слова были произнесены г. Лабзинымъ въ присутственной комнатѣ при собраніи вышеупомянутыхъ гг. чиновниковъ или художниковъ, моимъ, такъ сказать, товарищамъ по службѣ въ академіи, то я, избѣгая непріятныхъ съ нимъ объясненій и уважая тяжкую его болѣзнь, разсудилъ этому дѣлу дать оборотъ не столь серіозный, сказавъ г. Лабзину, что я не премину извѣстить новоизбранныхъ гг. членовъ въ почетные любители о чести, которую имъ сдѣлалъ Александръ Ѳедоровичъ, предложеніемъ къ совмѣстному съ ними выбору—кучера Ильи. Сей неожиданный отвѣтъ мой произвелъ въ собраніи невольный общій смѣхъ, который привелъ г. Лабзина въ нѣкоторое негодованіе, ибо онъ съ сердцемъ отвѣчалъ мнѣ: «извольте имъ это сказывать, я ихъ не боюсь». Но, къ счастію, симъ послѣднимъ порывомъ непріятное сіе волненіе (явленіе?) кончилось.

Объяснивъ вамъ, м. г., подробно, по требованію вашему, какъ г. военному генералъ-губернатору, какъ это дѣло было, затѣмъ имѣю честь быть съ отличнымъ почитаніемъ и таковою же преданностію в. с. покорнѣйшій слуга Алексѣй Оленинъ.

II.

Записка графа Милорадовича (С.-Петербургскаго военнаго ген.-губ.).

22-го сентября 1822 г.

Дошло до моего свѣдѣнія, что когда происходили въ академіи художествъ выборы въ почетные любители и когда предназначены были въ сіе званіе графъ Аракчеевъ, графъ Кочубей и графъ Гурьевъ, то вице-президентъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Лабзинъ, отозвался, что «этихъ людей онъ не знаетъ и о достоинствахъ ихъ не слыхалъ». Когда же ему объясняли собравшіеся члены, что они на основаніи положенія выбираютъ сихъ лицъ, какъ знатнѣйшихъ, и что сіи лица

близки къ особѣ государя императора, то вице-президентъ Лабзинъ отозвался, «что ежели тѣ особы выбираются потому, что они близки къ особѣ государя императора, то онъ знаетъ одного человѣка, который гораздо ближе», и назвалъ кучера Илію. Такъ какъ сей поступокъ былъ въ публичномъ собраніи, въ присутствіи президента, то я и обратился къ нему, дабы узнать истину сего происшествія. Тайный совѣтникъ Оленинъ просилъ меня отнестись къ нему о семъ письменно. Я сіе сдѣлалъ. Между тѣмъ, когда я разсказывалъ ему все слышанное мною, то и онъ разсказалъ мнѣ слѣдующія происшествія: когда во исполненіе всевысочайшей воли объ уничтоженіи масонскихъ ложъ онъ, какъ президентъ академіи, собралъ всѣхъ членовъ для дачи извѣстныхъ подписокъ, то вице-президентъ Лабзинъ пріѣхалъ въ собраніе при окончаніи уже чтенія всевысочайшаго указа. Президентъ хотѣлъ повторить сіе чтеніе, но Лабзинъ отозвался: «сей указъ мнѣ уже извѣстенъ и вотъ моя подписка». Потомъ сказалъ: «что тутъ хорошаго? Сегодня запретили ложи, а завтра принудятъ въ оныя ходить. Ложи вреда не дѣлали, а тайныя общества и безъ ложъ есть, вотъ у Кошелева тайные съѣзды. И князь Голицынъ туда ѣздитъ. Чертъ ихъ знаетъ, что они тамъ дѣлаютъ». Когда же тайный совѣтникъ Оленинъ собралъ членовъ академіи для совѣщанія о выборѣ почетныхъ любителей и когда предназначены (были) къ сему графъ Аракчеевъ и графъ Гурьевъ, то Лабзинъ отозвался, что онъ этихъ людей не знаетъ и достоинства ихъ ему неизвѣстны, а когда назначали и графа Кочубея, то Лабзинъ отозвался: «Кочубей и двухъ копѣекъ не стоитъ. Сей человѣкъ падутый и ничего не значущій». Когда же собраны были всѣ члены академіи для назначеннаго выбора и предложены были къ избранію тѣ же лица, то Лабзинъ оспаривалъ, хотя ему объясняли, что сіи люди, какъ знатнѣйшіе чиновники, имѣя отличныя достоинства и бывъ близки къ особѣ государя императора, имѣютъ все право быть выбранными. По окончаніи выборовъ Лабзинъ объявилъ, что какъ всѣ члены выбрали вышеозначенныхъ лицъ потому, что они близки къ государю императору, то и онъ, Лабзинъ, какъ вице-президентъ, съ своей стороны предлагаетъ кучера Илію, который гораздо ближе къ особѣ государя императора, нежели выбранныя лица. Послѣ сего получилъ я письменный отзывъ тайнаго совѣтника Оленина, при семъ прилагаемый, въ которомъ однако же онъ упоминаетъ только объ одномъ послѣднемъ происшествіи.

III.

Князю Ал. Ник. Голицыну.

Изъ Вероны, 20 октября 1822 г.

Усмотрѣвъ изъ донесенія с.-петербургскаго военнаго генералъ-губернатора и отношенія къ нему президента академіи художествъ Оленина наглый поступокъ, учиненный въ полномъ собраніи вице-президентомъ оной, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Лабзинымъ, и какъ подобная дерзость терпима быть не можетъ, то я повелѣлъ указомъ, сего числа правительствующему сенату даннымъ, отставить его вовсе отъ службы, а с.-петербургскому военному генералъ-губернатору—выслать его изъ столицы въ деревню, съ запрещеніемъ выѣзда изъ оной безъ особеннаго моего на то повелѣнія.

Равнымъ образомъ, съ крайнимъ удивленіемъ замѣтилъ я изъ самаго отзыва президента академіи художествъ, тайнаго совѣтника Оленина, шуточное возраженіе, имъ сдѣланное Лабзину, въ опроверженіе его дерзости,—тогда какъ слѣдовало, властію, ему присвоенною, укротить неприличное поведеніе Лабзина.

Вслѣдствіе чего повелѣваю вамъ, призвавъ г. президента академіи художествъ, сдѣлать ему строжайшій выговоръ какъ за таковой отвѣтъ, такъ и за то, что не умѣлъ въ семъ случаѣ исполнить должнаго и оставилъ столь дерзкій поступокъ безъ донесенія начальству [1]).

IV.

Кн. П. М. Волконскій—графу Милорадовичу.

Изъ Вероны, 20 октября 1822 г.

Государь императоръ, прочитавъ записку вашего сіятельства и отношеніе къ вамъ отъ президента академіи художествъ, тайнаго совѣтника Оленина, о нагломъ поступкѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Лабзина, вашему сіятельству повелѣваетъ: г. Лабзина призвать къ себѣ и объявить ему, что столь наглое поведеніе терпимо быть не

---

[1]) Черновая бумага писана рукою князя Волконскаго, съ собственноручными поправками императора Александра; бѣловой отпускъ этого документа напечатанъ въ «Русской Старинѣ» изд. 1875 г., т. XIV, стр. 294—295.

можетъ; вслѣдствіе чего указомъ, сенату сего числа даннымъ, отставленъ отъ службы, а вамъ поручаетъ не медля выслать его изъ С.-Петербурга въ его деревню, буде имѣетъ, о чемъ взять напередъ справку; если же не имѣетъ никакого нигдѣ помѣстья, то, по сношенію вашему съ управляющимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, избрать одинъ изъ уѣздныхъ городовъ отдаленной губерніи для жительства его и отослать туда подъ особенный надзоръ, съ запрещеніемъ выѣзжать изъ онаго, безъ особаго на то высочайшаго разрѣшенія.

V.

Всеподданнѣйшій рапортъ кн. А. Н. Голицына.

С.-Петербургъ, 10 ноября 1822 г.

Его императорскому величеству отъ министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія рапортъ.

Высочайшій вашего императорскаго величества рескриптъ, отъ 20 октября сего года изъ города Вероны, касательно отставки дѣйствительнаго статскаго совѣтника Лабзина и о прочемъ, удостоясь получить 6 числа сего ноября ввечеру, на другой же день 7 числа не преминулъ я учинить должное по оному съ моей стороны исполненіе, для чего, призвавъ къ себѣ президента императорской академіи художествъ, тайнаго совѣтника Оленина, сдѣлалъ ему строжайшій выговоръ, на точномъ основаніи вышеупомянутаго рескрипта. Олениннъ принялъ учиненное ему объявленіе съ тою покорною чувствительностію, съ каковою всякій вѣрноподданный видитъ и пріемлетъ гнѣвъ своего государя. Послѣ того прислалъ онъ ко мнѣ письмо, объясняющее его чувства, которое у сего въ подлинникѣ долгомъ считаю представить в. величеству.

О таковомъ исполненіи высокомонаршаго вашего повелѣнія имѣю счастіе вашему императорскому величеству всеподданнѣйше донести. Князь Александръ Голицынъ.

Помѣта. Рукою кн. Волконскаго написано: «получ. 25 ноября 1822 г.».

VI.

Тайн. сов. Оленинъ—князю А. Н. Голицыну.

С.-Петербургъ, 7 ноября 1822 г.

М. г. князь Александръ Николаевичъ. Пріѣхавъ сейчасъ домой, я насилу могъ образумиться! И такъ, не удивляйтесь, милостивый государь, если я остался у васъ безмолвнымъ, по выслушаніи высочайшаго рескрипта о г. Лабзинѣ и о моемъ упущеніи по строгости службы. Гнѣвъ государя императора праведенъ, ибо государь справедливъ! Мнѣ, конечно, слѣдовало, прервавъ неумѣстную рѣчь г. Лабзина, вмѣсто обращенія оной въ шутку, записать его слова въ журналъ и донести вашему сіятельству; но я не рѣшился этого сдѣлать—истинно изъ единаго состраданія къ ближнему. Я подумалъ: «Лабзинъ наказанъ Богомъ тяжкою падучею болѣзнію! У него нѣтъ пристанища—безъ службы! и я составлю несчастье того человѣка, который меня почитаетъ своимъ врагомъ! Нѣтъ, лучше и этотъ крестъ я понесу на себѣ и не осрамлю академіи художествъ оглашеніемъ наглости, оказанной ея вице-президентомъ». Вотъ причины моего упущенія. Дерзкаго же слова г. Лабзина никто бы остановить не могъ, ибо оно имъ было вымолвлено совсѣмъ неожиданно! Я всеусерднѣйше прошу ваше сіятельство повергнуть повинную мою голову къ стопамъ справедливаго, но и милосердаго нашего государя. Тяжко быть подъ прещеніемъ царя послѣ почти сорокалѣтней безпорочной службы! Неужель государь до конца будетъ на меня гнѣваться? Ввѣряя несчастную мою участь милостивому вашему ходатайству, имѣю честь быть съ отличнымъ почитаніемъ и совершенною преданностію и проч. Алексѣй Оленинъ.

VII.

Графъ Милорадовичъ—князю П. М. Волконскому.

С.-Петербургъ, 10 ноября 1822 г.

М. г. князь Петръ Михайловичъ. Дѣйствительному статскому совѣтнику Лабзину объявилъ я, что вслѣдствіе наглаго поведенія его, которое терпимо быть не можетъ, онъ указомъ, сенату даннымъ, отставленъ отъ службы и долженъ выѣхать изъ С.-Петербурга. А такъ какъ у него нигдѣ никакого помѣстья нѣтъ, то г. управляющій ми-

нистерствомъ внутреннихъ дѣлъ назначилъ мѣстопребываніе ему Симбирской губерніи уѣздный городъ Сенгилей. А какъ съ нимъ ѣдетъ жена его и необходимо нужно исправить экипажъ, то по сей остановкѣ я еще отсрочилъ на два дни высылку его.

Честь имѣю быть и проч. М. Милорадовичъ.

Помѣта. Рукою кн. Волконскаго написано: «Получ. 25 ноября 1822 г.».

Сообщ. Н. Ш.

Записка Александра I г.-ад. барону Дибичу.

8-го ноября 1824 г.

«Для поданія дѣятельныхъ пособій потерпѣвшимъ отъ наводненія 7-го ноября, и по случаю истребленія мостовъ и затрудненія сообщенія между частями города, подъ начальство спбургскаго военнаго ген.-губернатора гр. Милорадовича назначаются временными военными губернаторами: на Васильевскій островъ ген.-ад. Бенкендорфъ, на Петербургскую сторону—ген.-ад. Комаровскій, на Выборгскую—ген.-ад. Депрерадовичъ».

ЦЕСАРЕВИЧЪ КОНСТАНТИНЪ ПАВЛОВИЧЪ

въ 1825 г.

Письма его къ П. В. Голенищеву-Кутузову.

1-го апрѣля 1825 г. С.-Петербургъ.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1825 года директору московскаго кадетскаго корпуса, г.-м. Ушакову 3-му, инспекторъ классовъ корпуса, полковникъ Кобылецкій, наговорилъ въ совѣтѣ грубостей. Ушаковъ донесъ о томъ главному директору кадетскихъ корпусовъ, ген.-ад. Голенищеву-Кутузову, и, зная его къ себѣ нерасположеніе, въ то же время написалъ письмо къ начальнику главнаго штаба цесаревича Константина Павловича [1]), г.-л.

---

[1]) Цесаревичъ былъ въ то время главнымъ начальникомъ кадетскихъ корпусовъ.

Курутѣ, приложивъ къ письму копію съ рапорта своего Кутузову. По докладу Куруты цесаревичъ предписалъ Кутузову арестовать Кобылецкаго на 8 дней, тогда какъ Кутузовъ, найдя, съ своей стороны, донесеніе Ушакова невразумительнымъ, не только не довелъ о происшествіи до свѣдѣнія цесаревича, но сдѣлалъ Ушакову замѣчаніе въ весьма жестко написанномъ предписаніи; по полученіи же предписанія цесаревича объ арестованіи Кобылецкаго, Кутузовъ написалъ его высочеству слѣдующее:

«Ваше и. высочество, милостивѣйшій государь цесаревичъ!

«Съ отправленною сегодня эстафетою, при рапортѣ моемъ за № 747, я имѣлъ счастіе представить в. и. высочеству копію съ рапорта ко мнѣ генералъ-маіора Ушакова 3-го и таковую же съ моего къ нему предписанія, касательно происшествія, случившагося въ совѣтѣ корпуса; но изъ отношенія ко мнѣ начальника главнаго штаба вашего высочества съ сокрушеннымъ сердцемъ вижу, что предписаніе мое несогласно съ послѣдовавшею волею вашего императорскаго высочества.

«Перечитывая нѣсколько разъ рапортъ генералъ-маіора Ушакова 3-го и мое къ нему предписаніе, я со всею покорностію долгомъ поставляю доложить вашему высочеству, что и послѣ сего ни въ чемъ не признаю себя виновнымъ, но совершенно остаюсь убѣжденъ, что я дѣйствовалъ по всей справедливости; напротивъ того, нахожу, что генералъ-маіоръ Ушаковъ, отступая неоднократно отъ моихъ предписаній и сносясь безъ моего вѣдѣнія съ разными лицами, что не безъизвѣстно и вашему императорскому высочеству, наконецъ, простеръ дерзость свою даже до того, что осмѣлился о дѣлахъ по службѣ, мимо меня, утруждать ваше высочество, чѣмъ совершенно нарушилъ военную субординацію.

«Болѣе 30 лѣтъ, въ офицерскомъ чинѣ, нахожусь я въ службѣ его императорскаго величества, всегда и вездѣ (смѣло могу сказать) служилъ съ честію, и за долговременную безпорочную службу мою удостоился званія генералъ-адъютанта и генералъ-лейтенанта,—вмѣстѣ съ симъ дослужилъ и до унпчиженія отъ подчиненнаго. Не знаю, могу ли я быть терпимъ послѣ сего въ службѣ его императорскаго величества? но служить съ генералъ-маіоромъ Ушаковымъ не могу; почему осмѣливаюсь просить милостиваго вашего предстательства объ увольненіи меня отъ званія главнаго директора корпусовъ. Желалъ было и надѣялся покончить остатки дней моихъ подъ лестнымъ начальствомъ вашего императорскаго высочества, но сколь ни убійственно для меня лишиться сего счастія, а съ симъ вмѣстѣ, можетъ быть, лишусь и милостей вашихъ, но сохраню честь, которая для меня всего на свѣтѣ дороже. Въ заключеніе всего, какъ отецъ, по-

вергая себя къ стопамъ вашего императорскаго высочества, со слезами умоляю не лишить милостей сына моего».

Цесаревичъ отвѣчалъ Кутузову 10 апрѣля слѣдующимъ рескриптомъ:

«Павелъ Васильевичъ!

«Я получилъ письмо вашего превосходительства отъ 1-го сего апрѣля и на оное поспѣшаю вамъ отвѣтствовать, что директоръ московскаго кадетскаго корпуса, генералъ-маіоръ Ушаковъ, довелъ до свѣдѣнія начальника главнаго штаба моего, генералъ-лейтенанта Куруты, происшествіе, случившееся между нимъ и полковникомъ Кобылецкимъ, для доклада мнѣ, какъ о необыкновенномъ случаѣ, о каковыхъ дѣлаются прямо главному начальнику донесенія, на кое ему и далъ мое, чрезъ ваше превосходительство, разрѣшеніе. Но давши оное, я никакъ себѣ не воображалъ и не имѣлъ намѣренія, какъ вы въ письмѣ своемъ изъяснили, сдѣлать вамъ малѣйшую какую чрезъ то непріятность, совершенно не думая, чтобы вы приняли сіе съ такимъ огорченіемъ. Послѣ таковаго со стороны моей объясненія надѣюсь, что сіе будетъ достаточнымъ для васъ убѣжденіемъ, что я не имѣлъ никакого намѣренія сдѣлать вамъ непріятность, какъ вы въ письмѣ своемъ изъяснили, и потому надѣюсь, что сіе тѣмъ и кончится. Причемъ, съ моей стороны не могъ я также умолчать предъ вами, Павелъ Васильевичъ, что для меня весьма прискорбно и даже обидно было видѣть, что вы, объяснивъ о долговременной вашей службѣ, оканчиваете тѣмъ, что ежели по сему дѣлу я буду имѣть на васъ неудовольствіе, то просите не лишать моего расположенія сына вашего. Мнѣ уже самому отъ роду 46 лѣтъ, и я также служу 30, но увѣренъ, что никто не можетъ сказать, что если случилось у меня съ кѣмъ неудовольствіе, чтобы я мстилъ на родственникахъ, что совершенно есть для меня чуждо и противно моимъ мыслямъ. Что же касается до генералъ-маіора Ушакова, то ежели ваше превосходительство имъ такъ недовольны, то совершенно отъ васъ зависитъ сдѣлать о немъ ко мнѣ надлежащее представленіе.

«Изъ уваженія моего къ вамъ я посылаю сіе письмо по нарочной эстафетѣ, которое будетъ вамъ новымъ доводомъ, какъ я еще съ молоду привыкъ васъ уважать, и буду ожидать на оное вашего увѣдомленія,—прося васъ, затѣмъ, принять повтореніе увѣренія всегдашняго моего къ вамъ особеннаго расположенія и уваженія. Константинъ цесаревичъ».

Получивъ этотъ рескриптъ, Кутузовъ написалъ его высочеству слѣдующее:

22 апрѣля 1825 г. С.-Петербургъ.

«Ваше императорское высочество, всемилостивѣйшій государь цесаревичъ!

«Сколь много былъ я огорченъ поступкомъ генералъ-маіора Ушакова, столь тронутъ, утѣшенъ и успокоенъ милостію и снисхожденіемъ, изъявленными въ рескриптѣ вашего императорскаго высочества!

«Я всегда зналъ доброе ваше сердце, государь цесаревичъ! простите, ежели въ письмѣ моемъ, писанномъ въ горькія минуты, иное заслужило справедливое осужденіе ваше; не отнесите къ сердцу того, въ чемъ виновно одно разстроенное воображеніе. Всѣмъ извѣстно, что даже тѣ, которые заслуживали справедливый гнѣвъ вашъ, испытали не месть, но милость вашего императорскаго высочества. Еще повторяю, простите отцу, для котораго и призракъ несчастія, угрожающій сыну, могъ показаться существенностію.

«Пользуясь милостивымъ позволеніемъ в. и. в., я испросилъ, чрезъ г. начальника главнаго штаба его императорскаго величества, соизволенія государя императора на отъѣздъ въ Варшаву, но прибытіи куда буду имѣть счастіе изустно повторить относительно генералъ-маіора Ушакова то, о чемъ неоднократно вынужденъ былъ доносить.

«Примите, государь цесаревичъ, изъявленіе всѣхъ чувствій преданности и благодарности, коими сердце мое преисполнено» и проч. «Павелъ Голенищевъ-Кутузовъ».

На это цесаревичъ Константинъ Павловичъ отвѣчалъ отъ 1 мая 1825 г.

«Павелъ Васильевичъ.

«Имѣвъ удовольствіе получить письмо ко мнѣ вашего превосходительства минувшаго апрѣля отъ 22 числа и видя изъ онаго, что вы сдѣлали мнѣ новое по службѣ удовольствіе, я обращаюсь къ вамъ съ тѣмъ же повтореніемъ, что привыкши васъ уважать еще съ молодости, и еще съ камеръ-пажескаго званія, я всегда былъ увѣренъ во взаимномъ вашемъ ко мнѣ усердіи и никогда въ ономъ не сомнѣвался; содержаніе же сего письма ко мнѣ вашего снова удостовѣряетъ меня въ таковомъ моемъ мнѣніи и я повторяю то-же самое мое къ вамъ всегдашнее уваженіе, прошу ваше превосходительство принять въ томъ увѣреніе, равно какъ и въ особенномъ моемъ къ вамъ расположеніи. Константинъ цесаревичъ.

Сообщ. Н. Мельницкій.

Прошеніе Петра Амабля Кентара

(Pierre Amable Quintard) почтмейстера королевской почты въ Шель Нижне-Рейнскаго департамента въ Ельзасѣ.

I.

27 февраля 1824 г.

[Переводъ съ французскаго]. Е. и в. великому Александру, императору всея Россіи.

В. и. в., соблаговолите, великій государь, простить смѣлый поступокъ француза, внушенный ему по истиннѣ божескимъ откровеніемъ.

18-го марта 1816 г., въ день особенно замѣчательный для меня въ этомъ случаѣ, такъ какъ въ это число празднуется память св. Александра, патрона в. и. в., я, Петръ Амабль Кентаръ, бывшій въ то время почтмейстеромъ въ Руа, что въ Пикардіи, гуляя по дорогѣ, идущей въ Парижъ, въ полуверстѣ отъ города, нашелъ на дорогѣ небольшую очень простенькую коробку изъ картона, безъ всякой надписи, означавшей бы имя ея владѣльца, а въ ней русскій орденскій знакъ св. Анны 3-й степени, потерянный, вѣроятно, кѣмъ нибудь изъ вашихъ храбрыхъ воиновъ, проходившихъ по этой дорогѣ. Я поднялъ съ уваженіемъ этотъ почетный знакъ отличія и свято хранилъ его, какъ вещь, которую я высоко цѣню.

Удивительное совпаденіе обстоятельствъ, что этотъ высоко чтимый орденскій знакъ попалъ въ мои руки, именно, въ день тезоименитства в. в., не разъ внушало мнѣ съ тѣхъ поръ мысль осмѣлиться обратиться къ великому Александру съ всепокорнѣйшею просьбою даровать мнѣ разрѣшеніе носить на груди этотъ крестъ, попавшій въ мои руки по неисповѣдимому промыслу Божьему, какъ будто указывавшему мнѣ, что в. и. в. не откажете мнѣ въ этой особенной милости.

Если Господомъ суждено мнѣ это великое счастіе, то я клянусь в. и. в. именемъ Господа съ честью носить этотъ крестъ рядомъ съ орденомъ, пожалованнымъ мнѣ возлюбленнымъ монархомъ нашимъ королемъ Людовикомъ XVIII, отцомъ и благодѣтелемъ своихъ подданныхъ.

Такъ какъ настоящее письмо будетъ получено въ драгоцѣнный для меня день 18 марта 1824 г., то я пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы вознести къ Господу Богу самыя искреннія молитвы мои и

прошу его ниспослать его на августѣйшую особу вашу всякія блага и сохранить на многія лѣта драгоцѣнную жизнь в. в. на благо его народа.

Да здравствуетъ во вѣки великій Александръ! Таковы будутъ мои пожеланія до послѣднихъ дней моей жизни.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ честь имѣю быть в. и. в. всенижайшій и всепокорнѣйшій слуга Кентаръ.

II.

По приказанію императора Александра честолюбивому почтмейстеру отправленъ былъ нижеслѣдующій отвѣтъ.

Е. и. в. повелѣлъ мнѣ отвѣтить вамъ на ваше прошеніе отъ 27 февраля.

Въ прошеніе это вкрались ошибки, которыя необходимо исправить.

Во первыхъ, тезоименитство е. и. в., не смотря на утвержденіе грегоріянскаго календаря, приходится не 16 марта, а 30 августа ст. ст.

Во вторыхъ, случайность, вслѣдствіе которой въ ваши руки попалъ крестъ св. Анны, отнюдь не даетъ вамъ права носить его, такъ какъ подобные знаки отличія даются здѣсь лишь въ награду за услуги, оказанныя государству.

По всему этому, милостивый государь, вы поймете безъ труда, что императору невозможно удовлетворить вашу просьбу.

Всеподданнѣйшее письмо г.-м. Головина

о религіозныхъ его мнѣніяхъ и о возложеніи на него какого-либо порученія, при исполненіи коего онъ могъ бы имѣть случай заслужить монаршее вниманіе [1]).

2 мая 1826 г.

В. и. в. всемилостивѣйшій государь.

Пользуясь высокомонаршимъ вашимъ позволеніемъ, дерзаю я письменно дополнить то, чего, при дарованіи мнѣ аудіенціи, частію не успѣлъ, а частію и не могъ изъяснить на словахъ, по природной застѣнчивости. Милостивое ко мнѣ вниманіе в. и. в. трогаетъ меня до глубины сердца, исполненнаго признательности за всѣ прежнія ваши ко мнѣ благодѣянія, такъ что я готовъ бы, цѣною всего собственнаго моего счастія, купить благоденствіе ваше и всего царскаго дома вашего, призывая свидѣтелемъ Бога, что въ строкахъ сихъ нѣтъ ни лести, ни лукавства.

Имѣвъ счастіе говорить откровенно передъ лицемъ вашимъ, государь, о живомъ познаніи Бога, чрезъ слово пророческое, о которомъ такъ много и ясно свидѣтельствуется въ св. писаніи, я радуюсь, что, исполнивъ долгъ мой, предоставляю Богу утвердить и возвысить дѣло свое, котораго міръ ни понять, ни уважить не можетъ, потому что оно есть камень преткновенія для разума человѣческаго. Кому болѣе васъ, государь, извѣстно, какъ мало я искалъ выставлять на видъ обрѣтенное мною сокровище и сколь мало я выгралъ въ общемъ мнѣніи, какъ скоро знакомство мое и связь, на единомъ дружелюбіи и простотѣ христіанской основанныя, сдѣлались извѣстными. Въ семъ послѣднемъ отношеніи хотя я и успокоенъ монаршимъ вашимъ покровительствомъ, но меня не перестаетъ еще тревожить мысль, что между различными на мой счетъ заключеніями можетъ имѣть мѣсто и такое мнѣніе, что чрезъ новое знакомство мое, примѣпясь единственно къ богомолью и заботамъ о спасеніи души, я убѣгаю отъ сношенія съ людьми и отъ должностныхъ занятій. Итакъ, да по-

---

[1]) Печатаемое здѣсь письмо принадлежитъ тому самому г.-м. Головину (Евгенію Александровичу), который въ 1837 г. назначенъ былъ командиромъ отдѣльнаго кавказскаго корпуса и главноуправляющимъ гражданскою частью и пограничными дѣлами въ Грузіи, Армянской и Кавказской областяхъ, позже удостоился получить званіе ген.-адъютанта и дослужился до чина генерала отъ инфантеріи. Ред.

зволено мнѣ будетъ передъ вами, государь, вопреки таковаго мнѣнія, сказать, что съ тѣхъ поръ, какъ я утверждаюсь въ вѣрѣ во Христа Спасителя, чрезъ вдохновенное слово, чрезъ него же укрѣпляюсь въ вѣрномъ служеніи царю земному и направляюсь къ усерднѣйшему и безкорыстнѣйшему исполненію монхъ обязанностей, въ томъ званіи, въ которомъ я поставленъ, ибо сіе же самое слово судитъ всѣ мои помышленія и обличаетъ духомъ сокровенныя чувства моего сердца. Окажите мнѣ милость, государь, и дайте мнѣ случай показать на самомъ дѣлѣ чистосердечную преданность мою къ вамъ, возложеніемъ на меня какого-нибудь порученія, которымъ бы я могъ заслужить монаршее вниманіе в. и. в. Это одно мое желаніе, съ которымъ я испрашивалъ новой аудіенціи.

Что же касается до дѣла, коего я въ нынѣшнія времена всеобщаго невѣрія и ложныхъ умствованій, сподобляя быть свидѣтелемъ передъ высокою особою вашею, то есть, что духъ Божій говоритъ устами человѣческими, то Господь, поборникъ истины и самихъ васъ, государь, призывающій къ себѣ могущественною рукою Своею, Самъ оправдаетъ его. Могъ ли бы я и осмѣлился бы передъ верховною властію, у которой жизнь моя, такъ сказать, остается въ залогѣ, легкомысленно утверждать то, въ чемъ я точно не убѣжденъ. Но что Богъ избираетъ нерѣдко на дѣло Свое орудія, въ глазахъ человѣческихъ самыя ничтожныя, то сіе составляетъ одинъ изъ коренныхъ догматовъ ученія христіанскаго, и есть ли кто увѣруетъ сему искренно, тотъ не есть еще ни фанатикъ, ни обольститель.

Простите, государь, откровенности и смѣлости моей: у меня, послѣ Бога, одна надежда на великодушіе ваше, предъ которымъ повергаю себя и судьбу мою.

Всемилостивѣйшій государь и пр. Евгеній Головинъ.

Списокъ 93-хъ лицъ, обратившихъ на себя вниманіе высшей полиціи

въ 1827 году [1]).

Списокъ 93-хъ лицъ отставныхъ чиновниковъ, обратившихъ на себя вниманіе высшей полиціи по предосудительному поведенію [2]).

(Представленъ, при запискѣ д. с. с. фонъ-Фока 29-го августа 1827 г. гр. Дибичу).

1) Г.-м. Г... бергъ, путей сообщенія. Поведенія распутнаго, шатается по публичнымъ мѣстамъ и вретъ много.

2) Г.-м. Ланской, племянникъ министра, либеральничаетъ.

3) Г.-м. Великопольскій—старшина игроковъ.

«Можно бъ было подъ добрымъ предлогомъ выслать».

4) Полк. К..... овъ—аферистъ, у котораго собираются распутные люди. Бывшій любовникъ г-жи Потемкиной.

5) Подполковникъ Эрнациусъ. Поведенія не трезваго, ходитъ по домамъ просить подаяніе.

6) Поручикъ Спрингъ. Дурнаго поведенія, нищаетъ по домамъ. *«Обоихъ выслать можно на жительство на мѣста родины съ запрещеніемъ выѣзда, но давъ содержаніе»*.

7) Поручикъ Голубковъ, человѣкъ распутный.

8) Полк. Кашинцовъ, аферистъ.

9) Поручикъ кн. О—скій, пьяный и отчаянный, имѣетъ связь съ многими военными.

«Гдѣ служилъ?»

10) Маіоръ Степановъ, картежникъ и пьяница.

11) } Два брата Мартыновы

12) } (Савва и Соломонъ) картежники.

---

[1]) Въ „Русскомъ Архивѣ“ помѣщены весьма характерные и далеко не всегда добрые отзывы гр. А. А. Закревскаго, какъ генералъ-губернатора московскаго, о различныхъ обывателяхъ сего города. Помѣщаемъ крайне лаконическія отмѣтки представителя высшей полиціи въ 1827 генер. Бенкендорфа и его помощника фонъ-Фока о различныхъ лицахъ петербургскаго общества Этотъ списокъ свидѣтельствуетъ о томъ, что тревога, произведенная на правительство императора Николая событіями 14-го декаб. 1825 г., имѣла полное свое дѣйствіе еще въ 1827 году, отсюда и тѣ крутыя мѣры, которыми производилась „очистка общества“ отъ подозрительныхъ лицъ.

[2]) Напечатанные курсивомъ резолюціи, помѣты и вопросы принадлежатъ императору Николаю Павловичу.

13) Маіоръ Л . . гъ, ежедневно пьянъ и разъѣзжаетъ съ публичными дѣвками.

14) Подпоручикъ К***, распутный враль; на содержаніи у актрисы Зубовой; очень дуренъ.

«*Выслать на жительство на родину безъ выѣзда*».

15) Лейтенантъ Б—нъ, самый распутный буянъ и имѣетъ связь съ фельдъегерями.

«*Тоже*».

16) Шт. кап. Криницынъ былъ 14-го декабря на площади въ чужой шинели.

«*Гдѣ служилъ? Не изъ л.-гв. Уланскаго полка?*»

17) Маіоръ Фелькерзамъ. Покровитель распутной молодежи.

18) Бр. Фромгольдъ тоже.

19) Прапорщикъ Вульфъ развратнаго поведенія.

20) Маіоръ Упишевскій выдавался за нашего агента. Женился на купчихѣ Кулаевой, нынѣ утихъ.

21) Кол. регистраторъ А—вичъ мотъ и обманщикъ.

22) Кол. асс. Гореглядъ стряпчій—плутъ.

23) Кол. секр. Добровольскій тоже.

24) и 25) Два брата Яцкевичи тоже.

26) Яцыка тоже.

27) Сорокинъ тоже.

28) Губ. секр. Васильевъ тоже.

29) Тит. сов. С—въ составляетъ ложные документы.

«*Поймать на дѣлѣ, если возможно*».

30) Кол. ассесоръ Севрюковъ стряпчій-плутъ.

31) Губ. секр. Семеновъ тоже.

32) Прапорщикъ Лебедевъ тоже.

33) Васильевъ тоже.

34) Степановскій тоже.

35) Ваценко тоже, притомъ пьяница.

36) Кол. асс. А..еньевъ тонкій плутъ.

37) Называющійся польскимъ полковникомъ Дорошкевичъ, опубликованный плутъ, былъ уже высланъ раза два.

«*Выслать на мѣсто жительства*».

38) Капитанъ Соколовскій стряпчій-плутъ.

39) Махницкій тоже.

40) Поручикъ Рязанинъ тоже.

41) Канинъ тоже.

42) Поручикъ Аренсъ стряпчій плутъ.

43) Грязновъ тоже, притомъ распутенъ.

44) Поручикъ Миклашевскій, бывшій адъютантомъ г-ла Сакена, либералъ.

45) Полк. Мильгуновъ, большой и дерзкій либералъ.

«Гдѣ служилъ»?

46) Маіоръ Окуневъ игрокъ раз.

47) Отставной частный приставъ Львовъ покровитель распутства

48) Полк. Колошинъ, либералъ.

«Который?»

49) Капитанъ Кардачи распутный.

50) Отст. офицеръ Васильевскій тоже.

51) Тит. сов. Томилинъ тоже.

52) Колл. секр. Владиміровъ тоже.

53) Кап. П—нъ тоже.

54) Тит. сов. Пл—въ ходатай-плутъ.

55) Колл. асс. См—въ игрокъ.

56) Отст. офицеръ Шв—цъ распутенъ.

57) Подп. Давыдовъ, либералъ.

«Гдѣ служилъ?»

58) Братья С—вы, дурные игроки, любятъ врать.

«Одинъ вышлется за буйство».

59) Отст. офицеръ О..нинъ—копія Никиты Муравьева.

«Выслать на мѣсто родины».

60) Братъ его, служащій въ корпусѣ Путей Сообщенія, дуракъ, вретъ то, что слышитъ отъ брата.

61) Отст. офицеръ Очкинъ дуракъ, вретъ.

62) Илличевскій болтунъ.

63) Маіоръ Абсентовъ пьяный буянъ.

64) Шт. кап. Ш*** женатъ на публичной дѣвкѣ, пристанодержатель воровъ.

«Если правда—поймать на дѣлѣ».

65) Шт.-кап. Шишмаревъ распутенъ.

66) Прапорщикъ Ташутинъ тоже.

67) Поручикъ Кутугинъ тоже.

68) Полковникъ Дудинъ поведенія сомнительнаго.

69) Полковникъ Сатинъ тоже.

70) Маіоръ Бремеръ тоже.

71) Поручикъ Диринъ тоже.

72) Шт.-кап. Пастуховъ тоже.

73) Поручикъ Евстафѣевъ тоже.

74) — Палицынъ дурнаго поведенія.

75) — Палабинъ тоже.

76) — Рѣзановъ тоже.

77) Прапорщикъ Шафировъ тоже.

78) Капитанъ Соколовскій тоже.

79) — Костинъ тоже.

80) — Алексѣевъ тоже.

81) — Савельевъ тоже.

82) Отст. офицеръ Я.. овичъ плутъ перваго разбора.

83) Подполковникъ Н. . ловъ аферистъ, ростовщикъ, игрокъ, мошенникъ, опасный человѣкъ для общества.

«*Гдѣ служилъ?*»

84) Маіоръ Болотниковъ игрокъ.

85) — Вашутинъ тоже.

86) Полк. Храповицкій аферистъ.

«*Гдѣ служилъ?*»

87) Колл. асс. П.. жевскій мошенникъ первой руки.

88) Подпоручикъ Бедаревъ распутенъ, проводитъ время съ цыганами.

89) Подполковникъ Ост — скій картежникъ, имѣетъ связь съ армянами.

90) Полковникъ Бутеневъ въ связи съ конными офицерами, пьетъ

91) Подполковникъ Сакеръ пьетъ и играетъ.

92) Кап.-лейт. Л—въ } дерзкіе

93) » » С—въ } буяны.

Дополнительныя свѣдѣнія.

1) Г. М. В—скій, состоитъ по арміи и числится презусомъ въ ордонансъ-гаузѣ. Онъ извѣстный игрокъ, у котораго бываютъ большіе съѣзды игроковъ и не одинъ молодой человѣкъ лишился у него своего имѣнія. Онъ также извѣстенъ по дурному обращенію съ своими людьми.

2) Подполковникъ Н—въ. Около 14 лѣтъ въ отставкѣ. Онъ служилъ нѣкогда въ Казанскомъ кирасирскомъ полку, послѣ того въ ревельской таможнѣ и, наконецъ, смотрителемъ госпиталей въ Петербургѣ. Нѣтъ порока, которому бы сей человѣкъ не былъ подверженъ, и не существуетъ обмана, не произведеннаго имъ въ дѣйствіе. Онъ злой ростовщикъ и мошенническій игрокъ. Онъ заманиваетъ къ себѣ молодыхъ людей и для лучшаго обольщенія приглашаетъ также дѣвушекъ. Весьма незадолго попалось въ руки высшей полиціи письмо молодой женщины, жалующейся на своего мужа, 12-го класса, Иванова, который проводитъ время у Неелова и занимается, по наставленіямъ сего послѣдняго, приготовленіемъ фальшивыхъ картъ.

3) Шт.-к. Крницынъ служилъ л.-гв. въ Уланскомъ, жилъ 3 ч. 4 кв., имѣетъ связь со многими гвардейскими офицерами.

«Тотъ ли, котораго я арестовалъ на Сенатской площади 14-го декабря»?

4) Отст. полк. Х..повицкій служилъ л. гв. въ Измайл. п., занимается перекупомъ векселей и другими денежными оборотами.

«Тотъ ли, что вышелъ въ полковн. въ Финляндскій полкъ изъ капитановъ Измайловскаго?»

5) Пор. кн. Об—ій служилъ въ Павловскомъ полку, весьма распутнаго поведенія, имѣетъ большую связь съ кавалеристами и измайловскими офицерами.

«Вовсе не знаю».

6) Отст. поруч. или прапорщикъ К.....ыгинъ служилъ юнкеромъ въ Егерскомъ полку; ведетъ жизнь самую распутную и имѣетъ связь съ непотребными женщинами. Знакомъ съ многими офицерами, кои къ нему собираются для игры.

«Былъ Карадыкинъ, котораго вскользь помню».

7) Полк. или подполк. Мильгуновъ, который обращаетъ на себя вниманіе высшей полиціи крайне свободными своими рѣчами, есть тотъ, который служилъ л.-гв. въ Драгунскомъ полку и былъ адъютантомъ у генерала Кайцевича. Онъ до такой степени говорилъ дерзко, что его считали агентомъ полиціи.

8) Подп. или полк. Давыдовъ, замѣченный по связямъ съ извѣстными буянами: Ганнибаломъ и Мордвиновымъ, служилъ въ 7 Егерскомъ полку.

«Тотъ ли, что былъ въ Италіи и знакомъ Мих. Павл.?»

9) Замѣченный на спискахъ высшей полиціи, по связямъ съ государств. преступниками, Колошинъ называется Петръ Ивановичъ, служилъ въ свитѣ и, какъ увѣряютъ, вступилъ опять въ ту же службу.

«Правда ли?»

10) Кол. секр. С—въ служилъ въ иностранномъ отдѣленіи, въ 1823 г. содержался въ тюрьмѣ за выдачу фальшиваго паспорта; былъ отреченъ отъ должности и находился подъ судомъ уголовной палаты Человѣкъ не трезвый и отчаянный.

«Конченъ ли судъ?»

11) Оленинъ отставной свитскій офицеръ, извѣстный либералъ и fondeur, есть сынъ тайнаго совѣтника Оленина и проживалъ въ домѣ отца.

«Слѣдовать за нимъ какъ можно ближе».

12) Отставной поручикъ Щ—ъ ведетъ жизнь распутную; теперь въ связи съ состоящимъ по арміи подп. Гладковымъ. Проживаетъ въ домѣ матери. Объ уличеніи его въ пристанодержательствѣ безпаспортныхъ будутъ взяты мѣры.

«Гдѣ служилъ, т. е. въ которомъ полку?»

Печатное объявленіе, находившееся нѣкогда въ бывшемъ адмиралтейскомъ музеумѣ въ С.-Петербургѣ

(въ 1829).

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ собиралъ, какъ извѣстно, коллекцію разныхъ любопытныхъ бумагъ [1]). Императоры Александръ и Николай никогда не упускали случая сдѣлать удовольствіе цесаревичу присылкою подобнаго рода рѣдкостей, поэтому нижеслѣдующая „надпись директора музиума“ была препровождена въ Варшаву, по высочайшему повелѣнію, 2-го октября 1829 г. (г.-а. княземъ Меншиковымъ).

Надпись директора музиума.

Предсказано Почтенной публики позволяется стѣмъ ходить редкія вещи смотрѣтъ чтобы рукамъ нѣекшатся до вещей во первыхъ до мелницъ некасатся или домаделей нѣекшатся или Физическихъ инструментовъ или оружей дикихъ народовъ, вотъ подченѣйшія благопріятели отъ чего вышло разъ случившіяся нѣизвесной Господинъ взявшіи замоделъ руками во первыхъ у фрегата наносу устатуйчика руку атламали во вторыхъ усудна опорвавши ковуши вотъ отъ чего стало пребережность.

---

[1]) См. «Русскую Старину» 1881 г.

Столкновеніе отставнаго камергера Раевскаго съ княземъ М. С. Воронцовымъ

1828 г.

I.

[Переводъ съ французскаго]. Скандальная исторія, случившаяся недавно въ Одессѣ, служитъ предметомъ всѣхъ городскихъ толковъ. Отставной камергеръ Раевскій, встрѣтившись съ графиней Воронцовой во время одной изъ ея загородныхъ прогулокъ, сталъ, какъ говорятъ, преслѣдовать ее своими любезностями. Супругъ ея, графъ Воронцовъ, счелъ долгомъ пожаловаться на это письменно, какъ частный человѣкъ, полиціймейстеру ввѣреннаго ему города, угрожая въ то же время прибѣгнуть къ высшей власти, если онъ не будетъ удовлетворенъ. Полиціймейстеръ, отправившись къ Раевскому лично, получилъ слѣдующія строки въ отвѣтъ на просьбу графа Воронцова.

II.

Г. одесскому полиціймейстеру отъ отст. камергера Раевскаго.

Вчерашняго числа вечеромъ вы изволили пріѣхать, чтобъ прочитать мнѣ просьбу, вамъ поданную графомъ Воронцовымъ, въ которой, какъ частный человѣкъ, онъ требуетъ отъ васъ защиты за мнимыя мои дерзости противъ почтеннѣйшей его супруги; въ случаѣ продолженія оныхъ е. с. угрожаетъ мнѣ прибѣгнуть къ высшей власти.

На сіе имѣю честь вамъ отвѣчать, что я ничего дерзкаго не могъ сказать ея сіятельству, и я не понимаю, что могло дать поводъ такой небылицѣ.

Мнѣ весьма прискорбно, что графъ Воронцовъ вмѣшиваетъ полицію въ семейственныя свои дѣла, и чрезъ то даетъ имъ столь непріятную гласность. Я покажу болѣе умѣренности и чувства приличія, не распространяясь далѣе о таковомъ предметѣ. Что жъ касается до донесеній холопій его сіятельства, то оныя совершенно ложны.

III.

Всеподданнѣйшее письмо ген. отъ кав. Раевскаго [1]).

Кіевской губерніи. 12-го іюля 1828 года.

В. и. в. всемилостивѣйшій государь, графъ Воронцовъ извѣщаетъ меня письмомъ, что сынъ мой, по высочайшему вашему повелѣнію, высланъ изъ Одессы въ Полтаву, за разговоры его противъ правительства и военныхъ дѣйствій, оправдываясь предъ мною, что онъ сему не причиною.

Тридцать слишкомъ лѣтъ я знаю графа Воронцова.

Несчастная страсть моего сына къ графинѣ Воронцовой вовлекла его въ поступки неблагоразумные и онъ непростительно виноватъ предъ графинею.

Графу Воронцову нужно было удалить моего сына, по всей справедливости, что могъ онъ сдѣлать образомъ благороднымъ; графиня Броницкая могла о семъ просить васъ для спокойствія семейнаго, но онъ не разсудилъ сего. Графъ Воронцовъ богатъ, военный генералъ-губернаторъ, можетъ деньгами и другими награжденіями найти кого донесть и присягнуть въ чемъ угодно графу Воронцову.

Всемилостивѣйшій государь, сынъ мой не въ состояніи говорить ни мыслить противъ правительства, накажите его за его неблагоразуміе, но не по клеветѣ, на него взнесенной; первое можетъ его ввести въ разсудокъ, а послѣднее погубить—если же я обманулъ васъ, я преступникъ, накажите меня по винѣ моей!

Имѣю счастіе быть и проч. Николай Раевской, генералъ отъ кавалеріи.

---

[1]) Знаменитый герой 1812 года—отецъ отставнаго камергера Раевскаго, по поводу столкновенія котораго съ кн. М. С. Воронцовымъ и было имъ (генераломъ Раевскимъ) написано это письмо. Ред.

КНЯЗЬ И. Ѳ. ПАСКЕВИЧЪ ВЪ ЦАРСТВѢ ПОЛЬСКОМЪ

въ 1846 г.

IV [1]).

Записка кн. Паскевича о польской смутѣ въ 1846 г.

Источникъ, откуда проистекаютъ всѣ безпокойства въ разныхъ частяхъ бывшей Польши, есть, безъ сомнѣнія, польская эмиграція въ Парижѣ и Лондонѣ.

Эмиграція по цѣли раздѣлялась на двѣ партіи: демократическую и аристократическую.

Первая, такъ называемая демократическая, болѣе дѣятельная, безпокойная и дерзкая, состоитъ изъ лицъ средняго состоянія, часто не безъ способностей: докторовъ, литераторовъ, чиновниковъ, фабричныхъ. Замѣчательнѣе другихъ есть Лелевель.

Партія сія не есть демократическая въ собственномъ смыслѣ. О массѣ народа, то есть о низшемъ классѣ, о поселянахъ она никогда не думала. Мыслію ея не была республика по образцу греческихъ или даже римской. Истинною ея цѣлію всегда есть и было уничтожить преимущества и власть высшаго класса, оставивъ аристократіи одно только названіе, и захватить всю власть въ управленіи въ свои руки, то есть въ руки средняго класса, къ которому принадлежатъ всѣ лица отъ банкира до ремесленника включительно, все, что заключается между дворянствомъ и землепашцами. Массы же народа она думала употребить только какъ средство къ достиженію своей цѣли. Но народъ чувствовалъ, что при этомъ новомъ порядкѣ участь его не

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1885 г., т. XLVIII, октябрь, стр. 213—220: письмо кн. И. Ѳ. Паскевича — къ кн. М. С. Воронцову, приложеніемъ къ которому и служитъ настоящая записка. Ред.

улучшилась бы; напротивъ, въ небольшомъ числѣ прямыхъ своихъ владѣтелей онъ часто видѣлъ покровителей, и повиновеніе къ нимъ, основанное на почтеніи, передано было ему дѣдами и обратилось въ привязанность. Нынѣ это небольшое число замѣнилось новыми, гораздо большими по числу, людьми, которые, будучи ближе къ нему по происхожденію, стали сильнѣе тяготѣть надъ ними. Народъ не находитъ въ нихъ прежнихъ покровителей; нѣтъ уже прежней связи, на благодѣяніяхъ съ одной стороны и на благодарности съ другой основанной. Вотъ почему народъ не будетъ принадлежать къ обществамъ, такъ называемымъ демократическимъ.

Другая партія аристократическая, болѣе значительная по именамъ и богатствамъ, но менѣе дѣятельная, старалась только воспользоваться тѣмъ, что̀ приготовитъ партія демократовъ. Главою ея по имени есть князь Адамъ Чарторыжскій. Но какъ человѣкъ безъ характера, безъ энергіи, онъ далъ только имя свое и деньги. Руководителемъ же былъ графъ Владиславъ Замойскій.

Эмиграція, наученная неуспѣхомъ всѣхъ заговоровъ, съ 1831 года всегда открываемыхъ и наказываемыхъ, — эмиграція, соединивъ обѣ партіи, придумала другія средства. Не прибѣгая къ обыкновеннымъ частнымъ заговорамъ, тайнымъ обществамъ и пр., — она старалась устроить и приготовить одинъ общій заговоръ между всѣми одинаково мыслящими поляками. Для сего каждый посвященный въ замыслы обязанъ былъ только разговаривать съ окружающими и сосѣдями. Предметомъ разговоровъ были, разумѣется, воспоминанія, сожалѣнія, желанія, наконецъ, надежды.

Надежды безумныя, конечно, но были постоянно питаемы покровительствомъ Франціи и Англіи и не газетами, не частными людьми, но правительствами, которыя, находясь въ дружественныхъ сношеніяхъ или, по крайней мѣрѣ, въ мирѣ съ Австріею, Пруссіею и Россіею,— въ теченіи 15 лѣтъ покровительствуя эмиграціи польской и деньгами, и явнымъ участіемъ въ палатахъ, поддерживали, такъ называемую, національность польскую и, безпрестанно растравляя сію политическую язву, старались только дѣйствовать во вредъ державъ монархическихъ и не дать изсякнуть источнику безпокойствъ и бунтовъ во всѣхъ частяхъ бывшей Польши.

Разрушительныя начала политики правительствъ Франціи и Англіи существуютъ давно; но до смерти прусскаго короля Фридриха Вильгельма III они не имѣли такого сильнаго вліянія. Къ несчастію, по смерти его, Пруссія, впустивъ къ себѣ эмигрантовъ польскихъ, дала имъ возможность ближе и сильнѣе дѣйствовать на Позенъ и Царство и возбудила въ нихъ надежды, что Пруссія отдѣлится отъ двухъ осталь-

ныхъ монархическихъ державъ и приблизится къ политикѣ французской и англійской.

Австрія, при нынѣшнемъ императорѣ эрцъ-герцогѣ Людовикѣ, не показала энергіи, дозволивъ безпрепятственно развитію духа провинціальнаго, и если порядокъ еще держится, то это благодаря силѣ еще прежней австрійской системы въ управленіи. Князь Метернихъ допускаетъ право пристанища (droit d'asile), но съ обязанностію надзора. Такимъ образомъ, преступники, законами на смерть осужденные, находятъ покровительство, пособіе, а надзоръ за ихъ поступками и происками внѣ государства есть только воображаемый.

Ободренная симъ послабленіемъ, эмиграція польская стала распространять свои дѣйствія.

Посвященные въ скрытныя намѣренія эмиграціи должны были каждый избрать пятерыхъ изъ тѣхъ, кто раздѣлялъ ихъ образъ мыслей, такъ, однако, чтобы сіи пятеро, не зная одинъ другаго, знали бы одного только ихъ принявшаго. Изъ сихъ пятерыхъ опять каждый на томъ же основаніи долженъ былъ набрать пятерыхъ и такъ далѣе.

Это названо было цѣпною системою. Выгоду сей системы они находили въ томъ, что, въ случаѣ открытія одного лица, можно по слѣдамъ его дойти выше до нѣсколькихъ только лицъ, а четыре пятыхъ всегда могли, по крайней мѣрѣ надолго, укрыться отъ розысканій. И дѣйствительно, сколько разъ ни были открываемы разные частные случаи, всегда мы были останавливаемы невѣдѣніемъ самихъ заговорщиковъ, которые, сознаваясь во всемъ, показывая образъ мыслей отца, братьевъ, къ заговору не принадлежавшихъ, не могли указать на другихъ, причастныхъ къ заговору, сами никого не зная кромѣ одного лица, въ замыслы мятежниковъ ихъ посвятившаго. Нить нашихъ розысканій прерывалась; а когда дѣлалось новое открытіе, то оказывалось, что оно имѣетъ связь съ прежними, связь часто неизвѣстную самимъ злоумышленникамъ. Такихъ примѣровъ можно насчитать нѣсколько.

На распространеніе цѣпи давалось время; требовалась только готовность дѣйствовать, когда придетъ срокъ. Между тѣмъ надежды поддерживались извѣстіями о присылкѣ оружія, участія, помощи. Обязывался при томъ каждый по мѣрѣ возможности и самъ запасать оружіе, аммуницію, порохъ, лошадей.

На посвященныхъ возлагалось также дѣйствовать на массы народа обѣщаніемъ избавленія ихъ отъ барщины, раздачи имъ земель и освобожденія отъ платежа прежнихъ податей и повинностей.

Но главною пружиною вліянія на простой народъ и въ особен-

ности женщинъ было католическое духовенство, которое прибѣгало для того къ мѣрамъ преступнымъ и тайнство исповѣди употребляло какъ средство, именемъ Бога побуждая народъ къ возстанію. Въ Галиціи и Позенѣ, какъ извѣстно, оно не только участвовало, но приготовляло и устраивало бунтъ; въ Краковѣ монастыри служили складочнымъ мѣстомъ оружія и запасовъ. Въ Царствѣ, съ достовѣрностію сказать можно, духовенство католическое не лучше; но оно дѣйствуетъ болѣе скрытно и не такъ смѣло. Но съ того времени особенно, когда въ Пруссіи были извѣстныя исторіи епископовъ, и мы встрѣчаемъ уже болѣе явное противодѣйствіе, какъ въ дѣлахъ о бракахъ съ иновѣрцами, такъ и въ самыхъ заговорахъ, чему доказательствомъ служатъ епископы Скурковскій и Гутковскій и ксендзъ Сцегени. Изъ прокламаціи князя Чарторыжскаго ясно видно, какую роль духовные играли въ приготовленіяхъ къ бунту. Князь Чарторыжскій убѣждалъ помогать имъ переходить изъ одного мѣста въ другое, слушать ихъ науку о свободѣ, принесенную ими изъ Рима, быть у нихъ въ послушаніи и отъ нихъ ожидать указанія, когда наступитъ время поднять оружіе.

И послѣ этого папа римскій старается прикрыться личиною соболѣзнованія и невѣдѣнія о поступкахъ духовенства. Забывъ благодарность, которою онъ обязанъ монархическимъ государствамъ, поддержавшимъ престолъ папскій въ то время, когда не только власть его, но и христіанство, и всѣ религіозныя чувства исчезали, папа личнымъ какимъ-то разсчетамъ жертвуетъ дѣломъ цѣлой религіи, думая управлять паствою не примѣромъ смиренія и покорности, истинно христіанскихъ добродѣтелей, но, стараясь съ Ламне и другими лжеучителями равенства, идти наравнѣ съ вѣкомъ. Опасаясь такъ называемаго общественнаго мнѣнія и увлеченный духомъ нетерпимости къ восточной православной церкви, которую онъ явно называетъ ересью, папа допускаетъ своихъ клевретовъ разсѣвать повсюду сѣмена ихъ преступнаго ученія и когда оно начинаетъ нынѣ приносить свои кровавые плоды, то ограничивается соболѣзнованіемъ и отзывается невѣдѣніемъ.

Въ приготовленіяхъ возмутителей прошло около двухъ лѣтъ. Сѣть заговора покрыла мало по малу все пространство бывшей Польши, которую заговорщики раздѣлили на 5 частей. Въ каждой части, въ каждомъ уѣздѣ и округѣ назначены были начальники и всѣмъ имъ дана была инструкція.

По сей инструкціи въ тотъ моментъ, когда бы наступило время дѣйствовать, всѣ единомыслящіе поляки должны были вооружиться и въ одну ночь, во всѣхъ пяти частяхъ Польши, вырѣзать отдѣльныя

военныя команды, главныя власти и, по слухамъ, всѣхъ не поляковъ и не католиковъ.

Совершивъ убійство, вооруженные должны были соединиться въ уѣздныхъ городахъ. Здѣсь встрѣтилъ бы ихъ начальникъ и раздѣлилъ на дѣйствующіе и резервные отряды. Первые изъ нихъ собрались бы въ назначенныхъ пунктахъ, сообразно составленной ими картѣ, а резервнымъ отрядамъ поручено было бы брать или блокировать крѣпости, дѣлая, впрочемъ, тамъ только попытки, гдѣ будутъ участники или единомышленники.

Таковы были намѣренія и средства эмиграціи и мятежниковъ.

Ихъ главныя надежды обращены были на Позенъ и на Краковъ. Они основывали ихъ на слабости правительства краковскаго и на множествѣ недовольныхъ вообще въ Пруссіи.

Къ счастію, въ Позенѣ случайно были сдѣланы нѣкоторыя открытія, которыя навели правительство на слѣды заговора.

Въ Краковѣ волненіе было такъ замѣтно, что резиденты трехъ державъ, не имѣя еще никакихъ положительныхъ свѣдѣній, по отзыву сената, что онъ не ручается за сохраненіе спокойствія, признали необходимымъ занять городъ небольшимъ австрійскимъ гарнизономъ.

Не смотря на то, бунтъ въ Краковѣ вспыхнулъ. Австрійскія войска выступили и мятежники старались учредить свое правленіе.

Вслѣдъ за тѣмъ они бросились въ Галицію; но здѣсь нашли противъ себя всѣхъ поселянъ.

Въ то же время они пробовали сдѣлать попытку и въ Царствѣ, напавъ на Седлце; но не имѣли никакого успѣха. Къ нимъ никто не присталъ и мужики связали бунтовщиковъ.

Причины сей неудачи были, кажется, слѣдующія:

Мятежники состояли изъ поляковъ: дворянъ, духовенства, мелкой шляхты, разночинцевъ и только малаго числа крестьянъ, увлеченныхъ страхомъ смерти или обѣщаніями и водкою; да и то малое число при первомъ случаѣ оставило бунтовщиковъ. Достаточно было увѣщанія австрійскаго окружнаго начальника въ одномъ маломъ городкѣ, чтобы всѣ крестьяне обратились противъ бунтовщиковъ и шляхты вообще, ибо, вѣроятно, мужики всегда находили у правительства защиту противъ обычныхъ утѣсненій помѣщиковъ. Ожесточеніе, съ которымъ поселяне рѣзали своихъ помѣщиковъ въ Галиціи, стараются представить слѣдствіемъ распространенія идей коммунизма; но кажется, что коммунизмъ служитъ въ этомъ случаѣ только ширмою, за которою хотѣли бы скрыться настоящіе виновники бунта, то есть шляхта польская. Въ волненіи крестьянъ не было идеи политической; въ немъ были только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ старинная ненависть рус-

скаго къ поляку и вездѣ сродная, къ несчастію, всему человѣчеству, завпсть бѣднаго къ богатому, мужика къ помѣщику, желаніе, которое увлечетъ вездѣ и едва ли не во всякое смутное время поселянина, желаніе владѣть землею и не платить податей.

Въ Позенѣ крестьяне польскіе очиншеванные, вопреки желанію помѣщиковъ, по распоряженію правительства, остаются поэтому равнодушными и не принимаютъ сторону бунтовщиковъ; на нѣмцевъ въ Пруссіи, по случаю волненія тамъ умовъ, поляки также, можетъ быть, надѣялись; но когда сдѣлались извѣстными намѣренія поляковъ—вырѣзать все, что не полякъ и не католикъ, когда при томъ открыты были покушенія ихъ отравить гарнизонъ въ г. Позенѣ и даже больныхъ въ госпиталяхъ, нѣмцы по необходимости отъ нихъ отдѣлятся. Раздѣленіе сіе рѣзко уже обозначается въ Австріи и, вѣроятно, проявится и въ Пруссіи, если опытъ чему либо научаетъ. Въ Позенѣ, однако, истинною причиною предупрежденія бунта было открытіе вовремя заговора и арестаціи нѣкоторыхъ виновныхъ.

Въ Царствѣ Польскомъ положеніе вещей другое. Здѣсь почти вездѣ одна кровь, вѣра и языкъ и у помѣщика, и у землепашца. Поэтому въ Царствѣ должно было ожидать, что поселяне будутъ противъ шляхты только въ пограничныхъ мѣстахъ Люблинской губерніи; но въ другихъ мѣстахъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, на опытѣ основанным, народъ останется равнодушнымъ.

Въ послѣднихъ событіяхъ въ Седлцѣ, въ Августовѣ, въ Радомской губерніи мужики сами, однако, ловили бунтовщиковъ и связанныхъ представляли начальству; но сего нельзя приписать ненависти мужика къ помѣщику, по различію племени, а, можетъ быть, мѣрамъ покровительства и попеченій, которыя поселяне видятъ постоянно въ теченіи 15 лѣтъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда отъ помѣщика они не ожидаютъ ничего кромѣ притѣсненія. Такъ, во время неурожая правительство разсрочиваетъ и слагаетъ имъ подати, даетъ работу, хлѣбъ, деньги и всегда прибѣжище въ обидахъ и нуждѣ.

Были еще другія причины, вслѣдствіе коихъ можно было ожидать въ Царствѣ болѣе серьезныхъ движеній злоумышленниковъ, именно: опасное сосѣдство Позена и Галиціи и важность Царства, и въ особенности Варшавы, во всѣхъ преднамѣреніяхъ мятежниковъ, ибо нѣтъ сомнѣнія, что Варшава будетъ всегда центромъ ихъ интригъ и усилій какъ по географическому положенію, такъ и по воспоминаніямъ историческимъ.

По симъ причинамъ хотя я и могъ надѣяться на удержаніе злоумышленниковъ безпрерывнымъ надзоромъ пятнадцати лѣтъ и на усмиреніе всякихъ покушеній силою оружія, но для сохраненія спо-

койствія въ краѣ призналъ я необходимымъ, по первому извѣстію о происшествіи въ Краковѣ и Седлцѣ, усилить мѣры обыкновенной осторожности, и вмѣстѣ съ тѣмъ послать отрядъ войскъ для занятія Кракова, если не прежде, то вмѣстѣ съ войсками двухъ другихъ покровительствующихъ державъ. Къ нему впослѣдствіи командированъ генералъ Ридигеръ, снабженный надлежащею на всѣ случаи инструкціею; другой же отрядъ войскъ собрать на галиційской границѣ и предложить эрцъ-герцогу Фердинанду вступленіе сего отряда въ Галиціи въ его распоряженіе.

Исполненіе сихъ распоряженій произведено удовлетворительно: войска двигались быстро; гражданскіе мѣстные чиновники вели себя хорошо, виновные въ седлецкомъ бунтѣ, взятые съ оружіемъ въ рукахъ, по высочайше дарованной мнѣ власти, наказаны смертію; другіе сосланы въ Сибирь и одинъ подвергнутъ тѣлесному наказанію.

Крестьяне, показавшіе преданность и представившіе бунтовщиковъ, награждены деньгами, медалями, избавленіемъ отъ рекрутской повинности. Другіе же, сосѣдніе съ Краковомъ и Галиціею, увлеченные примѣромъ и побуждаемые галиційскими поселянами, начали было буйствовать и отказываться исправлять работы; но мѣрами скораго, безотлагательнаго наказанія зачинщиковъ и внушеніями настоящаго ихъ долга повиновенія и преданности законной власти они усмирены и возвратились къ мирному исполненію своихъ обязанностей.

Такимъ образомъ явные и тайные злоумышленники были обузданы и спокойствіе въ Царствѣ, послѣ седлецкой попытки, было сохранено. Смѣю ручаться, что оно нарушено нынѣ не будетъ; но удерживаетъ Польшу только неусыпный надзоръ и страхъ наказанія, ибо нѣтъ сомнѣнія, что заговоръ распространенъ былъ по всѣмъ частямъ, нѣкогда Польшу составлявшимъ; въ Краковѣ ожидаемы были депутаты изъ пяти частей, на которыя мятежники раздѣляли бывшую Польшу; на картѣ, ими составленной, черты доведены до Днѣпра; мѣста были розданы, начальники назначены; вездѣ и въ Позенѣ, и въ Галиціи затѣяло заговоръ дворянство польское, связанное родствомъ и съ нашими польскими помѣщиками въ Царствѣ и Имперіи. Одинакіе замыслы, одинакія мѣры существовали и приняты были вездѣ, равно какъ и въ нашихъ западныхъ губерніяхъ, Литвѣ, Волыніи и Подоліи; но только остаются еще не открытыми.

1846 г. Кн. И. Ѳ. Паскевичъ.

Сообщ. Ад. П. Берже.

ПО ПОВОДУ МЕѲОДІЕВСКАГО СБОРНИКА.

Послѣ своей замѣтки о «Кирилло-Меѳодіевскомъ тысячелѣтіи» («Рус. Стар.» 1885 г., май) пришлось мнѣ познакомиться съ цѣлою новою литературою изслѣдованій, замѣтокъ и юбилейныхъ рѣчей, вызванныхъ симъ тысячелѣтіемъ и посвященныхъ памяти славянскихъ первоучителей. Литература эта возникла преимущественно въ разсадникахъ нашего высшаго просвѣщенія; причемъ нѣкоторые университеты заявили себя богатствомъ своихъ научныхъ силъ на данномъ поприщѣ. Прискорбно было только то, что наша московская alma mater, наоборотъ, въ семъ случаѣ подтвердила не мною однимъ замѣченный въ ней упадокъ исторической науки за послѣднее время. Исключеніе составляютъ нѣкоторые немногіе труды, собственно по русской исторіи и по исторіи русскаго права. По всеобщей же исторіи здѣсь встрѣчаемъ только кое-какія тощія по своему содержанію брошюры и журнальныя статьи [1]). А по части славянской исторіи ровно ничего не встрѣчаемъ. Такая скудость особенно бросалась досель въ глаза рядомъ съ блистательной обстановкой историческихъ каѳедръ въ петербургскомъ университетѣ и съ ихъ обильными плодами (напр. цѣлая группа славистовъ и византистовъ). Петербургскому немногимъ чѣмъ уступаетъ въ этомъ отношеніи кіевскій. Въ данномъ же случаѣ, т. е. въ ученыхъ поминкахъ Кирилло-Меѳодіевскаго тысячелѣтія,

---

[1]) Въ родѣ «Послѣдній Варягъ» (Карлъ XII). Причемъ уже самое заглавіе есть историческая невѣрность: Варягами назывались наемники, состоявшіе въ иноземной службѣ; а Карлъ XII никогда таковымъ не былъ. Или разсужденіе на тему: удержится ли республика во Франціи; съ отвѣтомъ не особенно остроумнымъ (бабушка молъ на-двое сказала, съ одной стороны да, съ другой нѣтъ). Или «Ученіе о нравственности и соціальная утопія Мабли»—статья, отличающаяся такимъ изложеніемъ, которое способно убить у читателей всякій интересъ къ предмету. Д. И.

пальму первенства стяжалъ одинъ изъ нашихъ провинціальныхъ университетовъ, именно варшавскій, гдѣ по счастливому стеченію обстоятельствъ, оказалось въ настоящее время нѣсколько прекрасныхъ славистовъ. Изданный ими «Мееодіевскій юбилейный сборникъ» (подъ редакціей проф. Будиловича) представляетъ рядъ любопытныхъ изслѣдованій и статей, принадлежащихъ: Н. А. Лавровскому, А. С. Будиловичу, О. О. Первольфу, П. А. Кулаковскому, К. Я. Гроту и Ѳ. Ѳ. Зигелю.

Во главѣ сборника помѣщается разсужденіе достоуважаемаго ректора варшавскаго университета, Н. А. Лавровскаго: «Кириллъ и Меѳодій и начало христіанства въ Россіи». Эта небольшая по объему статья отличается ясностью историческаго представленія и строго логическою связью ея частей. Чтобы объяснить замѣчательное развитіе христіанскаго просвѣщенія и славянской письменности у Болгаръ временъ царя Симеона, а также на Руси временъ Ярослава I и митрополита Иларіона, авторъ не прибѣгаетъ къ тѣмъ натяжкамъ, которыми пробавляются въ подобныхъ вопросахъ норманисты и туранисты, а прямо указываетъ на естественное и единственно возможное основаніе, т. е. на продолжительную историческую подготовку обоихъ этихъ народовъ, всегда бывшихъ коренными Славянами и искони черпавшихъ начала гражданственности и христіанства изъ сосѣднихъ греческихъ источниковъ. Очевидно, почтенный авторъ менѣе всего заботится о томъ, что скажутъ на это петербургско-нѣмецкіе академики, и болѣе всего дорожитъ историческою правдою. Мы не будемъ разсматривать все содержаніе даннаго сборника, а сосредоточимъ свое вниманіе только на слѣдующей, наиболѣе капитальной, монографіи его, принадлежащей профессору Будиловичу и озаглавленной: «Нѣсколько мыслей о грекославянскомъ характерѣ дѣятельности свв. Кирилла и Меѳодія». Разсмотримъ эту монографію именно съ той стороны, которая была предметомъ нашихъ собственныхъ изысканій, т. е. со стороны вопроса о народностяхъ, такъ какъ, по нашему убѣжденію, безъ предварительной правильной установки этого вопроса и другія важныя стороны дѣятельности Кирилло-Меѳодіевской никогда не получатъ надлежащаго освѣщенія.

Во первыхъ, авторъ настаиваетъ на какой-то греко-славянской народности Кирилла и Меѳодія, которые будто бы «по происхожденію не были ни Греками, ни Славянами въ тѣсномъ смыслѣ» (стр. 3). По нашему крайнему разумѣнію они вышли изъ греческой семьи; это положеніе вытекаетъ изъ совокупности всѣхъ извѣстій. Если въ населеніе Солуни IX вѣка входилъ значительный элементъ славянскій, то естественно было тамъ знакомство съ этимъ языкомъ и въ греческихъ

семьяхъ. Извѣстныя слова Михаила «селуняне вси чисто словеньски бесѣдуютъ» можно понимать именно въ этомъ смыслѣ. А иначе Михаилъ III сказалъ бы братьямъ: «вы сами Славяне». Самое умолчаніе паннонскихъ житій о народности братьевъ можно понимать въ томъ же смыслѣ; если бы они не были чисто греческаго происхожденія, то едвали славянскіе авторы житій упустили бы случай указать на участіе славянской стихіи. Сомнительно, чтобъ къ VIII—IX вѣку въ Византійской имперіи уже произошло такое сліяніе Славянъ съ Греками, что можно прямо предположить въ высшей солунской администраціи господство греко-славянскаго этнологическаго типа и безъ дальнихъ околичностей отнести къ нему семью друнгарія Льва. Отдѣльные, хотя-бы и не рѣдкіе случаи, гдѣ Славяне дослуживались до высшихъ должностей, еще недостаточны для того, чтобы давать такое широкое распространеніе означенному типу въ высшихъ сферахъ имперіи уже въ то время. И люди другихъ народностей, напримѣръ Армяне, тоже часто являются византійскими сановниками и даже достигаютъ императорскаго престола. Затѣмъ, авторъ сильно преувеличиваетъ значеніе славянскаго элемента въ населеніи Опсикійской темы, расположенной вокругъ Малоазійскаго Олимпа. Мы согласны съ тѣмъ, что Олимпъ, въ монастыряхъ котораго нѣкоторое время пребывали братья, былъ Малоазійскій, а не Ѳессалійскій; но предполагать, что они тамъ были окружены «славянами-иноками, славянами-пастухами и славянскими селами» и такимъ образомъ не только не забыли, но еще болѣе усовершенствовались въ славянскомъ языкѣ и тѣснѣе пріобщились славянской народности—это несомнѣнная натяжка (8—16). Самая же главная натяжка заключается въ такомъ сопоставленіи отчасти фактовъ, а болѣе предположеній и вѣроятностей, изъ котораго вытекаетъ заключеніе, будто братья за-долго до своей моравско-паннонской миссіи уже готовились къ ней усердно и систематически, почти сознательно; чего въ дѣйствительности, конечно, не было. Мало того, первыя миссіи Константина, арабская и хазарская, по данной монографіи, какъ бы имѣли своею главною цѣлью также славянскіе народы. Хотя относительно второй, т. е. хазарской, и можно это сказать отчасти; но вообще не слѣдуетъ преувеличивать славянскій ея характеръ и отклоняться отъ исторической точности, которая въ наукѣ должна быть прежде всего.

Г. Будиловичъ, какъ и многіе ученые въ послѣднее время, не сомнѣвается въ извѣстіи паннонскаго житія о томъ, что во время путешествія въ Хазарію Константинъ Философъ въ Корсуни нашелъ евангеліе и псалтырь, написанныя русскими письменами, и обрѣлъ Русина, у котораго выучился этимъ письменамъ и самой рѣчи. Онъ откро-

венно и рѣшительно отрицаетъ «старую гипотезу о тождествѣ Руси съ Варягами», и въ данномъ извѣстіи видитъ убѣдительное свидѣтельство объ «очень раннемъ существованіи сильнаго русско-славянскаго государства между Днѣпромъ и Кубанью». Мало того, онъ думаетъ, что помянутый «переводъ евангелія и псалтыря былъ русско-славянскій» (27—29). Слѣдовательно, по отношенію къ исконному туземству и славянству Руси онъ, пожалуй, идетъ далѣе меня и тутъ же полемизуетъ съ моимъ мнѣніемъ, по которому это былъ переводъ собственно болгарскій; «ибо—говоритъ онъ—составитель житія назвалъ бы его болгарскимъ, а не русскимъ». Итакъ, съ этимъ положеніемъ связано наше наиболѣе крупное разногласіе. На немъ мы и остановимся.

Дѣло въ томъ, что почтенный профессоръ, отказываясь отъ норманской теоріи по вопросу о происхожденіи Руси, остается туранистомъ по вопросу о Гуннахъ и Болгарахъ. А эта туранская теорія замѣтно спутываетъ нѣкоторыя его историческія представленія и заставляетъ прибѣгать къ разнымъ натяжкамъ. Мои соображенія о тѣсной связи начальнаго русскаго христіанства съ раннимъ гунно-болгарскимъ, происходившей въ Крыму, основаны на рядѣ историческихъ фактовъ, т. е. на достовѣрныхъ историческихъ свидѣтельствахъ. Напомню эти факты и вытекающія изъ нихъ положенія.

1. Прокопій, византійскій писатель VI столѣтія, въ своемъ сочиненіи о Готской войнѣ говоритъ, что восточная часть Тавриды была занята варварами, преимущественно Гуннами (lib. IV, cap. 18). Въ другомъ мѣстѣ (о Персидской войнѣ) онъ опять упоминаетъ о Гуннахъ, обитавшихъ между Херсономъ и Боспоромъ (lib. I, cap. 12).

2. По извѣстію Ѳеофана и Анастасія, писателей VIII и IX вв., въ 528 году крестился въ Константинополѣ Гордасъ, князь Гунновъ, сосѣднихъ съ Боспоромъ, но по возвращеніи былъ убитъ возмутившимся народомъ. Спустя девяносто лѣтъ, по извѣстію патріарха Никифора, какой-то гуннскій князь изъ тѣхъ же странъ крестился въ Константинополѣ съ своими родственниками, боярами и ихъ женами. На сей разъ о возмущеніи противъ него нѣтъ рѣчи; слѣдовательно христіанство водворилось между Гуннами.

3. Сличеніе извѣстій о Гуннахъ Прокопія и Агаѳія съ извѣстіями Ѳеофана, Никифора и Анастасія убѣждаетъ въ томъ, что Таврическо-Таманскіе Гунны были вѣтви болгарской.

4. Свидѣтельство паннонскаго житія св. Кирилла о Фульскомъ народцѣ уже крещенномъ, но сохранявшемъ языческіе обряды, изъ сопоставленія всѣхъ обстоятельствъ лучше всего можетъ быть отнесено,

если не къ Таврическимъ Готамъ, то именно къ Таврическимъ Болгарамъ.

5. Извѣстія X вѣка, именно Константинъ Б. и Игоревъ договоръ, Таврическо-Таманскихъ Болгаръ называютъ Черными.

6. Извѣстія византійскихъ писателей о первомъ морскомъ походѣ Руси на Константинополь, въ 865 г., указываютъ на водвореніе ея около того времени на берегахъ Киммерійскаго Боспора, откуда она стала тѣснить Хазаръ, освобождая отъ ихъ владычества Черныхъ Болгаръ.

7. Свидѣтельство патріарха Фотія въ его окружномъ посланіи 866 года о крещеніи Руссовъ несомнѣнно относится къ Руси Азовско-Черноморской или Таврическо-Таманской, т. е. утвердившейся въ странѣ Черныхъ Болгаръ и подвергшихся вмѣстѣ съ ними вліянію сосѣдняго Корсуня. Съ одной стороны, въ уставѣ императора Льва Философа (886—911 гг.) упоминается русская церковь рядомъ съ аланскою, а съ другой, въ Олеговомъ договорѣ 911 года еще не упоминается о крещеніи Руси Кіевской.

8. Извѣстіе Льва Діакона о морскомъ походѣ Игоря на Константинополь прямо указываетъ на то, что эти военные походы предпринимались Руссами изъ Боспора Киммерійскаго. А Игоревъ договоръ съ Греками подтверждаетъ существованіе русскихъ владѣній на берегахъ этого Боспора и зависимость сосѣднихъ Черныхъ Болгаръ отъ русскихъ князей. Изъ того же договора видно, что христіанство уже утвердилось и въ Кіевской Руси (слѣдовательно послѣ Таврической).

9. Владиміръ Кіевскій крестился именно въ Корсунѣ, въ сосѣдствѣ своихъ таврическихъ или руссо-болгарскихъ владѣній. Онъ же за одно съ Греками окончательно уничтожилъ остатки хазарскаго владычества въ Тавридѣ.

10. Богослуженіе и переводъ св. писанія крещеная Русь получила не на собственномъ нарѣчіи, а на такъ наз. церковно-славянскомъ, т. е. древне-болгарскомъ. Никакихъ собственно русскихъ раннихъ переводовъ мы не имѣемъ.

Оставляемъ въ сторонѣ другія свидѣтельства (напр. Амастрійской и Сурожской легенды, Таврическаго анонима и пр.) и разныя сопоставленія, которыми подтверждаются означенные факты. (Интересующихся отсылаемъ къ моимъ Розысканіямъ о началѣ Руси). На данныхъ основаніяхъ полагаю, что я имѣлъ достаточно права связать начало русскаго христіанства съ христіанствомъ и переводами св. Писанія у Болгаръ, и при томъ не Дунайскихъ, а Таврическихъ. Извѣстія о крещеніи сихъ послѣднихъ относятся къ VI и VII вв., а пер-

выя свидѣтельства о крещеніи Руси имѣемъ не ранѣе IX вѣка, и притомъ эти свидѣтельства относятся къ Руси не Кіевской, а также Азовско-Черноморской. Если Болгаре начали креститься гораздо ранѣе Руси, то естественно, что у нихъ ранѣе и появились начатки переводовъ и что Русь, когда дошла до нея очередь, воспользовалась этими переводами. Если-бы у нея уже были собственные переводы, то съ какой стати ей потомъ брать чужіе? И во всякомъ случаѣ собственные переводы не безъ борьбы уступили бы свое мѣсто чужимъ; а никакихъ намековъ на подобную борьбу мы не имѣемъ. Если потомъ въ переводахъ встрѣчаемъ русизмы, также какъ сербизмы и словенизмы, то это уже слѣдствіе воздѣйствія народнаго языка; основа же все таки оставалась церковно-славянская, т. е. болгарская. Вотъ почему русскія евангеліе и псалтирь, найденныя Константиномъ въ Корсуни, мы отнесли къ начаткамъ переводовъ собственно болгарскихъ. Почему же авторъ житія назвалъ ихъ не болгарскими, а русскими, опять таки мы указывали на то, что Русь въ IX вѣкѣ полагаетъ начало особому русскому княженію (Тмутраканскому) на почвѣ собственно болгарской, и гдѣ она легко сливалась съ своими соплеменниками Гунно-Болгарами. Притомъ первое документальное извѣстіе о крещеніи таврической Руси относится именно къ той же эпохѣ миссіи Константина и патріаршества Фотія. Паннонское житіе написано послѣ того, никакъ не ранѣе конца IX вѣка, а можетъ быть и въ X-мъ, когда названіе Русь отчасти перешло и на Черныхъ Болгаръ, какъ это явствуетъ особенно изъ арабскихъ писателей того времени, и когда православный славянскій обрядъ называется болгарскимъ или русскимъ (въ посланіи папы Іоанна XIII). Это сліяніе элементовъ болгарскаго и русскаго не ограничивалось Таврическо-Таманскою областью. Оно происходило и въ Приднѣпровьѣ, и на Волыни, гдѣ также жили гуннскія племена, вошедшія въ составъ русскихъ княженій (Тиверцы, Угличи, Сѣверяне, Волыняне). Болгарскіе переводы распространялись здѣсь тѣмъ легче, что языкъ ихъ былъ едва-ли не роднымъ языкомъ для мѣстнаго населенія. А такъ какъ эти княженія были уже русскими (по господствующему кіевско-княжему дому и основной народности его дружинъ), то и здѣсь не легко было найти границы между языками славяно-русскимъ и славянско-болгарскимъ. (О томъ же наглядно свидѣтельствуетъ совмѣстное существованіе русскихъ и славянскихъ названій Днѣпровскихъ пороговъ).

Пока всѣ вышеуказанные мною свидѣтельства и факты существуютъ въ полной силѣ, разумѣется, и мои выводы изъ нихъ остаются никѣмъ не опровергнуты. Г. Будиловичъ, держась туранской теоріи по

отношенію къ Гунно-Болгарамъ, непзбѣжно долженъ былъ прибѣгать къ разнымъ натяжкамъ и гаданіямъ, чтобы выпутываться изъ лабиринта противорѣчій. Поэтому онъ совсѣмъ игнорируетъ существованіе таврическихъ Гунно-Болгаръ и раннее ихъ крещеніе; а первоначальное процвѣтаніе у Славянъ письменности и христіанской культуры совершенно произвольно относитъ къ малоазійскимъ Славянамъ; причемъ умалчиваетъ о томъ, кто такое были эти Славяне, т. е. какой вѣтви и какимъ нарѣчіемъ они говорили. По историческимъ же свидѣтельствамъ это были колонисты, вышедшіе все изъ того-же болгарскаго племени. Отсюда у него славянскія письмена, найденныя въ Корсуни, повидимому не играютъ роли въ дальнѣйшей дѣятельности Константина и Меѳодія, т. е. въ устроенной ими азбукѣ и въ ихъ славянскихъ переводахъ. Языкъ этихъ переводовъ совершенно гадательно, безъ всякихъ фактическихъ основаній, выводится изъ какого-то вымершаго языка пропонтидскихъ Славянъ въ соединеніи съ разговорною рѣчью славянскаго образованнаго общества въ Царьградѣ, съ тою рѣчью, которою Кириллъ и Меѳодій и ихъ споспѣшники будто-бы «бесѣдовали между собою въ Цареградѣ, Полихропѣ, подъ Олимпомъ» (77). Авторъ примыкаетъ къ старой догадкѣ Раковецкаго объ искусственномъ образованіи и смѣшанномъ діалектическомъ составѣ ц.-слав. языка (71). По моему крайнему разумѣнію, подобная догадка вполнѣ несостоятельна и не имѣетъ за себя никакой исторической аналогіи: книжный церковно-славянскій языкъ представляетъ такой живой и цѣльный организмъ, который искусственно и съ помощью разной смѣси никто сочинить не могъ. А какое именно болгаро-гуннское нарѣчіе выступило въ немъ на поприще церковной письменности, о томъ должны быть еще произведены болѣе тщательныя и разносторонніе изслѣдованія.

Вотъ въ короткихъ словахъ главные пункты нашего разногласія съ почтеннымъ профессоромъ. Напрасно онъ сторонится отъ критическаго пересмотра туранской теоріи относительно народности Гунновъ и Болгаръ. Основаніямъ, на которыхъ она существовала, нѣтъ болѣе мѣста. Названіе Славяне есть позднѣйшее, до VI вѣка не встрѣчающееся и долгое время видовое, а не родовое. Такъ называемое безобразіе Гунновъ оказалось искусственной деформаціей дѣтскихъ череповъ. Несовмѣстимость кочеваго быта съ прежнимъ понятіемъ о Славянахъ есть плодъ нѣкоторыхъ невѣрныхъ и предвзятыхъ представленій этого быта, явно противорѣчащихъ историческимъ свидѣтельствамъ. Личныя имена, пока не поддающіяся объясненіямъ изъ сла-

вянскаго языка, суть общее явленіе; точно также многія древнія имена Германцевъ, Литовцевъ, Мадьяръ, Турокъ и т. д. пока необъяснимы изъ ихъ родныхъ языковъ. Славянскую-же страву никто у Гунновъ не отниметъ, не смотря на всѣ попытки. Точно также мистическое превращеніе мнимотурецкой орды Болгаръ - завоевателей въ народность какого-то неизвѣстнаго и притомъ покореннаго славянскаго племени всегда останется историческимъ абсурдомъ. А такія фразы о Гуннахъ, какъ напримѣръ, Іордана: «гнусная, жалкая, почти не людская порода, съ языкомъ, едва похожимъ на человѣческій говоръ»— суть реторическая брань въ устахъ враговъ; эта брань при случаѣ въ томъ же родѣ повторяется о славянахъ и въ болѣе позднюю эпоху; такъ въ VIII вѣкѣ ихъ называютъ отвратительнѣйшимъ и гнуснѣйшимъ родомъ людей. (См. Эрбена Regesta Diplomatica. I, № 6). Но развѣ подобныя фразы могутъ смущать историческихъ изслѣдователей? Что же касается до ссылки на нѣкоторыя черты дикости и жестокости Гунновъ, яко-бы несогласныя съ характеромъ и правами Славянъ, то здѣсь со стороны этнографовъ, кромѣ не совсѣмъ научныхъ пріемовъ, часто обнаруживается весьма поверхностное знаніе славянскаго міра и недостатокъ тщательнаго разносторонняго его изученія; вслѣдствіе чего нерѣдко открываются факты, совершенно противные существующимъ представленіямъ. Для примѣра укажу на замѣтку «Какъ сажали въ старину людей старыхъ на лубокъ» («Кіев. Стар.» 1885 г., іюль), т. е. какъ немощныхъ стариковъ родные дѣти или внуки спускали въ какой нибудь глухой ровъ на голодную смерть. Но этотъ обычай, нѣсколько смягченный христіанствомъ, былъ только отголоскомъ глубокой древности, когда стариковъ просто убивали. Подобное тому встрѣчаемъ у древнихъ Массагетовъ и Скиѳовъ. Точно также существовавшій при московскомъ дворѣ обычай выдачи головою являлся только напоминаніемъ скиѳскихъ временъ, когда побѣжденный въ тяжбѣ выдавался головою своему противнику, а тотъ дѣйствительно отрубалъ ему голову и дѣлалъ изъ нея застольную чашу.

Русская историческая наука прежде всего должна бросить тенденціозныя мнѣнія о славянахъ, изучать ихъ безъ предвзятыхъ теорій и брать такими, какими они являются въ дѣйствительности.

Затѣмъ, вполнѣ отдаю справедливость тѣмъ сторонамъ данной монографіи, которыя представляютъ дальнѣйшее движеніе науки въ обработкѣ нѣкоторыхъ доселѣ темныхъ и спорныхъ вопросовъ. Таковы въ особенности приведеніе въ болѣе очевидную связь миссіонерской дѣятельности солунскихъ братьевъ съ дѣятельностію патріарха Фотія (гл. V) и дѣльныя разсужденія о латинскомъ элементѣ въ образова-

нія глаголицы; причемъ авторъ развиваетъ нѣкоторыя положенія Гейтлера и удачно полемизуетъ съ г. Ягичемъ и другими глаголиташами, приписавшими Кириллу и Меѳодію изобрѣтеніе глаголицы (стр. 50—70). Далѣе, у него въ бо̀льшей степени, чѣмъ прежде, разъяснены политика папъ по отношенію къ славянскому богослуженію, съ виду противорѣчивая и непослѣдовательная, а въ сущности постоянно ему враждебная (84—90), а также неизмѣнная вѣрность архіепископа Меѳодія ученію и преданіямъ грековосточной церкви (гл. IX).

Д. И. Иловайскій.

Москва.

ИВАНЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ

1842—1844 гг.

На страницахъ «Русской Старины» (см. «Русск. Стар.» изд. 1885 г., т. XLVII, августъ, стр. 307—312) мы уже указывали на существенный недостатокъ книги Стихотворенія И. С. Тургенева (Спб., 1885 г.), именно—на неполноту, и тамъ же привели одно стихотвореніе (Призваніе), не вошедшее въ сборникъ. Послѣ этого, чтобы слѣдующее второе изданіе (первое, кажется, почти все разошлось) было полнымъ (въ смыслѣ перепечатки всего напечатаннаго еще при жизни автора), необходимо помѣстить (кромѣ приведеннаго—«Призваніе») еще четыре слѣдующія стихотворенія: 1. Похищеніе («Отеч. Зап.», т. XXI, 1842 г., отд. I, стр. 66—68, № 3); 2. Цвѣтокъ (ibid., т. XXIX, 1843 г., № 8, отд. I, стр. 296); 3. В. Н. Б. («Соврем.», т. 33, 1844, № 3, стр. 347 [1]); 4. «Замѣтила ли ты...» (ibid, т. XXXIII, 1844, № 3, стр. 349).

Желательно, чтобы второе изданіе Стихотвореній И. С. Тургенева было сдѣлано болѣе заботливо, нежели первое (память къ великому писателю требуетъ полнаго вниманія); необходимо, чтобы стихотворенія были расположены въ хронологическомъ порядкѣ; чтобы не было пропусковъ и опечатокъ (всѣмъ извѣстно, какъ покойный не долюбливалъ послѣднія!); примѣчанія (въ первомъ изданіи) необходимо замѣнить чѣмъ нибудь болѣе соотвѣтственнымъ.

А. В. Смир—въ.

---

[1]) Д. Д. Языковъ, написавши — В. П. Б., вмѣсто В. Н. Б., дѣлаетъ догадку, что это стихотвореніе относится къ Василію Петровичу Боткину. Не знаемъ—насколько это вѣрно,—одно несомнѣнно: напечатано—В. Н. Б. Другая ошибка г. Языкова въ томъ, что въ библіографич. указателѣ сочиненій

I.

Похищеніе.

Конь мой ржетъ и бьетъ копытомъ....
Мнѣ напомнилъ онъ о ней—
О блаженствѣ позабытомъ
Быстрыхъ, пламенныхъ очей.
Ахъ, пора, пора былая!..
Мнѣ не спится... ночь глухая...
Душно мнѣ—и вскрикнулъ я:
„Эй! сѣдлайте мнѣ коня!
Спите сами; если спится,
А мнѣ дома не сидится“.

Стали тучи надъ луною,
Дремлютъ блѣдныя поля;
Скачетъ, скачетъ предо мною
Тѣнь огромная моя.
Лѣсъ какъ-будто сномъ забылся—
Хоть бы листъ зашевелился...
Я на гриву лёгъ лицомъ,
Осѣнилъ себя крестомъ,
Тихомолкомъ попѣваю,
Да былое вспоминаю.

Вотъ и домикъ—стукъ въ окошко..
— Ты ли, милый?—„Встань, душа;
Поболтай со мной немножко
Какъ въ бывалые года.
Если-жъ хочешь, молви слово:
Дома комната готова;
Ночь туманна и темна—
Лошадь добрая сильна;
Посмѣемся и поплачемъ—
Хоть поплачемъ, да ускачемъ!“

Дверь скрипнула... „Милый, милый,
Наконецъ вернулся ты!
Иль узналъ, что разлучили
Насъ съ тобою клеветы?
Я невинна...“—Ахъ, не знаю!

Тургенева („Истор. Вѣст.“ 1883 г.) онъ, какъ и покойный Хмыровъ, иногда грѣшитъ противъ истины: всѣ ссылки на тома „Совр—а“ невѣрны; есть и пропуски.

А. С—ъ.

За тобой я пріѣзжаю;
Ты виновна или нѣтъ—
Безъ тебя мнѣ тошенъ свѣтъ...
И забыть тебя старался,
Думалъ, думалъ—да примчался.

Какъ она была прекрасна!...
Мы пустились въ дальній путь...
Какъ она склонялась страстно
Головой ко мнѣ на грудь!
Я берегъ ее такъ нѣжно—
Сердце билось такъ мятежно...
Все такъ тихо, чудно спитъ—
Лошадь весело бѣжитъ;
И, какъ вѣтра слабый ропотъ,
Милыхъ словъ я слышу шопотъ:

„Безъ тебя меня родные
Выдать замужъ собрались.
Я рыдала... Братья злые
Погубить меня клялись.
Какъ тебя я дожидалась!
Жениха какъ я боялась!
Вдругъ привстанетъ, да зѣвнётъ,
Бѣлымъ усомъ поведетъ,
Щеки толстыя надуетъ,
Подойдетъ, да поцалуетъ...“

Я дыханьемъ грѣлъ ей руки,
Цаловалъ ее въ глаза:
„Позабудь былыя муки
И былаго жениха!
Разочтутся съ нимъ родные...
А усы его сѣдые
Срѣжу шашкою кривой
Вмѣстѣ съ глупой головой!
Сторожъ—сторожъ, отворяй-ка!
Къ вамъ пріѣхала хозяйка“.

Т. Л. (И. Тургеневъ).

II.

Цвѣтокъ.

Тебѣ случалось—въ рощѣ темной,
Въ травѣ весенней, молодой,
Найти цвѣтокъ простой и скромной?
(Ты былъ одинъ—въ странѣ чужой).

Онъ ждетъ тебя—въ травѣ росистой
Онъ одиноко расцвѣталъ...
И для тебя свой запахъ чистой,
Свой первый запахъ сберегалъ.

И ты срываешь стебель зыбкой,
Въ петлицу бережной рукой
Вдѣваешь, съ медленной улыбкой,
Цвѣтокъ, погубленный тобой.

И вотъ, идешь дорогой пыльной;
Кругомъ—все поле сожжено,
Струится съ неба жаръ обильной,
А твой цвѣтокъ завялъ давно.

Онъ выросталъ въ тѣни спокойной,
Питался утреннимъ дождемъ
И былъ заѣденъ пылью знойной,
Спаленъ полуденнымъ лучомъ.

Такъ что-жъ? напрасно сожалѣнье!
Знать онъ былъ созданъ для того,
Чтобы побыть одно мгновенье
Въ сосѣдствѣ сердца твоего.

1843.

Т. Л. (Ив. Тургеневъ).

III.

В. Н. Б.

Когда въ весенній день, о ангелъ мой послушной,
Съ прогулки возвратясь, ко мнѣ подходишь ты—
И руку протянувъ, съ улыбкой простодушной,
Мнѣ подаешь мои любимые цвѣты;
Съ цвѣтами той руки тогда не разлучая,
Я радостно прижмусь губами къ нимъ и къ ней...
И проникаюсь весь, безпечно отдыхая,
И запахомъ цвѣтовъ и близостью твоей.

Гляжу на тонкой станъ, на дѣвственныя плечи,
Любуюсь тишиной большихъ и свѣтлыхъ глазъ
И слушаю твои младенческія рѣчи,
Какъ слушалъ нѣкогда я нянюшки разсказъ.

Гляжу тебѣ въ лицо съ отрадой сердцу новой—
И наглядѣться я тобою не могу...
И только для тебя въ душѣ моей суровой
И нѣжность, и любовь я свято берегу.

Т. Л. (Ив. Тургеневъ).

IV.

Замѣтила ли ты, о другъ мой молчаливой,
О мой забытый другъ, о другъ моей весны,
Что въ каждомъ днѣ есть мигъ глубокой, боязливой
Почти внезапной тишины?

И въ этой тишинѣ есть что-то неземное,
Невыразимое... душа молчитъ и ждетъ:
Какъ будто въ этотъ мигъ все страстное, живое
О смерти вспомнитъ и замретъ.

О если въ этотъ мигъ невольною тоскою
Стѣснится грудь твоя и выступитъ слеза...
Подумай, что стою я вновь передъ тобою,
Что я гляжу тебѣ въ глаза.

Любовь погибшую ты вспомни безъ печали;
Прошедшему, мой другъ, предаться не стыдись...
Мы въ жизни хоть на мигъ другъ другу руки дали,
Мы хоть на мигъ съ тобой сошлись.

1842.

Т. Л. (Ив. Тургеневъ).

Кромѣ стихотвореній, напечатанныхъ въ «Отеч.» Зап.» и Современникѣ», И. С. Тургеневъ написалъ еще одно, помѣщенное въ журналѣ «Слово» 1881 г.—Крокетъ въ Виндзорѣ; потомъ стихотвореніе Сонъ, вошедшее въ текстъ романа Новь, и еще одно стихотвореніе—помѣщенное въ драматической піесѣ. Сверхъ всего этого, Иванъ Сергѣевичъ, какъ думаютъ, въ сотрудничествѣ съ В. Г. Бѣлинскимъ, живя на дачѣ въ Парголовѣ, въ 1844 г., написалъ и окончилъ одну поэму. Это послѣднее произведеніе въ полномъ видѣ едва-ли когда будетъ напечатано; начало (шесть октавъ) помѣщено въ сборникѣ—Стихотвореній И. С. Тургенева.

Содержаніе этой поэмы слишкомъ просто. Поэтъ поетъ про себя: жилъ онъ на дачѣ въ сосѣдствѣ съ однимъ семействомъ; сосѣдка «была ходячій пуховикъ», а сосѣдъ «былъ человѣкъ безпечный: онъ сытный столъ и доброе вино предпочиталъ» всему. Завязка разсказа-поэмы въ томъ, что поэтъ приволокнулся за сосѣдкой, та отвѣчала и... скоро надоѣла. Въ это время къ сосѣду пріѣхала золовка

Въ веснѣ, въ разгарѣ жизни молодой...
О, Господи! Была подобно спѣлой,
Душистой дынѣ, на степи родной
Созрѣвшей въ жаркій день.....
. . . . . .
Станъ дѣвственный, подъ тонкими бровями
Глаза большіе, звонкій голосокъ;
За молодыми, влажными губами
Жемчужины—не зубки; свѣжихъ щекъ
Румянецъ, ямочки на нихъ; мѣстами
Подъ бѣлой, тонкой кожицей жирокъ,—
Все въ ней дышало силой и здоровьемъ!
(Здоровьемъ, правда, нѣсколько коровьимъ).
. . . . . .
Я началъ волочиться такъ ужасно,
Какъ никогда ни прежде, ни потомъ
Не волочился! Даже слишкомъ страстно!

Ревнивая сосѣдка скоро догадалась,—она

.... злодѣйка наши шутки
Пронюхала, какъ ни была глупа!
. . . . . .
.... съ той поры не знали мы покоя
.... Но тутъ, читатель мой,
Ввести я долженъ новаго героя.
И впрямь, то былъ не дюжинный герой!
До тонкости постигшій тайны строя,
Кадетина, служака записной,
Какъ лестно выражался самъ Паскевичъ
О немъ,—поручикъ Пантелей Губкевичъ.
Его никто не вздумалъ бы ловласомъ
Назвать: огромный, грушевидный носъ
Торчалъ среди лица, виномъ и квасомъ
Раздутаго; онъ былъ рыжъ и косъ
И говорилъ глухимъ и сиплымъ басомъ,—
Ну, словомъ, настоящій малороссъ;
Я-бъ могъ сказать, что глупъ онъ былъ какъ меринъ,
Но лошадь обижать я не намѣренъ
Его-то къ намъ коварная судбина
Замчала! Я, признаться вамъ, о немъ
Не думалъ или думалъ: вотъ скотина!
. . . . . .
Не сватался поручикъ безобразный
Пока за Сашей, да. Но стороной
Онъ говорилъ о томъ, что къ жизни праздной
Онъ чувствуетъ презрѣніе; что съ женой
Онъ былъ бы счастливъ . .

Поручикъ былъ принятъ у сосѣдей: сосѣдка явно мстила поэту за измѣну. Но и этотъ послѣдній не дремалъ, зналъ, что свадьба Саши хотя и впереди, «но все же мѣшкать нечего надъ бездной», назначаетъ ей свиданіе у нея же въ комнатѣ.

..... Ночь была такая,
Какой хотѣлъ я,—темная, глухая.

Сосѣдка слѣдила, и

. . . . . .
..... вдругъ, о ужасъ! передъ нами
Въ дверяхъ съ свѣчей явилась (сестра Саши).
Со времени татарскаго нашествія
Такого не случалось происшествія.
. . . . . .
..... И крики, вопли, стоны,
Какъ градъ, и градъ въ куриное яйцо,
Посыпались! Въ жару негодованья
Всѣ женщины пріятныя созданья!

Тутъ и развязка.

. . . . . .
. . . . . .
Довольно!... Можетъ быть, я васъ увлекъ
И вамъ понравилась на мигъ картинность
Разсказа моего... Съ усталыхъ ногъ
Сбиваю пыль... Дошелъ я до развязки
Моей весьма не многословной сказки.
. . . . . .
..... А Саша, господа,
Вступила въ бракъ съ чиновникомъ. Зимою
Я былъ у нихъ, обѣдалъ, точно, да!
Она слыветъ прекрасною женою
И недурна. Толстѣетъ, вотъ бѣда!
Живутъ они на Воскресенской, въ пятомъ
Этажѣ, въ номерѣ пятьсотъ-двадцатомъ.

(Ив. Тургеневъ).

Парголово.
1844.

Вся поэма состоитъ изъ 44 октавъ. Мы могли привести здѣсь только частицу и потому не отдѣлили октавы.

Сообщ. А. В. Смир—въ.

ВАСИЛІЙ АНДРЕЕВИЧЪ ЖУКОВСКІЙ.

Его женитьба.

Помѣщая при настоящей книгѣ „Русской Старины“ портретъ Елисаветы Алексѣевны Жуковской, (рожд. Рейтернъ), жены поэта В. А. Жуковскаго, считаемъ умѣстнымъ напечатать письмо Василія Андреевича къ Александру Михайловичу Тургеневу, въ которомъ поэтъ описываетъ давнему и искреннему другу свой бракъ съ дѣвицею Рейтернъ. Это письмо мы беремъ изъ обширнаго собранія писемъ В. А. Жуковскаго къ А. М. Тургеневу, находящагося въ нашемъ распоряженіи. Ред.

1841 г., 12-го (24-го) октября.

Сейчасъ получилъ письмо твое, мой добрый, безцѣнный, всѣмъ сердцемъ любимый другъ и братъ, и распечаталъ его съ содроганіемъ виновной совѣсти; но прежде, нежели читать его, схватилъ въ руки перо, чтобы, при чтеніи, писать къ тебѣ и чтобы отъ того было сердцу легче. Я еще не написалъ къ тебѣ о томъ, что было со мною, къ тебѣ, который принималъ въ судьбѣ моей такое живое братское участіе, къ тебѣ, котораго люблю какъ вѣрнаго друга, уважаю какъ лучшаго и самаго чистаго изъ людей, какъ это могло случиться—пойми самъ; я не понимаю моей лѣни; и въ теперешнемъ случаѣ она кажется мнѣ чѣмъ-то чудовищнымъ. Одно только знай и, если можешь, прости меня, знай, что не проходило дня, въ который бы я о тебѣ не думалъ съ любовію, въ который бы не желалъ всѣмъ сердцемъ, чтобы ты былъ свидѣтелемъ моей семейной жизни. Итакъ, въ сторону письма.

До сихъ поръ я все твой, попрежнему, и на всю остальную жизнь. Послѣ этого предисловія можно приняться за чтеніе письма твоего, которое, я предчувствую, сильно подеретъ меня по сердцу, хотя сердце предъ тобой и не виновато—но руки, руки, канальи руки, никакъ не притянешь ихъ къ перу и бумагѣ. Стоитъ только разъ отложить и бѣда—съ мѣсяцъ не доберешься до начала письма. Итакъ, съ Богомъ,—начнемъ читать.

Прочиталъ—слава Богу! Мой Ермолафъ только груститъ по мнѣ,

но не только не дѣлаетъ мнѣ тяжкихъ упрековъ, но даже какъ будто извиняетъ меня и почти находитъ естественнымъ мое молчаніе. Благодарю тебя, душа моя. Теперь слѣдуетъ моя исторія. Въ продолженіе послѣднихъ пяти мѣсяцевъ увидишь, что я уже все испыталъ, и радость, и горе; за все благодареніе Богу! Это чувство стало душѣ моей знакомѣе; оно и на свѣтлые, и на темные дни здѣшней жизни наводитъ ясный горній блескъ, который даетъ имъ одно знаменованіе, хотя они между собою и несходны.

3-го мая покинулъ я Петербургъ, и въ назначенный день, 21-го мая, былъ уже вмѣстѣ съ невѣстою моею въ Канштатѣ близъ Штутгарда. Все уладилось неожиданно счастливымъ образомъ. Въ пять часовъ послѣ обѣда 21-го мая на горѣ Ротенбергѣ, близъ Канштата, въ церкви св. Екатерины совершился бракъ мой; совершился тихо, ничто не нарушило свѣтлости этой минуты; не было ни одного лица посторонняго; день былъ плѣнительно ясный и тихій; словомъ, важнѣйшая минута жизни далась мнѣ такъ, какъ только могъ я желать того. Обрядъ повторился въ Канштатѣ по образу лютеранскаго исповѣданія. И въ полночь изъ Канштата вмѣстѣ съ женою отправился я въ Вильдбадъ, уединенный городокъ въ долинѣ, гдѣ находятся теплыя воды. Отецъ, мать и сестра жены, единственные наши спутники и свидѣтели нашего брака, поѣхали прямо въ Дюссельдорфъ. Въ Вильдбадѣ, никѣмъ незнаемый, совершенно отдѣлясь отъ посторонняго міра, я провелъ первыя двѣ недѣли моей семейной жизни; эти дни сроднили меня съ моею женою и я въ глубинѣ сердца узналъ, съ благодарностію къ Богу, что онъ послалъ мнѣ своего ангела въ спутники жизни для ея украшенія, для дарованія ей того, что ея прямое достоинство составляетъ. Эти двѣ недѣли заключаютъ въ себѣ in nuce все мое будущее: обстоятельства могутъ перемѣниться, но характеръ жизни останется тотъ же. Изъ Вильдбада черезъ Гейдельбергъ и Франкфуртъ отправились мы въ Майнцъ, тамъ сѣли на пароходъ и возвратились въ Дюссельдорфъ, гдѣ уже былъ приготовленъ для насъ маленькій домикъ въ саду со всѣмъ нужнымъ для нашего смиреннаго хозяйства. Но все это было вчернѣ, надобно было все устроить удобнымъ и пріятнымъ образомъ для житья. Это заняло меня во все первое блаженное время моей семейной жизни. Я отложилъ всякую посторонную заботу, отложилъ переписку (и къ в. князю написалъ не прежде, какъ черезъ три мѣсяца), чтобы заняться единственно тѣмъ, что было для меня такъ радостно и ново. Глядишь—анъ минуты часы и мѣсяцы пролетѣли, и я вдругъ очутился виноватымъ и передъ собою, и передъ друзьями въ забвеніи ихъ?.. нѣтъ, не въ забвеніи. Оно несогласно съ чистымъ чувствомъ счастія... но все виноватымъ много, много.

Въ теченіи лѣта навѣстила меня Авдотья Петровна (Елагина) и нашла еще мой маленькій домъ неустроеннымъ, всего на всего въ порядкѣ была одна горница и та не совсѣмъ; въ другихъ было все еще пусто и неуютно. Мнѣ этого было очень жаль; теперь все на мѣстѣ, свѣтло, удобно, красиво и порядочно. Желалъ бы, чтобъ кто нибудь изъ васъ взглянулъ на мою хижину и на мою милую хозяйку, которая также любитъ, чтобы въ домѣ и наружность была похожа на внутреннее счастіе жильцовъ его. Авдотья Петровна погостила у насъ весьма недолго, ибо спѣшила въ Швальбахъ для Кати Мойеръ. Тамъ въ началѣ сентября новаго стиля мы навѣстили ее съ женою; простясь съ нею, мы отправились въ Виллингсгаузенъ (Гессенъ-Кассельское владѣніе), гдѣ жена провела свое младенчество. Эта поѣздка останется мнѣ памятна, ибо она была эпохою, въ которую отуманилось мое свѣтлое, до сихъ поръ ничѣмъ не нарушенное, счастіе. Въ Виллингсгаузенѣ увидѣлъ я, что жена беременна. Признаюсь, было ли это предчувствіе? не знаю, я какъ-то этому не обрадовался, болѣе испугался; ибо намъ надобно было ѣхать, а первые дни въ подобныхъ обстоятельствахъ требуютъ покоя. И это первое предсказательное чувство не обмануло меня. Черезъ недѣлю послѣ нашего возвращенія въ Дюссельдорфъ, бѣдная моя Елизавета выкинула. Богъ помиловалъ; теперь она, пролежавъ 10 дней въ постелѣ, снова на ногахъ и чувствуетъ себя здоровою; но я еще не пущу ее изъ дома и употреблю всевозможныя предосторожности. Потому горе, которое почувствовалъ я при потерѣ не младенца своего, а только одна надежда его имѣть, узналъ я что̀ такое чувство отца. Были для меня минуты и глубокой грусти, и нѣжнаго состраданія, и томительнаго страха. Но взявъ все вмѣстѣ, могу только благодарить Бога—онъ горемъ знакомитъ съ собою и къ себѣ приближаетъ душу. Въ этомъ смыслѣ житейскія бѣды суть перлы жизни — вотъ тебѣ вкратцѣ, душа моя, описаніе послѣднихъ мѣсяцевъ моей жизни. Теперь все идетъ хорошо (благослови Богъ!); скоро, когда жена оправится совсѣмъ, примусь за работу. Теперь же ничего не дѣлаю, читать про себя и писать не могу, особливо при свѣчахъ, глаза шалятъ. Ей же также ничего не читаю, ибо всякое вниманіе еще для нея вредно. Такое far niente весьма тяжко, но какъ быть, терпѣніе! Терпѣніе есть главная необходимость для того, чтобъ совладать съ жизнію. Въ этомъ ежедневно увѣряюсь и стараюсь выучиться этой наукѣ, едва ли не самой трудной изъ всѣхъ прочихъ. Но прости, мой милый. Поцѣлуй за меня Ольгу! Вѣроятно, моя Авдотья Петровна уже въ Москвѣ. Покажи ей это письмо. А я скоро самъ буду къ ней писать. Не повѣришь, какъ мнѣ было грустно, когда по отъѣздѣ ея мнѣ пришло въ голову, что я не послалъ ни

тебѣ, ни Ольгѣ гостинца изъ Дюссельдорфа. Хотѣлъ велѣть себя высѣчь. Прости, обнимаю тебя. Жена любитъ тебя и Ольгу и сама бы къ тебѣ написала, да еще руки не очень владѣютъ. Обними за нее Авдотью Петровну, скажи ей, что я радуюсь, Богъ знаетъ какъ, тому, что жена полюбила ее какъ сестру. Это теперь на вѣкъ. Но когда мы свидимся. У меня еще никакого плана нѣтъ для будущаго. Всего бы лучше желалъ купить имѣніе въ Лифляндіи. Если же не тамъ, то пріютиться въ Москвѣ. На всякій случай придумай за меня что нибудь для Москвы. База, на коей можешь основать свой планъ, есть сіе: у меня есть капиталъ въ 120,000 руб. ассигн. Онъ положенъ въ комиссіи погашенія долговъ. Получаю съ него по 5 проц., слѣд. 6,000 руб. Остальное мое имущество временное, оно приковано къ моей жизни— 13,000 руб. пенсіона и 18,000 оклада (квартирн., столов. и экипажныя деньги).

(Приписка жены В. А. Жуковскаго):

Ich wiederhole was mein Herzens-Mann Ihnen von mir gesagt, dass ich Sie und Ihr liebes Töchterchen von Herzen lieben und mich innig freuen w erde es musz mündlich zu betheuern. Elisabeth.

Съ подлиннымъ вѣрно Жуковскій.

Я писалъ къ Е. Афанасьевнѣ о томъ, что случилось съ женою. Но еще не писалъ о томъ, что теперь; попроси Авдотью Петровну, чтобы увѣдомила ее о насъ, и чтобъ она на нашъ счетъ не безпокоилась.

Опечатка.

Въ сентябрьской книгѣ „Русской Старины“ изд. 1885 г. напечатана статья: „Первыя страницы въ исторіи судебной реформы въ Россіи“, 1862—1867 гг. Въ подпись автора—вкралась грубая опечатка, напечатано: Г. Джантіевъ, читай: Григорій Джаншіевъ.

ИФЕРЪ (ФРИДРИХЪ) ВИНФЕЛЬДЪ БУХЪ

въ 1787—1811 гг.

Въ одной изъ газетъ, при описаніи внутренняго убранства Михайловскаго дворца въ старину—упоминается два раза имя дѣда моего, при чемъ въ текстѣ статьи авторъ называетъ его «датчаниномъ фонъ-Баухомъ», а въ примѣчаніи къ ней—«серебрянымъ мастеромъ Бухомъ, исправлявшимъ должность датскаго агента во время царствованія Екатерины II», добавляя, что «императрица одно время подозрѣвала его, что онъ сообщалъ ея разговоры въ Копенгагенъ».

Мнѣ неизвѣстно откуда авторъ почерпнулъ эти свѣдѣнія; но какъ они во многомъ невѣрны, то я рѣшаюсь возстановить истину, основываясь на хранящихся у меня документахъ и на воспоминаніяхъ о дѣдѣ моемъ современника его, извѣстнаго писателя Августа Коцебу.

Дѣдъ мой Иферъ Винфельдъ Бухъ (Iver Winfeldt Buch) родомъ изъ г. Драммена въ Норвегіи, которая въ то время составляла часть датскаго королевства. Извѣстно, что въ Норвегіи нѣтъ дворянства и вообще сословныхъ дѣленій и потому дѣдъ былъ просто гражданиномъ норвежскимъ и ни самъ онъ, ни потомство, которому суждено было водвориться въ Россіи, не могли предъявить въ новомъ отечествѣ родословныхъ пергаментовъ и фамильнаго герба.

Прибывъ въ Россію по торговымъ дѣламъ, онъ 30 мая 1787 года, рескриптомъ датско-норвежскаго короля Христіана VII, назначенъ королевскимъ придворнымъ агентомъ. Въ этомъ его званіи императрица Екатерина II просила его выписать изъ заграницы мастеровъ и устроить въ Петербургѣ, собственно для надобностей двора, фабрику золотыхъ и серебряныхъ издѣлій. Фабрика эта была учреждена дѣдомъ начально въ компаніи съ нѣкіимъ Макаромъ Манычаровымъ, а въ 1790 году, какъ видно изъ акта 15 октября сего года, дѣдъ выплатилъ Манычарову 41,566 руб. 64 коп. и остался единственнымъ

собственникомъ фабрики. Изъ этого акта видно, что Бухъ былъ въ то время не только гофъ-агентомъ, но и юстицъ-совѣтникомъ.

Коцебу, въ сочиненіи своемъ Une année mémorable de la vie d'Auguste de Kotzebue, publiée par lui-même, Paris, 1802, описывая отстроенный въ то время Михайловскій замокъ, говоритъ, что въ тронной залѣ «большая люстра въ четыре аршина съ четвертью вышины и восемь другихъ по три аршина съ половиною, всѣ изъ массивнаго матоваго и полированнаго серебра, отличной работы, были сдѣланы на фабрикѣ искуснаго и талантливаго Буха, совѣтника Даніи». Вотъ объ этихъ-то люстрахъ въ тронной залѣ составитель статьи «Старый Петербургъ» говоритъ, что ихъ «работалъ датчанинъ фонъ-Баухъ»; а описывая парадную императорскую спальню, г. М. И. П. говоритъ, что кровать отдѣлялась балюстрадою изъ массивнаго серебра длиною въ 13 аршинъ, вѣсомъ въ 14 пудовъ, «которую работалъ серебряный мастеръ Бухъ, датскій агентъ». Балюстрада эта, какъ передавалъ мнѣ покойный отецъ, послѣ кончины императора Павла, пожертвована была государемъ Александромъ I въ Казанскій соборъ, гдѣ и понынѣ отдѣляетъ алтарь.

И. В. Бухъ, который, неизвѣстно на основаніи какого перевода, именовался между русскими Василіемъ Андреевичемъ, а между нѣмцами Фридрихомъ (Iver), названъ Коцебу совѣтникомъ Даніи не совсѣмъ правильно. Изъ рескрипта за подписью того же короля Христіана VII, отъ 19 декабря 1800 г., видно, что придворный агентъ и консулъ въ Петербургѣ Iver Winfeldt Buch произведенъ въ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, и что на основаніи датскаго закона 14 октября 1746 г. ему предоставлено старшинство и права третьяго класса. Документъ этотъ, писанный на датскомъ языкѣ, присланъ при собственноручномъ французскомъ письмѣ 23 декабря 1800 г. министра иностранныхъ дѣлъ графа Бернсторфа, который въ припискѣ извиняется, что по ошибкѣ канцеляріи, изготовлявшей патентъ, дѣдъ названъ въ немъ консуломъ [1]).

Чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника послужилъ, конечно, поводомъ къ величанію дѣда фонъ-Бухомъ, хотя самъ онъ никогда не подписывался такимъ образомъ.

Что касается того, будто императрица Екатерина подозрѣвала Буха, «что сообщаетъ ея разговоры въ Копенгагенъ», то объ этомъ въ фамильныхъ бумагахъ никакихъ намековъ не имѣется; впрочемъ, дипломатическіе агенты, какъ извѣстно, обязаны доносить своимъ

---

[1]) По фамильнымъ преданіямъ дѣдъ былъ генеральнымъ консуломъ.

правительствамъ о всѣхъ инцидентахъ, а тѣмъ болѣе о разговорахъ съ ними высочайшихъ лицъ, при которымъ акредитованы. Датское королевство въ концѣ XVIII вѣка имѣло не то значеніе, въ какое поставлено оно теперь; съ знаменитымъ министромъ графомъ Бернсторфомъ европейскіе кабинеты считались; одно имя его раздражало императора Павла.

И. В. Бухъ былъ женатъ на замѣчательной красавицѣ дѣвицѣ Доротеѣ Цеттель (Zöttel), отъ которой имѣлъ двухъ сыновей: Андрея Христіана, моего отца, родившагося 22 ноября 1776 года, и Давида, умершаго въ юношескомъ возрастѣ. По образованію своему,—которое было весьма солидное,—въ качествѣ иностранца и дипломатическаго агента, Бухъ былъ принятъ въ высшемъ кругѣ петербургскаго общества [1]); онъ имѣлъ свой домъ [2]) и двѣ дачи на Аптекарскомъ островѣ. Состоя въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ генераломъ отъ артиллеріи Мелиссино, онъ успѣлъ оставшагося сына опредѣлить въ военную службу сержантомъ (13 мая 1792 г.) съ назначеніемъ почти одновременно (11 іюня 1792 г.) флигель-адъютантомъ въ штабъ генерла Мелиссино [3]). Изъ сохранившагося у меня указа объ отставкѣ отца моего, отъ 10 октября 1797 г. за № 41,842 [4]), видно, что генералъ Мелиссино чрезвычайно благоволилъ къ И. В. Буху; послѣ выпуска изъ артиллерійскаго кадетскаго корпуса, сынъ его, въ теченіи всего только шести мѣсяцевъ службы, получилъ слѣдующіе чины: штыкъ-юнкера 6 іюля 1796 г., подпоручика 19 декабря 1796 г., поручика 11 января 1797 г. Всѣ эти отличія, щедро сыпавшіяся на моего отца, приписываю дружескимъ отношеніямъ Мелиссино къ дѣду, потому что отецъ былъ крайне слабаго здоровья, постоянно болѣлъ и, по характеру своему, мало былъ способенъ къ служебному поприщу вообще, тѣмъ болѣе къ военному; онъ вышелъ въ отставку артиллеріи поручикомъ,

---

[1]) Между прочимъ онъ былъ членомъ англійскаго клуба съ 1803 по 1810 г., когда, по совѣту докторовъ, долженъ былъ оставить Петербургъ и переселиться въ Москву.

[2]) Домъ этотъ сохранился въ прежнемъ своемъ видѣ до сихъ поръ въ Большой Конюшенной, № 11. Въ немъ родился пишущій эти строки.

[3]) Флигель-адъютантами, въ то время, назывались личные адъютанты, а генеральсъ-адъютантами завѣдывавшіе дѣлопроизводствомъ въ штабахъ. Одновременно съ отцомъ моимъ былъ при Мелиссино генеральсъ-адъютантомъ Клейнмихель (Андрей), отецъ извѣстнаго Петра Андреевича. Отецъ мой разсказывалъ, что мать этого Клейнмихеля, простая чухонка, являлась иногда въ штабъ для свиданія съ сыномъ и всегда выгонялась послѣднимъ.

[4]) Указъ изъ государственной военной коллегіи подписанъ: генералъ-лейтенантомъ Зайцевымъ, генералъ-маіорами Лицціано и графомъ Апраксинымъ и за оберъ-секретаря подполковникомъ Милованорымъ. К. Б.

съ правомъ ношенія мундира, въ 1797 г., имѣя отъ роду невступно 21 годъ, и съ тѣхъ поръ уже болѣе въ службу не вступалъ, если не считать весьма кратковременныхъ причисленій: въ 1799 г. именнымъ высочайшимъ указомъ 24 мая къ бывшему при императорскомъ кабинетѣ по разнымъ порученіямъ дѣйств. ст. сов. и архитектору Бренна и въ концѣ двадцатыхъ годовъ къ департаменту военныхъ поселеній. Первое изъ этихъ причисленій, продолжавшееся лишь до 1801 года, послѣдовало вслѣдствіе отношеній дѣда моего къ кабинету и къ главному строителю Михайловскаго дворца Бренна, а послѣднее по внезапной любезности Петра Андреевича Клейнмихеля, страстно влюбившагося въ одну изъ моихъ двоюродныхъ сестеръ [1]); съ отказомъ будущему графу руки кузины, отецъ лишился неожиданно предложенной Клейнмихелемъ синекуры.

Въ 1804 г. скончалась жена И. В. Буха; смерть ея повергла старика и въ особенности слабаго здоровьемъ сына въ большое горе; они оба тотчасъ же отправились въ продолжительное путешествіе заграницу, откуда возвратились въ Петербургъ въ 1806 г. Здѣсь вскорѣ отецъ мой женился на дѣвицѣ баронессѣ Еленѣ Егоровнѣ фонъ-Швахгеймъ [2]), а въ 1810 г. дѣдъ, по совѣту врачей, съ семействомъ сына переѣхалъ на жительство въ Москву; впрочемъ, въ Москвѣ они прожили недолго и возвратились въ Петербургъ, гдѣ И. В. Бухъ скончался 9 августа 1811 года, имѣя отъ роду 62 года. Онъ погребенъ на Волковскомъ нѣмецкомъ кладбищѣ, гдѣ до сихъ поръ на надгробномъ памятникѣ читается слѣдующая надпись:

Sanft schlummert Er von Kindern und Enkeln beweint, der biedre, edle Menschenfreund. Zu früh ward Er Ihnen entrissen, lange werden bittre Trähnen um Ihm fliessen.

Константинъ Бухъ.

---

[1]) Александру Александровну Шкурину, вышедшую впослѣдствіи замужъ за Константина Петровича Чечулина.

[2]) Бабка моя Елена Ермолаевна, по первому мужу баронесса Швахгеймъ, а по второму маіорша Цейтенъ, была владѣтельницею Касковской вотчины, Ямбургскаго уѣзда. К. Б.

ВЪ УЧИЛИЩѢ ПРАВОВѢДѢНІЯ

въ 1847—1852 гг.

Воспоминанія по поводу 50-лѣтняго юбилея училища.

I.

Исторіи учебныхъ заведеній, въ особенности издаваемыя по какому либо случаю начальствомъ, знакомятъ съ внѣшнею жизнію заведеній, съ ихъ оффиціальнымъ бытомъ, упуская изъ виду болѣе интересную внутреннюю жизнь, ихъ, такъ сказать, домашній бытъ. Свѣдѣнія объ этомъ послѣднемъ чаще всего встрѣчаются въ воспоминаніяхъ бывшихъ питомцевъ. Къ сожалѣнію, эти воспоминанія обыкновенно обхватываютъ очень короткій періодъ времени, да и весьма немного находится охотниковъ передать письму или печати свои личныя воспоминанія, сохранившіяся впечатлѣнія дѣтскаго или юношескаго возраста, а между тѣмъ воспоминанія эти не безъинтересны какъ пополненіе и уясненіе внѣшней исторіи. Вотъ эти соображенія и предстоящее въ текущемъ году празднованіе пятидесятилѣтняго юбилея училища правовѣдѣнія побудили меня взяться за перо и набросать свои личныя воспоминанія объ этомъ училищѣ, за время съ 1847 по 1852 годъ. Можетъ быть, они будутъ не безъинтересны для бывшихъ воспитанниковъ правовѣдѣнія, какъ преданія не старины глубокой, но еще имъ памятной.

Въ началѣ августа 1847 г., вмѣстѣ съ другими воспитанниками пансіона покойнаго Эмме (куда я былъ помѣщенъ моимъ отцомъ въ маѣ мѣсяцѣ того года),—предназначавшимися къ по-

ступленію въ училище правовѣдѣнія, я чуть ли не ежедневно являлся на экзамены въ училище. Экзамены въ нѣсколько дней были окончены, и дня черезъ два или три, по окончаніи ихъ, въ пансіонѣ намъ объявили кто выдержалъ экзаменъ и принятъ, а кто провалился; въ числѣ принятыхъ оказался и я. Принятые, если не ошибаюсь, 16-го августа утромъ должны были явиться въ училище. Насталъ назначенный день и выдержавшіе экзаменъ начали около девяти часовъ утра собираться въ училищѣ; нѣкоторые явились въ сопровожденіи родныхъ, мы же, пансіонеры Эмме, прибыли сами. Всѣмъ поступившимъ сдѣлали перекличку и насъ принялъ нашъ воспитатель, добрѣйшій Егоръ Ивановичъ Кайпшъ. Послѣ переклички насъ отвели въ спальню, гдѣ мы подверглись медицинскому осмотру, а затѣмъ цѣлое утро прошло въ распредѣленіи между нами коекъ или насъ по койкамъ. Въ двѣнадцать часовъ раздался звонокъ и все младшее отдѣленіе бѣгомъ бросилось въ столовую. Меня сбили съ ногъ и я скатился внизъ по лѣстницѣ, ведущей въ столовую. Это послужило мнѣ урокомъ на будущее время—идти въ числѣ послѣднихъ, пропустивъ впередъ всѣхъ стремившихся засѣсть за обѣденный столъ нѣсколькими минутами прежде другихъ. Въ то время, какъ и теперь, воспитанники училища раздѣлялись на два отдѣленія: старшее, состоявшее изъ питомцевъ первыхъ трехъ классовъ, и младшее—изъ питомцевъ четвертаго, пятаго, шестаго и седьмаго, самаго младшаго, класса. Распредѣленіе времени въ обоихъ отдѣленіяхъ было различное: старшее отдѣленіе вставало, обѣдало, ужинало и ложилось спать часомъ позже младшаго. Младшее отдѣленіе вставало въ 6 часовъ, обѣдало въ 12, ужинало въ 8 и ложилось спать въ 9. Классы, рекреаціонная зала и дортуары обоихъ отдѣленій были отдѣлены другъ отъ друга, такъ что воспитанники старшаго отдѣленія не смѣшивались съ воспитанниками младшаго, даже въ свободное отъ занятій время. Лазаретъ и церковь были общіе. Оба отдѣленія сходились только въ церкви.

Во время моего поступленія директоромъ училища состоялъ Семенъ Антоновичъ Пошманъ. Не помню, видалъ ли я его когда либо, такъ какъ въ это время онъ былъ боленъ и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ (въ декабрѣ) умеръ. Должность директора, во время болѣзни Пошмана и до назначенія ему преемника, исправлялъ инспек-

торъ классовъ, Александръ Ивановичъ Кранихфельдъ. Завѣдываніе каждымъ классомъ поручалось особому воспитателю и, какъ я сказалъ, нашимъ былъ Егоръ Ивановичъ Кайпшъ. Воспитатель въ то время, вмѣстѣ съ своими питомцами, переходилъ изъ класса въ классъ и завѣдывалъ ими до самаго выпуска ихъ изъ училища. По выпускѣ же снова получалъ въ свое завѣдываніе младшій классъ, состоявшій изъ вновь поступившихъ воспитанниковъ. Жизнь новичка въ училищѣ, какъ и во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ того времени, представляла нѣкотораго рода искусъ испытаніе. Къ новичку приставали воспитанники старшихъ классовъ, продѣлывали съ ними школьныя продѣлки, а иногда и били ихъ. Положеніе новичка, у котораго были братья или родственники въ училищѣ, было нѣсколько лучше,—къ нимъ менѣе приставали, да и сама аклиматизація ихъ въ училищѣ совершалась легче. Жаловаться на тяжелое житье, на дурное обхожденіе старшихъ классовъ считалось если не безполезнымъ, то во всякомъ случаѣ чѣмъ-то зазорнымъ. Что бы ни говорили противъ такого варварскаго обхожденія съ новичками, но оно имѣло и свою хорошую сторону: оно служило къ образованію характера и вынуждало создавать въ отношеніи къ товарищамъ такое положеніе, чтобы не нуждаться въ посторонней, внѣшней помощи. Воспитатели, по всей вѣроятности, знали о положеніи новичковъ, но не вмѣшивались въ отношенія товарищей между собою. Вообще жалобы товарищей другъ на друга были крайне рѣдки, а о доносахъ, наушничаніи и тому подобныхъ прелестяхъ въ то время и помину не было. Но я уклонился нѣсколько отъ фактическаго изложенія о первыхъ дняхъ жизни въ училищѣ.

Первые дни прошли въ снятіи мѣрокъ для шитья форменной одежды, въ пригонкѣ сапогъ, бѣлья и т. п., въ раздачѣ воспитателемъ тетрадей, перьевъ, учебныхъ книгъ, въ разъясненіи правилъ, установленныхъ для воспитанниковъ въ стѣнахъ училища и внѣ онаго. Въ ближайшій праздничный день насъ отпустили домой, но не въ форменномъ платьѣ, а въ партикулярномъ, приказавъ намъ явиться изъ отпуска въ девять часовъ вечера того же дня. Въ то время отпускали изъ училища по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ послѣ обѣдни, и только по особымъ ходатайствамъ родителей или родственниковъ дозволяло начальство

нѣкоторымъ уходить домой наканунѣ праздника или воскресенья. Дома можно было ночевать только въ случаѣ двухъ праздничныхъ дней, приходившихся къ ряду.

Въ будніе дни, если память не измѣняетъ мнѣ, время въ младшемъ отдѣленіи распредѣлялось такъ: воспитанники вставали въ 6 часовъ утра, ихъ будили дядьки и воспитатели. Помнится мнѣ одинъ воспитатель, имѣвшій обыкновеніе во время своего дежурства будить заспавшихся воспитанниковъ, стаскивая съ нихъ одѣяла и приговаривая: „mon cher, торопись спать, сейчасъ послѣдній звонокъ“, или другой, летавшій по дортуару и ударявшій ключами по желѣзнымъ койкамъ съ возгласомъ: man rasch, man rasch . . ., что означало machen sie rasch! Кайшъ поднималъ воспитанниковъ выступая по срединѣ широкаго прохода между койками, съ возгласомъ на-распѣвъ: „вста-авайте, вста-авайте!“

Изъ спальни, въ половинѣ седьмаго, всѣ гурьбой отправлялись въ столовую; по пути одинъ напяливалъ куртку, другой затягивалъ запряжникъ, третій закрѣплялъ галстухъ и т. п. Общей молитвы не было: усмотрѣнію каждаго предоставлялось молиться какъ онъ знаетъ и сколько ему угодно, лишь бы въ полчаса онъ успѣлъ умыться, одѣться и. однимъ словомъ, сдѣлать свой туалетъ. Утромъ въ столовой давался ржаной кофе и кипяченое молоко. Въ семь часовъ воспитанники отправлялись въ классъ приготовлять уроки, а въ девять часовъ начинались послѣдніе. Уроки были полуторачасовые и продолжались до двѣнадцати часовъ, съ перерывомъ въ десять минутъ. Послѣ обѣда начинались они съ двухъ часовъ и продолжались до пяти. Послѣ уроковъ давали по куску хлѣба съ масломъ. Воспитанники любили хлѣбъ съ масломъ помѣщать въ душникъ, находившійся въ классѣ. Хлѣбъ, пропитавшійся растопленнымъ масломъ, оказывался вкуснѣе, но за то нерѣдко изъ душника по стѣнкамъ текли потоки масла и образовывали жирныя пятна. Въ половинѣ седьмаго начинались вечернія приготовленія уроковъ и продолжались до восьми часовъ; въ восемь шли ужинать, послѣ ужина въ спальню, а въ девять всѣ должны были ложиться спать. Во время приготовленія уроковъ,—что дѣлалось въ классѣ,—присутствовалъ воспитатель класса.

Въ обоихъ отдѣленіяхъ, въ теченіи дня, дежурили поочередно

по одному воспитателю; изъ нихъ одинъ оставался ночевать въ училищѣ и располагался въ младшемъ отдѣленіи на особомъ креслѣ.

Я забылъ упомянуть, что утромъ, до начала уроковъ, посѣщалъ училище докторъ; помню его фигуру въ бѣломъ галстухѣ, вицъ-мундирѣ, съ шляпой стариннаго фасона. Къ нему воспитанники обращались за медицинскою помощью, состоявшею въ томъ, что дѣйствительно больныхъ онъ отправлялъ въ лазаретъ, жаловавшимся на кашель и мнимое страданіе груди онъ назначалъ красные порошки, а жаловавшимся на страданіе желудка—назначалъ, смотря по расположенію духа, касторовое масло или-же скоромное кушанье въ постные дни. Quasi-больнымъ, являвшимся въ понедѣльникъ, предлагался габеръ-супъ, очень невкусное блюдо по мнѣнію большинства воспитанниковъ. Относительно красныхъ порошковъ существовало у моихъ товарищей убѣжденіе, что это толченый кирпичъ и я только впослѣдствіи узналъ, что это sulfur auratum antimonii. По средамъ и пятницамъ насъ круглый годъ угощали постнымъ кушаньемъ и часто давали манную кашу съ какимъ-то миндальнымъ запахомъ. Нѣкоторые воспитанники увѣряли, что запахъ происходитъ отъ savon aux amandes amères, прибавленнаго къ кашѣ. На эти-то постные дни приходился наибольшій процентъ жаловавшихся на страданіе желудкомъ.

Чрезъ нѣсколько дней, когда форменная для насъ одежда была готова, намъ объявили, что пріѣдетъ его высочество принцъ Ольденбургскій, смотрѣть насъ. Въ назначенный день по училищу пронеслись слова: „его высочество“, насъ кой-какъ построили въ рекреаціонной залѣ, служившей корридоромъ передъ классами, построили, т. е. установили по линіи паркета; ранжиръ и ровненія вышли плохи. Явился передъ нами его высочество; его сопровождалъ, въ числѣ начальства, и нашъ воспитатель. Его высочество уже тогда былъ пожилыхъ лѣтъ, нѣсколько сутуловатъ, съ большимъ носомъ, рѣдкими рыжеватыми волосами и съ усами, торчавшими щетиной. На немъ былъ преображенскаго полка мундиръ. Его высочество особенно любилъ этотъ мундиръ и постоянно его носилъ, и я только разъ его видѣлъ въ формѣ стародубскаго кирасирскаго полка, котораго онъ состоялъ шефомъ. Его высочество считалъ своею обязанностью каждаго изъ насъ спросить о чемъ либо; меня, напримѣръ, спросилъ: не мои ли сестры воспитываются въ Смольномъ, не сынъ

ли я поэта? Не взирая на мои отрицательные отвѣты, его высочество эти вопросы задавалъ мнѣ во все время моего пребыванія въ училищѣ. Той-же участи подвергались и всѣ мои товарищи. Его высочество любилъ осматривать наше обмундированіе и постоянно заботился, чтобы не былъ тѣсенъ воротникъ, платье не давило грудь, не былъ туго перетянутъ запряжникъ и т. п. Во время пребыванія въ училищѣ, мы не могли цѣнить душевныхъ качествъ его высочества и только впослѣдствіи, много лѣтъ спустя по выходѣ изъ училища, я узналъ сколько любви и участія къ ближнему скрывалось въ его высочествѣ и сколько втайнѣ онъ дѣлалъ добра, оказывая помощь всѣмъ тѣмъ, кто къ нему обращался. Вѣсть о его кончинѣ заставила многихъ пролить искреннія слезы сожалѣнія... Смотръ прошелъ, какъ и всегда, благополучно; его высочество уѣхалъ, какъ и всегда, довольный тѣмъ, что ему показывали въ училищѣ.

Послѣ смотра его высочества насъ стали увольнять въ отпуски въ форменной одеждѣ. Я помню маленькій казусъ, случившійся со мною въ первый же день, какъ только въ форменномъ платьѣ я отправился домой. Нашъ головной уборъ составляла трехъуголка. Выйдя изъ училища, я около директорскаго подъѣзда столкнулся съ воспитателемъ, Алексѣемъ Симоновичемъ Андреевымъ; желая оказать ему почтеніе, я снялъ совсѣмъ трехъуголку и тотчасъ-же, вмѣсто отвѣта на мой поклонъ, услыхалъ: „государь мой, да гдѣ-же это видано, чтобы снимали трехъуголки на улицѣ? Слѣдуетъ не снимать, а приложить къ кокардѣ руку“. Чтобы доказать, что наставленіе не пропало даромъ, я надѣлъ трехъуголку, да, второпяхъ, кокардой на лѣвую сторону, и приложилъ къ ней руку. Опять послѣдовало новое замѣчаніе и уже на этотъ разъ Алексѣй Симоновичъ помучилъ меня, заставивъ разъ десять отдать честь. Отпустилъ же онъ меня съ наставленіемъ: „помни, сударь мой, какъ слѣдуетъ отдавать честь, да не попадайся великому князю Михаилу Павловичу“. Нужно замѣтить, что въ училищѣ господствовало вѣрованіе, что великій князь Михаилъ Павловичъ терпѣть не можетъ правовѣдовъ и за него не разъ доставалось намъ отъ начальства.

Помню, какъ то мой товарищъ, Шванебахъ, встрѣтившись съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, не отдалъ ему чести; его высочество, отобравъ отъ Шванебаха билетъ, прика-

залъ ему тотчасъ отправиться въ училище и обо всемъ доложить начальству. Злополучнаго Шванебаха начальство тотчасъ же посадило въ карцеръ, о чемъ мы узнали, явившись изъ отпуска въ назначенный часъ въ училище. И, отходя ко сну, долго разсуждали, что будетъ съ Шванебахомъ, отдѣлается ли онъ карцеромъ, или же его постигнетъ болѣе горькая участь—исключеніе. Мнѣнія по сему случаю были разнорѣчивы. Большинство, однако же, заснуло съ вѣрой, что дядя Шванебаха, состоявшій секретаремъ при нашемъ принцѣ, спасетъ племянника отъ бѣды. Дѣло кончилось тѣмъ, что Шванебаха выпустили изъ карцера, но изъ училища не исключили, а всѣмъ намъ строго на строго приказали не зѣвать на улицахъ, отдавать честь его высочеству, особамъ царской фамиліи (которыхъ мы знали только по портретамъ) и всѣмъ генераламъ.

Перейду теперь къ преподаванію и преподавателямъ.

II.

Законъ Божій преподавалъ протоіерей Михаилъ Измаиловичъ Богословскій; онъ же преподавалъ въ IV классѣ логику, а въ III—психологію. Два низшіе класса на его урокахъ сходились вмѣстѣ; въ этихъ классахъ одинъ годъ преподавалась священная исторія ветхаго завѣта, а другой—новаго завѣта. На долю нашего класса выпало, если не ошибаюсь, изученіе сначала новаго завѣта, а затѣмъ, въ шестомъ классѣ, мы слушали ветхій завѣтъ. Богословскій обыкновенно полъ-урока спрашивалъ, а полъ-урока объяснялъ. Такъ какъ отъ соединенія двухъ классовъ число учениковъ доходило до сорока или до пятидесяти, то, въ видахъ контроля, онъ назначалъ мониторовъ. Мониторъ имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи пятерыхъ воспитанниковъ и былъ обязанъ передъ урокомъ ихъ выспросить, поставить имъ отмѣтки и при входѣ въ классъ Богословскаго подать ихъ ему. Былъ и я назначенъ мониторомъ, но пребывалъ въ семъ званіи недолго, очень недолго. Подъ моимъ вѣдѣніемъ, какъ монитора, находились отчаянные лѣнтяи. Какъ теперь помню, когда слѣдовало спросить ихъ урокъ, то первый, мой землякъ, Вельяминовъ, запротестовалъ и потребовалъ, въ надеждѣ—авось Богословскій не спроситъ, отмѣтки 9

(у насъ была двѣнадцатибальная система), за нимъ слѣдующій—10 и, наконецъ, грузинскій князь—12. Въ простотѣ сердечной и положившись на авось, я удовлетворилъ ихъ желанію. На бѣду, Богословскій спросилъ перваго князя; тотъ, что говорится, ни въ зубъ; за нимъ слѣдующаго—тотъ то же; на повѣрку оказалось, что всѣ, находившіеся подъ моимъ вѣдѣніемъ, урока не знаютъ. Вызываетъ Богословскій меня; я отвѣтилъ урокъ удовлетворительно. „Ну, зачѣмъ же ты наставилъ имъ такія отмѣтки?“—„Виноватъ, положился на ихъ совѣсть“.—„Ну, такъ стань-ка къ стѣнкѣ; мнѣ не нужны такіе мониторы, которые полагаются на совѣсть“. И сейчасъ-же былъ назначенъ другой мониторъ на мое мѣсто. Цѣлый урокъ я простоялъ у стѣнки и благословлялъ судьбу, что она избавила меня отъ мониторства.

Въ пятомъ классѣ Богословскій преподавалъ объясненіе богослуженія и занимался съ нами переводами текстовъ, встрѣчающихся въ пространномъ катехизисѣ. Въ четвертомъ классѣ онъ не преподавалъ, а заставлялъ зубрить пространный катехизисъ Филарета. Это дословное заучиваніе катехизиса было крайне обременительно и не по сердцу большинству воспитанниковъ. Какъ-то одинъ изъ воспитателей, нѣмецкаго происхожденія, въ разговорѣ съ Богословскимъ замѣтилъ, что воспитанники жалуются на то, что онъ заставляетъ задалбливать катехизисъ и не позволяетъ отвѣчать своими словами, а въ заключеніе спросилъ: „неужели-же это необходимо?“ Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, Богословскій поставилъ слѣдующую диллему: „воспитанникъ своими словами не скажетъ лучше, чѣмъ изложено въ катехизисѣ, а хуже ему, Богословскому, не нужно“. Въ четвертомъ классѣ, какъ я замѣтилъ, Богословскій преподавалъ логику и я долженъ сознаться, что этотъ курсъ составленъ былъ прекрасно. Впослѣдствіи мнѣ попалась логика профессора Струве, для гимназій варшавскаго учебнаго округа, и она мнѣ сильно напомнила курсъ Богословскаго, съ тою разницею, что вторая часть логики (архитектоника) Богословскимъ излагалась гораздо пространнѣе.

Въ логикѣ Богословскаго меня поражали примѣры, въ родѣ слѣдующаго: вѣря въ сказанія Моисея, слѣдуетъ отвергнуть всѣ ученія геологовъ и другихъ ученыхъ и т. д. Казалось бы, что логика не должна касаться вѣрованій: изслѣдуя законы и формы мышленія, она не должна выходить изъ области положительнаго

знанія. Въ третьемъ классѣ Богословскій, по закону Божію, преподавалъ о инославныхъ и иновѣрческихъ вѣроисповѣданіяхъ. Чтенія его по этому предмету были для меня въ высшей степени занимательны. Въ этомъ же классѣ онъ преподавалъ и психологію, но что это была за психологія—объ этомъ у меня исчезло всякое представленіе; помнится только, что она не была похожа на психологію настоящаго времени. Въ двухъ старшихъ классахъ преподавалась исторія церкви и каноническое право, о чемъ я не имѣю понятія, такъ какъ оставилъ училище будучи въ третьемъ классѣ.

Богословскій—человѣкъ ученый, удостоенный, за свою священную исторію, степени доктора богословія, былъ, какъ увѣряли, знатокомъ греческаго языка и вообще человѣкомъ отлично образованнымъ, но онъ поражалъ какъ бы презрѣніемъ къ образованію. Такъ, если ему случалось произносить французскую или нѣмецкую фразу, то онъ умышленно произносилъ ее съ убійственнымъ семинарскимъ акцентомъ; латинское слово seu выговаривалъ севъ и т. п. Имя бывшей и производившей въ то время въ Петербургѣ фуроръ артистки Рашель онъ произносилъ Рахиль, съ добавленіемъ „поганая“ или что-то въ этомъ родѣ. Воспитанники боялись Богословскаго и были убѣждены, что и само начальство, не исключая и принца, его побаивается; по ихъ мнѣнію, въ совѣтѣ училища Богословскій игралъ, такъ сказать, первую скрипку. Такъ ли это было на самомъ дѣлѣ—не знаю; во всякомъ случаѣ личность Богословскаго, очень замѣчательная, представляла много загадочнаго. Что Богословскій могъ имѣть на молодое поколѣніе вліяніе, это для меня несомнѣнно. Много лѣтъ по выходѣ изъ училища, я встрѣтился съ однимъ изъ болѣе юныхъ правовѣдовъ, который просто молился на Богословскаго и подъ его вліяніемъ сдѣлался религіознымъ фанатикомъ. Религіозный фанатизмъ и свелъ его преждевременно въ могилу.

Русскій языкъ въ двухъ низшихъ классахъ преподавалъ Ивановъ. Въ пятомъ классѣ онъ же преподавалъ реторику, а въ остальныхъ четырехъ высшихъ классахъ русскую словесность читалъ Георгіевскій. Ивановъ, кромѣ того, занималъ должность секретаря совѣта. Воспитанники, не знаю почему, называли его „Окунькомъ“. Ивановъ заставлялъ насъ зубрить грамматику сво-

его сочиненія; изъ ней я помню только эпиграфъ, взятый изъ Ломоносова: „тупа ораторія, косноязычна поэзія, непонятна философія безъ грамматики“. Много изданій выдержала грамматика Иванова, и во времена попечительства Витте въ Царствѣ Польскомъ была очень распространена въ варшавскомъ округѣ; что могли изъ нея вынести поляки—не знаю, они довольны были тѣмъ, что она не объемиста. Руководствомъ въ пятомъ классѣ служила книжка Георгіевскаго; изъ нея мы почерпали свѣдѣнія о гиперболахъ, синекдохахъ, метониміяхъ и тому подобныхъ прелестяхъ. Примѣры тамъ приводились изъ писателей допушкинской и пушкинской эпохи. Нѣкоторые изъ нихъ почему то замѣнялись другими. Между Ивановымъ и воспитанниками существовали хорошія отношенія.

Въ высшихъ классахъ я изучалъ россійскую словесность у Георгіевскаго, прозваннаго воспитанниками батинькой. Георгіевскій былъ наставникомъ Пушкина и сохранялъ до самой смерти должность профессора въ лицеѣ и въ училищѣ правовѣдѣнія. Воспитанники училища должны были зубрить въ пятомъ классѣ, по его руководству, реторику, а затѣмъ, въ старшихъ классахъ, продолжать зубрежъ болѣе объемистаго сочиненія Георгіевскаго: „Руководство къ изученію русской словесности“. Творенія Георгіевскаго у насъ извѣстны были подъ именемъ „малая и большая чепуха“; въ лицеѣ—подъ названіемъ „малой бутылки“ и „большой бутылки кислыхъ щей“. Въ классѣ у Георгіевскаго происходили безобразія невообразимыя. Тишина и порядокъ водворялись только тогда, когда батинька читалъ отрывки изъ писателей. Чтеніе имъ, напримѣръ, ссоры Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ или старосвѣтскихъ помѣщиковъ очень нравилось намъ; въ особенности батинька мастеръ былъ читать басни Крылова. Я помню фуроръ, произведенный имъ чтеніемъ басни „Пустынникъ и Медвѣдь“:—цѣлый классъ оралъ ему браво и бисъ, да такъ, что батинька вынужденъ былъ, для успокоенія класса, прочитать басню во второй разъ.

Батинька задавалъ намъ писать сочиненія на темы очень курьезныя и затѣмъ прочитывалъ ихъ въ классѣ самымъ курьезнымъ образомъ, такъ что авторъ самъ не узнавалъ своего сочиненія. Оцѣнку же онъ производилъ, т. е. выставлялъ баллы, какъ полагали воспитанники, по длинѣ: столько-то аршинъ и столько-

то балловъ. Отвѣчали у батиньки не сходя съ мѣста и нѣкоторые пренахально раскрывали передъ собой книгу и считывали, что̀ вызывало со стороны батиньки замѣчаніе:

— „Господинъ такой-то, да не справляйтесь съ книжицею“.

Не рѣдко батинька принимался усовѣщевать расходившагося шалуна, подзывалъ его къ каѳедрѣ, уговаривалъ остепениться, вести себя лучше и въ заключеніе прибавлялъ: „вѣдь и Пушкинъ былъ сначала ужасный школьникъ, а вѣдь какой изъ него вышелъ поэтъ!“ Иногда батинька пытался усовѣщевать цѣлый классъ и увѣрялъ, что̀ у него въ лицеѣ сидятъ такъ, что слышно какъ муха пролетитъ. По справкамъ оказывалось, что при подобныхъ же обстоятельствахъ въ лицеѣ батинька заявлялъ: „а вотъ у меня въ правовѣдѣніи сидятъ такъ, что слышно какъ муха пролетитъ“. Иногда школяры устраивали батинькѣ бенефисы. Бенефисы бывали со звономъ и безъ онаго. Для бенефиса со звономъ отвинчивалась отъ душника мѣдная чашка и помѣщалась подъ возвышеніе, на которомъ стояла каѳедра; тамъ же закрѣплялась веревка, веревка продѣвалась чрезъ чашку и шла до самой скамьи, на которой сидѣлъ звонарь. Къ веревкѣ привязывалась головка чашки, служившая для прикрѣпленія ея къ стержню выдвижнаго душника; она-то, ударяя по чашкѣ, производила звонъ. Въ классъ приходилъ батинька и садился на каѳедру; нужно замѣтить, что онъ былъ эмфизематикъ и кашлялъ какъ изъ порожней бочки; какъ только начиналъ батинька кашлять, раздавался звонъ и такъ длилось цѣлый урокъ или до тѣхъ поръ, пока забава не надоѣдала самому звонильщику.

Бенефисы безъ звона заключались въ томъ, что встрѣчали батиньку или пѣніемъ „се женихъ грядетъ во полунощи“, или же пѣніемъ передѣлки тріолета, яко-бы сочиненнаго батинькой. Вотъ слова, напѣвавшіяся въ подобномъ случаѣ:

Какъ годъ тебѣ свершится,
Опасенъ будешь ты сердцамъ;
Не даромъ ѳміамъ на алтарѣ любви
Прелестямъ твоимъ курится,
и т. д.

Иногдаже воспитанники становились по пути къ каѳедрѣ въ два ряда и, отвѣшивая нижайшіе поклоны, препятствовали, на каждомъ шагу, двигаться батинькѣ къ каѳедрѣ. Батинька все

это сносилъ терпѣливо, никогда не жаловался начальству, не записывалъ провинившихся предъ нимъ школьниковъ въ журналъ. Удивляешься бывало и недоумѣваешь: доброта ли это души или что иное? Впрочемъ въ отмѣстку за школьничанье, едва-ли не батинька окрестилъ послѣднія скамьи прозвищемъ: запорожье; фактъ тотъ, что названіе это намъ сдѣлалось извѣстнымъ только въ четвертомъ классѣ.

Фигуру Георгіевскаго я живо помню до сихъ поръ. Это былъ старикъ средняго роста, цвѣтъ лица точно такой, какой византійскіе иконописцы изображаютъ на ликахъ святыхъ. Волосы подозрительно темнаго цвѣта, височки тщательно зачесаны впередъ. На обѣихъ сторонахъ головы по пробору. Часть волосъ отъ нихъ зачесана къ верху и загнута внутрь для прикрытія дефицита волосъ на темянной части, что̀ придавало странный видъ передней части куафюры. Прическа эта напоминала бывшую когда-то, въ давнія времена, въ модѣ прическу à la girafe. Платье напоминало костюмъ элеганта начала текущаго столѣтія, галстухъ громадный, двухъ-этажный, воротникъ вицъ-мундира на спинѣ и плечахъ круто-выгнутый, подложенъ былъ толстымъкартономъ или, какъ увѣряли воспитанники, бѣлою жестью. Рукава длинные,— изъ нихъ высовывались лишь концы пальцевъ, фалды заходили одна на другую. Жилетъ напоминалъ камзолъ, и брюки съ клапаномъ. Изъ бѣлья виднѣлась только бѣлая манишка чуть-ли не съ брызжами. Однимъ словомъ, костюмъ, подобный батиньконому, рѣдко встрѣчался даже въ то время на комъ либо въ Петербургѣ, а теперь его и вовсе не видно, да и портные окончательно разучились кроить и шить подобные костюмы.

Латинскій языкъ въ трехъ низшихъ классахъ преподавалъ Михлеръ, а въ четырехъ старшихъ — профессоръ Шнейдеръ. Михлеръ представлялъ изъ себя толстенькую, кругленькую, небольшаго роста, сѣденькую фигурку. Прозывали его воспитанники мартышкой. По поводу этого прозвища случился въ нашемъ классѣ такой казусъ: въ числѣ моихъ товарищей былъ Успенскій, очень маленькаго роста, ну, такого маленькаго роста, что могъ спрятаться въ ящикѣ школьнаго стола. Успенскій какъ-то запоздалъ на урокъ Михлера и, не подозрѣвая, что Михлеръ сидитъ на каѳедрѣ, входитъ въ классъ. Отворяя классную дверь, Успенскій громогласно возвѣстилъ классу:

— „Господа, Мартышка еще не пришла?“, и былъ крайне удивленъ, когда съ каѳедры услыхалъ въ отвѣтъ:

— „Ну, нѣтъ, ты ошибаешься, Мартышка тутъ какъ тутъ“.

При этомъ мнѣ припоминается еще казусъ, бывшій въ классѣ Михлера. На первомъ урокѣ, дѣлая перекличку, доходитъ онъ до воспитанника по фамиліи Принцъ.

— „Вы какой принцъ?“ спрашиваетъ Михлеръ и получаетъ самый положительный отвѣтъ:

— Я не родственникъ его высочества, мой отецъ главный докторъ Павловскаго корпуса.

У Михлера занимались мы чтеніемъ басенъ Федра. Въ числѣ этихъ басенъ воспитанники выкопали басню подъ заглавіемъ: Meretrix et juvenis и не разъ приставали къ учителю—когда-же мы будемъ ее переводить, или: что значитъ слово meretrix? Михлеръ отдѣлывался на подобные вопросы словами: „ну, ты уменъ“, или: „лучше меня знаешь, что такое meretrix“. Для изученія грамматическихъ правилъ руководствомъ служила книга Кюнера, тогда еще не переведенная на русскій языкъ, и изъ этой книги мы должны были задалбливать правила и исключенія, а также дѣлать письменныя упражненія; это была чистая бѣда. Должно быть, въ то время начальство наше не было еще убѣждено въ томъ, что нельзя изучать чужой языкъ при помощи руководствъ, составленныхъ не на родномъ языкѣ.

Съ четвертаго класса начиналось преподаваніе латинскаго языка у профессора Шнейдера и оно имѣло совсѣмъ иной характеръ. На первомъ же урокѣ Шнейдеръ продиктовалъ намъ по русски біографію Плинія Младшаго, чьи письма мы должны были читать; біографію мы должны были перевести на латинскій языкъ; разборъ этихъ переводовъ, поправка ихъ и разныя комментаріи служили предметомъ нѣсколькихъ уроковъ. Затѣмъ, приступили къ чтенію самихъ писемъ; изъ нихъ Шнейдеръ выбиралъ наиболѣе интересныя, напримѣръ, письмо о гибели при изверженіи Везувія Плинія Старшаго; переписка съ Трояномъ о христіанахъ. Чтенія эти не были сухимъ переводомъ. Шнейдеръ пояснялъ ихъ разсказами о разныхъ эпизодахъ римской жизни, о нравахъ римлянъ и т. п. Многое изъ разсказовъ Шнейдера до сихъ поръ сохранилось въ моей памяти. У старика-профессора иногда показывались слезы при разсказахъ о тяжеломъ положеніи рабовъ въ Римѣ, когда раба, за разбитіе вазы, бросали

на съѣденіе муренъ. Многимъ, многимъ эти слезы казались смѣшными, но на меня подобные разсказы производили глубокое впечатлѣніе.

Со школьной скамьи изъ класса Шнейдера я попалъ въ Петербургскомъ университетѣ въ аудиторію Лапшина, считавшагося и знатокомъ, и отличнымъ преподавателемъ латинскаго языка. Но увы! какая громадная разница между преподаваніемъ Шнейдера и Лапшина! У послѣдняго я не замѣчалъ ни малѣйшаго поползновенія на разъясненіе древне-римскаго міра; все вниманіе его сосредоточивалось на словоударенiи и бѣда была сдѣлать ошибку противъ правилъ послѣдняго. Читалъ Лапшинъ съ натуралистами Салюстія и началъ съ того, отъ чего у Салюстія стоитъ omnis homines qui... а не omnes, какъ-бы слѣдовало быть по грамматикѣ Лапшина. Приводились различныя разъясненія нѣмецкихъ ученыхъ, не желавшихъ помириться съ тѣмъ, что Салюстій по ошибкѣ, а можетъ быть и переписчики по безграмотности поставили omnis вмѣсто omnes. Эти толки наводили на меня скуку и уныніе. У Лапшина на экзаменѣ бѣда была не знать или забыть значеніе слова, встрѣчающагося въ переводѣ. Правда, у него на экзаменѣ переводили только тѣ главы писателя, которыя были прочитаны съ нимъ въ теченіи года. У Шнейдера воспитанникъ четвертаго класса долженъ былъ переводить à livre ouvert того писателя, который читался въ теченіи года, и Шнейдеръ готовъ былъ сообщить значеніе неизвѣстныхъ воспитаннику словъ, сколько бы ихъ ни встрѣтилось въ переводѣ. Еще разъ повторяю, что преподаваніе Шнейдера сильно мнѣ врѣзалось въ память.

Обращаюсь къ Михлеру. Онъ какъ-то странно окончилъ свою карьеру. Мы возвратились съ каникулъ по переходѣ изъ пятаго въ четвертый классъ. Михлера уже не было въ училищѣ, онъ исчезъ. Преподаваніе латинскаго языка въ низшихъ классахъ перешло въ руки Носова; куда дѣвался Михлеръ—никто изъ насъ не зналъ; толки относительно его исчезновенія были разные; одни говорили, что онъ утонулъ на дачѣ, другіе—что на охотѣ въ лѣсу медвѣдь его задралъ... Какъ бы то ни было, онъ можетъ быть и утонулъ вслѣдствіе неосторожности, можетъ быть попалъ въ лапы медвѣдя, но можно положительно утверждать, что онъ не погибъ вслѣдствіе неблагонадежности въ волнахъ житейскаго моря.

III.

Исторію преподавали въ училищѣ Налетовъ, Брутъ и Шульгинъ.

О первомъ сохранилось въ моей памяти прозвище, данное ему воспитанниками (крокодилъ), и страсть за ничтожнѣйшіе проступки записывать воспитанниковъ въ журналъ и ставить имъ дурныя отмѣтки, что̀ влекло за собою лишеніе отпуска въ воскресный день. Въ праздничные дни наибольшее число воспитанниковъ оставалось безъ отпуска изъ-за Налетова. Налетовъ, бывало, поставитъ отмѣтку пять въ мѣсячную вѣдомость и пол учившій таковую сидитъ безъ отпуска до тѣхъ поръ, пока не получитъ лучшей. Налетовъ, видимо, старался продержать получившаго неудовлетворительную отмѣтку подолѣе въ училищѣ. Просьбы переспросить, чтобы получить лучшую отмѣтку, на него не дѣйствовали...

Брутъ читалъ исторію въ пятомъ и четвертомъ классахъ. Это былъ небольшаго роста, сѣдой, подслѣповатый, добрый старикъ, но читалъ лекціи убійственно; за то его никто не слушалъ. Воспитанники удостоивали вниманіемъ только лекцію его объ открытіи Америки или, вѣрнѣе сказать, ту часть ея, когда онъ разсказывалъ, что испанцы, плывшіе съ Христофоромъ Колумбомъ, увидавъ землю, кричали: „эё... земля, эё... берегъ!“

Въ трехъ старшихъ классахъ читалъ исторію Иванъ Петровичъ Шульгинъ, тайный совѣтникъ, являвшійся на лекціи разукрашенный звѣздами. Къ воспитанникамъ онъ обращался: „ну, мой милый“. На лекціяхъ плевался и немилосердно нюхалъ табакъ. Между воспитанниками ходила такая легенда о Шульгинѣ: во время оно Иванъ Петровичъ читалъ лекцію, плевалъ на кафедру, нюхая табакъ, просыпалъ его мимо носа и такую развелъ грязь на возвышеніи, на которомъ стояла кафедра, что, вслѣдъ за нимъ читавшій лекцію профессоръ Гриммъ въ этой грязи промочилъ ноги, получилъ простуду и отправился ad patres.

Должно отдать Шульгину справедливость, что онъ читалъ съ толкомъ, чувствомъ и разстановкой. Но исторія его не шла, если не ошибаюсь, далѣе начала текущаго столѣтія; во всякомъ слу-

чаѣ, она прерывалась на вѣнскомъ конгрессѣ. Замѣчательно, что въ училищѣ не было особой кафедры для русской исторіи: она входила въ курсы Брута и Шульгина.

Географію въ училищѣ преподавали Кайпшъ, нашъ воспитатель, и Вранкенъ, статскій совѣтникъ, прозванный воспитанниками Генераломъ. Въ седьмомъ классѣ Кайпшъ преподавалъ нѣчто претендовавшее на математическую географію. Что могли вынести его ученики, математическія свѣдѣнія коихъ не шли далѣе дробей—единому Господу извѣстно. Кайпшъ толковалъ и о системахъ Птоломея, Тихо-де-Браге и Коперника, но я полагаю, что едва-ли кто изъ моихъ товарищей постигалъ разницу между упомянутыми системами. Изъ всего курса у меня сохранилось въ памяти слово Альдебаранъ, да законъ Боде; болѣе я ничего не помню. Политическую географію проходили, если не ошибаюсь, по руководству Ободовскаго. Генералъ Вранкенъ преподавалъ въ пятомъ классѣ географію Россіи, а въ четвертомъ—статистику Россіи. Генералъ обижался, когда школьники увѣряли, что въ гербѣ Россійской имперіи, на груди двуглаваго орла, изображенъ драгунъ на бѣломъ конѣ... Статистика Вранкена вовсе не походила на ту статистику, съ которой мнѣ пришлось познакомиться впослѣдствіи. Статистика Вранкена была нѣчто своеобразное, оригинальное, въ которой законъ большихъ чиселъ не имѣлъ приложенія; за то она представляла множество мнемоническихъ кундштюковъ. Я и теперь помню, какъ при посредствѣ фразы: адмиралъ Васильевъ пріѣхалъ изъ Выборга въ каретѣ въ Петербургъ на Рождество, заучивались названія петербургскихъ частей Петербурга.

Математику, т. е. ариѳметику, алгебру и геометрію (въ мое время тригонометрія не входила въ курсъ наукъ училища) преподавали Семеновъ, Андреевъ, а по оставленіи этимъ послѣднимъ училища — Дитрихсъ. Предметы эти считались воспитанниками трудными, а преподаватели ихъ—строгими. Семеновъ преподавалъ какъ-бы читая лекціи, не заботясь вовсе о томъ, какъ они будутъ усвоены воспитанниками. Упражнять насъ въ рѣшеніи задачъ онъ не любилъ. Иногда онъ гнѣвался за незнаніе урока и въ классѣ алгебры слышались его гнѣвные возгласы: „да не a, да не b, да не c“, и такъ доставалось всей французской азбукѣ, только потому, что слѣдовало сказать a со знакомъ.

Помню, какъ-то разъ, въ седьмомъ классѣ, мой землякъ, Вельяминовъ, ухитрился во время урока налить Семенову въ перчатку чернилъ. По окончаніи урока, надѣвая перчатку, Семеновъ ощутилъ мокроту на рукѣ и слѣды чернилъ. Не помню хорошо, какъ удалось ему замѣтить виновнаго. Разсерженный мазнулъ раза два по физіономіи школяра перчаткой и потащилъ къ дежурному воспитателю. Бывшій въ тотъ день дежурнымъ Каратаевъ попробовалъ успокоить Семенова тѣмъ, что высѣчемъ завтра виновнаго, на что послѣдовала просьба Семенова: „да нельзя-ли сейчасъ?“ Каратаевъ отдѣлался отъ Семенова замѣчаніемъ, что сейчасъ этого сдѣлать нельзя, сами знаете, воспитанники сейчасъ пойдутъ ко всенощной (дѣло было въ субботу), а завтра мы непремѣнно выдеремъ... Между воспитанниками ходило преданіе, что однажды въ пятомъ классѣ сговорились задать бенефисъ Семенову. Входитъ въ классъ Семеновъ когда ламповщикъ зажигалъ лампы. При входѣ Семенова началось стучаніе ногами; Семеновъ посмотрѣлъ на воспитанниковъ и обратился къ нимъ со словами: „мессье, фи донкъ деванъ лэ жансъ“... Слова эти, сказанныя ломаннымъ французскимъ языкомъ, произвели свое дѣйствіе: тишина и порядокъ мигомъ водворились въ классѣ и бенефисъ прекратился самъ собою.

И. А. Тютчевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Примите дивное посланье
Изъ края дальняго сего;
Оно не Павлово писанье —
Но почта вамъ отдастъ его.
Уфъ! какъ скученъ этотъ городъ,
Съ своимъ туманомъ и водой!..
Куда ни взглянешь, красный воротъ
Какъ шишъ торчитъ передъ тобой;
Нѣтъ милыхъ сплетенъ — все сурово,
Законъ сидитъ на лбу людей;
Все удивительно, и ново —
А нѣтъ ни пошлыхъ новостей!
Доволенъ каждый самъ собою
Не безпокоясь о другихъ,
И что у насъ зовутъ душою,
То безъ названія у нихъ!....

— И наконецъ я видѣлъ море,
Но кто поэта обманулъ?...
Я въ роковомъ его просторѣ
Великихъ думъ не почерпнулъ;
Нѣтъ! какъ оно я не былъ воленъ;
Болѣзнью жизни, скукой боленъ,
(Назло былымъ и новымъ днямъ)
Я не завидовалъ какъ прежде,
Его серебряной одеждѣ,
Его бунтующимъ волнамъ. —

Экспромтомъ написалъ я
вамъ эти стихи, любезная
Софья Александровна, и не=
имѣю духу продолжать такимъ
образомъ — въ самомъ дѣлѣ; не знаю
отъ чего, поэзія душевная погасла;

По произволу дивной власти
Я выкинутъ изъ царства страсти,
Какъ послѣ бури на песокъ
Волной разшибенный челнокъ;
Пускай приливъ его ласкаетъ;
Не вѣритъ ласкѣ онъ нейдетъ;
Свое безсиліе онъ знаетъ,
И притворяется что спитъ;
Никто ему не ввѣритъ болѣ
Себя и ношу дорогой;
Онъ негодится и на волѣ!
Погибъ — и данъ ему покой! —

Мнѣ кажется что это недурно вышло;
пожалуйста оторвите этого
письма на нужные вещи. —
впрочемъ еслибъ я началъ писать къ
вамъ за часъ прежде, то быть можетъ
написалъ бы вовсе другое;

каждый смотръ у меня новые фантазіи...

— прощай мой драгоценный;

— Я къ вамъ писалъ изъ Твери, ~~[illegible]~~ и оттуда — а досихъ поръ не получилъ отвѣта — стыдно — однако и прощаю..

— и прощаюсь —

M Lerma —

Поклонись и всѣмъ нижайшее мое почтеніе —

— пиши что дѣлается и слышится, и говорится.

у Давыдовой былъ, дома не засталъ; она была у начальника директоршъ, — богъ знаетъ; — я письма не отдалъ и надѣюсь въ пору отдать. — нѣтъ слишкомъ большаго влеченія къ обществу: надоѣло! — Всё таки, такая тоска хоть бы чертъ для смѣха попадался.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» ИЗД. 1884 Г.

¶ СНИМОКЪ СЪ ПОДЛИННАГО ПИСЬМА М. Ю. ЛЕРМОНТОВА.

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 29 ДЕКАБРЯ 1883 Г.

ФОТОЛИТОГРАФИРОВАНО
ВЪ ЭКСПЕДИЦІИ ЗАГОТ. ГОСУД. БУМАГЪ.

О ВОЗОБНОВЛЕНІИ ПАМЯТНИКА НА ОБЩЕЙ МОГИЛѢ

АРТЕМІЯ ВОЛЫНСКАГО, ЕРОПКИНА И ХРУЩОВА

† 27-го іюня 1740 г.[1]).

Памятникъ этотъ оканчивается отдѣлкой въ мастерской А. Н. Соколова (отливается имъ барельефъ). Такъ какъ подписка на возобновленіе сего памятника закончена, то мы считаемъ необходимымъ теперь же помѣстить здѣсь отчетъ о приходѣ и расходѣ собранной нами суммы.

Первая статья о могилѣ Волынскаго помѣщена въ „Русской Старинѣ“ въ маѣ 1883 г. Въ іюнѣ получено первое пожертвованіе на возобновленіе на могилѣ этого памятника (отъ М. И. Городецкаго и К. К. Миллера)—десять руб. Затѣмъ, какъ видно изъ печатанныхъ нами въ „Русской Старинѣ“ съ окт. 1883 г. по сентябрь 1885 г. списковъ, нижепоименованныя лица прислали на возобновленіе памятника пожертвованія:

Л. Ѳ. Абатуровъ — 10 р. (Спб.), Андріановы — 2 р. (Москва), П. А. А — въ—2 р., В. С. Балашовъ—25 р. (Спб.), П. П. Баресковъ — 3 р. (Спб.), Н. Л. Бенуа—5 р. (Спб.), Ад. П. Берже—10 р. (Тифлисъ), Г. В. Бирюковъ—1 р. (ст. Ладожская, Кубанск. обл.), И. Н. Божеряновъ — 3 р. (Спб.), Д. А. Булатовъ—10 р. (Ростовъ, Ярославской губ.), В. А. Васильевъ—9 р. (Полтавской губ.), А. П. Вахрушина—10 р. (Москва), С. П. Волосатова—1 р. (Саратовской губ.), Варгунинъ—50 р. (Спб.), г. Гаринъ—1 р. (Спб.), Еф. Гр. Гвоздиковъ—2 р. (Харьковъ), И. И. Глазуновъ — 150 р. (Спб.), В. Е. Головинъ—5 р. (Спб.), М. И. Городецкій 5 р.—(Спб.), В. А. Дашковъ—10 р. (Москва), И. И. Домонтовичъ—3 р. (Спб.), П. М. Еропкинъ—25 р. (Тверь), Сергѣй Жегаловъ—5 р.; Г. А. Залюбовскій—1 р. (Екатеринославъ), Д. И. Ило-

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1883 г., томъ XXXVIII, май, стр. 464—471; томъ XL, октябрь и ноябрь, стр. 269—271 и 498; декабрь, стр. 723—724; изд. 1884 г., т. XLI, январь, стр. 224; февраль, стр. 460; мартъ, стр. 666; т. XLII, апрѣль, стр. 221; май, стр. 407; іюнь, стр. 671; т. XLIII, августъ, стр. 448; сентябрь, стр. 676; т. XLIV, октябрь, стр. 194; ноябрь, стр. 444; декабрь, стр. 624; изд. 1885 г., т. XLV, январь, стр. 244; февраль, стр. 477; мартъ, стр. 716; т. XLVI, апрѣль, стр. 228; май, стр. 448; іюнь, стр. 663 т. XLVII, іюль, стр. 184; сентябрь, стр. 466; т. XLVIII, октябрь, стр. 17.

вайскій—10 р. (Москва), В. С. Иконниковъ—10 р. (Кіевъ), Н. А. Кирпловичъ—5 р. (Новоалександрія), Н. П. Конопатовъ—200 р. (Москва), Ив. Котляревскій—20 р. (Екатеринбургъ), Д. А. Корсаковъ—20 р. (Казань), свящ. Н. Коровшевъ—5 р. (село Картоузъ), А. С. Лацинскій—2 р. (Спб.), Ломоносовъ—11 р. 25 к. (Спб.), П. К. Ловгиновъ—5 р. (Спб.), К. К. Миллеръ—5 р. (Спб.), Т. М.—1 р. 60 к., И. К. Назаровъ—10 р. (Майкопъ), А. Н. Никитинъ—5 р. (Спб.), В. Поповъ—3 р., М. И. Семевскій—140 р., С. П. Селифонтова (мать и опекунша малолѣтней Натальи Сергѣевны Селифонтовой, изъ рода Волынскаго)—1,000 р. (Спб.), И. А. Тарасевичъ—3 р. (г. Остроленка), П. Е. Татариновъ—34 р. (Спб.), Д. Д. Траскинъ—5 р. (Тамбовской губ.), В. Ф. Тхоржевскій—2 р. 40 к. (г. Петроковъ), П. В. Трачевскій, прот.—3 р. (г. Кронштадтъ), С. В. Упковскій—5 р. (Спб.), Илья Федоровскій—5 р. (г. Одесса), П. Х.—3 р., А. А. Чумиковъ—10 р. (г. Ревель), г. Шестаковъ—8 р., М. Н. Шляпинъ—1 р. (Перм. губ.), г. Шпльдеръ—10 р. и г. Якушкинъ—10 рублей.

А всего отъ пятидесяти четырехъ лицъ получено тысяча девятьсотъ руб. двадцать пять копѣекъ (1,900 р. 25 к.).

Изъ этой суммы произведенъ, по 1-е ноября 1885 г., расходъ:

Мастеру А. Н. Соколову за сооруженіе изъ бронзы памятника	1,100 р.
Тимоѳею Вахрамову за бутовую плиту	70 „
М. А. Щурупову для уплаты рабочимъ-каменьщикамъ .	50 „
А всего израсходовано .	1,220 р.
Остается на лицо	680 „ 25 к.

Изъ этой суммы, по окончаніи А. Н. Соколовымъ сооруженія памятника и постановки его на мѣсто, имѣютъ быть уплочены ему остальные по условію, съ нимъ заключенному,... 500 руб.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

помѣщены въ «Древн. и Нов. Россіи», «Русскомъ Архивѣ» и «Памятникахъ нов. русской исторіи». Эти очерки слѣдующіе: «Іоасафъ Батуринъ» (эпизодъ изъ исторіи царств. Елисаветы Петровны), «Узникъ Спасо-Евѳиміева монастыря», «Князь Г. Г. Орловъ», «Гатчинскія преданія объ Орловѣ», «Батюшковъ и Опочининъ» (слѣдственное дѣло о говореніи важныхъ злодѣйствен. словъ), «Шкловскіе авантюристы».

Земскіе соборы древней Руси. В. Н. Латкина. Ист.-юридич. изслѣдованіе. Спб. 1885. 440 стр. Ц. 3 р.

Въ одной изъ предъидущихъ замѣтокъ намъ приходилось говорить о «Матеріалахъ для исторіи земскихъ соборовъ», изданныхъ тѣми же авторами; надняхъ появилось и самое изслѣдованіе, впервые представляющее полный историческій обзоръ образованія и развитія этого замѣчательнаго явленія древней Руси. Предшествовавшіе изслѣдователи касались лишь отдѣльныхъ сторонъ предмета или представляли общіе очерки, не имѣя въ виду исчерпать вопросъ вполнѣ. Авторъ задался, напротивъ, спеціальною цѣлью изученія земскихъ соборовъ; обратилъ вниманіе на нѣкоторыя данныя, оставшіяся нетронутыми предшествовавшими изслѣдователями, и сообщилъ новые матеріалы, о которыхъ мы упоминали. Въ своемъ изслѣдованіи онъ разсматриваетъ: соборы при Иванѣ IV; въ смутное время; при Мих. Ѳеодоровичѣ; при Алексѣѣ Михайловичѣ, послѣдніе соборы; мнѣнія о нихъ; организацію и компетенцію соборовъ. Рядомъ съ этимъ у автора идутъ очерки представительства у другихъ славянскихъ и западныхъ народовъ; литература предмета изучена имъ съ необходимою полнотою и обстоятельностію; сдѣлано освѣщеніе фактовъ и даны необходимыя (иногда новыя) точки зрѣнія въ сомнительныхъ вопросахъ; тѣмъ не менѣе, при нынѣшнемъ состояніи литературы матеріаловъ, самый вопросъ нельзя считать еще исчерпаннымъ и не требующимъ новыхъ розысканій и изслѣдованія; быть можетъ таково свойство уже самаго вопроса, заманчиваго по существу и важнаго по своимъ выводамъ. Къ книгѣ сдѣланы нѣкоторыя приложенія: это документы о мятежѣ 1648 г., извлеченные изъ моск. арх. мин. юстиціи, и актъ собора 1653 г. (о литовскихъ и малороссійскихъ дѣлахъ), изъ москов. архива мин. иностранныхъ дѣлъ.

Витовтъ и его политика до Грюнвальденской битвы, 1410 г. Соч. А. Борбашева. Спб., 1885. 165 стр. Ц. 1 р. 50 коп.

Исторія Литвы все больше и больше обращаетъ на себя вниманіе нашихъ ученыхъ. Недавно, на страницахъ библ. листка, мы указали на новый трудъ въ этой области, скромно названный авторомъ — Замѣтки на трудъ Н. П. Дашкевича; а надняхъ появилась снова книга, посвященная тому же предмету, заглавіе которой мы выписали выше. Сочиненіе это состоитъ изъ введенія, въ которомъ сообщается краткое обозрѣніе источниковъ и пособій, и пяти главъ. Первая глава посвящена очерку общаго строя Литвы, въ которомъ отведено подобающее мѣсто русской народности и указано значеніе Витовта въ общей судьбѣ этой страны. Остальныя главы посвящены дѣятельности Витовта, преимущественно въ его отношеніяхъ къ Нѣмецкому ордену, Польшѣ, Москвѣ и татарамъ. Въ значительной степени строемъ государства и этими отношеніями опредѣлилась вся политика Витовта, который, по словамъ автора, старался создать внутреннюю силу великаго русско-литовскаго княжества уничтоженіемъ удѣловъ и уравненіемъ правъ всѣхъ подданныхъ безъ различія народностей и вѣры и пріобрѣтаетъ перевѣсъ и внѣшнее могущество надъ своими сосѣдями, никогда не допуская ихъ до совмѣстныхъ враждебныхъ дѣйствій противъ Литвы.

Въ концѣ книги приложены ряды критическихъ изслѣдованій по разнымъ частнымъ вопросамъ, а именно: 1) о поставленіи Григорья Цимблака въ митрополиты; 2) о крещеніи Витовта; 3) объ ошибочномъ мнѣніи, будто Скиргелло былъ великимъ княземъ Литвы; 4) о грамотѣ Витовта Свидригелло и Андрею Василло; 5) о князѣ Вигундѣ; 6) о Подоліи.

Помимо печатныхъ трудовъ, авторъ пользовался рукоп. Публичной библіотеки, Румянцовскаго музея и Литовскою метрикою, хранящеюся въ Сенатѣ. В. И.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1886 г.

СЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою.

Подписка принимается для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Невскій просп., противъ Гостиннаго двора, д. № 46, книжный магазинъ г. **ЦИНЗЕРЛИНГА.**

Въ Москвѣ — въ отдѣленіи конторы, при книжномъ магазинѣ **Ник. Ив. Мамонтова**, на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

☛ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала „**Русская Старина**“, на Большую Подъяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ. — IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ; переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ. — V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошл. времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получить въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

„Русская Старина“ 1870 г., третье изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1876 г., второе изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1877 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1878 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1879 г., двѣнадцать книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
„Русская Старина“ 1880 г., второе изд., 12 книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
„Русская Старина“ 1881 г., 12 кн. (*81 экз.*), съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1882 г., 12 кн. (*11 экз.*), съ 12-тью портр., 9 руб.
„Русская Старина“ 1883 г., 12 кн. (*49 экз.*), съ 17 портр. и рис., 9 руб.
„Русская Старина“ 1884 г., 12 кн., изданіе второе, съ портр., 9 руб.
„Русская Старина“ 1885 г., 12 книгъ, съ портретами, 9 руб.

Издатель-редакторъ **Мих. Ив. Семевскій.**

Центральн[illegible]
Библ[illegible]
[illegible]
Профессиональ[illegible]

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
ОБОЗНАЧЕННОГО ЗДЕСЬ СРОКА.

~~К13 24Б~~				
383-201				
		IVII		